

М. Н. ТИХОМИРОВ

ИСТОЧНИКО- ВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

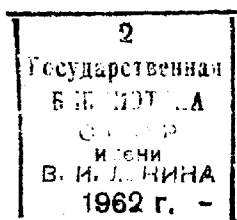
С ДРЕВНЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ
ДО КОНЦА XVIII ВЕКА

●
УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1962

901
Т 46

Допущено Министерством высшего и среднего
специального образования РСФСР
в качестве учебного пособия для университетов

64785

2007088820

ПРЕДИСЛОВИЕ

Источниковедение СССР давно уже заняло видное место в преподавании исторических предметов как дисциплина, формирующая научную подготовку историков. Источниковедение в одинаковой мере необходимо и для научных работников, и для преподавателей высшей и средней школы, и для более широкого круга читателей, так как оно неизбежно связано с изучением всего комплекса того материала, на котором зиждется наше представление о прошлом.

Курс источниковедения до конца XVIII в. разделен на четыре раздела.

В первый раздел входят источники по истории стран и народов на территории СССР с древнейшего времени до конца XIII в. Сюда же входят и источники по истории Киевской Руси. Этот ранний период характеризуется малочисленностью источников и преобладанием повествовательных произведений.

Во второй раздел выделены источники по истории России в XIV—XVII вв.

Третий раздел объединяет источники по истории Украины, Белоруссии и народов СССР в XIV—XVII вв. При этом источники по истории Украины, Белоруссии и Литвы выделяются в особые главы. Это обосновывается тем, что названные страны долгое время находились в составе двух государств — Польского королевства и Литовского великого княжества, соединенных унией, а с 1569 г. — в составе одного государства — Речи Посполитой.

В четвертый раздел вошли источники по истории России в XVIII столетии. Актовые источники этого века

довольно резко отличаются от предыдущих и последующих своими видами и их названиями. Большинство источников по истории России XVIII в. до сих пор остаются неопубликованными. В силу этого несколько изменено и само построение глав, в которых обращается большое внимание на неопубликованные материалы, хранящиеся в архивах. Отсутствие трудов по дипломатике XVIII в. крайне затруднило характеристику источников этого столетия.

Конечно, курс источниковедения не может исчерпывающе охватить все источники по истории СССР в виду их обилия. Поэтому из их числа выбраны только наиболее значительные, а второстепенные опущены совсем. Это диктуется прежде всего самим характером учебного пособия, которое рассчитано на усвоение студентами знания основных источников. Простое перечисление источников, о которых было бы сказано лишь несколько строк, практически бесполезно для студента.

В курсе источниковедения основной упор сделан на изучение источников на русском, украинском и белорусском языках. Это сделано не только потому, что Россия, Украина и Белоруссия занимали выдающееся место в истории СССР, но и потому, что источники на русском, украинском и белорусском языках доступны для их изучения более широкому кругу читателей, чем источники, написанные на языках других народов СССР. К тому же сведения об узбекских, армянских и других источниках в данном курсе источниковедения даются только на основании переводов, а не подлинников, что само по себе лишает студентов возможности углубить свои знания. Нет никакого сомнения в том, что наряду с общим курсом источниковедения СССР в университетах союзных и автономных республик должны читаться специальные курсы по источниковедению народов на родном языке. Создание таких курсов — очередная задача.

В нашем издании к каждому из параграфов приложена соответствующая литература, однако в ограниченных размерах и по преимуществу новейшая, так как именно в новейшей исторической литературе отражена та громадная работа, которую советские ученые провели для критики исторических источников на основании руководящих трудов классиков марксизма-ленинизма.

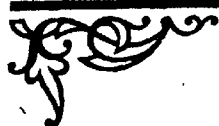
При цитировании текстов соблюдалось такое правило: тексты, цитируемые по источникам, даются в кавычках, переводы со старых русских, украинских и белорусских текстов приводятся без кавычек.

Текст пособия написан М. Н. Тихомировым на основе курса источниковедения, изданного в 1940 г.

Главы XXIII и XXIV написаны М. Т. Белявским с использованием текста М. Н. Тихомирова, глава XXV написана М. Т. Белявским. Параграф о Баркулабовской летописи написан А. Н. Мальцевым, параграф о литовской метрике — Н. Н. Улащиком, параграф о материалах ревизий — В. М. Кабузаном, параграф о материалах генерального межевания — Л. В. Миловым, сведения о материалах магистратов написаны А. В. Муравьевым.

Автор приносит благодарность товарищам, рецензировавшим текст этой книги, профессорам, доцентам и научным сотрудникам исторического факультета Московского университета: А. В. Арциховскому, М. Т. Белявскому, А. Д. Горскому, Н. Б. Голиковой, А. К. Леонтьеву, А. Н. Мальцеву, А. В. Муравьеву, Г. А. Новицкому, П. Г. Рындзюнскому.

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

§ 1. ПОНЯТИЕ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Под историческим источником понимают всякий памятник прошлого, свидетельствующий об истории человеческого общества. Историческими источниками являются рукописи, печатные книги, здания, предметы обихода, древние обычаи и т. д., одним словом, все остатки прошлой жизни. Без изучения исторических источников и без критического к ним отношения ни один исследователь не может выполнить свою работу на высоком уровне. Слабое место многих исследований заключается в некритическом, неумелом или пристрастном использовании источников. От критического анализа источников, от умения их правильно оценить и использовать зависит успех исследования. Только ознакомившись с источниками, выяснив себе их значение, зная их объем и содержание, мы можем составить себе точное представление об исторических фактах.

От исторического источника иногда отличают историческое пособие, основанное на том или другом историческом источнике. Так, «Сказание Авраамия Палицына» и другие повести, относящиеся к эпохе крестьянской войны и интервенции начала XVII в., являются историческими источниками; труд же, основанный на изучении этих и других источников (например, «Очерки по истории смуты...» С. Ф. Платонова), является не историческим источником, а историческим пособием.

Разграничение это, однако, несколько условно. Так, при утере подлинных документов первоначальное исто-

рическое пособие может сделаться историческим источником. «История Российская» В. Н. Татищева, например, написана на основе ряда погибших источников. Она является для нас единственным историческим источником в тех частях, где Татищев сохранил нам записи, сделанные на основании исчезнувших документов. Там же, где Татищев пользуется летописями, которые известны нам в подлинниках, мы обращаемся за непосредственным свидетельством об исторических фактах не к труду Татищева, а к этим документам. Сама же «История» Татищева в целом представляет собой источник для изучения историографии¹ XVIII в., давая понятие об исторических воззрениях этого времени. Таким образом, один и тот же исторический памятник может являться и пособием и источником. Поскольку каждый автор, пользуясь историческим источником, вносит в него свои толкования, иногда не соответствующие источнику, историк в первую очередь должен строить свои выводы на непосредственном знакомстве с источником, а не с его передачей у того или иного автора.

При работе над письменными историческими источниками надо иметь в виду, что они дошли до нас в разных видах: в виде акта, рассказа, записи и т. д. Под актом понимается «документ, протокол, запись о каком-либо юридическом факте, например о сдаче или приемке дел, облеченное в форму закона, указа, постановления, приказа и т. п. решение, содержащее те или иные правила поведения людей»². Подлинные акты, дошедшие до нашего времени (русские грамоты, украинские привилегии и т. д.), являются непосредственным отражением того или иного события, имея в силу этого особую достоверность. Иной характер имеют повествовательные (нарративные) исторические источники (летописи, хроники, исторические труды и пр.). Они сохранили так называемую историческую традицию, т. е. отражение какого-либо исторического факта в источнике, явившееся как результат того впечатления, какое то

---

¹ Рассмотрением различных течений исторической мысли занимается особая дисциплина — историография.

² См. подробнее Малую Советскую Энциклопедию.

или иное событие произвело на современников или потомков. Повествовательные источники передают историческое событие в том виде, как оно преломилось в сознании людей (авторов летописей, исторических сочинений, мемуаров, сказителей былин и т. п.). В летописях, например, имеются сведения о завещаниях великих князей XIV—XV вв., но у нас сохранились и подлинники завещаний. Летописные сведения о завещаниях содержат исторические традиции, а подлинники завещаний — акты являются юридическими документами определенной исторической эпохи.

Исторические подлинники являются более достоверным материалом, чем историческая традиция, но их значение для истории относительно ограничено, например акты, как правило, охватывают лишь небольшой круг исторических явлений. Кроме того, акты отличаются сухостью и односторонностью изложения. Например, ценнейшими историческими источниками являются жалованные грамоты великих князей, но самое полное собрание их не дало бы возможности построить связную историю того или иного княжества. Здесь на помощь приходят летописи и сказания. Без помощи исторической традиции невозможно было бы написать историю народов. Поэтому историк должен пользоваться как историческими подлинниками, так и исторической традицией, подвергая их соответствующей критике, так как и акт может заключать неверные и даже подтасованные сведения, блестящим примером чего могут служить царские манифесты.

Исторические источники могут быть разделены на пять основных видов: 1) вещественные, 2) этнографические, 3) лингвистические, 4) устные и 5) письменные. Развитие техники привело к появлению новых видов источников, какими являются фотографии, кинофильмы, звуковые записи и т. д., появившиеся уже в новейшее время. Из всех этих видов письменные источники являются наиболее важными для историков; они — фундамент исторических исследований. Там, где письменные источники отсутствуют, историк бродит в потемках, и на страницах исторических изданий появляются пробелы, слабо восполняемые изучением других видов исторических источников. Исключением является толь-

ко бесписьменная первобытная эпоха, успешно восстанавливаемая на основе археологии. Однако археология ничего не может сказать о языке тех народов, жизнь которых она изучает. Только письменность сохранила для будущих поколений творения Гомера, Горация, ассирийские и египетские мифы и пр., имена политических деятелей прошлого, философов и ученых. Без нее невозможно было бы развитие мировой культуры. Изучение письменных источников, знакомство с основными их видами обязательно для каждого историка.

§ 2. КРАТКИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Рукописные источники древнего времени, как правило, сохранились в небольшом количестве экземпляров или списков. Количество подлинников, сохранившихся от древнейших времен, очень невелико. Так, из русских актов XII в. только два дошли до нас в подлинниках: грамота великого князя Мстислава и его сына Всеволода Новгородскому Юрьеву монастырю (около 1130 г.) и вкладная Варлаама Хутынского конца XII в. Большинство древнейших письменных источников сохранилось только в копиях. Древнейший список Повести временных лет написан в 1377 г., тогда как ее текст был составлен между 1110—1116 гг. Наиболее близки к подлинникам древние копии, но в иных случаях позднейшая копия лучше сохранила древний текст. Поэтому ценность текста того или иного произведения не всегда зависит от древности списка, в котором этот текст дошел. Например, некоторые списки XVI в. сохранили лучшие чтения «Русской Правды», чем списки XV в.

Многие древние памятники дошли до нас только в очень поздних копиях. Так, «Слово о полку Игореве» стало известным только в рукописи, написанной в XV или XVI в., хотя само «Слово» возникло не позже 1187 г. Поэтому историк вынужден производить тщательную и трудную работу по изучению текста источников.

Прежде всего следует отличать подлинник или оригинал того или иного произведения от его списков.

При составлении списков писец, как правило, делал ошибки, пропуски, а иногда вносил и дополнения. Поэтому в основу изучения, а тем более издания документов, как правило, кладется подлинник, если он сохранился.

Одно и то же произведение иногда доходит до нас в различных редакциях. Хотя понятие редакции не вполне уточнено в исторической науке, в основном под редакцией понимается особый вид того или иного произведения, отличающегося от других подобных же видов своими особенностями, дополнениями или сокращениями, расположением материала и т. д. Так, обычно различают три редакции Русской Правды: Краткую, Пространную и Сокращенную. Однако некоторые исследователи выделяют в особую редакцию и те тексты Пространной Русской Правды, которые имеют обширные добавления (Карамзинский вид, см. далее гл. IV, § 4 и 5).

Как выше говорилось, многие произведения старой письменности сохранились в нескольких списках, восходящих к одному и тому же подлиннику. Поэтому необходимо выяснить, какие чтения в том или ином списке являются наиболее верными и восходят к общему протографу, т. е. к первоначальному оригиналу, какие являются описками, дополнениями или осмыслениями непонятых слов. Такая трудная и скрупулезная работа имеет значение для восстановления протографа того или иного источника. Она делается на основании всех списков источника, сохранившихся до нашего времени, и может дать полезные результаты. Попытки восстановить протографы Повести временных лет, Русской Правды и других памятников письменности делались крупными учеными. Наиболее известным в этой области является восстановление протографа Повести временных лет, сделанное А. А. Шахматовым (см. гл. III, § 7). Однако восстановление протографа того или иного произведения часто наталкивается на непреодолимые трудности, так как не всегда возможно точно установить, какое чтение в том или ином списке данного произведения является первоначальным.

Как правило, изучающий исторические источники на первых этапах своей работы имеет дело не с подлин-

Славянская надпись 948 года,
найденная в Мирчеа Вада в Румынии
(хранится в Румынском Национальном музее в Бухаресте)

никами рукописей, а с их воспроизведениями в печати. В особенности это относится к тем, кто изучает историю ранних периодов, так как тексты источников древнего времени в настоящее время, как правило, изданы. Поэтому необходимо знать некоторые особенности изучения и издания текстов, чем занимается особая дисциплина — археография.

Способы издания рукописных и печатных произведений являются различными. Наиболее точным является фототипическое воспроизведение памятника, при котором сохраняются все внешние особенности материала, на котором он написан (пергамен, бумага и пр.), письмо, украшения и пр. Прекрасным примером такого издания является издание Архангельского евангелия 1097 г.

Однако фототипические издания памятников редки, так как они отличаются большой дороговизной и требуют особых условий для воспроизведения рукописей. Поэтому чаще употребляются воспроизведения рукописи путем фотомеханическим. Такое издание очень близко

подводит исследователя к подлинной рукописи и дает возможность пользоваться ею не только историкам, но и палеографам и лингвистам. Существуют и такие издания, которые стоят как бы на грани между фототипическими и фотографическими. Так, древнейшие польские законы изданы Польской академией наук фотомеханическим путем, но с введением в текст красных (киноварных) заглавий, имеющих в рукописи, так как кинноварные буквы и заглавия имеют важное значение для понимания текста древних памятников. В XIX — начале XX в. были распространены литографические издания рукописей. Но такие издания отличаются неточностью и в настоящее время употребляются редко. Чаще же всего старые тексты издаются обычной печатью, что требует применения особых археографических приемов.

При издании рукописей в основу обычно кладется какой-либо список, являющийся, по мнению исследователя, наиболее исправным. Чаще всего, но не обязательно, этот текст является и древнейшим по происхождению. Остальные списки используются в виде «вариантов», набираемых обычно внизу под текстом.

Основной задачей публикации всякого источника является прежде всего точная передача текста издаваемого памятника. Однако современная печать не может сохранить всех особенностей публикуемой рукописи и передать старинную орфографию памятника. Так, в русских письменных памятниках и в книгах церковнославянской печати XVI—XVII вв. соблюдается особая пунктуация. Современные знаки препинания (точка, точка с запятой и запятая) употребляются не в том виде, как в настоящее время. Например, точки делят фразу на отдельные слова или на несколько слов совершенно по-иному, чем в настоящее время. В старой русской письменности, кроме того, нередко употреблялись сокращения. К ним принадлежат титла, отмечающие сокращения слов. Сокращения слов производились и путем выносных букв, т. е. тех букв, которые ставились не в строке, а над строкой, по особым правилам. В настоящее время издания с выносными буквами являются очень редкими, так как они только

в известной мере приближаются к рукописным текстам и не гарантируют от ошибок.

Правильное прочтение текста является важнейшим условием хорошего издания того или иного произведения. Между тем в рукописях очень часто встречаются ошибки, сделанные переписчиком или по небрежности (описки), или по его собственному разумению, когда переписчик, например, не имел хорошего текста, а пользовался ветхой или испорченной рукописью. Таков, например, был экземпляр летописи, с которого списывалась Лаврентьевская летопись в 1377 г. Писец прямо замечает, что рукопись, которую он переписывал, была ветхой. В иных случаях переписчики вносили в текст исправления, которые на самом деле являлись искажениями текста. Так, в Вологодско-Пермской летописи XVI в. вместо названия местности «Раковор», где происходила битва 1268 г., читаем «Краков» (Раковор находился в Эстонии; Краков — столица Польши). В этой же летописи слово «товары» (обоз) прочитано как «татары», в силу чего первоначальный текст получил искажение и «товары» сделались «татарами».

В древних рукописях текст дается без деления на слова, в виде сплошной строки. Деление на слова в русской письменности вводится в основном в XVII столетии. Поэтому очень важно правильно прочесть текст и разделить его на слова; на практике это часто приводит к различного рода трудностям, которые не всегда могут быть учтены заранее.

Современный читатель, имеющий дело с печатными текстами русских летописей и сказаний, никогда не должен забывать, что он имеет дело не с подлинником, а с текстом, уже подвергшимся некоторой обработке. В такой обработке слова даны раздельно, титула над словами раскрыты (в подлиннике — «гъ» под титулом, в печатном издании — «господь» и т. д.), знаки препинания даны по современной орфографии. Таким образом, печатные издания передают в основном содержание текстов, а не их графическое изображение. Переводы текстов с других языков на русский или какой-либо другой язык, естественно, еще более отдаляют текст от его подлинника.

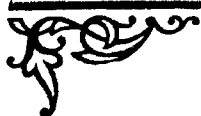
Изучением особенностей древней письменности занимается особая дисциплина — палеография, комплексное изучение актового материала составляет сущность дипломатики. Обе эти дисциплины преподаются в исторических вузах самостоятельно. Они составляют важную отрасль источниковедения. Поэтому их можно было бы назвать специальными или источниковедческими дисциплинами.

Источники
по истории СССР
с древнейшего
времени
до конца XIII века

•

ДРЕВНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ

§ 1. КЛИНОПИСНЫЕ НАДПИСИ УРАРТУ,
БОСПОРСКИЕ И ПАРФЯНСКИЕ НАДПИСИ

Наиболее достоверный материал по истории древнейших государств на территории СССР дают эпиграфические памятники: надписи на зданиях, на памятных плитах, на предметах и т. д.

Древнейшие эпиграфические известия восходят к истории Урарту или Ванского царства, рабовладельческого государства, возникшего на Армянском нагорье. Сведения об Урарту сообщают уже клинописные хроники ассирийских царей XIII в. до н. э. Кроме того, найдено несколько сот надписей, написанных в пределах самого Ванского царства (на территории СССР, Турции и Ирана). Они вырезаны на камнях и составлены на халдском языке, на котором говорило основное население Урарту.

Наиболее ранние из клинописных надписей Ванского царства восходят к IX в. до н. э. Значительная часть надписей относится ко времени царей Менуа и его сына Аргишти.

Урартийские надписи сообщают о победоносных походах и обращении в рабство многих пленных. Так, в надписи царя Сардур II говорится: «6436 юношей я увел, 15 553 женщины угнал, всего 21 989 человек, некоторых убил, некоторых живыми увел».

Надпись царя Аргишти (VIII в. до н. э.), высеченная на скале Хорхор, содержит более 400 строк; она сообщает о походах ванских царей против Ассирии.

Историю Скифии и греческих колоний освещают греческие надписи с V в. до н. э., открытые на территории

нашего Причерноморья и в самой Греции. В них говорится о сношениях Греции и Малой Азии со Скифией и греческими колониями на северных берегах Черного моря (Ольвия, Херсонес и др.). Большой материал заключают надписи, относящиеся к истории Боспорского царства, располагавшегося по обоим берегам Керченского пролива с центром в Пантикапее (Керчи). Среди них имеются надписи, освещающие рабовладельческое хозяйство и частную жизнь. Особенно интересны сведения о продаже и отпуске на волю рабов. Одна из найденных надписей говорит о восстании рабов в Боспорском царстве.

Крупнейшие открытия были сделаны советскими археологами в Средней Азии. В столице Парфянского царства Нисе, развалины которой находятся поблизости от Ашхабада, найдены парфянские надписи и целый комплекс деловых документов.

Более подробные сведения о древнейших эпиграфических памятниках по истории народов СССР помещены в специальной литературе.

Л и т е р а т у р а

- Всемирная история. Т. 1. М., 1955, стр. 513—528 (Урарту).
Г. А. Меликишвили. Урартские клинообразные надписи.—
«Вестник древней истории» № 1, 1953, стр. 239—326; № 1,
1954, стр. 179—256.
Всемирная история. Т. 2. М., 1956, стр. 678—682 (Парфия)
стр. 691—697 (Боспорское царство). Там же см. подроб-
ную библиографию.

§ 2. ГЕРОДОТ И ДРУГИЕ ГРЕЧЕСКИЕ АВТОРЫ

Одним из древнейших письменных источников по истории СССР является «История греко-персидских войн» Геродота, в которой мы находим сведения о Восточной Европе, Кавказе и отчасти Средней Азии. Время рождения Геродота точно неизвестно. Обычно считают, что он родился в 490—480 гг. до н. э. Родиной историка был город Галикарнасс в Малой Азии. Большую часть своей жизни Геродот провел в Афинах, которые являлись главным центром как политической,

экономической, так и культурной жизни Греции. Точный год смерти Геродота неизвестен. Во всяком случае он умер не позднее 425 г. до н. э. В юности Геродот путешествовал по Греции, позже посетил Египет и страны Передней Азии, входившие в состав Персидского государства. Кроме того, он совершил путешествие в Причерноморье.

Геродот написал «Историю», разделенную позже учеными-комментаторами на девять книг, которые они озаглавили именами девяти греческих муз («Клио» и пр.). В ней он рассказывает о войнах между греками и персами и дает описание стран, входивших в Персидское государство или сопредельных с ним. В первых четырех книгах Истории Геродот делает исторический и географический обзор этих стран.

Говоря о походе персидского царя Дария против скифов, Геродот приводит сведения о скифах и о народах, живших по соседству с ними (IV книга). Геродот посетил Ольвию и некоторые другие греческие колонии в Северном Причерноморье. Он тщательно собирал сведения о Скифии и о странах к северу от Черного моря. Для истории Скифии и греческих колоний на Черном море сочинение Геродота является основным источником.

Геродот описывает Скифию от Истра (Дуная) до Танаиса (Дона) и называет реки, которые протекают по ней: Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр). Скифия производит чечевицу, лук, чеснок, лен и коноплю, в ней водятся лошади, быки, кабаны, олени, зайцы, козы и пчелы. Скифы подразделяются на три главных племени: земледельческое, кочевое и царское.

Говоря о соседних со скифами племенах, Геродот начинает свое описание от Ольвии: «От торгового города борисфенитов, составляющего наиболее срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут калипиды, представляющие собой эллино-скифов, выше их живет другой народ, именуемый алазонами. Как эти последние, так и калипиды во всем ведут такой же образ жизни, как и скифы, но хлеб они сеют и употребляют в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо. Над алазонами обитают скифы-пахари, сею-

щие хлеб не для собственного употребления в пищу, но для продажи. Выше их живут невры. К северу от невра, насколько мы знаем, лежит пустыня». Рассказы Геродота о Скифии как бы оживают в многочисленных археологических находках, сделанных на юге СССР.

Более кратко, но тем не менее ценны и те сведения, которые Геродот сообщает о Кавказе. Греческий историк уже знал о том, что Каспийское море является в сущности громадным озером, тогда как позднейшие писатели нередко говорили о том, что оно соединяется с Северным океаном. Армения, по Геродоту, составляла в Персидском государстве особую сатрапию. В I книге Истории Геродот рассказывает о походе персидского царя Кира в Среднюю Азию против массагетов (в VI в. до н. э.) и сближает их со скифами: «По одежде и образу жизни массагеты похожи на скифов».

Геродот использовал рассказы о Скифии более древних греческих авторов, писавших до него. В одних случаях он им доверял, в других — подвергал критике. Много записано им на основании устных рассказов и поэтических произведений. Так, он ссылается на поэму Аристея, повествующую о северных народах. Наиболее точные сведения Геродот дает в тех случаях, когда он сам посетил тот или другой район Причерноморья. Поэтому у него наиболее полно описано побережье Черного моря. Говоря же о северных странах, Геродот впадает в ошибки. Так, он ничего не в состоянии сказать о начале Днепра, истоки которого представляются ему вытекающими из какой-то пустыни.

Сведения о древнейшем прошлом нашей страны находим и у других греческих писателей. Гиппократ, греческий врач (460—377 гг. до н. э.), в своем сочинении «О воздухе, воде и местности» дает сведения о Скифии и рассказывает о ее обитателях. Рассказы Гиппократа, несмотря на несколько легендарный их характер, имеют важное значение, в частности его сведения не оставляют никакого сомнения в кочевом быте некоторых скифских племен. Как и другие греческие писатели, Гиппократ был знаком только с южными областями Скифии. Народы, жившие на ее севере и на северо-востоке, были ему малоизвестны.

Походы Александра Македонского, в результате которых создано громадное, хотя и непрочное, государство, нашли отражение у греческих писателей. Первоисточником, говорящим о походах Александра, был труд его полководца Птолемея, использованный Аррианом в I—II вв. н. э. Арриан занимал видные военные и административные должности. Он написал ряд философских и исторических сочинений. Важнейшее из последних — «Анабасис Александра» — рассказывает о походах Александра Македонского и его войнах в Средней Азии. В Согдиане восстание против завоевателей-греков продолжалось в течение трех лет.

В I в. до н. э. Диодор Сицилийский написал на греческом языке обширное сочинение под названием «Историческая библиотека». В первых 17 книгах (из 40) Диодор излагает всеобщую историю до смерти Александра Македонского, а в остальных доводит ее до походов Цезаря в Галлии (I в. до н. э.). Из сочинения Диодора полностью сохранилось только несколько книг, остальные дошли в извлечениях или фрагментах. Диодор сообщает ценные сведения по истории Боспорского царства.

Л и т е р а т у р а

- Геродот.* История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888 (о Скифии см. кн. IV, стр. 303—394).
Материалы по истории Скифии в греческих надписях. — «Вестник древней истории». Вып. 3, 1939.
В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1—2. Спб., 1893—1906.
К. Ган. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Ч. 1. От Гомера до 6-го столетия по Р. Х. Тифлис, 1894.
Арриан. Анабасис Александра или история походов и завоеваний Александра Великого в 7 книгах. Перев. К. Коренькова. — «Средняя Азия» — «Ежемесячное литературно-историческое издание». Кн. V—XI. Ташкент, 1911.

§ 3. ГЕОГРАФИЯ СТРАБОНА И ТРУДЫ АВТОРОВ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ

Ценный материал по истории территорий, входящих теперь в СССР, дают историко-географические труды

Страбона (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.). Грек по происхождению, **Страбон** совершил ряд путешествий. По его словам, он посетил все земли от Армении до Сардинии и от Черного моря до Эфиопии. Страбон написал на греческом языке замечательный труд под названием «География», состоящий из 17 книг.

В первых двух книгах Страбон говорит о значении географии и ошибках своих предшественников. В последующих он дает описание известного тогда культурного мира: Иберии (на Пиренейском полуострове), Галлии, Британии, Италии. В VII книге описываются придунайские земли, а в ее 4-й главе — Причерноморье (главным образом Херсонес и Боспорское царство). Далее идет описание Греции и островов Греческого архипелага. В XI книге рассказывается о странах Кавказа и Средней Азии, а также о прикаспийских областях. Последние книги «Географии» посвящены Передней Азии, Аравии и Северной Африке.

Страбон пытается установить границу между Азией и Европой, которые, по его мнению, разделяются рекой Танаисом (Доном). Он сообщает интересные сведения о народах, населявших берега Азовского и Черного морей, Иберию (Грузию), Албанию (Азербайджан) и Армению. Вот как описывается у Страбона Иберия: «Большая часть Иберии хорошо застроена городами и поселениями, так что там есть черепичные крыши, дома, построенные по требованию архитектуры, рынки и другие общественные здания. Одна часть страны кругом обнимается Кавказскими горами... Очень плодородные отроги гор тянутся на юг, обнимая всю Иберию и присоединяя ее к Армении и Колхиде, а посередине Иберия представляет равнину, орошенную реками». Страбон дает интересные сведения об Албании (Азербайджане). Армению он описывает как богатую и хорошо населенную страну, рассказывая об усилении Армении при царе Тигране II и борьбе последнего с Римом.

В той же XI книге говорится о странах, прилегающих к Каспийскому морю. Особенно ценны сведения Страбона о Средней Азии (Бактрии и Согдиане), сопровождаемые многочисленными ссылками на различные исторические события. Из всех сочинений греческих и римских авторов труд Страбона дает наиболее полные

сведения о Средней Азии. Сообщения Страбона отличаются большой точностью и подробностью. Известия его основаны и на личных наблюдениях, и на более ранних географических и исторических сочинениях.

Постоянные войны, какие Римская империя вела на Востоке, главным образом с Боспорским царством, Арменией и Парфией, описаны в исторических трудах римских писателей. Так, интересные сведения о событиях на Востоке сообщает **Корнелий Тацит** (55—120 гг.), писавший на латинском языке. В «Летописях», или «Анналах», Тацита, заключающих в себе римскую историю от смерти Августа до смерти Нерона, рассказывается о войнах Рима с парфянским царем Вологезом из-за Армении (в 63—66 гг.).

Римский писатель **Плиний Старший** (I в. н. э.) упоминает о славянах (под именем венедов), живущих к востоку от Вислы и к северу от Дуная. Ценные материалы дает **Птолемей** в своей «Географии» (II в. н. э.). Сведения по истории Боспорского царства и Кавказа заключены в большой «Римской истории», которую написал в III в. н. э. на греческом языке **Дион Кассий**.

Крупный исторический труд принадлежит **Аммиану Мерцеллину**. Однако от его большого исторического сочинения, написанного на латинском языке, сохранились только незначительные фрагменты, описывающие события 353—373 гг. **Аммиан Марцеллин** (330—400 гг.) в большинстве случаев рассказывает о том, чему сам был очевидцем. В XVI книге своей «Истории» он говорит о странах, прилегающих к Черному морю. Особенно ценны те страницы труда Аммиана, где говорится о гуннах, сокрушительные орды которых были для Восточной Римской империи страшной угрозой.

В целом труды греко-римских историков заключают относительно небольшой и отрывочный материал по истории СССР, так как Причерноморье, Кавказ и Средняя Азия для античного мира были отдаленными областями. Историк СССР вынужден собирать мелкие сведения, разбросанные в сочинениях и других греко-римских авторов. Тем не менее на этих сведениях основываются многие заключения об экономических и социальных отношениях у древнейших народов на территории СССР.

Л и т е р а т у р а

Страбон. География в 17 книгах. Перев. Ф. Г. Мищенко. М., 1879.
Аммиан Марцеллин. История. Пер. Ю. Кулаковского и
А. Сонни. Вып. 1—3. Киев, 1906—1908.

В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Спб., 1893; т. 2. Спб., 1906.

§ 4. ИОРДАН

Одним из важнейших источников по истории Восточной Европы раннего периода являются сочинения Иордана (его иногда неверно называют Иорнандом). Иордан был секретарем при дворе готских королей в Италии в VI в. В своем труде «О происхождении и деяниях гетов» он говорит об истории обширного Готского государства. Господство готов в Восточной Европе IV в. продолжалось очень недолго. Готское государство было разрушено гуннами, но остатки готов долгое время жили в Крыму. Даже в IX—X вв. горная часть Крыма, прилегающая к Мангуп-Кале, носила название Готфии и имела особого епископа.

В связи с историей готов Иордан перечисляет народы, подвластные им во времена короля Германариха, называя в их числе мордву и другие племена. О славянах он сообщает, что они жили от города Новие-тунского и озера, называемого Мурсианским, до самого Днестра, а на севере — по Висле.

Труд Иордана является по-своему уникальным произведением, так как в нем сохранены сведения о народах Восточной Европы III—IV вв., которых мы не найдем в других источниках, но во многих отношениях он малодостоверен. Иногда названия стран и народов, упоминаемых Иорданом, только угадываются, так как передача этих названий на латинском языке очень далека от их подлинного звучания.

Иордан писал с определенной тенденцией, желая возвеличить готов. Во многих случаях он преувеличивает могущество Готского государства, которое будто бы занимало обширное пространство от Балтийского до Черного моря. Нельзя забывать и того, что Иордан писал о Готском государстве Германариха спустя много лет и пользовался разными легендами и пре-

даниями, а также письменными источниками, в числе которых он сам называет историю готов, написанную Кассиодором.

Тем не менее произведение Иордана занимает выдающееся место в историографии, как то небольшое, что сохранилось из источников по истории Восточной Европы в VI в.

Л и т е р а т у р а

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

· § 5. ПРОКОПИЙ И «СТРАТЕГИКОН»

Для истории народов Восточной Европы, в том числе славян, крупное значение имеют труды византийских авторов.

В VI в. написал свои исторические труды **Прокопий Кесарийский**. Он был советником и секретарем Велизария, виднейшего византийского полководца, а следовательно, свидетелем важнейших событий своего времени. Его «История войны с готами» рассказывает о войнах Византии с персами, вандалами, готами и другими народами до 554 г.

Прокопий пользовался различными источниками, в том числе каким-то ранним сочинением по истории Армении. Изложение современных ему событий он дает главным образом на основании личных наблюдений. Особенно ценным являются известия Прокопия о славянах. По словам Прокопия, к северу от Черного моря (Понта) живут «бесчисленные племена антов», говорящих на том же языке, что и «склавины». Очень интересные сведения имеются у Прокопия о готах, живших у берегов Азовского моря, и о болгарях, которых он считает гуннами. В защиту от варваров император Юстиниан заново укрепил города в Крыму, в том числе Херсонес. «Страну же между Херсонесом и Боспором держат в своих руках варвары, преимущественно гунны».

Большое значение имеют сведения о славянах в сочинении VII в. «Стратегикон», приписываемом византийскому императору Маврикию (582—602 гг.). В нем

говорится о методах борьбы с наступающими народами, в том числе со славянами, причем сообщаются сведения об их быте и военном строе.

Л и т е р а т у р а

Проконий из Кесарии. Война с готами. Перев. С. П. Кондратьева. Вступит. ст. З. В. Удальцовой. М., 1950.

§ 6. МОИСЕЙ ХОРЕНСКИЙ И ДРУГИЕ АРМЯНСКИЕ ИСТОРИКИ

Для истории Кавказа большую ценность имеют труды армянских историков.

Предполагают, что письменность в Армении существовала еще до принятия христианства (III в. н. э.), но усовершенствование армянского алфавита было произведено Месропом в начале V в. Первым дошедшим до нас сочинением, написанным на армянском языке, была «История блаженного мужа святого Маштоца», составленная Корюном в середине V в.

Самым известным из древнейших армянских историков является **Моисей Хоренский**. По преданию, он родился в селении Хорен, вследствие чего и получил прозвище Хоренского (Хоренаци). Моисей был хорошо образован и в юности совершенствовался в крупнейшем центре тогдашней образованности — Александрии в Египте. В Армению он вернулся не ранее 440 г. Один из владетельных князей Армении предложил ему написать историю Армении. Смерть Моисея предание относит к 493 г.

Впрочем, было высказано мнение, что сочинение Моисея Хоренского возникло в более позднее время (в VII столетии), но это мнение, хотя и поддержанное некоторыми историками, нельзя считать доказанным.

Дошедший до нас текст «Истории Армении» Моисея Хоренского делится на три части.

В первой из них говорится о древнейшей истории армян. Эта часть отличается легендарным характером. В ней рассказывается о Хайке, родоначальнике армян, и его потомках, о царице Шамирам. Моисей ссылается на древние предания и на историков, писавших о леген-

дарной царице Шамирам (Семирамиде). Еще подробнее Моисей говорит о царе Тигране, называя его румяным, красивоглазым, плечистым и т. д. В первой книге широко использованы армянские сказания, которые автор принимает за достоверные исторические источники, строя на них «родословие Великой Армении».

Вторая книга «Истории Армении» начинается от царствования Александра Македонского и доведена до воцарения Тиридата Великого (III в. н. э.). В ней сообщается о войнах армян с римлянами, а также о начале христианства в Армении. Легенды и здесь преобладают. Так, Моисей, сообщая о нападении аланов, приводит песню о женитьбе армянского царя на аланской царевне. Вторая книга кончается повествованием о кончине царя Тиридата и сетованием по поводу падения Армении.

Особенно подробно говорится об армянской истории в третьей части, доведенной до 440 г. История кончается эпилогом или «плачем» о прекращении армянской династии царей из рода Аршакуни (аршакидов) и порицанием армян, способствовавших падению царства. Моисей осуждает «монахов лицемерных, тщеславных», епископов «гордых и суесловных».

Моисей пользовался сирийскими, греческими и латинскими историческими трудами, а также надписями и летописями, составленными при храмах. С большой похвалой он отзывался о не дошедшем до нас труде Мар Аббаса Катины, из которого Моисей Хоренский взял ряд исторических сведений.

Крупное значение как исторический источник имеет «География» Анании Ширакуни (VII в.), неправильно приписываемая Моисею Хоренскому. Автор армянской географии исходит из представления о так называемых семи климатах земли, или семи областях, на которые, по его мнению, можно разделить весь земной шар. Особенно подробно рассказывается о Великой Армении, в состав которой входило 15 провинций: «Великая Армения» к востоку от Каппадокии и Малой Армении на реке Евфрат у Тавра, который отделяет ее от Месопотамии, граничит к югу с Ассирией. В Атрпатикане по направлению к Индии границы ее поворачивают на север до впадения Аракса в Каспийское море; к востоку

она сопредельна с Албанией, Иверией, Егером до поворота Евфрата к югу».

В «Географии» сообщается и о других странах, известных в тогдашней Армении, об их реках и озерах, городах и административном делении. Ширакуни принадлежат также труды по космографии, математике, хронологии. Этот армянский автор отличался широкими взглядами на исторические источники и был для своего времени вольнодумцем. Он отрицал значение церковных книг для изучения географии. «О географии в божественных книгах мы не находим ничего, что было бы складно изложено», — пишет Ширакуни.

Историками VII—VIII вв. были Себеос и Гевонд.

Себеос довел свою историю до 661 г., рассказав о походах византийского императора Ираклия против персов и о первых завоеваниях арабов. Гевонд написал «Историю халифов», охватывающую 150-летний период истории арабских завоеваний на Кавказе (с 632 по 788 г.).

Л и т е р а т у р а

История Армении Моисея Хоренского. Новый перевод Н. О. Эми-на. М., 1893.

Армянская география VII века по Р. Х. (приписываемая Моисею Хоренскому). Издал и перевел К. П. Патканов. Спб., 1877.

История епископа Себеоса. Пер. С. Малхасянц. Ереван, 1939.

История халифов варданета Гевонда, писателя VIII века. Перев. К. Патканова. Спб., 1862.

§ 7. ГРУЗИНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Древнейшие грузинские исторические труды написаны в форме житий святых. В «Мученичестве Шушаники», написанном Яковым Цуртавели в 475—484 гг., повествуется о жене правителя Нижней Картли, подвергшейся мучениям и заключению в темницу по повелению ее мужа за приверженность к христианству. Яков Цуртавели был духовником Шушаники и нарисовал яркую картину жизни в тогдашней Грузии.

В «Мученичестве Евстафия Мцхетского» рассказывается о мучении и смерти персидского христианина, убежавшего от гонений из Персии в Грузию и казнен-

ного там по приказанию персидского наместника. Хорошее знание быта ремесленников, большой материал по социально-экономической истории Грузии делают это произведение ценным историческим источником.

В IX столетии появилось крупное историческое произведение «Летопись обращения Картли», повествующее о распространении христианства в Грузии. В первой части «Летописи» говорится о легендарном походе Александра Македонского и сообщается список грузинских царей и патриархов (католикосов) до IX в. Во второй — приводится житие Нины, «просветительницы Грузии», и говорится о распространении христианства в Восточной Грузии. Самая ранняя рукопись жития Нины восходит к X в. Автор «Летописи» пользовался различными источниками, в том числе армянскими и сирийскими.

Л и т е р а т у р а

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. Под ред. М. Н. Тихомирова и др. М., 1955 (см. главы об армянских и грузинских трудах).

§ 8. СОГДИЙСКИЕ ДОКУМЕНТЫ И КИТАЙСКИЕ ХРОНИКИ

Большое значение для изучения ранней истории Средней Азии имеют согдийские документы, найденные советскими археологами при раскопках древнего замка на горе Муг, в 120 км к востоку от Самарканда. Согдийские рукописи на бумаге и на коже, найденные на горе Муг, относятся к началу VIII в. и в большинстве случаев написаны на языке жителей древней Согдианы в Средней Азии. Они являются остатками архива крупного местного феодала. Среди документов имеются письма, адресованные к согдийскому царю Дивастичу, деловые записи и отчеты, письма от Дивастича к феодалу, владевшему горой Муг, и т. д.

Ценными источниками по истории Средней Азии являются сочинения китайских историков. К I в. н. э. относятся «Исторические записки» («Ши цзи»), написанные историком Сы Ма-цзянь и содержащие материалы с древнейших времен до 99 г. до н. э. В I в. н. э. Бань

Гу была составлена «История старшей династии Хань» («Цянь Хань-шу»), для которой позже в VII в. составили пояснения. Некоторые исторические сочинения, написанные в Китае, рассказывают историю отдельных династий. Таковы истории четырех династий, называемых четырьмя южными дворами: Сун (420—479 гг.), Ци (479—502 гг.), Лян (502—557 гг.) и Чэнь (557—589 гг.). Историки этих династий жили в VI в.

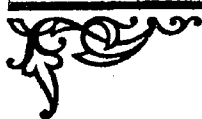
Китайские источники имеют исключительно большое значение для древнейшей истории Средней Азии, с которой Китай поддерживал оживленные сношения. Первоначальная история гуннов с наибольшей полнотой отражена в китайских исторических сочинениях, восполняющих пробелы в наших сведениях по истории Средней Азии.

Л и т е р а т у р а

Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры. Л., 1934.

Н. Я. Вичурин (Иоакимф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2. М.— Л., 1950.

РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ

§ 1. ПИСЬМЕННОСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Источники по истории Киевской Руси XI—XIII столетий относительно многочисленны и разнообразны, разнообразна была и русская письменность этих столетий.

Обычно принято считать, что письменность появилась у нас со времени крещения Руси в конце X в. Однако такое представление не соответствует действительности, так как начатки письменности зародились на Руси значительно раньше. Только этим мы в состоянии объяснить существование таких памятников, как договоры Руси с греками, которые написаны на славянском языке и имели определенное практическое значение. Христианство на Руси появилось задолго до крещения князя Владимира и уже его «бабка» — княгиня Ольга — держала при себе «пресвитера» (священника). Между тем христианская служба невозможна без существования письменности в виде церковных книг (евангелия, апостола и пр.). Надо предполагать, что письменность на Руси появилась по крайней мере с первой половины X в. вместе с проникновением христианства. На это указывает и находка глиняного горшка с надписью «горухща» (горчичное семя) в кургане первой половины X в., раскопанном в Гнездове под Смоленском.

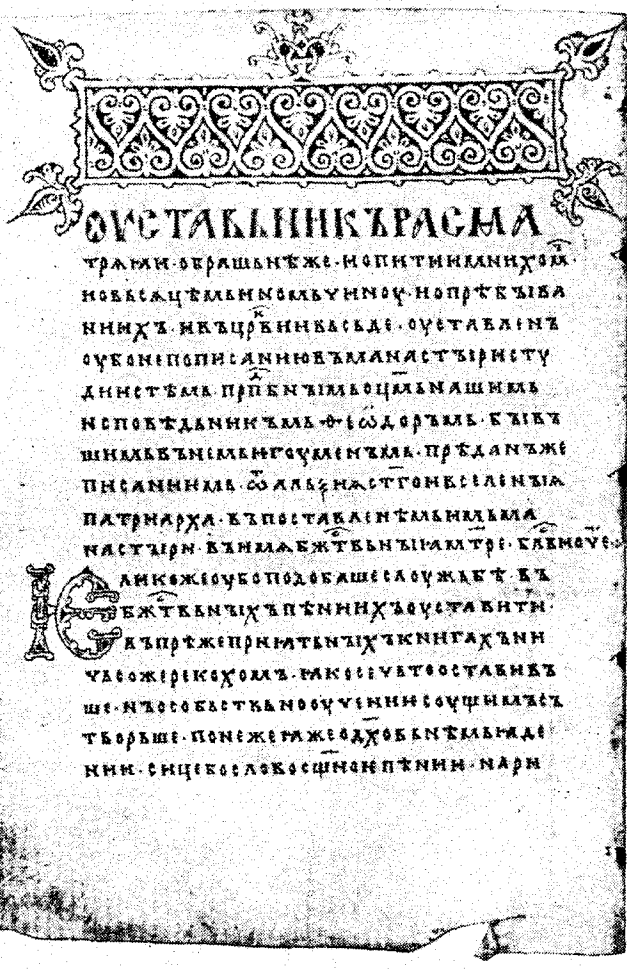
Прямое указание на время установления письменности на Руси, вернее, на ее дальнейшее распространение находим в договоре Игоря с Византией 944 г., где говорится о том, что русский князь посылает в Византию послов с грамотами, а тех, кто будет приез-

жать без грамоты, можно задержать до княжеского подтверждения.

Киевская Русь с самого начала вступила на путь создания собственной, оригинальной письменности наряду с использованием и переводной литературы. Распространенными произведениями здесь были сочинения, переведенные на славянский язык с греческого в Болгарии, в Моравии и на Руси. Переводческая деятельность на Руси особенно оживилась в XI столетии; так, летопись рассказывает, что Ярослав Мудрый собрал писцов и они переводили с греческого на русскую речь. Значение переводной литературы очень большое, так как при ее посредстве до русских людей дошли многие замечательные сочинения, написанные на греческом языке, в том числе византийские хроники, повести, жития и пр. Но для историка переводная литература имеет меньшее значение, чем те произведения, которые возникли на Руси.

Оригинальная литература Киевской Руси представлена различного рода летописями и сказаниями, а также и другими произведениями светской литературы. Однако судьба последних оказалась крайне плачевной. «Слово о полку Игореве» найдено было случайно в одной только рукописи, исчезнувшей в 1812 г.; «Поучение Владимира Мономаха», внесенное в Лаврентьевскую летопись, дошло до нас лишь в одном списке; «Слово Даниила Заточника» сохранилось в большом количестве списков, но позднего происхождения. Эти данные свидетельствуют о наличии неблагоприятных условий, способствовавших тому, что памятники гражданской литературы Киевской Руси плохо сохранились.

Причиной этого являлась прежде всего гибель громадного количества рукописей от пожаров и войн. Достаточно сказать, что во время разорения Москвы ханом Тохтамышем в 1382 г. сгорело множество книг. Они были сложены в московских каменных церквях «до стропа» — до сводов. Все это погорело без остатка. Сохранению русской светской литературы мало способствовало и общее направление русской письменности позднейшего времени. Переписывание рукописей производилось главным образом в церквях и монастырях,

Русская рукопись XI в. Студийский устав
Исторический музей в Москве, Синод. собр. № 330

где интересовались преимущественно церковной литературой. К тому же древние памятники гражданского характера, в особенности такие, как «Слово о полку Игореве», становились недостаточно понятными для позднейших поколений; их переписывали реже, чем летописи и другие сочинения. В сущности, мы имеем лишь остатки светской русской литературы XI—XIII вв.

Письменность в Киевской Руси получила распространение среди относительно широких кругов феодалов, о чем свидетельствует Поучение Владимира Мономаха, обнаруживающее в авторе незаурядный литературный талант. Об его отце Всеволоде летопись говорит как о человеке, знавшем шесть языков. Письменность и книжность были распространены и среди ремесленников, оставивших надписи на различных предметах. Например, на кресте полоцкой княжны Евфросинии надпись была сделана в несколько строк. Живописцы и иконописцы были людьми грамотными, как показывают надписи на фресках и иконах. Можно считать доказанным относительно широкое применение письменности в деловой жизни Киевской Руси. Дешевым материалом для нее служила береста (см. гл. IV, § 8). Договоры князей и городов, вкладные в монастыри и пр. писали обычно на пергамене.

Л и т е р а т у р а

М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII веков.—«Труды отдела древнерусской литературы Института литературы». Т. 9. М.—Л., 1953.
История русской литературы. Т. 1. (Литература X—XVIII вв.) М.—Л., 1958.

§ 2. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Среди источников по истории Киевской Руси на первом месте стоят летописи. Под летописью понимается такое историческое повествование, в котором известия расположены под определенными годами. Летописные записи составлялись различными авторами, иногда в виде приписок к рукописям, но в большинстве случаев такие отдельные записи до нас не сохранились, а вошли в состав летописных сводов. В них летописные

известия, взятые из разных источников, сведены в единое повествование, расположенное по годам: «в лето 6508», «в лето 6509» и т. д.

Известия о древнейшей истории славян и Киевской Руси дошли до нас в составе начальной летописи, или «Повести временных лет». По определению Шахматова, повестью временных лет называется такой «летописный свод, который озаглавлен соответствующим образом, составлен в Киеве, обнимает время до второго десятилетия XII в. и содержится в большей части летописных сводов XIV—XVIII веков». Свое название повесть получила от заголовка: «Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть» (по Лаврентьевской летописи).

Изучая различные списки Повести временных лет, мы увидим, что сходный текст в них продолжается до 1110 г., после которого тексты различных списков перестают иметь сходное содержание. Это наблюдение приводит к мысли, что Повесть временных лет кончалась на 1110 г. Древняя традиция и современная историческая наука считают ее составителем Нестора, монаха Печерского монастыря в Киеве. Таким образом, Нестор по праву может считаться замечательным русским историком, написавшим такой труд, который является основным источником по истории Киевской Руси IX—начала XII в.

Повесть временных лет дошла до нас в двух редакциях: 1) Лаврентьевской и 2) Ипатьевской. В основе же этих редакций лежал один памятник — протограф Повести временных лет, т. е. ее первоначальный оригинал, не дошедший до нашего времени.

Лаврентьевская редакция представлена двумя древними списками: Лаврентьевским и Кенигсбергским. Древнейший из них, Лаврентьевский, написан монахом Лаврентием для суздальского князя Дмитрия Константиновича в 1377 г. Список начинается Повестью временных лет и продолжен Суздальской летописью до 1305 г. Лаврентий писал с ветхого списка, вследствие чего иногда не мог разобрать отдельные слова. Поэтому Лаврентьевский список изобилует ошибками и пропусками.

Кенигсбергский, или Радзивилловский, список написан в XV в., но с рукописи более раннего времени, вероятно, начала XIII в. В XVII в. он принадлежал литовскому князю Богуславу Радзивиллу. Этот список в XVIII в. хранился в Кенигсбергской библиотеке, откуда был взят в Петербург во время Семилетней войны. Кенигсбергский список кончается 1206 г. Он украшен большим количеством миниатюр (604 рисунка), которые являются одним из важнейших источников по бытовой истории древней Руси. По мнению Шахматова, Айналова и Арциховского, миниатюры Радзивилловской летописи были перерисованы с образцов XIII в.

Кроме того, существовал **Троицкий** (пергаменный) список, пропавший в 1812 г. Он оканчивался 1408 г. Сохранились корректурные листы его начальных известий. Кроме того, выписки из Троицкой летописи были в свое время сделаны Н. М. Карамзиным и опубликованы в его «Истории государства Российского». Текст Троицкой летописи реконструирован М. Д. Приселковым.

Ипатьевская редакция Повести временных лет представлена пергаменным списком, написанным, по мнению первых его издателей, в начале XIV в., а по определению Шахматова, — в начале XV в. **Ипатьевский, или Ипатский**, список получил свое название от Ипатьевского монастыря в Костроме, где он хранился. К нему близок Хлебниковский список XVI в., имеющий важные отличия и восходящий к более древнему оригиналу, чем Ипатьевский.

✓ Сравнив обе редакции Повести временных лет, мы можем получить представление о том протографе, который лежал в их основе, или о первой редакции Повести. Текст, однородный в Ипатьевской и Лаврентьевской редакциях, является в то же время и текстом их протографа, различия же между этими редакциями дают возможность говорить о том, каким образом общий протограф был переработан составителями второй и третьей редакций.

✓ Повесть временных лет начинается рассказом о разделении земли между сыновьями Ноя. Этот рассказ характерен для средневековых исторических сочинений; подобными же повествованиями начинаются армянские, грузинские и византийские хроники. Пере-

числение земель, доставшихся сыновьям Ноя, основано в Повести на византийской хронике Георгия Амартола. Однако, говоря о землях, доставшихся третьему сыну Иафету, летописец дает самостоятельное изложение: «В Афетове же части седять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволочьская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Югра, Литва, Зимегола, Корсь, Летьгола, Любь». Сведения об этих народах («языцех»), живших в XI—XII вв. на севере Восточной Европы, сделаны летописцем самостоятельно или на основе какого-либо русского географического сочинения XI в.

Рассказав о разделе земли между сыновьями Ноя, летописец переходит к истории славян. Изложение славянской истории он делает не самостоятельно, а пользуется более ранним «сказанием о преложении грамоты славянской», т. е. повестью о начале славянской письменности, созданной Кириллом и Мефодием в IX столетии. Далее летописец сообщает сведения о Киеве, который, по его словам, был построен неким Кием вместе с его братьями Щеком и Хоривом и сестрой их Лыбедью. При этом летописец обнаруживает хорошее знакомство с топографией древнего Киева: «Седяше Кий на горе, где же ныне увоз Боричев, а Щек седяше на горе, где же ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвася Хоревица. И створиша град во имя брата своего старейшаго и нарекоша имя ему Киев. И бяше около града лес и бор велик, и бяху ловяща зверь».

Далее в Повести временных лет дается характеристика славянских племен. Летописец с похвалой отзываясь о полянах в отличие от радимичей, вятичей, северян и древлян, которые «живяху зверинским образом, живуще скотьскы и убиваху друг друга, ядяху вся нечисто». В связи с такой характеристикой приводится на основании «Хроники» Георгия Амартола рассказ об обычаях разных народов: «Глаголеть Георгий в летописаньи: ибо коемуждо языку, овем исписан закон есть, другим же обычай» — каждому народу свое, у одних написан закон, у других существует обычай.

Вся вводная часть дана в Повести временных лет без разделения на годы, так как у летописца не было никаких хронологических данных. Эти данные введены

в летопись словами: «В лето 6360 (т. е. в 852 г.) индикта¹ 15 день, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Руская земля. О семь бо уведохом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, яко же пишется в летописаньи Гречьстем». Иными словами, летописец уведомляет, что о Русской земле он впервые прочел в греческом летописце под 852 г. по случаю нападения Руси на Царьград.

Как бы подводя итог мировым событиям, летописец дает перечисление лет «от Адама до потопа» и т. д., основанное на кратком летописце патриарха Никифора, переведенном с греческого. Перечисление кончается хронологическим расчетом лет, относящимся к истории Руси: «От первого лета Михайлова до первого лета Олгова, Рускаго князя лет 29, а от первого лета Олгова понели же седе в Кieve, до первого лета Игорева лет 31». Таким образом, первым русским князем летописец считает Олега с того времени, как он стал княжить в Кieve. Перечисление русских князей доведено до Святополка, умершего в 1113 г. Следовательно, составлено не ранее этого года.

Дальше рассказ Повести временных лет уже разделен на годы. Каждый год начинается словами: «В лето» (такое-то), после чего показывается год по византийскому летоисчислению «от сотворения мира». В иных случаях, впрочем, год не проставляется или указывается только обозначение года без записи под ним каких-либо известий: «в лето 6361, в лето 6362, в лето 6363» и т. д. Под 6370 (862) г. летописец сообщает об изгнании варягов «за море» и о призвании князей во главе с Рюриком, Трувором и Синеусом. С этого рассказа летописец приурочивает свое повествование ко времени отдельных князей, указывая даты начала и конца их княжения.

Древнейшая хронология Повести временных лет крайне условна. Для истории IX—X вв. летописец имел под руками мало материала, и в большинстве случаев даты, относящиеся к этому времени, получены путем различного рода вычислений. Более точные и под-

---

¹ Индиктом у византийцев назывался промежуток времени в 15 лет.

робные записи о событиях начинаются с конца X в., записи же современников событий начинают в Повести временных лет преобладать с известий второй половины XI в.

После рассказа о «призвании» князей летопись переходит к повести о «преложении книг», каким образом в IX в. была изобретена славянская азбука и книги были «преложены» (переведены) с греческого на славянский язык. За этим следуют известия о походе Олега и Игоря на Царьград, причем в тексте Повести временных лет под соответствующими годами помещены договоры Руси с греками 911, 944 и 971 гг. Далее Повесть временных лет рассказывает о событиях княжений Игоря и Святослава, о гибели Игоря, о походах Святослава в Болгарию и его смерти в Днепровских порогах, а также о распрях между сыновьями Святослава: Ярополком, Олегом и Владимиром. Борьба сыновей Святослава рассказана по воспоминаниям очевидцев. Так, летописец знает, что Владимир стоял «обрывся» между Дорогожищем и Капичем, где есть и ров «до сего дне». Ниже летописец говорит, что войска Владимира осадили Ярополка в Родне: «и бе глад велик в немь и есть притча (поговорка) до сего дне: беда аки в Родне».

В рассказе о княжении Владимира наибольшее место занимает повесть о его крещении. В ней имеется изложение греческой веры, которое приведено в форме речи греческого «философа», обращенной к Владимиру. Далее следует рассказ о взятии Корсуня, о крещении Владимира и о других событиях его княжения. Очень подробно повествуется об убиении князей Бориса и Глеба и о борьбе Святополка с братьями. События княжения Ярослава рассказаны относительно кратко, после чего летописец переходит к повествованию о княжениях его сыновей: Изяслава, Святослава, Всеволода, а также его внука Святополка Изяславича. Особенно подробно описывается киевское восстание 1068 г. и его подавление, набеги половцев, княжеские распри. Повествование об убиении князя Василька представляет собой красочный рассказ, явно вставленный в Повесть. Такими же вставными статьями являются и рассказы о Печерском монастыре в Киеве.

События второй половины XI в. указываются под определенными датами, отмечается не только год, но нередко месяц и число. Повесть временных лет кончается рассказом о событиях 1110 г., после чего тексты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей расходятся. При этом в Лаврентьевской летописи после 1110 г. помещена следующая приписка: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила в 6624 (1116), индикта 9 лета; а иже чтеть книги сия, то буди ми в молитвах». Эта приписка показывает, что Повесть временных лет уже существовала в 1116 г., причем в одной из своих редакций она оканчивалась 1110 г. Сильвестр был игуменом Выдубицкого монастыря под Киевом, некоторые исследователи считают его создателем второй, Лаврентьевской, редакции Повести временных лет.

Л и т е р а т у р а

- Повесть временных лет. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Ч. 1—2, М.—Л., 1950 (в этом издании имеются перевод и комментарии к летописи).
Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 1. Вып. 2. Л., 1927; т. 2. Вып. 2. Спб., 1902.

§ 3. ИСТОЧНИКИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Повесть временных лет была составлена по определенному плану и ставила своей задачей рассказать об истории Киевской Руси с древнейших времен до начала XII в. Тем не менее Повесть отнюдь не является произведением, написанным от начала и до конца одним автором. Это произведение компилятивного характера, составленное на основании многих источников. Поэтому оценка исторической достоверности известий Повести временных лет может быть сделана только после анализа тех источников, на которых она основана.

Основным источником Повести были летописные записи современников, на которых основаны известия XI—начала XII в., а отчасти и второй половины X в.

Наряду с ними в Повесть временных лет включены в соответствующей переработке многочисленные произведения как переводного, так и оригинального характера.

Одним из источников Повести временных лет являлась византийская Хроника Георгия Амартола, переведенная на славянский язык уже в XI в. Составитель Повести взял из этой Хроники известия, относящиеся к обычаям различных народов. Сравнение славянского текста Хроники Амартола с выпиской из византийской Хроники Амартола, помещенной в летописи, обнаруживает почти дословное сходство обоих текстов. Из этой же Хроники Амартола и ее продолжения, доведенного до 948 г., в состав Повести временных лет попал рассказ о нападении Руси на Царьград при Аскольде и Дире (в 866 г.). Та же Хроника легла в основу рассказа Повести временных лет о разделении земли между сыновьями Ноя.

Другим источником Повести временных лет был краткий летописец патриарха Никифора. Он был положен в основание некоторых хронологических дат IX—X вв.

Повесть временных лет пользовалась и другими источниками переводного характера. К их числу принадлежало житие Василия Нового, переведенное на славянский язык. Из него Повесть заимствовала рассказ о походе Игоря на Царьград в 941 г. Такой же вставной статьей является речь «философа», в которой излагаются библейские события начиная с «сотворения мира». Речь не была сочинена летописцем, а взята из какого-то, может быть, болгарского произведения. Впрочем, есть мнение и о русском происхождении этой речи.

Исповедание веры, помещенное в рассказе о крещении Руси, также является вставным произведением. Оно имеется в Святославовом изборнике 1073 г., написанном для черниговского и киевского князя Святослава Ярославича.

Среди источников Повести переводного характера следует отметить и Библию, из которой летописцы вообще почерпали многие цитаты, характеристики и сравнения.

Еще многочисленнее были памятники русского происхождения, послужившие источниками Повести временных лет.

Среди них на первом месте следует отметить договоры Олега, Игоря и Святослава с византийскими императорами (см. гл. IV, § 6).

Крупнейшими источниками Повести временных лет являлись различного рода русские жития и сказания. Уже в XI в. первые русские князья Ольга и Владимир были признаны русским духовенством святыми, так как при них христианство утвердилось на Руси. Одним же из условий возведения в ранг святых (канонизации) было составление жития святого, в котором описывались бы его благочестивые подвиги. Повесть временных лет воспользовалась житиями Ольги и Владимира как источником для рассказа о крещении Руси. Заимствования из этих житий в Повести временных лет были сделаны не всегда складно. Например, при описании княжения Владимира мы имеем как бы два рассказа, не слившиеся между собой. Один рассказ изображает Владимира в черных тонах, второй, наоборот, говорит о Владимире как о раскаявшемся грешнике, который прославился благочестивыми делами.

Повесть временных лет включила в свой состав сказание об убиении князей Бориса и Глеба, а также некоторые другие сказания, в их числе повествование о начале Печерского монастыря в Киеве, которое начинается словами: «И се да скажемъ, чего ради прозвася Печерський манастирь».

Церковные повести и жития сохранились до нашего времени не только в летописи, но и в составе различного рода сборников. По-иному произошло с повестями светского характера, которые легли в основу рассказов о киевском восстании 1068 г., а также об ослеплении князя Василька в 1097 г., о начале Русской земли и т. д. Об этих повестях мы можем судить только на основании летописных текстов, обработанных по преимуществу в монашеских кругах. Повесть о киевском восстании 1068 г. дополнена была рассуждениями о казнях божиих, в силу чего и весь рассказ о восстании в Киеве, написанный явно светским лицом, как бы разорван на две части.

Кроме письменных памятников летописец использовал песни и легенды, придав им значение исторических свидетельств.

Легендарный характер некоторых известий Повести временных лет особенно преобладает там, где говорится о событиях IX—X вв., так как письменных русских источников по ранней истории Руси у летописца не было. К сожалению, эти легендарные летописные известия нередко используются историками для освещения событий на Руси IX—X столетий без достаточной критики, которая позволила бы установить, какое действительное событие лежит в основе того или иного летописного предания.

Легендарный характер носит прежде всего рассказ об основании города Киева тремя братьями — Кием, Щеком и Хоривом. Сам летописец указывает, что в его время существовали две версии о том, кем был Кий. По первой версии, Кий был князем, по другой — Кий был просто перевозчиком: «у Киева бо бяше перевоз тогда с оной стороны Днепра, темь глаголаху: на перевоз на Киев». Опровергая второе мнение, летописец замечает, что так могут говорить только невежды («не сведуще») и что Кий в действительности был князем, ходил к Царьграду и «велику честь приял от царя». Летописец обосновывал свои домыслы о Кие как о князе, в частности, тем доводом, что на Дунае существовал городок Киевец. В настоящее время можно считать доказанным, что такой городок в действительности находился в Болгарии на Дунае в XIV—XV вв.

Легендарный характер имеют и многие другие сказания о событиях начальной русской истории, например рассказ о том, как хазары брали дань с полян. По словам Повести временных лет, после смерти Кия поляне были «обидимы» древлянами. Хазары также требовали от полян платежа дани, и поляне «вдаша от дыма мечь». Получив такую дань, хазарские старцы сказали своему князю: «Не добра дань, княже, мы ся доискахом оружием одиною стороною, рекше саблями, а сих оружие обоудуостро, рекше мечь». При всей легендарности рассказа о полянской дани хазарам в нем имеется и зерно истины, говорящее о действительном факте: владычестве Хазарского царства в причерноморских областях.

Явно легендарный характер имеет рассказ о призвании князей-варягов. Легенда о призвании варягов возникла в Новгороде и сложилась довольно поздно, по некоторым признакам — в первой половине XI в. Тем не менее этот рассказ без всякой критики до сих пор используется для доказательства норманского происхождения Русского государства, хотя он был записан спустя 200 лет после описываемого в нем события. Доверие к сказанию о призвании князей поддерживается тенденциозностью некоторых зарубежных авторов вопреки исторической критике, так как тенденциозность и невежество в науке — это родные братья. Слова, с которыми русь, чудь, кривичи будто бы обращались к варягам («Земля наша велика и обильна» и т. д.), имеются и в подобной же англосаксонской легенде.

Легенда о призвании варягов до сих пор используется для доказательства того недоказуемого тезиса, по которому все славянские государства, в том числе и русское, были основаны не славянами. Между тем легенда о трех князьях-варягах ничуть не более достоверна, чем предание о трех братьях, построивших Киев и бывших основателями Киевского княжества. Сам летописец говорит, что еще до прихода варягов в русских землях существовали княжества: «И до сих пор братьи держати почаша род их княженъе в Полях, в Деревлех свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже Полочане». Особенно интересно указание на княжество в Новгороде, где будто бы княжение основал варяг Рюрик. Ни один серьезный исследователь не может отвергнуть это прямое указание летописца на существование славянских княжеств до прихода варягов. Нельзя же выбирать из источников только то, что нравится данному автору, отвергая остальное.

Легендарный, былинный характер имеют и рассказы о «вещем» Олеге. Таково описание осады Константинополя (Царьграда) русскими войсками. Олег велел поставить свои лодки на колеса и поднять паруса: и был ветер попутный, и поднялись паруса, и пошли корабли к городу. Греки испугались и вынесли Олегу вино и пищу, но Олег отказался от принесенных даров, зная, что греки отравили вино и пищу. Легендарным

является и рассказ о смерти Олега от укуса змеи, выползшей из черепа его любимого коня. Параллели к этой легенде находим в скандинавских сагах, где встречается тот же мотив.

Оттенок былинности и легендарности имеют и некоторые летописные известия о княгине Ольге: о трех отмищениях Ольги за смерть ее мужа Игоря. В Повести временных лет рассказывается, что древляне после убийства Игоря послали к Ольге лучших «мужей». Древлянских послов для большей почести несли на княжеский двор в лодке. Ольга же приказала бросить послов в большую яму и, пригнувшись к яме, спросила древлян: «Добра ли вы честь? Они же реша: пуще ны Игоревы смерти. И повеле засыпати я живы, и посыпаша я».

В смысле смешения легендарных и исторических фактов любопытен рассказ о поездке Ольги в Царьград. Летописец говорит, что Ольга приходила при цесаре «Цемском», под которым надо понимать императора Иоанна Цимисхия. По словам летописи, император, увидев, как красива и мудра была Ольга, захотел на ней жениться. Но русская княгиня не хотела выходить замуж за императора, не хотела она и обидеть его. Поэтому Ольга предложила цесарю быть ее крестным отцом, а по церковным законам крестный отец не имел права жениться на крестной дочери. Император крестил ее и сделался для нее как бы отцом. «И рече цесарь: преклюкала (перехитрила) мя еси Ольга». Наивный тон легенды о крещении Ольги в Царьграде обличает ее народное происхождение. Но в той же легенде заметны некоторые черты, заставляющие предполагать, что легенда о крещении Ольги сохранила воспоминания о каких-то исторически верных фактах. Так, летописец рассказывает, что Ольга была, по-видимому, недовольна тем приемом, который был ей оказан в Царьграде. И, действительно, из описания приема Ольги в сочинении Константина Багрянородного выясняется, что русскую княгиню принимали в Царьграде по чину, какой полагался для приема невысоких чужеземных владетелей.

Как мы видим, Повесть временных лет представляет собой компилятивный памятник. Она включила в свой состав различные источники, связав их простейшим повторением одних и тех же фраз. Так, в Повести читаем:

«Поляном же, жившим особе по горам сим, бе путь из Ваяряг в Греки», после чего следует легенда об апостоле Андрее. По окончании легенды повторена фраза: «Подем же жившим особе», и начинается рассказ о Кие и его братьях. Такое повторение одних и тех же фраз обнаруживает компилятивную работу летописца. Написав первую фразу, летописец сделал вставку, а потом вернулся к тем же словам, с каких начал. Вставки различного рода материалов в первоначальный текст и их сшивка характерны для работы летописцев. Однако не всегда легко сказать, с чем мы имеем дело: с текстом, который принадлежит самому летописцу, или с одним из источников, которым летописец пользовался. Сказанное как будто подрывает до некоторой степени значение Повести временных лет как исторического источника, но такой вывод был бы глубоко неправильным. Источники Повести подвергались ее автором сравнительно небольшой обработке, сохраняя основные даты, имена, рассказы о событиях. Более решительной обработке подвергались лишь те известия, которые стояли в противоречии со взглядами летописца или с другими его источниками.

Л и т е р а т у р а

- А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — «Труды отдела древнерусской литературы института литературы». Т. 4 [б/г].
- Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947.

§ 4. НАЧАЛЬНЫЙ СВОД 1093 г.

В науке довольно долгое время существовало представление о том, что Повесть временных лет является древнейшим летописным сводом, дошедшим до нашего времени. Это представление было опровергнуто трудами А. А. Шахматова, который доказал, что более древний летописный состав сохранился в Новгородской первой летописи.

Под этим названием известна летопись, дошедшая до нас в двух видах, или изводах. Старший извод представлен единственным Синодальным списком, получив-

шим свое название от его принадлежности библиотеке Синода в Москве. Этот список написан на пергамене разными почерками XIII—XIV вв. К сожалению, Синодальный список дефектный и не имеет начала (утеряно 10 тетрадей, или 128 листов). Текст его начинается с рассказа о победе Ярослава над Святополком в 1016 г. Списки Новгородской первой летописи младшего извода (Археографический и Академический) относятся к более позднему времени, старейшие из них написаны в середине XV в. В списках младшего извода летопись сохранилась в полном виде и имеет начало.

Новгородская первая летопись младшего извода начинается словами: «Временник, еже есть нарицается летописание князей земля Руския и како избра бог страну нашу на последнее время, и грады почаша бывати по местом, прежде Новгородская волость, потом Киевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Киев». После краткого обращения к читателям следует извещение о хронологических рамках труда: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известно да скажем, от Михаила цесаря до Александра и Исакия».

Введение говорит о намерении летописца рассказать от начала Русской земли, от византийского императора Михаила до императоров Александра и Исакия. О времени Михаила говорилось выше, византийские же императоры Александр и Исакий жили в конце XI в. (одноименные императоры правили и спустя столетие — в конце XII в.). Тотчас после введения начинается погодный текст летописи: «В лето 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо с родом своим», после чего следует летописный текст, сходный с Повестью временных лет, но более краткий начиная с 854 (6362) г. и кончая известием 1446 г. (в Археографическом списке).

Сравнение текста Новгородской первой летописи с Повестью временных лет обнаруживает сходство этих произведений в их начальной части до 1074 г. включительно, после которого в Новгородской летописи помещено еще некоторое количество киевских известий, но уже в сокращенном виде, кончая 1093 г. Далее Новгородская летопись в основном дает только новгородские известия. Это дает право предполагать, что Новгородская

первая летопись и Повесть временных лет пользовались одним источником, кончавшимся 1093 г.

Новгородская первая летопись младшего извода передала состав этого источника ближе к первоначальному оригиналу, чем Повесть временных лет, дополнив свое изложение рядом вставных статей, которых не было в своде 1093 г., или Начальном своде. Так, в Новгородской первой летописи отсутствуют договоры Руси с греками, вставки из Георгия Амартола, рассказ о разорении древлянского города Искоростеня, рассказ о смерти Олега по предвещанию волхва и т. д. Следовательно, текст Новгородской первой летописи дает более ясное понятие о первоначальном составе того летописного свода, который послужил источником для Повести временных лет, давая возможность выделить из нее вставные статьи. Впрочем, следует иметь в виду, что речь идет о более древнем составе, а не о более древних чтениях, которые иногда более точно передаются Повестью временных лет. Таким образом, для изучения летописных известий IX—XI столетий необходимо пользоваться не только Повестью временных лет, но и Начальным сводом 1093 г.

Л и т е р а т у р а

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950.

А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916 (текст Начального свода выделен особым шрифтом).

§ 5. ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ XII—XIII вв.

Повесть временных лет была продолжена летописцами XII—XIII вв. Уже в XII в. летописные записи велись не только в Киеве и Новгороде, но и в других городах, в частности в Галиче, Владимире Волынском, Суздале, Чернигове и др. Возникновение областных летописей — явление крайне характерное для периода феодальной раздробленности, когда вырастает значение отдельных земель, а письменность получает дальнейшее развитие во всей Руси.

О Владимиро-Суздальском летописании XII—XIII вв. дает представление Лаврентьевская летопись.

В начале ее помещена Повесть временных лет (до 1110 г.), после чего следуют известия южнорусского происхождения: Собственно владимирские, ростовские и суздальские известия начинаются примерно с 1157 г., когда сообщается о том, что «ростовци и суздальци, сдумавше вси» (по общему соглашению), посадили у себя князем Андрея Юрьевича Боголюбского. Еще более местный, владими́ро-суздальский, характер летопись получает с известия об убиении Андрея Боголюбского в 1174 г. (по летописи в 6683 г.). Такой характер Лаврентьевская летопись имеет уже до своего окончания под 1305 г.

Владими́ро-Суздальская летопись рисуется нам как памятник княжеского летописания. Составители ее ставили задачей подчеркнуть силу и в то же время добродетели своих князей. Всеволод Большое Гнездо (умер в 1212 г.) — «милосерд», его сын Константин — «разумен». Князья поставлены самим богом, «злых казня и добросмысленных милуя».

Южнорусское летописание представлено Ипатьевской летописью и сходными с ней списками. В основу древнейших известий Ипатьевская летопись также положила Повесть временных лет, продолженную до 1116 г., после чего следует Киевская летопись, кончающаяся 1199 г. Известие этого года записано было в Выдубицком монастыре в Киеве. Последняя часть Ипатьевской летописи является галицко-волынским произведением. Она включает известия XIII в. и заканчивается на событиях 1292 г. Летописание XIII в. в Галицко-Волынской земле было связано с князьями и епископами и ставило своей задачей прославление их деятельности.

Вместе с тем Галицко-Волынская летопись XIII в. имеет ряд особенностей, которые отличают ее от других летописей этого же столетия. Первоначально она была составлена без деления на годы, которые были вставлены позже. Так, в Хлебниковском списке отсутствуют годы, на которые разделен список Ипатьевский. Годы были поставлены по разумению позднейшего редактора и часто не соответствуют действительным датам, отступая от них иногда на пять-шесть лет. Сам составитель Галицко-Волынской летописи ссылается на необходимость писать о событиях прошлого, не всегда придерживаясь определенных лет: «Хронографу же нужа есть

писати все и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же вступати в задняя, чьтый мудрый разумееть».

Галицко-Волынская летопись составилась из ряда записей, так как, естественно, описать все события за целое столетие одно лицо было не в состоянии, не пользуясь различными сказаниями и более ранними записями. Среди ее источников решительно преобладают записи, сделанные светскими лицами и наполненные рассказами о ратных подвигах, схватках, заговорах бояр, пиршествах и охоте. Авторами таких известий не могли быть монахи или церковники, их писали лица, приближенные ко двору галицких и волынских князей, хорошо осведомленные о политических событиях того времени. Некоторые источники Галицко-Волынской летописи явно были особыми повестями, даже сохранив прежние названия. «По сем скажем многий мятежь, великия лъсти, бецисленныя рати» — так начинается рассказ о крамолах князей и бояр против Даниила Романовича Галицкого.

Замечательной особенностью Галицко-Волынской летописи является ее язык. Изложение событий в Галицко-Волынской летописи красочно и в то же время иногда предельно сжато, речи часто передаются в виде диалогов или отдельных фраз. «Да лучше есть на своей земле костью лечи, нели на чюже славу быти», — восклицает половецкий певец, которому прислали степную траву «евшан», напоминая ему, что пора возвращаться в родные степи.

Крупным центром летописания был Новгород. Понятие о новгородском летописании XI—XIII вв. лучше всего дает Новгородская первая летопись. Летописание в Новгороде было сосредоточено при дворе архиепископа («владыки») и при некоторых монастырях и церквях (в XII столетии таким центром был Юрьев монастырь под Новгородом). В Новгородской летописи находим прямые ссылки на составителей летописных записей. Так, под 1188 г. в ней говорится о смерти священника Германа Вояты, который служил при церкви Иакова на Добрыниной улице 45 лет («служившую ему у святого Иакова полпятадесят лет»). Между тем под 1144 г., значит, за 44 года до 1188 г., сказано: «В то

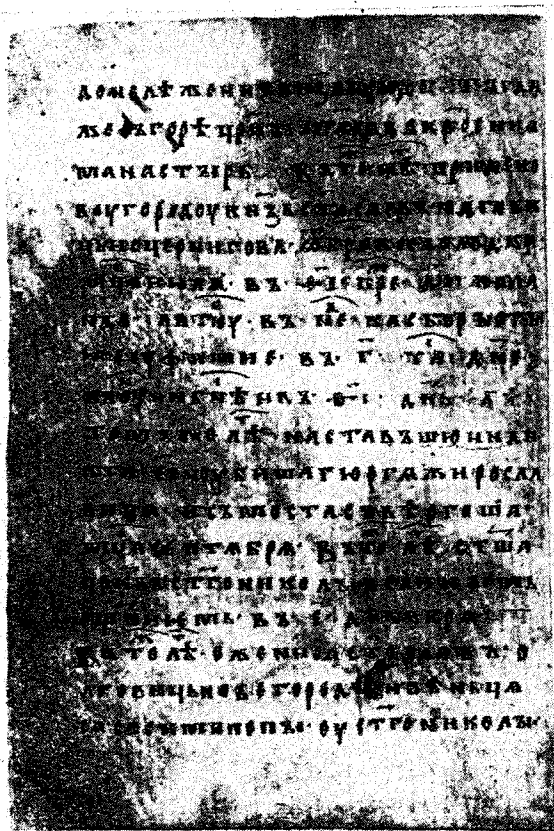
же лето постави мя попом архиепископ святой Нифонт». Так обнаруживается участие в составлении летописных записей Германа Вояты. Под 1230 г. в летописи по случаю смерти игумена Савы записано: «И дай бог его молитва святая всем християном и мне грешному Иоанну попови». Здесь поп Иоанн выступает как один из составителей летописи. В более древнем, Синодальном, списке на месте попа Иоанна стояло: «и мне грешному Тимофею пономарю». Перу того же пономаря Тимофея принадлежит другой новгородский памятник, так называемый «Лобковский пролог» (сборник различного рода сказаний и кратких житий святых) XIII в. Рукопись писал «Тимофей панамарь святого Якова» той же церкви, при которой служил Герман Воята. Таким образом, выясняется, что летописи велись при церкви Иакова.

Б. А. Рыбаков справедливо указал и на возможность составления летописей при дворах новгородских бояр и посадников, назвав даже древнейшую новгородскую летопись «Остромировой» по имени посадника Остромира (XI в.), для которого было написано Евангелие 1057 г.

Известия Новгородской летописи отличаются краткостью и четкостью изложения. По замечанию Н. И. Костомарова, перед нами как бы торговый человек, которому вечно некогда и который спешит записать известие как можно быстрее. Тут и сведения о ценах на торгу, о пожарах и о войнах, записанные кратко и точно: «В лето 6660 (1153). Априля в 23 загореся церкви святого Михаила сред Торга, и много бысть зла; и погоре весь Торг и дворы до ручья, а семой до Славна, и сгоре церквий 8, 9-я Варязьская». Семо — сюда, значит летописец жил в районе Славно на Торговой стороне Новгорода.

Были и другие центры летописания, о которых иногда известно только по тем сообщениям, которые вошли в упомянутые выше своды. Летописание в XII—XIII вв. имело место в Чернигове, Ростове, Переяславле Южном и Переяславле Залесском. «Летописец Переяславля Залесского» дошел до нас в списке XV в. и кончается 1214 г. Известия его, относящиеся к началу XIII в., ярко окрашены в местный переяславский колорит.

Новгородская пергаменная летопись XIII—XIV вв.

Л и т е р а т у р а

ПСРЛ. Т. 1. Спб., 1846; т. 2. Спб., 1845; т. 3. Спб., 1841.

Летопись по Лаврентьевскому списку. Спб., 1872.

Летопись по Ипатскому списку. Спб., 1871.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.

Летописец Переяславля Суздальского. «Временник Московского общества истории и древностей российских». Кн. IX. М., 1851.

§ 6. ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Летописи являются основным источником по истории Киевской Руси IX—XIII столетий. Однако при их изучении необходимо особенно критически относиться к их сообщениям.

Выше было показано, что наши летописные своды имеют составной, компилятивный характер. Составители их вынуждены были производить определенную редакторскую работу, согласовывая различные, иногда противоречащие друг другу известия. Следы такой редакторской работы обнаруживаются в разных местах Повести временных лет. Так, Повесть временных лет, например, осуждает тех людей, которые рассказывают, что Владимир крестился не в Корсуне, а в Киеве или в Василеве под Киевом. Из других источников мы узнаем о существовании летописца, который говорил о походе Владимира на Корсунь уже после крещения. И показания этого летописца следует признать более достоверными, чем легенда о крещении Владимира в Корсуне.

Очень внимательного изучения требует хронология летописей. Следует иметь в виду, что летописец ставил годы от «сотворения мира» по византийской системе, которая от сотворения мира до рождения Христа насчитывала 5508 лет. Таким образом, для получения года по нашей эре необходимо из числа указанных лет вычесть 5508. Например: лето 6488, вычитаем 5508, получается 980 год. Но год начинался по старому летосчислению 1 сентября. Поэтому для четырех месяцев (сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь) надо вычитать не 5508, а 5509 лет. Так и делают для летописей XV—

XVI вв., если известен месяц. Так, 4 мая 7115 г. переводится на наш счет как 1607 г. (минус 5508), а 4 ноября этого же 7115 г. — как 1606 г. (минус 5509).

В древнейших русских летописях начало года считалось обычно с марта — иногда с 1 марта, иногда с 25 марта (день Благовещения). Ввиду сложности вычислений в изданиях летописей обычно пользуются только сентябрьским счетом, по которому года событий отмечаются на полях летописей.

С наибольшей полнотой летопись рассказывает о крупных политических событиях, касавшихся светских и духовных феодалов. Войны между князьями, постановления епископов и митрополитов, княжеские съезды, события в княжеских семьях (смерти, рождения, браки и т. д.) занимают внимание летописца. На основании летописей можно составить почти полные биографии выдающихся князей и проследить их семейные связи. Внимание летописцев все время обращено в сторону феодальных верхов. Зато жизнь масс древнерусского общества их почти не интересует. Только ничтожные и отрывочные известия помещены в летописи о сельском населении Киевской Руси. На всем своем протяжении Ипатьевская летопись лишь семь раз упоминает о смердах, без числа повторяя слово «князь». Целые разряды населения не упомянуты в летописях. Таковы изгои и закупы, известные нам только по другим древним памятникам. Поэтому на основании летописи нельзя было разрешить существенные вопросы истории, например вопрос о земледелии как преобладающем виде хозяйственных занятий населения, о социальном строе, о городах Киевской Руси и т. д. Новейшие труды и открытия советских ученых в этой области в значительной мере основаны на изучении археологических, а не письменных источников.

В летописи можно найти указания на внешний вид княжеского дворца, но тщетно искать хотя бы краткого упоминания о внешнем виде жилища смердов и закупов. Относительно более часто говорится о городском населении, но и то лишь в связи с политическими событиями. Внутренняя жизнь города почти не интересует летописца, который, например, упоминает о переносе торгового базара в 1068 г. с низменного «подола» у берегов Днепра

в Киеве «на гору», ближе к княжескому замку, только в связи с княжеским распоряжением. Горожане появляются на страницах летописи лишь при рассказах о восстаниях в городе, при сообщениях об их участии в смене князей или в феодальных войнах. В летописях встречаются рассказы о городских восстаниях в Киеве 1068, 1113 и 1147 гг., в Новгороде — 1136 и 1209 гг. и т. д., но политические интересы летописцев сказываются в оценках этих восстаний. Летописец, неблагоприятно относящийся к князю Изяславу и его сыну Мстиславу, обвиняет последнего за расправу с восставшими киевлянами. Мстислав одних ослепил, «других без вины погубил, не испытал». Симпатии летописца на стороне киевлян, но только потому, что он является сторонником не Изяслава, а его братьев — Святослава и Всеволода.

Классовые симпатии летописцев почти всегда на стороне феодальной верхушки. Поэтому убийство Игоря Ольговича во время киевского восстания 1147 г. вызывает негодование летописца. Он называет киевлян беззаконными и неосмысленными, несмотря на то что раньше сообщал об обидах, нанесенных горожанам Киева и соседнего Вышгорода от тиунов Игоря («Ратша ны погуби Киев, а Тудор Вышгород»).

Творцами летописных сводов большей частью были монахи. Поэтому религиозный элемент играет большую роль в изложении событий в летописных сводах. Летописцы склонны объяснять многие явления воздействием дьявольских козней: «Наводит бог по гневу своему иноплемениники на землю, и тако скрушенным им вѣспомануться к богу; усобная же рать бываетъ от соблажненья дьяволя». Но политические интересы берут верх над благочестивыми рассуждениями, и летописец с сочувствием упоминает под 1159 г.: «Выгнаша ростовци и суждальци Леона епископа, зане умножил бѣше церковь, грабѣя попы». Духовенство играло исключительную роль лишь при окончательной обработке летописных сводов, в состав которых вошли отдельные сказания и записи, составленные не духовными, а светскими лицами. Таковы многочисленные рассказы о феодальных войнах, изобличающие авторство людей, хорошо знакомых с военным делом. Только дружинник мог напи-

сать под 1034 г. такую похвалу черниговскому князю Мстиславу Владимировичу: «Бе же Мьстислав дебел теломь, чермен (красен) лицом, великыма очима, храбор на рати, милостив, любяше дружину повелику, именья не щадяше, ни питья ни еденья браняше».

Историк должен крайне осмотрительно пользоваться летописными известиями и не забывать, что летописцы писали в условиях феодального общества и классовой борьбы.

§ 7. ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ

По вопросу о происхождении летописи существует обширная литература двухсотлетней давности. Уже В. Н. Татищев (ум. в 1750 г.) считал автором летописи монаха Нестора, жившего в конце XI в. в Киево-Печерском монастыре. Татищев основывался на том, что в некоторых списках Повести временных лет сообщается о ее написании «черноризцем» Нестором. Действительно, в Ипатьевской летописи Повесть временных лет имеет в заголовке слова: «Черноризца Федосьева манастиря Печерьскаго», а в Хлебниковском списке XVI в. прямо сказано: «Нестера черноризца». Однако уже Татищев допускал, что летопись дошла до нас не полностью, и первоначальный текст, принадлежавший, по его мнению, Нестору, известен нам в измененном виде. По мнению Татищева, Нестор кончил свою летопись на 1093 г., потому что в некоторых списках летописи после рассказа о «казнях божиих», помещенного под этим годом, поставлено слово «аминь», а этим словом древние авторы нередко кончали свои сочинения. Более поздним летописцем был Сильвестр, игумен Выдубицкого монастыря в Киеве, который довел летопись до 1110 г. и запись которого под 1116 г. сохранилась в Лаврентьевской летописи.

Большой вклад в исследование летописи внес Август Шлецер, опубликовавший свой труд «Нестор» в 1802 г. Он считал, что Повесть временных лет составлена одним автором — монахом Нестором. Шлецер утверждал, что Нестор писал свою работу по образцу византийских хроник и знал греческий язык. По Шлецеру, лето-

пись Нестора кончалась на 1110 г., Сильвестра же Шлецер считал не автором летописи, а переписчиком. Шлецер снабдил свой большой труд о Несторе обширными комментариями, образцовыми для своего времени и не потерявшими значения и в наше время. Шлецер полагал, что первоначальный текст Несторовой летописи можно восстановить путем сличения списков, в результате чего появился бы текст, «очищенный» от ошибок. При этом Шлецер не учитывал того, что различия в списках летописей зависят не только от ошибок переписчиков, но и от того, что летописцы пользовались разными источниками, исправляли и дополняли их, что текст Повести временных лет только условно можно считать авторским текстом Нестора или другого составителя, что надо говорить не об авторах летописных сводов, а об их составителях и редакторах.

Некоторым толчком для более критического изучения летописи в первой половине XIX в. явились статьи М. Т. Каченовского, главы так называемой скептической школы. Эти статьи, впрочем, не были основаны на глубоком изучении летописного материала. Отрицая факт высокого культурного развития Киевской Руси, Каченовский думал, что Начальная летопись была составлена не в XI в., а значительно позже — в XIII и даже в XIV в.

В ответ на статьи Каченовского вышла работа о летописи под названием «Оборона летописи русской Несторовой от навета скептиков», написанная П. Г. Бутковым. Автор разделил свою книгу на 12 глав, отвечая по пунктам на замечания, сделанные «скептиками» по поводу летописи. По мнению Буткова, Нестор прекратил свою летопись на 1113 г., так как с этого года начинается различие между Ипатьевским и Лаврентьевским списками. Нестор был автором Повести временных лет, Сильвестр же являлся просто переписчиком, а не составителем.

Значительно позже вышел труд М. И. Сухомлинова «О древнерусской летописи как памятнике литературном». Сухомлинов подошел к летописи прежде всего как к литературному памятнику, составленному на основании ряда источников. В их числе Сухомлинов указывает Библию и Палею (сборник различного рода ска-

заний, основанных главным образом на Библии). Повесть временных лет заимствовала из особых источников исповедание веры в рассказе о крещении Владимира, а также включила в летопись отрывки из жития Кирилла и Мефодия (составителей славянской азбуки), жития Владимира, сказания о Борисе и Глебе, жития Феодосия (игумена Киево-Печерского монастыря) и др. Повесть временных лет пользовалась и византийскими хрониками, в том числе Хроникой Георгия Амартола.

Для изучения летописей крупное значение имела книга К. Н. Бестужева-Рюмина под заглавием «О составе русских летописей до конца XIV века», состоящая из двух частей: 1) Повесть временных лет и 2) Летописи южнорусские. Бестужев-Рюмин считает, что летописные заметки могли вестись даже в X в. В летопись внесено значительное количество преданий и народных песен. То, что нередко считается записями, современными летописцу, подчас является не чем иным, как записью различных песен, былин и легенд, сохранившихся в устной передаче. Таковы сказания об Ольге, заметки о походах Святослава, о мести Ольги древлянам и т. д. Ссылаясь на рассказ летописца о Рогнеде и ее потомках, о которых говорится: «О сих же Всеславичах сие есть сказавше ведущий», Бестужев-Рюмин сближает слово «ведущий» с прозвищем Бояна в «Слове о полку Игореве» как «вещего». Бестужев-Рюмин указывает и на другую замечательную особенность летописей. Рядом с киевскими известиями в Повести временных лет встречаются известия, которые были записаны явно в других областях, — в Новгородской, Ростовской, Черниговской. Отдельные исторические подробности, принадлежащие перу современников, могли быть внесены в летопись только из местных записей. В результате Бестужев-Рюмин приходит к мысли, что Повесть временных лет в сохранившихся редакциях была составлена в начале XII в. Однако ни Нестор, ни Сильвестр не были авторами летописи. Повесть временных лет, по мнению Бестужева-Рюмина, не сочинение, написанное одним человеком, а летописный свод, составленный из самых разнообразных известий. Это представление о Повести временных лет как о летописном своде было развито в трудах А. А. Шахматова.

Наиболее ценным для изучения Повести временных лет является книга Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (1908 г.). Впрочем, и после издания этого труда Шахматов продолжал уточнять и пополнять те выводы, которые он сделал раньше. Основываясь на глубоком изучении летописей, Шахматов впервые попытался восстановить уже несуществующие своды. Он пришел к мысли, что в основе Начальной летописи, дошедшей до нас в Ипатьевском и Лаврентьевском списках, лежат более ранние летописные своды, которые могут быть реконструированы. Основываясь на том, что позднейшие летописи легче поддаются изучению со стороны их состава, Шахматов идет в своем изучении от позднейшего к первоначальному. Таким образом, он начинает свою работу не с древнейших летописей, а с изучения тех сводов, которые были созданы на их основе позже, в XIV—XVI вв.

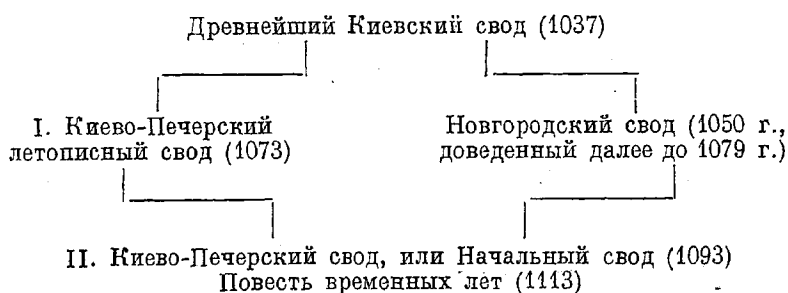
Шахматов отмечает, что Начальная летопись, дошедшая до нас в виде Повести временных лет, сохранилась в двух редакциях. Одна редакция (Лаврентьевская летопись) может быть названа Сильвестровской и была составлена в 1116 г., вторая (Ипатьевская летопись) составлена в 1118 г. Лаврентьевская и Ипатьевская летописи имеют весьма близкий друг к другу текст, что позволяет говорить о том, что в основе их лежал какой-то более ранний летописный свод, составленный первоначально в 1113 г., вероятно, Нестором.

Но сама Повесть временных лет была основана на более ранних летописных сводах. Так, в основе Повести лежит более древний свод, который был доведен до 1093 г. и составлен около 1095 г. Некоторое понятие об этом своде дает текст Новгородской первой летописи младшего извода. При сопоставлении его с текстом Повести временных лет оказывается, что текст Новгородской летописи по своему составу древнее Повести. Это видно из того, что в Новгородской первой летописи еще отсутствуют те известия, которые явно вставлены в текст Повести временных лет при ее составлении в начале XII в. Свод 1093 г. возник в Киево-Печерском монастыре и был общерусским сводом, т. е. заключал в себе известия не только о Киевской, но и о других русских землях.

Начальный свод 1093 г. сам был основан на более ранних летописных сводах. Подробно анализируя состав общерусского свода 1093 г., Шахматов приходит к мысли, что в основе его лежат два источника: один — киевского, другой — новгородского происхождения. Киевский источник, по мнению Шахматова, представлял собой летописный свод, составленный в 1073 г. в Киево-Печерском монастыре. Однако в Начальном своде 1093 г. наряду с киевскими имеются известия новгородского происхождения. Они были взяты, по мнению Шахматова, из особого Новгородского свода 1050 г., позже продолженного до 1079 г. В результате Шахматов приходит к мысли о существовании еще более древнего свода, или так называемого «Древнейшего Киевского свода», который, по его мнению, был составлен в 1037 г.

Схема происхождения летописи, по Шахматову, рисуется в следующем виде:

Следует заметить, что время возникновения сводов указано в сочинениях Шахматова условно, и в разных его работах имеются разноречия в их датировке. Время, причины и условия возникновения сводов, предшествовавших Повести временных лет, объяснены им следующим образом.

Составление Древнейшего Киевского свода было вызвано учреждением в Киеве митрополии. В основу Древнейшего Киевского свода были положены многие источники, в том числе: 1) местные киевские предания, песни и легенды; 2) жития святых (житие Владимира, Ольги, Бориса и Глеба и др.); 3) известия, взятые из воспоминаний лиц, еще живших при Ярославе, и из

различного рода записок и документов, которые могли в это время существовать.

Древнейший свод 1037 г. заканчивался похвалою князю Ярославу, как покровителю книжного просвещения. Он явился основным источником для дальнейших летописных сводов. Когда в 1050 г. в Новгороде был построен Софийский собор, сделавшийся центром епископии, епископ Лука и князь Владимир Ярославич, по мнению Шахматова, решили составить новый свод, оканчивающийся на 1050 г. В основу его был положен Древнейший Киевский свод 1037 г. с целым рядом дополнений по новгородским записям.

Древнейший Киевский свод был продолжен до 1073 г. монахом Киево-Печерского монастыря Никоном Великим, причем под 1062 г. была помещена большая статья об истории Киево-Печерского монастыря. В 1093 г. был составлен новый свод на основе Новгородского свода 1050 г. и Летописного свода 1073 г. Вследствие этого такой свод может быть назван общерусским Начальным сводом, как объединивший не только киевские, но и новгородские известия. Из этого свода, дополненного позднейшими известиями, возникла Повесть временных лет, составленная в Киево-Печерском монастыре монахом Нестором в 1113 г. Первая редакция Повести была составлена в благожелательных тонах к Святополку Изяславичу. После его смерти Повесть временных лет была переработана в 1116 г. игуменом Сильвестром Выдубицким, выдвинувшим на первый план при изложении событий конца XI — начала XII в. княжившего тогда в Киеве Владимира Мономаха (ум. в 1125 г.). Киево-Печерский монастырь в свою очередь также переработал в 1118 г. Повесть временных лет в духе, еще более благожелательном Владимиру Мономаху. Так в короткое время возникли три редакции Повести временных лет, из которых до нас дошли только две последние.

В схеме Шахматова наиболее бесспорным является предположение о существовании трех редакций Повести временных лет. Без допущения существования трех редакций мы не в состоянии объяснить близости и отличия текстов Лаврентьевской и Ипатьевской редакций Повести временных лет.

Обоснованным представляется предположение о существовании Киево-Печерских сводов 1073 и 1093 гг. На существование свода 70-х годов имеется ряд указаний. Так, древнейшая часть Повести временных лет имеет своеобразную обработку, которая становится понятной только при допущении, что в 70-х годах XI в. текст более древних летописных известий был отредактирован. В Повести временных лет читаем рассказ о пребывании Ольги по смерти Игоря в Киеве с сыном Святославом с таким добавлением: «Бе бо тогда вода текущи воздоле горы Киевския, и на Подольи не сядяху людье, но на горе; град же бе Киев, иде же есть ныне двор Гордятин и Никифоров, а двор князь бяше в городе, иде же есть ныне двор Воротиславль и Чюдин, а перевесище бе вне града». Никифор и Чюдин жили во второй половине XI в., примерно в 60—70-х годах. Следовательно, слова о первоначальной топографии Киева принадлежат человеку, жившему в эти годы, как на это указывает слово «ныне», теперь.

Если принять схему Шахматова, начиная с первого Киево-Печерского свода 1073 г., то она представится заслуживающей безусловного внимания. Наоборот, остальная часть построения Шахматова представляется чрезвычайно гипотетической. В самом деле, если существовал Новгородский свод 1050 г., то он должен был включить в свой состав и новгородские известия XI в. Между тем летописи крайне скудно сообщают о новгородских событиях первой половины XI в., отсутствующих в Повести временных лет. Таких кратких сообщений немного: о клевете на епископа Луку в 1055 г., о построении в 989 г. деревянного собора Софии с 13 куполами («имущи верхов 13»), о епископе Стефане, которого удавили в Киеве его же холопы.

Много сомнений вызывает и вопрос о Древнейшем Киевском своде. По Шахматову, этот свод был составлен в 1037 г. Следовало бы предполагать, что время Ярослава должно быть в своде его времени описано особенно подробно. В действительности же мы видим обратное. В Повести временных лет, будто бы основанной на своде 1037 г., время Ярослава описано менее подробно, чем распри Ярополка, Олега и Владимира. Таковы те недоумения, какие вызывает теория Шахматова.

Труды Шахматова создали эпоху в области изучения летописи, но работами Шахматова ее изучение не закончилось.

По-новому к истории летописания подошел В. М. Истрин. Изучив начальные известия Повести временных лет, он пришел к мысли, что первоначально на Руси была составлена особая русская хроника, которая была доведена до 1054 г., т. е. до смерти Ярослава. В ее основу легло сочинение Георгия Амартола, соответствующим образом переработанное. В то время как у Георгия Амартола был отмечен один поход Игоря на Царьград, летописец говорит о двух походах, переделав рассказ о нападении угров на Византию в известие о втором походе Игоря. Византийская хронология послужила как бы рамкой, которую начальный летописец положил в основу своего повествования. Так как Хроника Георгия Амартола кончалась 948 г., то составитель русской летописи именно с этого времени начинает излагать русские события. Русская хроника была составлена между 1037 и 1054 гг. и называлась «Хронографом по великому изложению». В 1054 г. на ее основе возник новый памятник, автор которого взял конец Хронографа с 852 г. и написал предисловие, назвав свой труд «Повестью временных лет». Истрин не производил детального критического исследования летописей, как Шахматов, и чрезвычайно упростил вопрос о происхождении Повести временных лет, оставив без объяснения, почему позднейшие летописные своды по своей конструкции никак не напоминают хронографы. К тому же текст, заимствованный из Георгия Амартола и внесенный в Повесть временных лет, отсутствует в Новгородской первой летописи и является вставкой.

По-иному вопрос о начале русского летописания поставил Н. К. Никольский. Он останавливается на загадочном молчании Повести временных лет о начале русской письменности и предполагает существование особой повести о прошлой судьбе Поляно-Руси, восходящей к моравской истории западных славян. По его мнению, источником некоторых известий Повести временных лет были сказания, возникшие у западных славян. Сказание о расселении славянских племен, которое имеется в Повести временных лет, становится понят-

ным, если мы обратимся к западнославянским памятникам. Существовало особое сказание о составлении славянской азбуки, отрывок которого помещен в Повести временных лет под 898 г. При позднейшей переработке летописи, под влиянием греческого духовенства, были выброшены сказания, говорившие о связи Руси с западными странами. Работа Никольского осталась неоконченной, но и в опубликованном виде интересна своей попыткой объяснить происхождение некоторых известий летописи, относящихся к истории западных славян IX—X вв. О связях Руси с Чехией и Моравией в XI столетии вполне убедительно говорят исследование Н. Н. Ильина, а также работы чехословацких ученых.

В основном на работы Шахматова опирается глава «О начале русского летописания» в «Истории русского летописания XI—XV вв.» М. Д. Приселкова. Приселков уточняет выводы Шахматова и вводит иногда некоторые дополнения к его построениям. Так, уже без всяких оговорок он называет свод 1073 г. летописным сводом Никона и приписывает свод 1093 г. игумену Киево-Печерского монастыря Ивану. Работа Приселкова интересна как попытка представить связную историю Повести временных лет и предшествовавших ей сводов. Наиболее существенным недостатком построений Приселкова является отсутствие критики теорий Шахматова, которые принимаются им как что-то бесспорное и почти не подлежащее сомнениям. Сам Приселков не производит в своем курсе глубокого критического разбора текстов Повести временных лет, которая как бы остается только фоном для его построений.

Труды А. А. Шахматова оказали большое влияние на дальнейшее изучение летописания. Главное свое внимание исследователи обратили на установление того времени и тех условий, когда возникли летописные своды. К интересным выводам пришел в своих работах Е. Ю. Перфедский, отметивший существование нескольких «княжеских летописей и параллельное ведение в XII столетии в Киеве нескольких летописей». Он устанавливает существование ряда летописных сводов названного века и делает попытку назвать даже их

составителей: «Иеродьякон Кирик — один из летописцев Новгородской княжьей летописи». В другой своей работе Перфецкий устанавливает существование летописного свода, составленного в Перемышле, который лег в основу летописных известий о Русской земле, приводимых в обширном историческом труде польского писателя Длугоша (см. гл. XVII, § 4).

Новую схему появления летописания на Руси создал Д. С. Лихачев. По его мнению, вначале возникло «Сказание о первоначальном распространении христианства». Оно было составлено книжниками киевской митрополии при храме Софии в первой половине 40-х годов XI столетия. Но книжная деятельность при храме св. Софии замерла, и новый исторический труд был создан в Печерском монастыре в Киеве в 70-х годах того же столетия. «Соединив устные предания — киевские, киево-печерские, северочерноморские, новгородские с данными «Сказания о первоначальном распространении христианства», Никон создал первую систематическую историю русского народа».

Таким образом, по Д. С. Лихачеву, вся древнейшая история Руси фактически представляет собой пересказ различного рода преданий, а тем самым и достоверность сведений по истории Руси первой половины XI в. снижается до крайности. Какую ценность, как исторический источник, может иметь, например, рассказ о княжении Игоря, если он записан более чем через 100 лет после описываемого в нем события? Однако развернутых доказательств правильности своих построений автор не приводит, кроме ряда интересных, но не решающих сопоставлений. Остается недоказанным и авторство Никона в своде 70-х годов, да еще в виде всеобъемлющей фигуры человека, объединившего в своем лице таланты церковного и светского писателя, умевшего красочно описывать и монашеские подвиги и рыцарское удалство.

Явным недостатком построений Д. С. Лихачева является их чересчур беглый характер и отсутствие должного внимания к литературе о русских летописях, появившейся до него и доказавшей компилятивность Повести временных лет и Новгородской первой летописи.

Из более поздних работ по истории летописания следует отметить работу Л. В. Черепнина, показавшего возможность возникновения летописных сводов уже в конце X в. Центром летописания в это время могла быть Десятинная церковь в Киеве, освященная в 996 г. К сожалению, в большой статье Л. В. Черепнина вопросу о древнейшем своде, возникшем при Десятинной церкви, уделено только несколько строк.

Значительный интерес представляют работы Б. А. Рыбакова, в которых автор обращает свое внимание главным образом на светский характер летописей и их замечательную достоверность. Составление Новгородского первого свода он приписывает посаднику Остромиру.

Вопрос о начале русских исторических произведений заново был поставлен М. Н. Тихомировым. Тихомиров полагает, что в основу известий о русских событиях X в. были положены три сказания: сказание о начале Руси, сказание о призвании варягов и сказание о русских князьях X в. Первые два сказания возникли в первой половине XI в., сказание же о русских князьях возникло до 1007 г. и отличается высокой достоверностью. Таким образом, русская историография начинается с конца X или с самого начала XI в.

Л и т е р а т у р а

- В. С. Иконников. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. I. Киев, 1908. Глава V (в ней изложены результаты исследования летописи и указаны библиографические данные о них, кончая началом XX в.).
- А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Стр. I—XXX.
- А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938.
- А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Спб., 1908.
- В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (11—13 вв.).—«Наука и школа». Пг., 1922, стр. 135—152 (гл. «Летопись»).
- Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1. Л., 1930.
- М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

- Е. Ю. Перфецкий.* Русские летописные своды в их взаимоотношениях. Братислава, 1922.
- Д. С. Лихачев.* Повесть временных лет (историко-литературный очерк) в издании: «Повесть временных лет». Ч. 2. Приложения. Под ред. В. Н. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.
- Л. В. Черепнин.* Повесть временных лет, ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды.—«Исторические записки», вып. 25, 1948.
- Б. А. Рыбаков.* Остромирова летопись.—«Вопросы истории» № 10, 1956, стр. 46—59.
- М. Н. Тихомиров.* Начало русской историографии.—«Вопросы истории» № 5, 1960.
-

РУССКАЯ ПРАВДА И ДРЕВНЕЙШИЕ АКТЫ

§ 1. КРАТКАЯ РУССКАЯ ПРАВДА

Важнейшим источником по истории Киевской Руси наряду с летописью является «Русская Правда». В настоящее время известно более 100 списков Русской Правды, которые по своему содержанию делятся на три группы, или редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную. По существу эти редакции представляют собой особые произведения, возникшие в разное время, хотя и в связи друг с другом. Наибольшее значение для историков имеют Краткая и Пространная редакции Русской Правды. Сокращенная Правда сохранилась лишь в двух поздних списках, и вопрос об ее происхождении остается спорным.

Историки согласны с тем, что Краткая Правда является древнейшей по своему происхождению. Против этого возражали некоторые лингвисты (А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, С. П. Обнорский), считающие Краткую Правду более поздней, чем Пространная. Но их наблюдения не имеют решающего значения, поскольку мы знаем, что Пространная Правда сохранилась в более древних списках, чем Краткая. Поновление языка — обычное явление при переписке древних памятников.

Краткая Правда дошла до нас в двух списках XV в. (Академическом и Археографическом). Она включена в состав Новгородской первой летописи младшего извода под 1016 г. после рассказа о победе Ярослава над Святополком Окаянным. По летописи, Ярослав дал новгородцам «правду и устав списа глаголав тако:

по сей грамоте ходите, яко же писах вам, тако же держите».

На этих словах летописи основывались некоторые исследователи в доказательство того, что Русская Правда в краткой редакции дана была новгородцам самим Ярославом. В действительности текст Русской Правды, помещенный вслед за известием 1016 г., не может быть целиком приписан Ярославу, так как вторая часть Краткой Правды написана уже после его смерти. Есть основания думать, что слова о пожаловании Ярослава попали в летопись позднее, когда в нее вставили текст Правды. По крайней мере в древнем Синодальном списке Новгородской летописи ничего не говорится о грамоте Ярослава 1016 г., отсутствует и текст Краткой Правды. Следовательно, можно полагать, что первоначально Краткая Правда в составе Новгородской летописи не находилась и была включена в нее лишь позднее, может быть, в XV в.

По своему содержанию Краткая Правда является сборником, состоящим из нескольких частей. Она озаглавлена как «Правда Росьская» (в другом списке — «Русская») и начинается постановлением о кровной мести: «Убьеть мужь мужа, то мьстити брату брата или сынови отца...»

Далее следуют постановления о мести за нанесение увечья или оскорбления, если кто-либо ударит другого батоном (палкой) или рукояткой меча, или во время ссоры нанесет удар мечом по руке и отсечет руку или ногу. Во всех этих случаях Правда устанавливает определенную пеню, взимаемую с обидчика (например: «Аще ли перст утнеть который любо, 3 гривны за обиду»). Далее указываются пени для тех случаев, когда кто-либо оскорбит другого, толкнув его или повредив ему усы или бороду. За этим следует постановление о бегстве «челядина» (раба), о присвоении чужого коня, о разбирательстве дел о пропавших вещах путем «свода», о доказательствах своей невиновности перед 12 «мужами», о поисках украденного челядина (раба), о холопе, ударившем свободного человека («мужа»). Эта часть Правды заканчивается словами: «А иже изломить копье, любо щит, любо порт, а начнет хотети его держати у себе, то приати скота у него; а иже есть

изломил, аще ли начнет приметати, то скотом ему заплатити, колько дал будеть на нем» (если кто изломит копье или щит или испортит одежду, а захочет оставить их у себя, то взять у него деньги («скот»), а если он испортил вещи и начнет их отдавать, то должен заплатить деньгами, сколько было за них уплачено).

Вторая часть Краткой Правды начинается словами: «Правда уставлена Руськой земли, егда ся совокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко, Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин, Микула». Такой заголовок позволил дать всей второй части Краткой Правды название Правды Ярославичей, так как в ней названы сыновья Ярослава: Изяслав, Всеволод, Святослав. После заголовка следует перечисление княжеских людей, за убийство которых устанавливается пеня: за огнищанина 80 гривен, за княжеского тиуна и старшего конюха 80 гривен, за сельского и ратайного (полевого) старост 12 гривен, за смерда и холопа 5 гривен, «аще роба кормилица, любо кормилищ (дядька) — 12».

Далее следуют обозначения пеней, налагаемых за кражу или истребление княжеского скота («а за княжь конь, иже той с пятном 3 гривны, а за смердей 2 гривны») и пр., после чего помещены постановления, повторяющие статьи из первой части Краткой Правды: об уводе чюжего холопа и об окровавленном человеке. Вслед за этим говорится о штрафах и наказаниях за кражу коня и вола, за кражу из помещения («из клетки»), о порче княжеской борти, о пытках смерда без княжеского повеления, о порче межевых знаков, о краже птиц, о воре, пойманном на дворе, о краже скота. Заканчивается Краткая Правда «поконом вирным» с определением того, сколько надо платить сборщику пошлин, (вирнику) и «уроком» мостникам, соорудившим мосты и деревянные мостовые в городах.

Как видим, Краткая Правда отличается неоднородностью содержания. В ее составе можно обнаружить по крайней мере три различных сборника юридических норм: Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Покон вирный. Однако и в пределах этих частей Краткая Правда неоднородна по содержанию; в составе Правды Ярослава возможно обнаружить тоже два слоя — древнейший и более поздний.

Первую часть Краткой Правды обычно называют Древнейшей Правдой, или Правдой Ярослава. Она выделяется тем, что в ней русское общество представляется еще малодифференцированным: рядом со свободными людьми указываются только «челядины» — рабы. По своей терминологии Древнейшая Правда связана с новгородскими памятниками. Таковы слова: «видок» — свидетель, встречающиеся в новгородских произведениях, взамен обычного слова «послух», «ябедник» — обвинитель, должностное лицо и пр. Характерны постановления Древнейшей Правды, связанные с варягами и показывающие особое внимание, которое им уделяется. Это указывает на новгородское происхождение Древнейшей Правды, так как Новгород был связан постоянной торговлей со Скандинавией.

Архаическое содержание Древнейшей Правды не позволяет относить ее возникновение к чересчур позднему времени, а некоторые ее особенности позволяют думать, что она и была той «Правдой», которую Ярослав дал новгородцам в 1016 г. в Киеве после победы над Святополком. На это указывает первая же статья Древнейшей Правды: «Убьеть мужь мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, либо отцю сына, или брату чаду, либо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, либо гридин, либо купчина, либо ябетник, либо мечник; аще изгой будеть, либо словенин, то 40 гривен положити за нь».

В этом постановлении «русин» обозначен особо от «словенина». Попытки объяснить слово «русин» в качестве варяга в отличие от словенина не находят подтверждения в древнерусской письменности, которая отличала жителей Киевской и других южно-русских земель («русинов») от жителей Новгородской земли («словен»). Оговорка о русинах, внесенная в данном случае в Древнейшую Правду, особенно понятна в Правде, данной по новгородским обычаям и по просьбе новгородцев, но не в Новгороде, а в Киеве, где Ярослав Мудрый «утер пот» — отдохнул от длительной борьбы со Святополком.

В Правде Ярослава перед нами выступают свободные люди, «мужи», привыкшие к войне и расправе оружием во время ссор (статьи 1—17). Но это не рыцари,

как в своих работах их называет Б. Д. Греков, а те свободные «мужья», которые во главе со своими сотскими составили новгородское ополчение Ярослава. При их помощи он победил Святополка и овладел Киевом. Правда Ярослава была для Новгорода своего рода жалованной грамотой, устанавливавшей равенство «мужей», свободных людей с дружинниками. За убийство и тех и других была установлена одинаковая плата в 40 гривен в случае отсутствия мстителей. В Правде Ярослава перечислены те общественные категории, на которые распространялось пожалование. В ней княжеские дружинники (гридин, мечник, ябедник) поставлены рядом с купцом и даже изгоем. Последнее объясняется тем, что изгои находились под могущественным покровительством церкви.

Правда Ярослава не знает судебных княжеских пошлин, ей известна только «обида» в пользу потерпевшего, но нет «продажи» в пользу князя. Это также подчеркивает ее льготный характер. Участие варягов в войне против Святополка объясняет нам и появление в Правде Ярослава льготных постановлений о варягах, связанных с похищением холопов-рабов. Торговля рабами была одним из постоянных занятий варяжских купцов, продававших рабов на рынках Константинополя и Киева.

Вторая часть Краткой Правды, или Правда Ярославичей, объединена общей темой о княжеском суде и княжеских пошлинах, но не является единым произведением, а составлена также из разнородных частей (статьи 18—41). Видимо, первоначально Правда Ярославичей кончалась постановлениями о наказаниях за кражу княжеского скота, к которым приписаны были другие статьи, а также Покон вирный и Устав местникам. В силу этого составитель Краткой Правды и повторил в сокращенном виде две статьи Древнейшей Правды об украденном холопе и об окровавленном человеке.

В литературе прочно держится мнение, высказанное А. Е. Пресняковым и Б. Д. Грековым, согласно которому Правда Ярославичей является своего рода уставом для княжеских имений. Возможно, что Правда Ярославичей возникла после восстания в Киевской Руси

в 1068—1071 гг., когда многие княжеские люди были убиты, и понадобилось объединение князей, а также установление определенной пени за убийство княжеских людей. Действительно, в Правде Ярославичей есть прямая ссылка на подобные волнения. Так, в ней говорится: «А конюх старый (т. е. старший) у стада 80 гривен, яко устави Изяслав в своем конюсе, его же убили Дорогобудьци» (за конюха старшего при стаде платить 80 гривен, как устави Изяслав за своего конюха, которого убили дорогобужцы). Изяслав — киевский князь, Дорогобуж — город в Волынской земле. Плата за княжеского мужа была повышена в Правде Ярославичей до 80 гривен вместо 40 гривен, указанных в Древнейшей Правде.

Временем возникновения Правды Ярославичей обычно считают 1054—1073 гг., потому что только после 1054 г. (смерть Ярослава Мудрого) и не позже 1073 г. Ярославичи могли собраться вместе и составить этот памятник. В 1073 г. Святослав выгнал из Киева старшего брата Изяслава, а в 1076 г. — умер. Такая датировка Правды Ярославичей подтверждается тем, что в ней упоминаются лица, известные по летописям в 60—70-х годах XI столетия: Коснячко был киевским воеводой во время восстания 1068 г.; двор Никифора Киевлянина («Кыянина») упомянут в летописном известии, относящемся по своему происхождению к этим же годам; Чюдин «держал» как феодальное владение город Вышгород под Киевом в 1072 г.

Указанную выше датировку можно уточнить. В 1072 г. происходил съезд трех Ярославичей в Вышгороде. На этом съезде присутствовали Коснячко, Чюдин и Микула, упомянутые в Правде Ярославичей (Микула был в Вышгороде знатным человеком («старейшиной»). Ярославичи, «совокупившись», съехались в Вышгород по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба. Съезд князей хотя и был приурочен к церковному празднеству, но имел политическое значение. Князья праздновали подавление опасных волнений крестьян и горожан. Ведь киевское восстание 1068 г. одно время привело к тому, что Изяслав, старший из Ярославичей, был изгнан горожанами из Киева. Восставшие посадили на княжеский стол в Киеве полоцкого князя Всеслава,

челадина. а при гривѣ а шендоу. аще
испоудѣ на чю жель конѣ. не прощаѣ
его. по положити. р. гривны. аще по
иметь источяжъ конѣ. любо шроужѣ
или паритѣ. а поудаетъ въ своемъ мнѣ.
то въ мнѣ моему шю. р. гривны. а шендоу.
аще поудаетъ испанемъ его. по нерни
моему мое. парци моему тѣко. поудинаѣ
исѣ венаула. или не поудѣ. то по роу
тннѣ а р. днѣ. аще сѣ въ шендѣ
роушн проче. а шендѣ а шендѣ
мнѣ. то и пн моему на шендѣ. прѣ. ш
моужд. а аще боудѣ. ошдѣ не вѣдѣ
достойно моему шю шю. а а шендоу. р.
гривны. аще шю челадина поудати
хощетъ поудати шю. то ко шю моему
шѣ шнѣ. оу ко шю моему де коупнѣ. а те
сѣ вѣдѣтѣ роушн моему. а аже и дѣнѣ
до шендѣ. то роушн шю. въ
а шнѣ. мнѣ шю челадина. а шнѣ шю
шю шнѣ шю шю. или холопѣ оу
а а рн шю шю. а оу шнѣ шнѣ
шю шнѣ. а шнѣ шнѣ шнѣ шнѣ
шю шю шю шю. а а шнѣ шнѣ шнѣ
шнѣ шю. ш. гривны. а а шнѣ шнѣ
на шю оу а рн шнѣ шю. а а шнѣ
шю. а шнѣ шнѣ шнѣ шнѣ. а шнѣ
или паритѣ. а а шнѣ шнѣ шнѣ
шнѣ оу шю. то шнѣ шнѣ шнѣ шнѣ.
а аже шнѣ шнѣ. а шнѣ шнѣ шнѣ

освободив его из темницы и торжественно «прославив» (провозгласив) князем. Изяслав с помощью польского короля взял Киев 2 мая 1069 г., и в этот же день позже праздновалось перенесение мощей Бориса и Глеба. К этому времени и можно приурочить создание Правды Ярославичей, предназначенной защищать в первую очередь княжеские интересы.

Последние статьи Краткой Правды, следующие за Правдой Ярославичей, возникли, по-видимому, позже, не раньше конца XI в., и отличаются по размерам денежных пеней от Правды Ярославичей. В них за мучение смерда установлена пеня в 3 гривны, а за огнищанина — 12 гривен, в четыре раза больше, чем за смерда. В Правде Ярославичей убийство смерда и убийство огнищанина оцениваются совсем по-иному: за смерда платят 5 гривен, за огнищанина — 80 гривен, т. е. в 16 раз больше. Правда Ярославичей постановляет за кражу вола платить гривну, статьи, следующие за ней, — 1 гривну и 30 резан и пр. (статьи 26—40).

В конце Краткой Правды помещен особый устав под заголовком: «А се покон (в другом списке — «поклон») вирный». В Поконе говорится о вирниках, сборщиках штрафов за убийство и другие преступления. К нему добавлены слова, что Покон был уставлен Ярославом «то ти урок Ярославль». В терминологии Покона находим влияние церковных сочинений, которое не характерно для остальных частей Краткой Правды. Покон вирный знает говение (пост), неделю (воскресенье), барана называет «овном», как в церковных сочинениях. Покон устанавливает поборы вирников в постные и скоромные дни. Забота о постах кажется странной, так как в остальных частях Краткой Правды нет даже намека на церковные обряды, на церковь и духовенство вообще. Это наводит на мысль, что Покон вирный — не что иное, как устав для церковных земель, тем более, что ему предшествует постановление о взимании «десятины», поступавшей в пользу церкви. Краткий устав («урок») о мостниках представляется добавлением к Покону вирному.

Однако Краткая Правда является не просто механическим соединением разновременных памятников, а представляет собой единый памятник, составленный

на основании более древних источников. Так, присматриваясь к составу Краткой Правды, мы найдем, что отдельные ее части (Древнейшая Правда, Правда Ярославичей, статьи, следующие за Правдой Ярославичей, и Покон вирный) были соответствующим образом обработаны, причем эта обработка обличает, с одной стороны, руку новгородца, а с другой — человека, близкого к церковным кругам. Такова, например, вставка, приписанная к первой статье Древнейшей Правды: «Аще изгой будеть, любо словенин, то 40 гривен положити за нь». Вставной характер этой приписки обнаруживается словом «аще», которым она начинается, как и другие постановления. Слова об изгоях могли быть внесены человеком, близким к церковным кругам, так как изгой находился под покровительством церкви.

Где же и когда возникла Краткая Правда в ее современном виде? На первый вопрос можно ответить относительно точно: видимо, в Новгороде, чем и объясняется присутствие Краткой Правды в составе Новгородской летописи.

На второй вопрос (когда?) можно дать только приблизительный ответ: вероятно, в начале XII в. И вот на каком основании. В заголовке Правды Ярославичей сыновья Ярослава перечисляются не в порядке старшинства, а таким образом: «Изяслав, Всеволод, Святослав». Уже Н. А. Максимейко оценивал такую неправильность в заголовке Правды Ярославичей, как отражение определенных политических тенденций. В самом деле, было время, когда Святослав считался по старшинству младшим по сравнению с Всеволодом. Это было в княжение Всеволода, а позже — Владимира Мономаха и его наследников. Мономаховичи основывали свое право на владение Киевом и Новгородом на том, что Святослав захватил престол у старшего брата Изяслава и умер раньше его. Сыновья же Святослава, особенно знаменитый Олег Святославич, никогда этого не признавали. Вопрос о старшинстве в начале XII в. имел политическое значение. В Новгороде конца XI — начала XII в. сидели Мономаховичи — сначала Мстислав Владимирович, затем Всеволод Мстиславич (до 1136 г.). Это позволяет предполагать,

что Краткая Правда возникла в Новгороде в начале XII в. на основе более ранних памятников.

Л и т е р а т у р а

Правда Русская. Тексты. Подгот. к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейрманс и Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940.
М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

§ 2. ПРОСТРАННАЯ РУССКАЯ ПРАВДА

Пространная Русская Правда дошла до нас в большом количестве списков, около 100 списков. По своим особенностям списки Пространной Правды могут быть разделены на две ветви. Первая ветвь помещена в «Кормчих» и в «Мериле Праведном», вторая — в особых сборниках.

Древнейший список Пространной Русской Правды первой ветви содержится в пергаменной Кормчей (хранится в Историческом музее в Москве), написанной около 1280 г. в Новгороде «по стяжанию архиепископа Климента и по повелению новгородского князя Дмитрия Александровича». Эта Кормчая имела официальный характер и хранилась как особая драгоценность в Софийском соборе в Новгороде, откуда она была увезена в Москву Иваном III, а при Василии III возвращена обратно в Новгород. Список 1280 г. — уникальный и не имеет себе подобных; гораздо многочисленнее списки, помещенные в других Кормчих и в Мериле Праведном, как называется особый юридический сборник русского происхождения (см. гл. IV, § 4). Древнейший пергаменный список Мерила Праведного второй половины XIV в. принадлежал Троице-Сергиеву монастырю под Москвой и носит название Троицкого.

Вторая ветвь Пространной Правды сохранилась в составе особого юридического сборника. Древнейший список находится в рукописи, хранящейся в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в Москве и написан на пергамене во второй половине XIV в. Рукопись принадлежала Мусину-Пушкину и обычно называется Пушкинским сборником. Сборник

состоит из увещания к судьям, Русской Правды, «Закона Судного людем», «Договора Смоленска с Ригю», устава Ярослава «о мостех» (о мостах).

По своему объему Пространная Правда в пять-шесть раз больше Краткой. Она начинается словами: «Суд Ярославль Володимировичъ. Правда Руськая». Таким образом, Пространная Правда имеет название, приписывающее ее составление Ярославу, хотя в самой же Правде далее говорится о Владимире Мономахе.

После этого заголовок следует статья, находящая аналогию в Краткой Правде: «Аже убить мужь мужа, то мьстити брату брата», но в иной редакции. Затем сообщается, что после смерти Ярослава его сыновья, Изяслав, Святослав и Всеволод, снова собрались («паки совокупившеся») и постановили не наказывать за убийство смертью, но взыскивать денежную пеню: «Кунами ся выкупати, а ино все, яко же Ярослав судил, тако же и сынове его уставиша». Следующие за этим постановления говорят об ответственности «верви» (общины) за убитого, найденного на ее территории (вервь платит «дикую виру»), а также устанавливают размеры пени за убийство княжеского мужа, отрока, повара, тиуна, за убийство ремесленника и ремесленницы, холопа и рабы, кормильца и кормилицы. Особые постановления говорят «о поклепной вире» (обвинениях в убийстве) и о платежах за причиненные обиды и увечья. Значительное количество постановлений Пространной Правды отведено различного рода кражам: о пропавшем «челядине», о «своде», о «татьбе», о поисках беглых или украденных рабов, о платежах за украденный скот, жито и т. д.

После статьи «о месячном резе» (т. е. о процентах) помещен новый заголовок: «Устав Володимерь Всеволодича». Далее сообщается, что «по Святополце» Владимир Мономах созвал совещание на Берестовом и установил ограничение резов.

Вторая часть Пространной Русской Правды особенно богата содержанием. В ней находим статьи о задолжавших купцах, о зависимых земледельцах-закупах с подробными постановлениями об их повинностях. Ряд статей говорит о различного рода преступлениях против феодальной земельной собственности: о порче

бортей с дикими пчелами, о кражах ловчих птиц (ястреба и сокола), о поджоге гумна. Особое внимание обращено на наследственное право. Наследство («задница») смердов в случае отсутствия сыновей идет князю, наследство же боярина и дружинника достается их дочерям. Особенно тщательно разработан вопрос о правах на наследство вдовы умершего и его детей. Пространная Русская Правда заканчивается статьями о холопах, которые с полным правом могут быть названы уставом о холопстве.

По содержанию Пространная Правда несравненно богаче, чем Краткая. В ней мы встречаем ряд новых статей, пополняющих наши сведения по социальной истории Киевской Руси. Сам текст Правды разбит на статьи особыми заголовками, написанными киноварью: «аже умереть смерд», «о холопстве» и т. д. Содержание статей, поставленных под заголовками, не всегда соответствует тексту заголовков, особенно в первой части Пространной Правды, но в целом показывает стремление составителей Пространной Правды дать более точное понятие о содержании ее статей.

Какими же источниками пользовалась Пространная Правда и как она относится к Краткой?

Одним из источников Пространной Правды была, несомненно, Краткая Правда. В этом нас убеждают заимствования из Краткой Правды, сделанные в разных частях Пространной. Эти заимствования были сделаны не механически, а обличают определенную редакторскую работу. Так, Покон вирный переработан в Пространной Правде в особую статью со ссылкой на Ярослава: «А се покон вирнии были при Ярославе». Вторым источником был особый сборник, нашедший отражение в Сокращенной Правде. Статьи Сокращенной Правды, за исключением статей о кровавом муже, находят аналогию в Пространной Правде. Третьим источником Пространной Правды послужил устав Владимира Всеволодовича Мономаха. Некоторые исследователи доказывали, что вся вторая часть Пространной Правды и является уставом Владимира Мономаха. В действительности же к уставу Владимира Мономаха может относиться только часть Пространной Правды, не находящая себе аналогии ни в Краткой, ни в Сокра-

щенной Правде. В устав Владимира Мономаха, видимо, входили только статьи о процентах и закупках. Сам же этот устав, как это доказал Б. Д. Греков, возник в связи с восстанием 1113 г. в Киеве.

Особенности редакционной работы составителей Пространной Правды могут быть установлены при сравнении ее с Краткой. Составители Пространной Правды разрабатывают текст Краткой, стараясь оградить боярские интересы, поэтому в текст вносились постановления, охраняющие боярское имущество и боярских людей. Уже эта особенность Пространной Правды говорит о том, что она является произведением более поздним, чем Краткая Правда, и возникла в ту эпоху, когда упрочилось боярское землевладение.

В исторической литературе держится мнение, что Пространная Правда могла возникнуть уже при Владимире Мономахе. Местом ее создания обычно считают Киев, впрочем, без приведения особых доказательств, кроме общего суждения о значении Киева в XII в., как главного центра Руси. Но в самой Правде упоминается о Владимире Мономахе в третьем лице. К тому же Пространная Правда имеет сходство с памятниками не южного, а северного происхождения. В частности, многие статьи близки к статьям, помещенным в договоре Смоленска с Ригой 1229 г., которые основаны на источнике, носящем также название Правды: «А се починается Правда». Все списки Пространной Правды северного происхождения, и мы не знаем ни одного древнего списка Пространной Правды, который был бы написан на Украине или в Белоруссии. Впрочем, сами постановления Русской Правды близки к белорусским и украинским законодательным памятникам и грамотам XIV—XVII вв. Это объясняется общностью исторических судеб русского, украинского и белорусского народов и их общего происхождения от древнерусской народности. Надо предполагать, что Пространная Правда в дошедшем до нас виде возникла на севере, вероятнее всего, в новгородских пределах, не позже начала XIII в. В русских грамотах XIV—XVI вв., в особенности северного происхождения, имеются постановления, стоящие в тесной связи с нормами Пространной Русской Правды.

§ 3. РУССКАЯ ПРАВДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Древнейшая Правда является ценным источником по истории древней Руси первой половины XI в. Для истории второй половины этого столетия большое значение имеет Правда Ярославичей с дополнительными статьями как памятник киевского происхождения. Пространная Правда дает уже громадный материал по истории XII — начала XIII в. всех древнерусских земель, как северной Руси, так и Белоруссии и Украины.

Особенно велико значение Русской Правды как источника для социальной истории Киевской Руси в целом. Положение холопов, смердов и закупов становится ясным только при изучении Краткой и Пространной Правды. В этом отношении особый интерес представляет устав «о холопстве», помещенный в Пространной Правде. Он устанавливает три вида похолопления свободных людей: 1) добровольный переход свободного человека в рабство, 2) женитьба свободного на рабе, 3) холопство по тиунству, или по ключу, т. е. вступление в такие должности, которые обычно исполнялись холопами. Правда запрещает холопу участие в судебном разбирательстве («будет ли послух холоп, то холопу на правду не вылазити»). За убийство холопа не надо платить виры князю, но достаточно уплатить «урок», т. е. стоимость раба, и 12 гривен в пользу князя. Однако та же Правда показывает, что холопы имели свое имущество и семью, а в некоторых случаях даже вели торговые операции (статьи 113—115).

Русская Правда является единственным источником, из которого мы узнаем о существовании закупов, находившихся в зависимости от феодала. Перед нами промежуточный слой сельского населения. «Закупы» стоят на грани свободного человека и раба. Феодал не может продавать закупа как холопа, но и закуп не имеет права бежать от своего господина под угрозой обращения в рабство: «Аже закуп бежить от господы, то обель». Он превращается в полного холопа (статьи 52—57).

Материал Русской Правды дает представление о положении других зависимых людей феодальной эпохи. Крестьяне, «смерды» Пространной Русской Правды,

находятся в зависимости от князя. Правда знает общину, «вервь», члены которой связаны между собой круговой порукой и вместе платят «дикую виру», если на территории общины найдено было тело убитого человека, а убийца неизвестен.

Попытки некоторых историков (В. О. Ключевский, М. Н. Покровский) рассматривать Русскую Правду как памятник в основном городского законодательства неосновательны. Русская Правда не менее ценна и для истории сельского трудящегося населения Киевской Руси, как и для истории древнерусского города. Пространная Русская Правда ярко рисует быт феодальной городской верхушки и купечества. Постановления о разделе наследства вводят нас в богатую купеческую семью. Сироты передаются опекуну со всем имуществом «и с добытком и с домою, донеле же возмогут». Опекун должен вернуть детям все имущество в целости, но доходы, полученные им от сиротских денег путем торговли или ростовщичества, остаются ему: «А что срезать товаром темь, ли пригостить, то то ему собе».

Русская Правда рассказывает об оживленной торговой деятельности Киевской Руси. Тщательно регулируется вопрос о долговых обязательствах. Купец получает льготу при платеже долгов, если его товар погиб во время пожара, переезда по морю или по реке, или во время войны. Но кредиторы вправе распоряжаться недобросовестным должником, который «в безумьи чюжь товар испортить», прощает его или прощепит.

Постановления Русской Правды крайне ценны для изучения экономики Киевской Руси. Они показывают, что уже в эпоху Правды Ярославичей земледелие стало господствующим занятием жителей. На это указывают установленные штрафы за порчу межи: «А иже между переореть» (т. е. перепашет). Ряд статей назначает штрафы за кражу скота: лошадей, волов, коров, овец, свиней; упоминается о перевесах для ловли зверей и птиц, а также о бортных деревьях. Русская Правда является лучшим источником по экономической и социальной истории Киевской Руси, давая материал для суждения как раз о тех сторонах жизни, которые слабо освещены в летописи.

Русская Правда не была законодательным памятником в нашем смысле слова, хотя и основана на отдельных княжеских постановлениях (характер таких постановлений имеют Древнейшая Правда, Правда Ярославичей и Устав Владимира Мономаха). В дошедших до нас редакциях Русская Правда является сводом постановлений и судебных обычаев.

Русская Правда имеет яркую классовую окраску и направлена в первую очередь в защиту интересов феодального класса. Так, убийство «княжих мужей» оценивается двойной вирой по сравнению с пеней за убийство простого человека, а за убийство холопа платится только «урок». Правда отразила законодательство феодальных кругов населения, направленное на подчинение и эксплуатацию крестьян, смердов.

При изучении Русской Правды следует иметь в виду, что печатные издания дают текст этого памятника уже в обработанном виде. В подлиннике тексты Правды написаны без разделения на слова, а знаки препинания (точка, запятая и пр.) расставлены по правилам тогдашнего, а не современного правописания. Поэтому при интерпретации, передаче текста Русской Правды у исследователей имеются значительные отличия. Например, текст «а в дачь (даче) не холоп» (т. е. а за дачу — ссуду не делается холопом) некоторые исследователи читают так: «А вдачь не холоп». В силу этого в некоторых сочинениях упоминается даже особая категория людей, называемых «вдачами», хотя это и неверно.

В подлинных списках Русской Правды нет и нумерации статей. Поэтому начало и конец статей устанавливаются самими исследователями. Некоторую помощь им оказывают заголовки и большие буквы, написанные в текстах Русской Правды красной краской, киноварью. Но такая киноварная краска не везде начинает новую статью. Поэтому статьи приходится разделять по смыслу. А это также приводит к разногласиям. Необходимо также учитывать возможности пропусков и ошибок в текстах Русской Правды. Иногда эти пропуски восстанавливаются при помощи других списков, но не всегда это возможно сделать.

Очень часто остаются неясными и сами выражения Русской Правды, а это вызывает большое количество

контроверз, различного рода замечаний за и против (pro и contra), к которым иногда, даже в излишестве, прибегают комментаторы Правды.

Л и т е р а т у р а

Правда Русская. Т. 2. Комментарии. Сост. Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов. Под ред. Б. Д. Грекова. М.— Л., 1947.
М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.

§ 4. ПРОСТРАННАЯ ПРАВДА В КОРМЧИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ СБОРНИКАХ

Текст Пространной Правды не оставался неизменным, а подвергался изменениям. Некоторые лингвисты, в первую очередь А. И. Соболевский, полагали, что история текстов Пространной Правды в наших рукописях представляет собой историю непрерывных описок, которые по вине писцов наслаивались на ее первоначальный текст. Но в действительности это не так. Текст Пространной Правды менялся по иным причинам, подвергаясь соответствующим переработкам вместе с текстами тех сборников, куда он был внесен.

В древней Руси существовали особые юридические сборники, носившие название Кормчей, или «Номоканона». В первоначальном своем виде Номоканон был заимствован из Византии и служил руководством для церковных и гражданских судей. Поэтому в него были включены, с одной стороны, различного рода церковные правила, а с другой — гражданские законы византийского происхождения. Название Номоканон обозначает собрание законов и правил («законоправило»), а русское название Кормчая (руководящая) указывает на значение этой книги как своего рода рулевого, кормчего для судей. С течением времени в Номоканоны, или Кормчие, были внесены русские статьи, в том числе Пространная Правда.

Уже на Руси возник юридический сборник, носивший название Мерила Праведного (Весы Праведные). По своему содержанию Мерило Праведное значительно отличается от Кормчих. Оно включило в свой состав

не только церковные и гражданские законы, но и поучения, написанные для наставления судьям. В основном Мерило Праведное состоит из двух частей: 1) Сборника поучений о праведных и неправедных судах, 2) Сборника в 30 глав, состоящего из византийских и русских законов.

Большинство списков Пространной Правды дошло до нас в составе Кормчих. Это объясняется чрезвычайным распространением подобных сборников в древней Руси, так как Кормчая имелась почти в каждом большом городе и монастыре.

При составлении Кормчих и другого рода юридических сборников текст входивших в них произведений очень часто перерабатывался, причем в него вносились существенные изменения, особенно в русских статьях, не потерявших своего значения и для более позднего времени. Между тем Пространная Правда еще в XIV—XVI вв. сохраняла значение юридического пособия. Прямым доказательством этого является тот факт, что при составлении московского Судебника 1497 г. в него были включены некоторые статьи Русской Правды в соответствующей переработке. Следовательно, даже в конце XV в. Правда представляла собой юридическое руководство, которым пользовались при составлении новых законов. Этим объясняется существование особых изводов Пространной Правды, из которых наибольшую известность получил Карамзинский извод.

Особенность его заключается в том, что в нем помещены обширные дополнительные статьи о «резах» (процентах). «Резы» исчисляются следующим образом. Указывается вид скота и затем возможный приплод от этого скота, стоимость которого переводится на гривны. Те же выкладки производятся и с хлебом: «А в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи Ростовских, а того на одно лето прибытка на 2 плуга 100 копен ржи, а на всю 12 лет 1000 копен и 200 копен ржи». Эти дополнительные статьи Карамзинского списка «о резах» интересны для характеристики сельского хозяйства XIII в.

Пространная Русская Правда в некоторых сборниках помещена вместе с Законом Судным Людем про-

странной редакции. Это произведение в краткой своей редакции представляет собой перевод некоторых статей Эклоги, византийского свода законов VIII в., на славянский язык. Пространная редакция раньше считалась также произведением, заимствованным из Болгарии или Чехии. Новейшие исследования позволяют предполагать, что Закон Судный Людем пространной редакции возник на основе его краткой редакции и других источников в Новгороде или Пскове во второй половине XIII в.

Л и т е р а т у р а

Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.
Закон Судный Людем краткой редакции. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961.
Закон Судный Людем пространной и сводной редакции. Подготовили к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961.

§ 5. ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВДЫ

Литература, посвященная Русской Правде, насчитывает за собой более чем двухсотлетнюю давность.

Еще в 1738 г. В. Н. Татищев нашел список Новгородской летописи с текстом Краткой Правды. Татищев сделал копию с этого памятника и представил ее в Академию наук. Однако прошло почти 30 лет, прежде чем Русская Правда впервые вышла печатным изданием. Несколько раньше выхода Русской Правды, подготовленной Татищевым, проф. А. Л. Шлецер напечатал Русскую Правду под заглавием: «Правда Русская, данная в одиннадцатом веке от великих князей Ярослава Владимировича и сына его Изяслава Ярославича». С этого времени не прекращается интерес историков к этому замечательному источнику по истории древней Руси.

Татищев знал только краткую редакцию памятника, но уже в XVIII в. В. Крестинин напечатал текст Пространной Правды, помещенный в одной Кормчей, принадлежавшей раньше Строгановым и подаренной ими в Благовещенский собор в Сольвычегодске. Несколько позже (в 1792 г.) было напечатано новое издание Пространной Правды с сохранением надстрочных знаков.

И это издание отличалось особенностями, характерными для XVIII в. Издатель (Болтин) дополнял и исправлял текст древнего сборника на основании других рукописей и собственных домыслов.

Новые открытия были сделаны Н. М. Карамзиным, обратившим внимание на пергаменный список Кормчей 1280 г. в собрании рукописей св. Синода в Москве с текстом Пространной Русской Правды. Карамзину был известен и другой пергаменный список Правды, хранившийся в библиотеке А. И. Мусина-Пушкина. Во II томе своей «Истории государства Российского» Карамзин отводит целую главу (3-ю) «Правде или законам Ярославовым», давая перевод отдельных статей Правды. Карамзин ввел в оборот и упомянутый выше карамзинский вид Пространной Правды, из которого он приводит расчеты «резов» (процентов).

В 1815 г. в «Русских достопамятностях» был напечатан древнейший список Правды по Синодальной Кормчей, а в 1843 г. — юридический сборник XIV в. с текстом Русской Правды, принадлежавший Мусину-Пушкину. Публикация этого сборника, выполненная Д. Дубенским, может и в настоящее время считаться образцовой. Одновременно Русская Правда стала предметом исследований. В 1826 г. на немецком языке вышло сочинение И. Ф. Эверса «Древнейшее русское право». Эверс признал, что Краткая редакция Правды составлена в XI в., а Пространная — в XIII в. Первый период изучения Правды завершается сочинением Тобина на немецком языке (1844 г.). Тобин разделил все списки Правды на две «фамилии». К первой он отнес Краткую Правду, ко второй — Пространную. Краткая Правда, по мнению Тобина, является памятником, составленным из двух частей: первая ее часть возникла при Ярославе Мудром, вторая — при его сыновьях. Пространная Правда в свою очередь состоит из двух частей. Первая в основном соответствует Краткой Правде, вторая принадлежит Владимиру Мономаху.

Труды Эверса и Тобина оказали большое влияние на литературу о Русской Правде, но в то же время они ясно обнаружили необходимость выявления новых списков Русской Правды и создания их классификации. Этот вопрос был разрешен в сочинении Н. В. Кала-

чова «Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды», напечатанном в 1846 г. и переизданном в 1880 г. Труд Калачова делится на четыре отделения. В первом он делает разбор изданий и сочинений о Русской Правде до 1846 г., во втором дает деление списков Русской Правды на «фамилии». К первой фамилии Калачов отнес списки Краткой Правды в составе Новгородской первой летописи. Во вторую фамилию Калачов включил все списки Пространной и Сокращенной Правды, находившиеся в Кормчих и Мериле Праведном. К этой фамилии относятся древнейшие пергаменные списки: Синодальный и Троицкий. Списки третьей фамилии находятся в позднейшей Новгородской летописи, известной под названием Софийского Временника (Карамзинский извод). К четвертой фамилии Калачов относит списки Русской Правды, помещенные «в сборниках разных статей». Этот извод представлен древним Пушкинским списком XIV в., напечатанным в «Русских достопамятностях». В третьем отделении своего труда Калачов дал текст Русской Правды с привлечением к изданию 44 списков. Калачов разбил текст Русской Правды на статьи, но расположил их по юридическим признакам. В последнем, четвертом, отделении своего труда Н. В. Калачов напечатал известные ему памятники, в той или иной мере сходные с отдельными текстами Правды.

Новая постановка в деле изучения Русской Правды принадлежит В. И. Сергеевичу. Свои мысли о Русской Правде он с наибольшей ясностью изложил в «Лекциях и исследованиях по древней истории русского права», выдержавших несколько изданий. Сергеевич разделил все списки Русской Правды на три «фамилии». В первую он выделяет Краткую Правду, которая состоит из двух частей: Древнейшей Правды и Правды Ярославичей. Ко второй фамилии, по Сергеевичу, относятся все списки Пространной Правды, к третьей — Сокращенная Правда. Позже Сергеевич разделил Краткую Правду на две части, признав их особыми редакциями.

Не мог пройти мимо Русской Правды и В. О. Ключевский. В своем «Курсе русской истории» он подробно изучает не только содержание Правды, но и вопрос о ее происхождении. Указав многочисленные точки

соприкосновения между Русской Правдой и юридическими памятниками церковного происхождения (Кормчими, Мерилами Праведными и т. д.), Ключевский приходит к выводу, что Русская Правда «это — церковный судебник по недуховным делам лиц духовного ведомства».

В 1910—1913 гг. появилось на немецком языке большое исследование Л. К. Гетца, профессора университета в Бонне, под названием «Русская Правда», в котором с исключительной тщательностью сделан комментарий к Правде. Первая редакция Правды, по Гетцу, должна быть отнесена еще к дохристианскому времени.

В 1914 г. вышла книга Н. А. Максимейко, доказывавшего, что Краткая Правда возникла во второй половине XI в. как единый памятник.

Несмотря на обширность литературы о Русской Правде, общие итоги ее изучения дореволюционной историографией нельзя признать удовлетворительными. Издания текстов Русской Правды были сделаны неполно и иногда неудовлетворительно. Большое количество списков Русской Правды, помещенных в Кормчих и различных сборниках, осталось совершенно неизученным. При изучении статей Русской Правды усердно применялся метод объяснения их содержания путем примитивного сопоставления с законами других стран, причем все черты сходства обычно объяснялись заимствованиями в Русскую Правду из скандинавских и других законов. Нечего и говорить, что классовое происхождение статей Русской Правды, их социальная сущность остались вне поля изучения исследователей.

Интерес к Русской Правде с новой силой проявился в советское время. Значительная часть выводов книги Б. Д. Грекова «Киевская Русь» построена на тщательном анализе Русской Правды, в частности большая и принципиально важная глава об организации крупной вотчины X—XI вв. Свои взгляды на происхождение Русской Правды Греков высказал уже в первых изданиях своей книги. Не занимаясь специально вопросом о происхождении редакций Русской Правды, Греков не прошел мимо вопроса об их датировке. Он считает, что Правда Ярославичей и Пространная Правда — доку-

менты XI—XII вв. Местом возникновения Русской Правды был Киев.

Большое место Русской Правде уделил в своих «Очерках по истории феодализма в Киевской Руси» С. В. Юшков. Целые отделы своей книги (например, главу о закабалении сельского населения) Юшков посвящает анализу статей Русской Правды.

В 1935 г. под редакцией С. В. Юшкова вышло издание Русской Правды по всем известным тогда спискам (с предисловием на украинском и русском языках). Все списки Русской Правды разделены Юшковым на пять редакций. К первой отнесена Краткая Правда, ко второй — Пространная Правда по Синодальному, Троицкому и близким к ним спискам. К третьей редакции отнесены списки Пространной Правды по так называемому Карамзинскому изводу с дополнительными статьями о резах. В четвертую редакцию выделены списки Пространной Правды в соединении с «Законом Судным Людем», в пятую — Сокращенная Правда. Ценной особенностью издания Русской Правды под редакцией Юшкова явилась его полнота. Для издания было привлечено 86 списков Русской Правды. Кроме того, отдельно изданы памятники, связанные с Русской Правдой: статья «О муже кроваве», «Правосудие мирополичье». Недостатками издания Юшкова являются его перегруженность вариантами и в некоторых случаях неточность.

Крупным событием в исторической науке явилось новое издание Русской Правды по всем ее спискам, подготовленное к печати коллективом сотрудников Института истории Академии наук СССР по инициативе и под редакцией Б. Д. Грекова. Для издания были использованы все известные списки Русской Правды в количестве 88, не считая 15 списков, не использованных для вариантов как поздние копии с других, более старых списков. Все списки Русской Правды разделены в академическом издании на две основные редакции: Краткую и Пространную. Несомненным достижением издания является классификация списков Пространной Русской Правды, составленная В. П. Любимовым. Списки Русской Правды разделены на три группы: Синодально-Троицкую, Пушкинскую и Карамзинскую —

с подразделением каждой группы на виды. Такая классификация дала возможность изучать происхождение отдельных видов Пространной Русской Правды и их взаимную связь; недостатком же ее деления явилось произвольное отнесение Сокращенной Правды к группе списков Пространной, чем нарушается само понятие о редакциях памятника. Издание списков Русской Правды проведено с большой полнотой и тщательностью, что делает академическое издание Русской Правды незаменимым пособием при изучении этого памятника.

Издание текстов Русской Правды по всем известным спискам способствовало дальнейшему изучению этого памятника. Вопросу о происхождении текстов Русской Правды посвящена работа М. Н. Тихомирова «Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов». В этой книге автор поставил себе задачей исследовать время, место и причины возникновения отдельных текстов Русской Правды. Новым явился метод определять время и причины происхождения того или иного «извода» Русской Правды в связи с общим анализом тех рукописей, в которых помещался данный текст. Оказалось, что определенные изводы (по академическому изданию «виды») соответствуют определенному содержанию самих сборников. Тихомиров считает Краткую, Пространную и Сокращенную Правды не отдельными редакциями, а особыми памятниками, только связанными друг с другом по своему происхождению и взаимозависимости. В составе Краткой Правды он различает четыре части. Первая часть Правда Ярослава, или Древнейшая Правда, появилась в Новгороде в 1036 г., причем в ее составе выделяются первые 10 статей, возникших также в Новгороде в 1016 г. в связи с пожалованием новгородцев грамотой Ярославом Мудрым. Правда Ярославичей датируется 1072 г. Она возникла как прямой ответ феодалов на крестьянские восстания 1068—1071 гг. Третьей частью Краткой Правды являются приписки к Правде Ярославичей, четвертой — Покон вирный. Краткая Правда в известном нам виде возникла в первой половине XII в. в Новгороде. Пространная Правда, по мнению Тихомирова, явилась соединением трех памятников:

оуслышатъ градѣ тѣбѣ агни раби
еже ни въ мнѣхъ бѣхъ оустрою въ
нидѣ тѣ радости тѣбѣ бывашиго. ве
лаши сѣмъ англы въ кѣкы въ корѣмъ

ВЪПРОСЪ БЯСНИ И МОПИ

Ѧ ТѢЛНІАХЪ. **Ѧ**ЩЕ ДОСТОИТЬ ПРИЕТИ
Ѧ ТИ ДОДАЩЕ И ТЕРѢХЪ. ЛИЖЕ ИСКАТЬ
Ѧ МОЩЕ ПОСѢЩАТИ ОУГОДНОСТЬ БОУ
Ѧ ПОДОБАЕТЬ ТЕ ПОСѢЩАЮЩЕМОУ РА
ХОУ ОУЛИВОУ БЫТИ ПОСЛОУЖИТЕЛЮ
И ОУДОУ ОУВѢСТИ БѢДЪ СВѢРША
ИРЕУСНОН. ДА БОУДЕТЬ СЛОВО ВАШЕ КЪ
БЛАГДТИ СЪЛИЮ РАСТВОРЕНО. БѢДѢ ТИ
ІАКО ДННО МОЩНО ОУЛОУЖДОУ БѢША
ВАТИ ЛЕШЕВОНХЪ ДРОУГЪ. ЛІРОУ
ПОСѢЩАТИ ОУМѢНІТЪ НАШЕГО БѢ
А ТОВАНИИ.

И МЕ ДРАВЪ СЫТѢЛЪ ОУЛЪ. ЛѢНІТЪ СѢ
НАМА ТВОУ ЛІОУ ОУСНИИ ПАМЪ КЪ
А ХЪ И ПЩЮ ІАВННЪ ВЪ ГРѢСѢХЪ ДА
ОУЛОУНТЪ СѢ А.

И МЕ ОБЪЮА И МЪ ПРІГРѢШЕ НН КЪ
НѢ СЪЛЮБОВННЮ И ПОНН МЛІТЬ ОБЪЛІУА
ЮЩАГО СЪ СѢ МЪ КЪ ГОВѢРНИ МЪ И
МОА НТЪ И ПРОСИТЬ ОУДА И ТАКЪ СЪ
ГРѢШН ОУЛОУНТЪ СѢ А.

Краткой Правды, Устава Владимира Мономаха и протографа Сокращенной Правды. Устав Владимира Мономаха появился в Киеве в 1113 г. в связи с киевским восстанием этого года. Что касается Сокращенной Правды, то она основана на неизвестном протографе XII в., который был использован составителями Пространной Правды. Пространная Русская Правда возникла в Новгороде в связи с восстанием 1209 г. Возникновение Русской Правды в трех ее основных видах связывается Тихомировым с развитием классовой борьбы и народными движениями. Кроме того, в работе Тихомирова прослеживается история отдельных изводов, или видов, Пространной Правды. Следует, впрочем, отметить, что представление Тихомирова о новгородском происхождении Краткой и Пространной Правды подверглось большой критике. В особенности большие сомнения высказывались по поводу предположения о существовании протографа Сокращенной Правды.

С. В. Юшков выразил свои взгляды на Русскую Правду в специальном исследовании: «Русская Правда, происхождение, источники, ее значение». Значительная часть этой книги отведена полемике со взглядами Тихомирова. Юшков отстаивает свое прежнее мнение о том, что Пространная Правда состоит из двух частей: Правды Ярослава и Устава Владимира Мономаха, представляющего собой всю вторую часть памятника. Основные результаты исследования даны Юшковым в последней, третьей, части книги. По его мнению, первой попыткой «унификации норм русского права» явилась попытка Владимира заменить виры смертной казнью. При Ярославе Мудром в 30-х годах XI в. в Киеве возникла Правда Ярослава, или Древнейшая Правда. К 1072 г. относится возникновение Правды Ярославичей. На основе этих двух сборников возникла Краткая Правда. В конце XI — начале XII в. появилась первая часть Пространной Правды, тогда как вторая часть этого произведения, или Устав Владимира Мономаха, возникла после киевского восстания 1113 г. Таким образом, Юшков дал иную схему возникновения редакции Русской Правды, чем другие ученые.

Вопросу о происхождении Краткой Правды посвящены и некоторые страницы I тома исследования

Л. В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV—XV вв.» Возникновение Правды Ярослава названный исследователь относит к 1016 г., связывая ее с событиями в Новгороде, когда новгородцы перебили варягов, а Ярослав Мудрый в отместку уничтожил большое количество новгородцев. По мнению Черепнина, «Правда Ярослава 1016 г. — такой же «ряд» между новгородским обществом и корпорацией варягов, как и договоры Олега и Игоря с Византией». Этот последний вывод Черепнина чрезмерно сужает значение Краткой Правды, доводя ее до уровня простого договора с наемными дружинниками-варягами. Не следует забывать, что заголовок «Правда Русская» указывает, что составители сборника законов понимали под этим словом русские, а не варяжские юридические нормы.

Для изучения Русской Правды имеет немалое значение сводный комментарий к Краткой и Пространной Правде, появившийся во II томе академического издания Русской Правды. Однако составители его уделили главное внимание дворянско-буржуазным авторам, писавшим о Русской Правде, а не советским исследователям. Комментарий к статьям Русской Правды построен в этом издании в виде перечисления мнений отдельных авторов без их критической оценки и слабо отражает развитие советской исторической науки.

В 1953 г. вышло «Пособие для изучения Русской Правды», составленное М. Н. Тихомировым, в котором он кратко повторил свои взгляды на Русскую Правду, но уже с некоторыми существенными поправками.

Новейшее издание Русской Правды с комментариями сделано А. А. Зиминим. К сожалению, особенности издания не позволили ему с достаточной полнотой их аргументировать.

Л и т е р а т у р а

М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941. (На титуле ошибочно инициалы Н. Н. Тихомиров, см. исправление в конце книги.) В этом издании дана библиография предшествующих изданий и трудов о Русской Правде.

Русская Правда. Тексты на основании 7 списков и 5 редакций. Сост. и подгот. к печати С. Юшков. Киев, 1935 (Руська Правда. Тексти на основі 7 списків и 5 редакцій. Склад та підготував до друку С. Юшков. Київ, 1935).

Правда Русская. Т. 1. Тексты. Подгот. к печати В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Гейерманс и Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., 1940.
С. В. Юшков. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950.
М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953.
Памятники права Киевского государства. X—XII вв. Сост. А. А. Зимин. М., 1952, стр. 71—232.

§ 6. ДОГОВОРЫ РУСИ С ГРЕКАМИ

К X в. относятся древнейшие русские акты-договоры киевских князей Олега, Игоря и Святослава с византийскими императорами. В летописи записано три договора Руси с греками: 911, 944, 971 гг. Кроме того, в летописи приводится выдержка из договора 907 г., которую, впрочем, некоторые ученые считают переделкой договора 911 г.

Договоры устанавливают мирные условия между Русью и Византией (греками). Они заключались от имени византийских императоров и русских князей. Особое внимание в них обращено на торговые отношения. По договорам Олега и Игоря, русские купцы должны были останавливаться в Константинополе у церкви св. Мамы. Там они получали от греков «месячину» на свое содержание, «и да творять куплю яко же им надобе». Русин (русский) или грек («христианин»), совершивший преступление, «показнен будет по закону гречьскому и по уставу и по закону Рускому».

Договоры являются древнейшими памятниками, дающими с наибольшей достоверностью материал для суждения о взаимоотношениях Руси и Византии. В них нашло свое выражение византийское и русское право. Большое влияние византийской письменности заметно уже в языке договоров, многие выражения которых являются переводом с греческого языка на русский. Так, малопонятные слова, которыми начинается договор 945 г. — «равно другого совещастья, бывшего при царе Романе», являются переводом греческой фразы, обозначающей: «Список договора, бывшего при царе Романе», и т. д. Вместе с тем на договорах в той или иной мере отразился «закон русский», на который

делается ссылка. Эта особенность договоров придает им крупное значение, помогая объяснить некоторые правовые нормы, отражающие социальный строй Киевской Руси X в.

Такова, например, статья договора 944 г., по которой укравший обязан возратить не только украденную вещь, но и заплатить ее стоимость, а если продал украденное, то заплатить вдвойне («сугубо»). Очень близко к нормам Русской Правды стоит статья об убийстве, по которой убийца, если его схватили, подвергается мести со стороны родственников убитого: «Да держим будеть створивый убийство от ближних убьенаго, да убьют и». Если же убийца скроется, то имущество его переходит к родственникам убитого. Следующая статья договора об ударе мечом, копьем или другим каким оружием устанавливает, что виновный должен заплатить 5 литров серебра «по закону русскому». Русская Правда предусматривает за такой поступок также денежный штраф.

Новейшее исследование польского ученого С. Микуцкого показывает большое значение договоров Руси с греками как исторических источников не только для истории Руси, но и самой Византии. Микуцкий предполагает, что в X столетии на Руси уже существовала канцелярия при великих князьях.

Л и т е р а т у р а

М. Дьяконов. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Период первый (источник права). М.—Л., 1926.

Н. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. Спб., 1853.

§ 7. ДОГОВОРЫ НОВГОРОДА И СМОЛЕНСКА С ГОТЛАНДОМ И НЕМЕЦКИМИ ГОРОДАМИ

По экономической истории Новгорода и его торговых связей с Западной Европой имеется большой материал в договорах Новгорода и Пскова с Ригой и «немецкими городами». Древнейший договор Новгорода с немецкими городами заключен около 1195 г. и является подтверждением более старого мирного договора («под-

твердыхом мира старого»). Договор заключен «на сей правде», на основании установлений, которые применялись при разрешении тяжб между новгородцами и немцами. Новгородские купцы имеют право ходить в Немецкую землю и на остров Готланд, где находился богатый торговый город Висби, «бес пакости». В свою очередь купцы из немецких городов и из Готланда могут приезжать в Новгород «бес пакости, не обидимы никим же».

Другой мирный договор Новгорода с немецкими городами и Готландом относится к 1262—1263 гг. Сохранился и проект новгородского договора с Любеком, центром Ганзейского союза. Он носит несколько односторонний характер, более выгодный для немецких городов, чем для Новгорода. Проект составлен на немецком языке.

Кроме того, сохранился договор с немецкими городами и Ригой смоленского князя Мстислава Давыдовича, заключенный в 1229 г. Он известен в семи списках на русском языке, из которых пять сохранились в Рижском архиве. Списки договора 1229 г. по их содержанию делятся на две редакции: каждая из них восходит к более древнему оригиналу, не дошедшему до нас. Текст договора, по-видимому, был переведен на русский язык с немецкого. Некоторые выражения, употребленные в договоре, становятся понятными только как перевод с немецкого. В русских подлинниках мы встречаем выражение «божий дворянин», это буквальный перевод немецкого *gottesridder*, как называли рыцарей Ордена меченосцев в Ливонии. Балтийское море названо «устокоморе» — восточное море, хотя для русских Балтийское море было западным, для немцев же, действительно, восточным морем (*Ostsee*). Впрочем, сами немецкие подлинники, с которых был сделан перевод, в свою очередь были переведены с латинского, являвшегося международным языком средневековья в Западной Европе. Доказательством перевода с латинского служат слова: «Что ся деете по времьнемъ, то отъиде по верьмьнемъ» (что случится во времени, то и пройдет со временем). Эти слова находят аналогию в латинской формуле, которой обычно начинались договоры в средние века.

Договор 1229 г. с немцами несколько раз возобновлялся и позже. Он очень богат содержанием и дает понятие о древнерусском праве, так как в основу договора положена «Правда», очень близкая по своим нормам к Пространной Русской Правде. «Правда» Смоленского договора назначает пенни за убийство свободного человека (10 гривен серебра), холопа (1 гривна), за повреждение ноги, руки и глаза (15 гривен), за зуб (3 гривны) и т. д. Как и в Русской Правде, устанавливаются первоочередные платежи в пользу чужеземного купца. За холопа отвечает его господин. Запрещается обвинять по показанию одного «послуха» (свидетеля), а требуется поставить двух свидетелей. В договоре особо отмечаются торговые вопросы, связанные с перевозкой товаров на телегах, с правом свободной продажи товаров, с взвешиванием товаров.

Договор имеет двухсторонний характер: Латинскому купцу «вольно в Смоленске, который товар захочет купить без вреда. Также делать Руси в Ризе и на Готском березе».

Договор Смоленска с Ригой — ценнейший исторический документ, рисующий общественную жизнь на Руси начала XIII в.

Л и т е р а т у р а

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Конанев, Г. Е. Кочин, Д. Б. Мюллер и Е. А. Рыздзевская. Под ред. С. Н. Валка. М.— Л., 1949.

Русско-Ливонские Акты, собранные К. Е. Напьерским. Спб., 1868.

§ 8. ДРЕВНЕЙШИЕ ГРАМОТЫ НА ПЕРГАМЕНЕ И БЕРЕСТЕ

В Киевской Руси XI—XIII столетий получили уже распространение письменные акты, в первую очередь акты, исходившие от князей. Как доказали исследования советских ученых, в летописи имеются прямые указания и даже помещены отрывки из тех грамот, которыми обменивались между собою князья. Однако в большинстве случаев акты Киевской Руси дошли до

нас в позднейших копиях. Только от XII в. сохранились две грамоты в подлинниках: грамота князя Мстислава Юрьеву монастырю и вкладная Варлаама Хутынского.

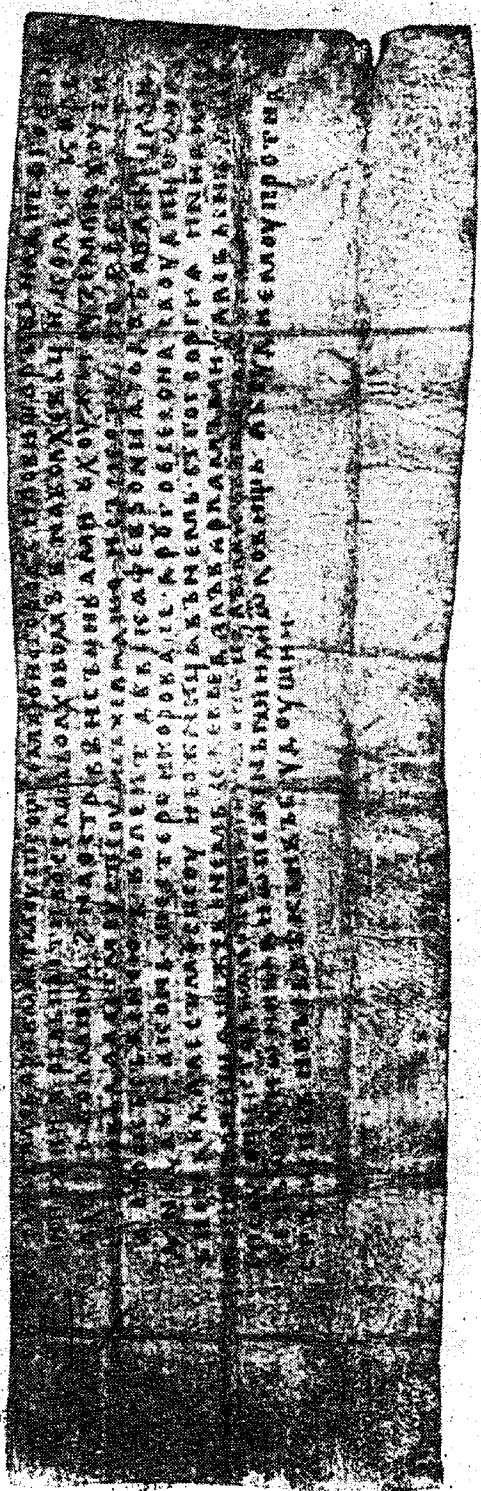
Грамота великого князя Мстислава Владимировича и его сына Всеволода дана Новгородскому Юрьеву монастырю около 1130 г. Она написана на небольшом четырехугольном куске пергамена, к которому привешены две позолоченные серебряные печати. Несмотря на краткость содержания, грамота имеет большое значение как исторический источник, являясь первой сохранившейся имунитетной грамотой, определяющей права феодала XII в. Особенно ценно упоминание о сборах вир и продаж, которые князь передает в пользу монастыря, как неотъемлемые права феодалов.

К концу XII в. относится вкладная Варлаама Хутынского, представляющая собой дарственную запись игумена Варлаама (в миру богатого новгородского боярина Алексы Михайловича) в построенный им Хутынский монастырь под Новгородом. Варлаам дарит монастырю свою землю и огород, «и ловища рыбная, и гоголиная, и пожни».

В дореволюционной литературе господствовало представление о крайне слабом распространении актовой (деловой) письменности в древней Руси. Полемику по этому вопросу, поднятую советскими учеными 20 лет тому назад, теперь можно считать разрешенной. Древняя Русь имела довольно распространенную актовую письменность, как это доказали находки берестяных грамот в Новгороде, сделанные экспедицией А. В. Арциховского. Русские люди имели дешевый материал для письменности из бересты, которую обрабатывали особым путем. На бересте «писали», вернее, выдавливали буквы заостренным, но несколько притупленным орудием. Некоторые грамоты на бересте относятся уже к XI—XII вв. Таково письмо какой-то русской женщины об ее тяжелой семейной жизни, письма разных людей по хозяйственным вопросам и т. д.

Письменность на бересте обнаружена и в других русских городах: в Смоленске, в Витебске. Она ждет всеобщего исследования, но пока еще больше изучается лингвистами, чем историками.

Вкладная Варлаама Хутынского конца XII в.
Новгородский музей-заповедник

Л и т е р а т у р а

- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.
- А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954.
4. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958.

§ 9. КНЯЖЕСКИЕ И ЦЕРКОВНЫЕ УСТАВЫ

Особый характер как исторический источник имеют княжеские и церковные уставы.

Церковный устав князя Владимира Святославича (ум. в 1015 г.) многие историки считали подложным. Однако, как доказал С. В. Юшков, в основе этого произведения лежит устав, первоначально пожалованный Десятинной церкви в Киеве в конце X в., который позже многократно переделывался и дошел до нас в списках, отражающих на себе ряд позднейших исправлений. В уставе Владимира устанавливается сфера церковного суда: «Не вступатися ни детем моим, ни внучатом, ни всему роду моему до века ни в люди церковные, ни в суды их, то все дал есмь по всем градом и по погостом и по свободам (слободам), где христиане суть». Устав указывает, какие судебные дела подлежали церковному суду: это дела о разводах супругов, о ссорах между мужем и женой, колдовство, еретичество, тяжбы о наследстве между братьями и т. д.

Сохранился и церковный устав Ярослава. В первоначальном своем виде он возник в первой половине XI в., но также подвергался переделкам и дополнениям. Оба устава действовали в сфере церковных судов, подобно тому как Русская Правда действовала в сфере гражданской.

Около 1135 г. был составлен устав новгородского князя Всеволода Мстиславича «о церковных судах и торговых мериллах», а в 1137 г. — устав новгородского князя Святослава Ольговича о церковной десятине, шедшей в казну новгородской епископии. В уставе Святослава имеется перечисление населенных пунктов

(«слобод») Новгородской земли, что придает этому документу особую ценность.

Примерно 1150 г. датируются уставы князя Ростислава, данные смоленской епископии. Особая их ценность как исторических источников заключается в том, что они дают известия о Смоленской земле и ее населенных пунктах.

По-видимому, в конце XII в. возник «Устав Ярослава о мостех», ранее неверно относимый ко времени Ярослава Мудрого. Он устанавливает распределение мостовой повинности в Новгороде. Устав сохранился в двух редакциях. Первая редакция называет князя Ярослава Владимировича, трижды княжившего в Новгороде в конце XII в., вторая редакция возникла при князе Ярославе Всеволодовиче в середине XIII столетия.

Исключительное историческое значение имеет устав новгородского князя Всеволода Мстиславича, данный им около 1134 г. церкви Ивана Предтечи на Опоках. Устав определяет привилегированное положение «Иванского ста», объединения новгородских купцов, торговавших воском. Таким образом, грамота Всеволода является древнейшим русским уставом купеческой корпорации. Впрочем, А. А. Зимин высказал мысль о подложности этого устава, обнаружив в его тексте анахронизмы, которые относят устав не к XII, а к XIV в. Такие анахронизмы, действительно, имеются в известных нам списках Устава Иванского ста, но они показывают только то, что устав был действующим не только в XII столетии, но и в позднейшие века. Подобного рода подновления текстов, как мы видели раньше, характерны и для списков Русской Правды, что не позволяет тем не менее заподозривать подлинность Правды и зачислять ее в число сомнительных или подложных произведений. В самом же тексте Устава Иванского ста есть прямые указания на политическую обстановку, сложившуюся именно в XII столетии, в частности упоминание брата Всеволода, одно время княжившего в Киеве, о чем позднейший подделыватель не имел бы никакого представления. Наименование Всеволода «самодержцем» находит аналогию в летописи, которая таким титулом именует князя Романа Галицкого.

Устав Иванского ста сохранился в двух редакциях, показывающих, каким образом он подвергался изменениям в более позднее время. По уставу, купеческое объединение при церкви Ивана Предтечи на Опоках получает исключительное право взвешивать воск в Новгороде и Торжке, получая за это пошлину с купцов. Иванское сто ведает и другими делами, а также судом по торговым делам. Во главе его стоят старосты: «И яз князь великий Всеволод поставил есми святому Ивану три старосты от житых людей и от черных тысяцкого». Устав Всеволода имеет крупнейшее значение для истории русской торговли и общественных отношений в Киевской Руси.

Л и т е р а т у р а

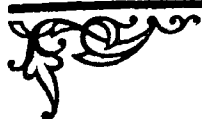
А. А. Зимин. Памятники русского права. Вып. 1, 2. М., 1952—1953. Уставы о торговых весах и мерилах, Устав Иванского ста, Устав Ярослава о мостах напечатаны в приложении к изданию.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950. [В ней помещены тексты уставов, связанных с именем новгородского князя Всеволода Мстиславича.]

Уставные грамоты Смоленской епископии.—«Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.» Л., 1936; см. также «Памятники истории Великого Новгорода и Пскова». Подгот. Г. Е. Кочин. М.—Л., 1935.

М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952 [устав Святослава Ольговича и духовная Климента XIII в.].

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ XI—XIII вв. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

§ 1. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

До нашего времени дошло несколько ценных литературных произведений Киевской Руси гражданского характера. Из них наибольшее значение, как исторический источник, имеет великое произведение русского эпоса «Слово о полку Игореве». Текст этого произведения был открыт Мусиным-Пушкиным в 1795 г. Вскоре после находки рукописи с нее была снята копия для Екатерины II, хранившаяся в Эрмитажной библиотеке. В 1800 г. Слово о полку Игореве было напечатано, а в 1812 г. единственный подлинный список Слова пропал (возможно, сгорел) во время московского пожара. Среди некоторых знатоков древней письменности существовало, однако, мнение, что Слово о полку Игореве не сгорело, а было похищено. В доказательство приводилась та мысль, что огонь не отличает ценную рукопись от малоценной, тогда как от библиотеки Мусина-Пушкина сохранились менее важные рукописи, а наиболее ценные — погибли. Так, сохранился, например, список Вологодско-Пермской летописи XVI в. (который находится в Государственном историческом музее в Москве) с пометой о принадлежности рукописи Мусину-Пушкину.

Пропажа подлинной рукописи Слова о полку Игореве вызвала попытку доказать, что Слово было составлено в конце XVIII в. на основании позднейшего сочинения (Задонщины, см. гл. VIII, § 6). С такой гипотезой выступил проф. Андре Мазон (Франция), но его гипотеза не нашла поддержки в научных кругах, так

как все новейшие открытия подтверждают подлинность Слова. К тому же Слово о полку Игореве не только исторический памятник, но и замечательное поэтическое произведение. Можно подделать старинный текст, но подделать Шота Руставели или Гомера невозможно. Для этого учености мало, надо быть поэтом.

Текст Слова был найден в составе сборника, в котором находились статьи по преимуществу гражданского характера. Так, в рукописи помещены были такие переводные памятники, как «Слово о премудром Акире» и «Девгениево деяние», рассказывающее о подвигах храброго Девгения, — византийский средневековый роман, переведенный на русский язык. В сборник входили и летопись под заглавием «Временник, еже нарицается летописание русских князей и земля Руская» (такой заголовок имеет Новгородская первая летопись младшего извода) и «Гранограф». Полное название «Хронографа», данное издателями Слова, не позволяет сомневаться в том, что это был Хронограф первой редакции, или Хронограф 1512 г. Таким образом, рукопись со Словом о полку Игореве, написанная полууставом на бумаге большого формата «в лист», вероятнее всего возникла в XVI столетии, но не раньше.

Правописание дошедшего до нас списка Слова о полку Игореве указывает на Псковскую землю как на место его написания. Псковичи меняли «с» на «ш» и «ц» на «ч» и наоборот. Следы такого говора заметны в выражениях Слова: «шизый орел» вместо «сизый орел», «луци» вместо «лучи» и т. д. Можно предполагать, что весь сборник, в котором было помещено Слово, был написан в Псковской или Новгородской земле.

Издатели не всегда удачно разбирали текст Слова, но напечатали его в целом точно, по всем правилам тогдашней науки. Таким образом, копия Слова, снятая для Екатерины II, и печатное издание 1800 г. дают достаточное представление об этом памятнике героического русского эпоса XII в.

В результате изучения Слова возникла громадная литература, ему посвященная. Можно сказать, что каждый выдающийся историк древней литературы написал хотя бы небольшую статью о Слове о полку Игореве. Почти все фразы и слова Слова в той или иной

мере подвергались истолкованию. Гораздо хуже обстоит дело с изучением Слова как исторического источника. Правда, историки часто приводят из него отдельные выражения, но очень редко ставят своей задачей дать оценку Слова в целом как исторического источника.

Сюжет Слова несложен. В нем рассказывается о походе северских князей в 1185 г. во главе с путивльским князем Игорем Святославичем против половцев. Незадолго до этого северские князья отказались участвовать в походе против половцев, который был предпринят их родственником киевским князем Святославом Всеволодовичем. С самого начала участники похода были смущены плохими знаменами — произошло затмение солнца. Однако князья решили двигаться дальше. Первый бой был удачен для русских. Но вскоре дело приняло другой оборот. Половцы разбили русские войска, и Игорь Святославич попал в плен, из которого бежал с помощью некоего Овлура.

Поход Игоря Святославича против половцев не был явлением исключительным. Удачные и неудачные походы против половцев делались русскими князьями и раньше. Однако поход 1185 г. привлек к себе особое внимание не только автора Слова, но и летописцев. Рассказ о походе Игоря в двух разных редакциях помещен в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Особенно важно существование северной редакции рассказа о походе 1185 г. в Лаврентьевской летописи, которая содержит мало известий о южнорусских событиях конца XII в. Татищеву был известен особый текст летописи, рассказывающий о походе Игоря; в нем имеются кое-какие ценные дополнения.

Время возникновения Слова о полку Игореве определяется довольно точно. Слово не могло быть написано позднее 1187 г., так как в нем говорится о Ярославле Осмомысле и переяславском князе Владимире Глебовиче как о живых. Между тем оба они умерли в 1187 г. Но вопрос о том, где возникло Слово о полку Игореве, вызывает противоречивые мнения и представляется трудноразрешимым. Наиболее распространенным является предположение, что Слово было написано кем-то из приближенных Игоря Святославича. За это говорит содержание поэмы, главным героем которой

является Игорь: «Пети слава Игорю Святъславличю, буй-туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу».

Почти все авторы, писавшие о Слове о полку Игореве, согласны с тем, что оно возникло в дружинной среде. Певец Слова прекрасно знает военный строй и обычаи своего времени. Князья, упоминаемые в Слове, в той или иной мере связаны родственными отношениями с Игорем Святославичем и Святославом Всеволодовичем. Родственные связи «Ольговичей» были очень широкими. Так, многие поэтические места Слова указывают на постоянное внимание его автора к полоцким делам. Объяснение этому мы находим в родственных связях Святослава Всеволодовича, который был женат на дочери полоцкого князя Василька Рогволодовича. «Васильковичи», родственники Святослава, не раз упомянуты в этом произведении. Слово дает возможность заглянуть во взаимоотношения тогдашней Руси с окрестными странами. Его певцу знакомы Причерноморье, Дунайские земли, Крым, где еще жили готы. При вести о поражении Игоря «готьскыя красныя девы воспеша на брезе синему морю». Автор Слова знает о борьбе полочан с соседними литовскими племенами. Прошли славные времена Полоцкого княжества, что было при Всеславе. Теперь «Двина болотом течет оным грозным полочаном под кликом поганых». Автор Слова называет литовцев погаными, как еще язычников. Он ничего не знает о немцах, высадившихся в 1188 г. в земле ливов в устье Западной Двины. И это лишнее доказательство подлинности Слова.

Автор Слова в первую очередь — певец самих Ольговичей и их рыцарской славы. Он так и называет их родовым прозвищем: «Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половчин». Автор любит силу и смелостью «буй-тур» Всеволода: «Камо тур поскачаше, своим златым шеломом посвечивая, тамо лежат поганья головы половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы оварьстии от тебя, яр-туре Всеволоде». Эта характеристика, данная Всеволоду в Слове о полку Игореве, сходится со словами Ипатьевской летописи, рассказывающей о кончине этого князя. Всеволод, по летописи, был из всех

Ольговичей самым удалым, выделялся красотой лица и ростом, достоинствами и мужественною доблестью.

Слово о полку Игореве прекрасно рисует княжеские отношения конца XII в. В особенности выделяется могущество двух князей, которые по силе стоят наравне со Святославом Киевским или даже выше его. Это галицкий князь Ярослав Осмомысл и Всеволод Большое Гнездо. Ярослав высоко восседает на своем золотокованном столе, он подпер Карпатские (Венгерские) горы своими железными полками, закрыв путь для венгерского короля и затворив для него Дунайские ворота, господствуя до самого Дуная. «Грозы твоя по землям текут... стреляеши с отня злата стола салтани за землями. Стреляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». Эта похвала Ярославу Галицкому находит подтверждение в летописи. Был он князем мудрым, красноречивым, богобоящимся, почитаемым в других землях, славным в боях, читаем в летописи о Ярославе Галицком.

Не менее могущественным для певца Слова представляется владими́ро-суздальский князь Всеволод Большое Гнездо. Он обращается к нему со словами: «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Дон шеломами выльяти». Если вспомнить, что Слово о полку Игореве составлялось в южной Руси, то такие княжеские характеристики получают для нас особое значение. Они показывают подлинное соотношение сил между князьями феодальной Руси в конце XII в., когда особенно усилились Галицко-Волынская и Владимиро-Суздальская земли.

Слово о полку Игореве имеет и еще одну замечательную особенность. Созданное в эпоху феодальной раздробленности, оно тем не менее свидетельствует о единстве русского народа. Все содержание Слова о полку Игореве держится на представлении о том, что Русская земля может бороться против набегов половцев лишь как единое целое. Постоянным припевом звучат патристические, полные горячей любви к родине слова о Русской земле, скрывшейся за холмами («О, Руськая земле, уже за шеломянем еси»).

Слово необыкновенно ярко рисует феодальные усобицы и раздоры князей, скорбя о том, что они ослабляют Русскую землю: «Рекоста бо брат брату: се мое, а то —

мое же. И начяша князи про малое «се великое» мльвити, а сами на себе крамолу ковати; а поганин с всех стран приходяду с победами на землю Рускую». В этих словах автор выразил общенародное недовольство княжескими междоусобицами. Слово вспоминает о прежних усобицах, бывших при черниговском князе Олеге Святославиче, которого оно называет Гориславичем: «Тогда при Олзе Гориславичи сеяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажьбожа внука; в княжих крамолах веци человекомь скратишась. Тогда по Руской земли ретко ратаеве кыкахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие». Храбрые «русичи» и Русская земля — вот основная тема Слова о полку Игореве.

Огромный интерес представляет Слово о полку Игореве для изучения верований древней Руси. В плаче Ярославны олицетворяется природа: «О ветре-ветрило! — обращается Ярославна к ветру. — Чему, господине, насильно вееси? Чему мычещи хиновьскыя стрелкы на своею нетрудною крилцю на моя лады вои? Мало ли ти бяшет горе под облакы веяти, лелючи корабли на сине море». Таким же живым существом представляется в плаче Ярославны река Днепр. Она именует его даже с отчеством — Словутичем. Недавно открытая «Повесть о Сухане» показывает, что это прозвище Днепра существовало еще в XVII столетии. В Слове упоминается и о древних славянских божествах. Боян назван внуком Велеса, бога скота и изобилия, покровителя певцов; русские — дети Дажь-бога, великого бога солнца.

В отличие от других памятников древнерусской литературы Слово о полку Игореве не отражает церковной идеологии. Только раз в нем упомянута церковь богородицы Пирогощей, к которой едет Игорь при возвращении в Киев.

Слово о полку Игореве включило в свой состав множество преданий, неизвестных нам по другим произведениям. Одним из источников для автора являлись песни Бояна, на которые он ссылается. Боян вспоминал «первых времен усобице». Он пел песни о старом Ярославе, о храбром Мстиславе, который зарезал Редю перед полками касожскими, о прекрасном

Романе Святославиче. Следовательно, Боян был певцом конца XI в. (Роман Святославич умер в 1079 г.).

Нам неизвестны источники Слова о полку Игореве. Но автор его, несомненно, пользовался большим количеством устных преданий. Это подтверждают многие эпитеты, находящие себе аналогию в памятниках устной словесности: «злат стол», «злат стремя», «сизый орел», «синее море», «зелена трава», «острые мечи», «чистое поле», «черный ворон». Легендарные черты имеет характеристика Всеслава Полоцкого как вещего князя. Былины знают Волха Всеславича. Таков и исторический Всеслав Полоцкий в Слове о полку Игореве, о котором вещий Боян сложил припевку: «Ни хытру, ни горазду; ни птичу горазду, суда божия не минути». Летопись также повествует о Всеславе как о чародее. Всеслав будто бы родился от волхования и поэтому был «немиловит» на кровопролитие. С самого рождения у него на голове была язва, которую он всю жизнь прикрывал повязкой. От Всеслава произошли Всеславичи, неистовые на кровопролитие.

Замечательной особенностью Слова о полку Игореве является его направленность. В то время как летописи сохранили по преимуществу киевскую традицию, Слово о полку Игореве в основном отражает черниговские и полоцкие традиции. Симпатии певца на стороне черниговских князей. Он пишет об «обиде» черниговского князя Олега Святославича, молодого и храброго князя, выгнанного Владимиром Мономахом из своего княжества. Зато сам Владимир изображен в виде трусоватого князя, затыкающего себе уши от звона золотых стремей Олега. Прозвище «Гориславич», которым певец наделяет Олега, — это эпитет, обозначающий человека, прославившегося своим горем и злоключениями.

Для истории Киевской Руси XII столетия Слово о полку Игореве — лучший источник.

Л и т е р а т у р а

Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л., 1950.

А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. Изд. 2 доп. М.— Л., 1946.

Ф. М. Головенченко. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк. М., 1955. [Дается полная библиография «Слова».]

§ 2. СЛОВО И ПОСЛАНИЕ ДАНИИЛА ЗАТОЧНИКА

Большой интерес для историка представляют два других памятника гражданской литературы, связанные общностью темы, — «Слово Даниила Заточника» и «Послание (Моление) Даниила Заточника». Изучались эти произведения в основном с историко-литературной точки зрения. Между тем они имеют большой интерес и как исторические источники.

Количество списков Слова и Послания довольно значительное, так как эти произведения пользовались на Руси популярностью, но эти списки относительно поздние, не раньше XV в. Новейшие исследователи древней русской литературы считают, что Слово Даниила Заточника возникло в середине XII в., а Послание Даниила Заточника относится ко второй четверти XIII столетия.

В «Слове» сам автор называет себя Даниилом заточником, т. е. заключенным, сосланным. Слово обращено к князю Ярославу Владимировичу («Слово Даниила Заточника, еже написа своему князю Ярославу Володимировичю»). Послание (или редакция XIII в.) обращено к князю Ярославу Всеволодовичу («Послание Даниила Заточника к великому князю Ярославу Всеволодовичю»).

Некоторые историки литературы, впрочем, считают, что редакция XII в. является позднейшей. Одним из доводов в пользу такого мнения считается обращение Даниила Заточника к сыну великого царя Владимира («помилуй мя сыне великого царя Владимира»). С такими словами якобы нельзя было обратиться к незначительному новгородскому князю Ярославу Владимировичу. Следовательно, сын великого царя Владимира был кем-то другим. Таким мог быть сын Владимира Мономаха, например Юрий Долгорукий, так как только Владимир Мономах мог быть назван царем, как потомок византийской царевны. В действительности этот вывод необоснован. Слово «царь» (цесарь) в киевских памятниках употреблялось редко и только иносказательно, в прямом смысле царем нельзя было назвать и Владимира Мономаха. Между тем Владимир Мстиславич, отец

новгородского князя Ярослава Владимировича, на короткое время сделался великим князем киевским. На киевском столе он сидел четыре месяца и умер великим князем (1174 г.). Автор, обращаясь к своему князю, мог назвать его отца с преувеличенной похвалой великим царем. Подобные обращения встречаются в наших памятниках. Так, в Ипатьевской летописи под 1151 г. говорится, что воины подняли на руки князя Изяслава, «яко царя и князя своего».

Слово Даниила Заточника (редакция XII в.) содержит ряд черт, которые объясняют нам обращение Даниила к новгородскому князю Ярославу Владимировичу. В течение 17 лет (с 1182 по 1198 г. с перерывами) он княжил в Новгороде. Ярослав был свояком Всеволода Большое Гнездо и значительное время прожил в Суздальской земле. В своей княжеской резиденции под Новгородом он построил церковь Спаса-Нередицы и украсил ее фресками. Именно к этому князю естественнее всего можно было обратиться со словами: «Зане, господине, кому Боголюбово, а мне горе любое, кому Бело озеро, а мне черней смолы, кому Лаче озеро, а мне на нем седа плачь горький, и кому ти есть Новгород, а мне и углы опадали, зане не процвете часть моя». В этом горьком каламбуре Даниил упоминает Боголюбово (любимую княжескую резиденцию владимирских князей), Новгород, Белое озеро, озеро Лаче, находившееся на севере Новгородской земли (у Каргополя). Такой каламбур был понятен только людям, жившим во Владимиро-Суздальской и в Новгородской землях, а отнюдь не в южной Руси.

Внимание привлекает и еще одна особенность Слова. Тот князь, к которому обращался Даниил Заточник, не принадлежал к числу могущественных князей, подобных Всеволоду Большое Гнездо или его предшественнику Юрию Долгорукому. В Слове князь добивается высокого стола («з добрым бо думцею думая князь высока стола добудет, и с лихим думцею думая, меншего лишен будеть»). В другом месте Слова уже прямо говорится о неудачных князьях: «Мнози бо ополчаются на большая грады и с своих менших, сседают».

Возникает вопрос, в какой же социальной среде возникло Слово Даниила Заточника? Историки лите-

ратуры делают предположение, что Даниил Заточник был сослан на озеро Лаче за преступление против князя, может быть, даже за кражу, но это предположение опровергается самим текстом Слова, где читаем: «или ми речеши: солгал еси аки тать. Аще бых украсти умел, то только бых к тебе не скорбил» (или скажешь мне: ты солгал, как вор. Если бы я умел воровать, то так бы от тебя не страдал). Ссылка Даниила на Лаче-озеро, вероятно, была вызвана внутренними распрями в Новгороде, в которых какую-то роль играли бояре. Отсюда такое яростное доказательство преимуществ службы у князя, а не у боярина, какое делает Даниил Заточник.

Слово дает любопытную характеристику феодальных отношений XII в. Прежде всего бросается в глаза указание на значение личности князя как феодального государя, к которому в зависимости от его личных качеств собираются «слуги»-вассалы: «Гусли бо страются персты, а тело основается жилами; дуб крепок множеством корення; тако и град нашъ твоею державою. Зане князь щедр отецъ есть слугам многим: мнозии бо оставляють отца и мать, к нему прибегаютъ. Доброму бо господину служа, дослужится слободы, а злу господину служа дослужится большей работы». Князь славен теми, кто его окружает: «Паволока (дорогая ткань) бо испестрена многими шолкы и красно лице являеть: тако и ты, княже, многими людьми честен и славен по всем странам».

Слово Даниила Заточника является ценнейшим источником для изучения классовой борьбы в древнерусском обществе. В нем неоднократно подчеркивается антагонизм богатых и бедных. Даниил не без иронии восклицает: «Богат възглаголетъ, вси молчат и вознесут слово его до облак; а убогий възглаголетъ, вси на нь кликнуть; их же ризы светлы, тех речъ честна» (у кого одежды богатые у тех и речь умная). В другом месте Слова находим противоположение богатой жизни князя, нежащегося под собольим одеялом, бедствиям Заточника, который ест сухой хлеб и пьет теплую воду.

Слово рельефно характеризует порядки вотчины периода феодальной раздробленности: не имей двора поблизости от царева двора, восклицает Даниил, и не держи села поблизости от княжеского села; тиун его,

как огонь прикрытый, а «рядовичи» его, как искры. Если от огня устережешься, то от искр не можешь «устречься» и от сожжения одежды.

Слово Даниила Заточника соткано из ряда афоризмов и поучений. Эта особенность именно и создала ему большую популярность в средневековой Руси.

В Слове мы встречаем и постоянную тему многих древнерусских сочинений — о злых женах. Аскетический характер церковной письменности способствовал взглядам на женщину, как на «сосуд дьявола». Вот несколько выпадов Заточника против злонравных жен: если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые словеса, а дел ее не проверяет, то дай бог ему лучше лихорадкой болеть. Или в другом месте: «Что есть жена зла — гостинница неуповаема, кощуница бесовская. Что есть жена злая? Мирский мятежь, ослепление уму, начальница всякой злобе» и т. д.

Не менее интересно второе произведение, связанное с Даниилом Заточником, так называемое Послание (Моление). Послание начинается обращением ко князю Ярославу Всеволодовичу, которым исследователи считают переяславского, а впоследствии великого князя Ярослава, сына Всеволода Большое Гнездо.

Зависимость редакций XIII в. от другой, более ранней, доказывается имеющейся в Послании ссылкой: «Даниил рече: храбра княже, борзо добудешь, а умен дорог». Следовательно, составителем Послания был не Даниил, а человек, который только пользовался его сочинением. В связи с тем что Послание обращено теперь к переяславскому князю, в нем меняется на новый лад и старый каламбур. Если раньше упоминались Новгород и Боголюбиво, то в новой редакции говорится так: «Княже мой, господине, кому Переславль, а мне Гореславль, кому Боголюбиво, а мне горе лютое, кому Белоозеро, а мне чернее смолы; кому Лаче озеро, а мне много плача исполнено, зане часть моя не прорасте в нем». В другом месте Послание прямо указывает на особые отношения Ярослава Всеволодовича к Переяславлю: «Орел птица царь надо всеми птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы».

Послание чрезвычайно интересно по своей социальной направленности. Автор рисует нам облик князя эпохи феодальной раздробленности, который хорошо гармонирует с биографией Ярослава Всеволодовича, воинственного, умного и в то же время жестокого князя: «Мудрых полцы крепки и грады тверды; храбрых же полцы силни и безумны: на тех бывает победа. Мнози бо ополчаются на боляча грады и с своих, с меньших, сседают». В этой характеристике князя невольно чувствуются исторические черты. Таков был и Ярослав Всеволодович, гнавшийся за новгородским столом и нередко его терявший. В 1216 г. Ярослав вместе с братом Юрием был разбит при Липицах, отвергнув с насмешкой предложение о мире. В другом месте автор Послания хвалит князя за его щедрость: «Яко же невод не удержит воды, но избирает множество рыб, тако и ты, княже наш, не держишь богатества, но раздаешь мужам сильным и совокупляешь храбрых».

В Послании читаем необычно резкий отзыв о монашеской жизни: «Или скажешь, княже: постригись в чернецы. Так я не видел мертвеца, едзящего на свинье, ни черта на бабе, не едал смоквы от дубов... Многие ведь, отойдя от мира сего в иночество, вновь возвращаются на мирское житие и на мирскую гонку, точно псы на свою блевотину: обходят села и дома славных мира сего, точно псы ласкающиеся. Где свадьбы и пиры, тут и чернецы и черницы и беззаконие. Ангельский образ носят на себе, а распутный нрав, святительский имеют на себе сан, а обычай похабный».

Большинство исследователей считает автора Послания дворянином, княжеским дружинником, так как он сам говорит, что «всякому дворянину тем иметь честь и милость у князя». Н. К. Гудзий признает автора Послания холопом на том основании, что автор говорит о себе: «Яко аз раб твой и сын рабы твоя». Заточник и далее упоминает, что он находился «под работным ярмом». Таким образом, перед нами, несомненно, какой-то зависимый человек. И в этом отношении наблюдение такого знатока древнерусской литературы, как Гудзий, очень ценно. Однако согласиться с его мнением, что «Даниил оказался выразителем холопских позиций, впервые заявленных в литературе и нашедших себе

в «Молении» очень яркое отражение», нельзя. В действительности автор с крайним презрением относится к холопам: «Не лепо у свинии в ноздрех рясы златы, такоже на холопе порты дороги. Аще бо были котлу во ушью златы колцы, но дну его не избыти черности и жжения; тако же и холопу: аще бо паче меры горделив был и буяв, но укору ему своего не избыти, холопья имени». То же презрение к холопам слышится и в другом тексте Послания: «Ни птица во птицех сычь, ни в зверех зверь еж; ни рыба в рыбах рак, ни скот в скотех коза, ни холоп в холопех, кто у холопа работает».

В Послании перед нами выступает не холоп, а зависимый человек, ищущий покровителя и предпочитающий быть вассалом князя, а не боярина. Отсюда выпады Даниила, направленные не против бояр вообще, а против службы у боярина: «Лучше бо ми нога своя нидети в лыченицы в дому твоём, нежели в черлене сапозе в боярстем дворе; лучше бы ми в дерюзе служити тебе, нежели в багрянице в боярстем дворе».

В Новгородской или Владимиро-Суздальской земле, где могло возникнуть Послание, множество людей зависело от князей и бояр, служило им в качестве «слуг-вассалов». Так, из Пскова были выгнаны все люди, получившие от Ярослава Всеволодовича «придаток», т. е. ссуду, которая ставила человека в зависимость от князя или боярина. Русская Правда упоминает как «придаток», так и «милость», получение которой не делало человека холопом, но налагало на него вассальные обязательства. Слово «милость» в разных вариантах повторяется в Послании. Автором Послания был человек, находившийся в зависимости от Ярослава Всеволодовича, его «милостник». Этим можно объяснить некоторые особенности Послания. Только ратный человек мог с таким знанием дела говорить о войне и роли князя в боях. Князь «грозен множеством вой», он привлекает к себе своей щедростью: «Многи слуги совокупити, не токмо своя домочадца, но и от инех стран совокупи притекающая к тебе, ведуще твою обычную милость».

Время написания Послания датируется довольно точно княжением Ярослава Всеволодовича (1213—1246 гг.). На время написания Послания могут указы-

вать его заключительные слова: «Не дай же, господи, в полон земли нашей языком, не знающим бога, да не рекут иноплеменницы: где есть бог их». Обычно в этих словах видят намек на татарское нашествие. Но слова об иноплеменных могли относиться и к другим врагам Руси — немецким рыцарям, с которыми много воевал Ярослав Всеволодович. Такие же слова почти буквально повторены в житии Александра Невского.

Слово и Послание подвергались различным литературным переделкам, и уже в XIV в. пользовались широкой известностью. Так, в летописи под 1378 г. говорится о задержании некоего попа, у которого нашлось в мешке «лютое зелье». Поп был заподозрен в намерении отравить Дмитрия Донского. Летопись замечает, что попа сослали на Лаче-озеро, где раньше сидел Даниил Заточник.

Л и т е р а т у р а

Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Подгот. к печати Н. Н. Зарубин. Л., 1932. История русской литературы. Т. 1 (Литература X—XVIII вв.). Редколлегия: В. П. Адрианова-Перетц и др. М.—Л., 1958. Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 170—179.

§ 3. ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Произведением гражданской литературы Киевской Руси, имеющим большое историческое значение, является «Поучение Владимира Мономаха», внесенное в Лаврентьевскую летопись под 1096 г. после рассказа о княжеских распрях. В Ипатьевской летописи Поучения нет, и это одно уже подчеркивает его вставной характер в летопись. Оно начинается словами: «Аз, худый, дедом своим Ярославом благословленным славным, нареченый в крещении Василий, русьскимъ именем Володимир, отцем возлюбленнымъ, и матерью своею Мономахы».

Далее в рукописи следует пропуск в несколько строк и начинается текст Поучения, которое состоит из двух частей: поучения к сыновьям и так называемой грамотицы, или письма, к черниговскому князю Олегу Святославичу.

В советское время доказано, что Поучение Владимира Мономаха находит параллели в англосаксонских текстах. В этом нет ничего удивительного. Киевские князья были в родстве со многими европейскими дворами того времени, в частности с английским королевским домом. Вместе с тем Поучение Владимира Мономаха находит аналогию в других памятниках русского происхождения, созданных на основе более ранних византийских образцов. Так, в «Изборнике» Святослава 1073 г. имеется «Завещание Ксенофонта», наставление детям о праведной жизни. Эти сопоставления с иноземными памятниками одной и той же эпохи не мешают, конечно, видеть в произведении Мономаха оригинальное русское сочинение начала XII в. Поучение рельефно рисует нам жизнь русских князей конца XI — начала XII в. Владимир Мономах рассказывает о своих походах и путешествиях. Вся его жизнь прошла в непрерывных войнах то с поляками («ходив за Глаговы до Чешьского леса», т. е. до Глаговы в Силезии), то с половцами, то с враждебными князьями. Он насчитывает 83 больших похода, которые совершил, не считая мелких, а также 19 мирных договоров с половцами («и миров есмь створил с половецкими князи без единого 20»).

Для характеристики феодальной идеологии интересен образ идеального князя, рисуемого Мономахом. Князь должен следить за всем в доме, а не полагаться на тиуна или дружинника («отрока»), чтобы не посмеялись над порядками в доме и на обеде. Во время военных походов надо избегать излишней пищи и питья, а также долгого сна. К ночи сами назначайте сторожей, поучает Мономах, и все устроив около войска, ложитесь спать, а вставайте рано; и оружия с себя быстро не снимайте, не посмотрев по лености, «внезапу бо человек погибает». Жизнь князя наполнена войнами и охотой, смерть ходит по пятам воина. И эту рыцарскую идеологию прекрасно выражают слова Мономаха, обращенные к его троюродному брату Олегу Святославичу Черниговскому. Мономах предлагает ему мир и дружбу и обещает не мстить за смерть сына, убитого в бою с Олегом: «Дивно ли, оже муж умерл в полку» (удивительно ли, что воин умер во время сражения).

Поучение дает много исторических сведений, отсутствующих в летописи, оно является ценным историческим источником.

Л и т е р а т у р а

Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 93—95.

Н. В. Шляков. О поучении Владимира Мономаха. Спб., 1900.

А. С. Орлов. Владимир Мономах. М.—Л., 1946.

§ 4. СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ И ЖИТИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Слово о погибели начинается похвалой Русской земле: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая и многими красотами удивлена еси... всего еси исполнена земля Руская». Автор перечисляет земли, ранее подвластные русским князьям, когда «угры (венгры) твердяху каменны горы железными вороты, абы на них великий Володимер тамо не въехал, а немцы радовахуса, далече будуче за синим морем».

В дошедшем до нас виде Слово оставляет впечатление незаконченности; но его историческое значение очень велико. Оно продолжает традиции Слова о полку Игореве, свидетельствуя о стремлениях русского народа к единству и независимости. Слово о погибели возникло на севере Руси, так как автор его прекрасно знает соседей северо-восточной Руси и «дышущее море» (Северный Ледовитый океан), а также соседей Суздальской земли. Он называет поганых «тоймичей» (Тойма — приток Северной Двины), буртасов, мордву. Для исследователей оставалось необъяснимым слово «вадя», обозначавшее какой-то народ, живший рядом с буртасами и мордвой, но «вядовские места», местности, населенные раньше «вядей», упоминаются в книгах по Мещере в XVI—XVII вв.

«Слово о погибели Русской земли» найдено в псковской рукописи XV в. Историки литературы обычно считают, что Слово является введением к «Житию Александра Невского», помещенному в том же сборнике, и возникло, следовательно, после татарских разорений. Но в самом Слове не упоминается о татарах, хотя в

приписке к заглавию и говорится о смерти великого князя Ярослава (1246 г.). В самом же Слове этот князь упоминается как живой вместе с братом Юрием: «И до ныняшняго Ярослава и до брата его Юрья князя Володимерьского». В отличие от других исследователей М. Н. Тихомиров считает, что Слово возникло до татарского нашествия, так как Юрий был убит в битве с татарами на реке Сити в 1237 г., а в Слове он назван живым. По его мнению, Слово возникло в связи с поражением русских при Калке в 1223 г.

Слово о гибели в псковской рукописи XV в. является как бы введением к житию Александра Невского. Таким же введением Слово оказывается в другой рукописи, найденной В. И. Малышевым. Большинство исследователей поэтому считает Слово о гибели Русской земли как бы введением к «Житию Александра Невского».

Житие в первоначальном своем виде не сохранилось, а дошло до нас в многочисленных переработках. Первоначальная канва его была построена в виде светской повести о «мужестве» и деяниях Александра. В одной рукописи XVII в., восходящей к раннему оригиналу, так и говорится, что это «повесть о князе велице о Александре Ярославиче». Списатель сравнивает своего героя с одноименным Александром Македонским и с Ахиллесом (Алевсисом) крепким и храбрым.

В Житии Александра Невского особенно большой интерес имеют повествования о Невском и Ледовом побоищах, носящие на себе все черты современных записей. В самом Житии упоминается, что о битве на Чудском озере рассказывает «самовидец». По его словам, «бысть сеча велика и зла». Множество врагов было взято в плен, их вели босыми возле коней. Во время Невской битвы особенно прославились шесть храбрых мужей. Один из них, новгородец Мища, «погуби три корабля римлян».

Некоторое значение имеют и поздние редакции Жития Александра, дополненные на основании преданий и других источников. К сожалению, сколько-нибудь полного обзора различных редакций Жития Александра Невского, как исторического источника, мы не имеем.

Л и т е р а т у р а

Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты.). М., 1915.

История русской литературы. Т. 1, М.—Л., 1958.

Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6, исправл. М., 1956, стр. 188—196.

§ 5. ПЕЧЕРСКИЙ ПАТЕРИК И ЖИТИЯ СВЯТЫХ

Среди памятников церковной литературы XI—XIII вв. наибольшее историческое значение имеет «Киево-Печерский Патерик». Слово «патерик» произошло от греческого «патер» (отец) и в переводе на русский язык означает «отечник», т. е. сборник слов, поучений и рассказов о духовных отцах, в данном случае о монахах. Переводные патерики появились на Руси уже в XI—XII вв. и носили разные названия (Скитский патерик и пр.). Печерский Патерик является сборником русского происхождения, рассказывающим о жизни монахов Киево-Печерского монастыря.

По своему составу Патерик является сложным памятником, в основу которого легли сказания, относящиеся к XI—XII вв. Некоторые из них, частично включенные в Патерик, не дошли до нас в полном виде. Во всех редакциях Печерского Патерики встречается послание епископа Симона Владимирского (1215—1226 гг.) к Поликарпу, иноку Киево-Печерского монастыря. Поликарп считал себя обиженным тем, что в игумены Печерского монастыря был выбран не он, а Акиндин, и поэтому хотел перейти в княжеский Златоверхий Михайловский монастырь в Киеве. Желая доказать Поликарпу значение Киево-Печерского монастыря, Симон пишет об истории последнего, давая 11 рассказов о печерских монахах. В свою очередь Поликарп написал послание к Акиндину с рассказом о 15 монахах Киево-Печерского монастыря. По-видимому, первоначальный Патерик и состоял из посланий Симона и Поликарпа, к которым было присоединено «Сказание о первых черноризцах печерских» однородное с таким же сказанием, помещенным в Повести временных лет под 1074 г. Таким образом, Печерский Патерик в известном нам виде сло-

жился не ранее начала XIII в. из готовых уже памятников. В XIV в. Патерик был дополнен; в него было включено «Житие Феодосия Печерского» — основателя монастыря.

Древнейшая редакция Печерского Патерика относится к 1406 г. и связана с именем тверского епископа Арсения. Другая редакция принадлежит Касьяну, монаху Печерского монастыря, и датирована 1462 г.

Печерский Патерик в наиболее распространенной, Касьяновской, редакции начинается рассказом о создании церкви в Печерском монастыре. Далее помещено сказание о том, почему прозвался «Печерский» монастырь и житие Феодосия Печерского, основателя монастыря. Вслед за этим следуют рассказы о печерских черноризцах, послание епископа Симона Владимирского Поликарпу и послание Поликарпа к Акиндину.

Тематика рассказов Патерика вращается вокруг Киево-Печерского монастыря, который был связан со многими историческими событиями XI—XIII вв. Поэтому значение Патерика, как исторического памятника очень велико. В нем имеется много указаний на события, нам неизвестные или недостаточно известные по летописи: о князе Николе Святоше (Святославе Давыдовиче), постригшемся в Киево-Печерском монастыре, о Моисее Угрине, взятом в плен и отведенном в Польскую землю, и т. д. В рассказе о Прохоре-черноризце находим указание на то, что во время княжеской распри конца XI в. не пускали «гостей» (купцов) из Галича и из Перемышля и поэтому не было соли во всей Русской земле и т. д.

Печерский Патерик дает материал для истории взаимоотношений русских и половцев, в плен к которым попадали некоторые печерские монахи. Любопытно указание на миссионерскую деятельность монахов. В земле вятичей был замучен Кукша, пытавшийся обратить вятичей в христианство. В «Сказании о Никите Затворнике» находим сведения о характере образованности Киевской Руси. Никита знал наизусть Ветхий завет, Евангелие, Апостол. Рассказ об Алимпии вводит в мастерскую иконописца, получившего свои знания от греческих мастеров. Замечательный рассказ о Моисее Угрине говорит о положении пленников-рабов, давая

в то же время сведения о борьбе польского князя Болеслава с Ярославом Мудрым. Сказание о Симоне, варяжском князе, дает некоторые сведения о положении дружинников-варягов XI в. Из Печерского Патерика мы узнаем о существовании в Киеве колоний евреев, армян и сирийцев. Особенно важны известия Патерика для характеристики экономики и культуры Киевской Руси XI—XII вв.

Однако при всем богатстве своего содержания Печерский Патерик — памятник односторонний. Он изображает все события с точки зрения церковной. Целью составителей Киево-Печерского Патерика являлось не воссоздание исторической правды, а нравоучение, основанное на примерах, взятых из жизни печерских монахов. Составители Патерика широко используют церковную фантастику, изображая бесов в виде живых существ, делающих непрерывные пакости благочестивым подвижникам.

Такой же характер имеют отдельные жития русских святых, составленные в XI—XIII вв. Как исторические источники, наиболее интересны княжеские жития (Ольги, Владимира, Мстислава Владимировича) и сказания о убиении Бориса и Глеба.

Большой интерес имеют жития двух местных святых: Евфросинии Полоцкой и Авраамия Смоленского. В «Житии Евфросинии» рассказывается о полоцкой княжне XII в., постригшейся в монахини и основавшей монастырь под Полоцком. Она жила в «голубце» (отдельном помещении) при каменном соборе св. Софии, занимаясь перепиской книг для продажи: «Начат писати книги своими руками и наем емлющи, требующим даяше».

«Житие Авраамия Смоленского» описывает события начала XII в. Бурная городская жизнь Смоленска оживает перед нами воочию. Авраамий своими проповедями привлекает к себе низы городского населения и его обвиняют в еретичестве. Игумены и попы «рычат» на Авраамия, но князь и бояре его оправдывают. Крамола и «шатание» (смятение) в Смоленске ярко описаны составителем жития.

Ценной особенностью того и другого жития является их более реалистическое изображение жизни «святых»

по сравнению с Печерским патериком. Это придает названным сочинениям особый интерес.

Л и т е р а т у р а

Патерик Киевского Печерского монастыря. Спб., 1911.

Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты.). М., 1915.

Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Подгот. к печати С. П. Розанов. Спб., 1912.—«Памятники древнерусской литературы». Вып. 1.

Повесть о Евфросинии Полоцкой.—«Памятники старинной русской литературы». Вып. 4. Спб., 1862.

Н. К. Гудай. История древней русской литературы. Изд. 6. М., 1956, стр. 96—110.

§ 6. ЦЕРКОВНЫЕ ПОУЧЕНИЯ, ХОЖДЕНИЯ

В церковной литературе XI—XIII вв. довольно широко были распространены слова и поучения на различные церковные темы. Не всегда легко установить, является ли подобное произведение памятником русского происхождения или оно заимствовано из Византии или Болгарии, но и в переводных сочинениях такого содержания иногда имеются любопытные русские вставки.

Из ранних поучений русского происхождения особенно интересно «Слово о законе и благодати и похвала кагану нашему Владимиру» русского митрополита Илариона. «Каган», или «хакан», — титул хазарского хана, которым иногда титуловали и великих князей киевских. Иларион, по сказанию летописи, был «муж благ, книжен и постник». Он был митрополитом в 1051—1055 гг.

«Слово о законе и благодати...» возникло между 1037 и 1050 гг., так как в нем говорится о церкви Благовещения на Золотых воротах, построенной в 1037 г., и упоминается Ирина (Ингигерда) — жена Ярослава Мудрого, умершая в 1050 г. Слово вводит нас в борьбу религиозных и политических идей XI в. Иларион говорит в нем о крещении Руси («благодать и истина всю землю исполни, и вера в вся языки прострется и до нашего языка Руськаго») и восхваляет Владимира, крестившего Русскую землю: «Похвалим же нашего

учителя и наставника, великаго кагана наша земля, Владимира, внука старого Игоря, сына же славнаго Святослава, иже в своя лета владычествующе, мужеством и храбрством прослуша в странах многих и победами и крепостью поминаются ныне и словуть. Не в хуе бо и не в неведоме земля владычествующе, но в Руськой, яже ведома и слышима есть вьсеми конци земля». Иларион обращается к Владимиру с призывом взглянуть на величие Киева при Ярославе, который «славный град Къев величством яко венцем обложил». Эти слова, видимо, надо понимать как указание на вновь построенные и величественные укрепления, окружившие столицу киевских князей.

Для характеристики культуры Киевской Руси ценный материал дают сочинения Кирилла Туровского, бывшего епископом в Турове в 1171—1182 гг. Они отличаются народным сказом речи и являются хорошим источником бытового характера. Кирилл Туровский ярко рисует тяжелое положение рабов, угнетаемых своими господами: «Не подающе им довольно пищи и одежда, и делом насилующе или иными бедами и биеми напрасно, и в воду вмещающихся и от своих рук истравившихся от насилия» (господа не дают рабам достаточно пищи и одежды, угнетают чрезмерной работой и иными бедами, бьют их без вины, и рабы кончают жизнь самоубийством — бросаются в воду или отравляются).

Интересным памятником XII в. является Послание митрополита Климента. Климент Смолятич родом из Смоленска в 1147 г. был избран собором русских епископов в митрополиты всея Руси без поставления патриарха, в то время как другие русские митрополиты поставлялись патриархом в Константинополе. «Послание написано Климентом митрополитом русским Фоме пресвитеру, истолковано Афанасием мнихом» сохранилось в рукописи XV в. Авторству Климента приписывают только две первые части, а последнюю — монаху Афонасию. Послание дает интересный материал для характеристики образованности Киевской Руси. Автор обращается к Фоме с ответом на его послание, обличавшее Климента в гордости своими философскими познаниями, так как Климент делал в своих сочинениях

ссылки на Гомера, Аристотеля и Платона. Отводя от себя упреки в гордости, Климент в то же время нападает на тех епископов, которые прилагают «дом к дому, села к селам, изгой же и сябры, и бортии, и пожнии, ляда же и старины, от них же окаяный Клим зело свободен».

Особый характер имеют памятники древнерусской канонической литературы, связанной с церковной деятельностью. В них нередко встречаются ценные исторические сведения о положении различных социальных слоев Киевской Руси (холопов, смердов, изгоев). Наибольшее значение для историка имеет «Кириково вопрошание» середины XII в., в котором приводятся вопросы монаха Кирика к новгородскому епископу Нифонту. Несмотря на церковно-казуистический характер этого произведения, «Вопрошание» дает ценный материал, рисуя быт, нравы, суеверия и пороки тогдашнего русского общества.

К XI—XIII вв. относятся первые записи о путешествиях русских в другие страны, так называемые «хождения» («хожения»). Наиболее раннее из таких произведений — это «Хождение Даниила», который был игуменом монастыря в Черниговском княжестве. Так, Даниил сравнивает реку Иордань с рекой Сновью, притоком Десны. Даниил ходил в Иерусалим как паломник в княжение великого князя Святополка (1093—1113 гг.) вместе со спутниками, которых он называет своей «дружиной», товарищами. Даниил посетил Иерусалим вскоре после первого крестового похода в ту пору, когда уже образовалось Иерусалимское королевство, — при короле Болдуине Первом («Балдвине»). Король хорошо принял русского игумена и пригласил его присутствовать на праздновании Пасхи в большой Иерусалимской церкви. Даниил поставил в Иерусалиме «кандило» (лампаду) от всей Русской земли. Даниил тщательно описывает все, что видел в Палестине. Как один из памятников по истории Палестины, «Хождение» имеет значительную ценность. Особый интерес имеют указания Даниила на русских князей конца XI и начала XII в.

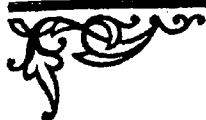
В самом начале XIII в. было написано «Хождение новгородского архиепископа Антония», который ездил в Царьград еще до своего посвящения в архиепископы.

Такие паломничества нередко совершались в Киевской Руси. «Калики» собирались иногда целыми дружинами. Воспоминание о паломниках, занимавшихся по дороге не слишком святыми делами, осталось в известной былине о «каликах перехожих». Антоний описал церкви и реликвии, находившиеся в Царьграде незадолго до взятия его крестоносцами в 1204 г.

Хождения Даниила и Антония имеют большое значение, как исторические источники не только для истории Киевской Руси, но и для истории Палестины и Византии.

Л и т е р а т у р а

- А. И. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. Спб., 1894.
- Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2.—«Записки Московского археологического института». Т. 18. М., 1913.
- Послание митрополита Климента к смоленскому пресвитеру Фоме... [б.г.]. 1892.—«Памятники древней письменности». Вып. 90.
- Рукописи графа А. С. Уварова. Т. 2. Спб., 1852 [о сочинениях Кирилла Туровского].
- Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1.—«Памятники XI—XV вв.». Изд. 2. Спб., 1908.—«Русская историческая библиотека (далее—«РИБ»)». Т. 6. Изд. 2. Спб., 1908.
- Житие и хоженье Даниила Русския земли игумена. 1106—1107 гг. Под ред. М. Н. Веневитинова.—«Православный Палестинский сборник». Т. 1. Вып. 3 и 9. Спб., 1883—1889.
- Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия. С предисловием и примечаниями Павла Савваитова.
- Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1956, стр. 81—93, 110—113.
- Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе. М., 1955.
- И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского (Труды отдела древнерусской литературы. Т. XII, т. XIII, т. XV).
- Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957.
-

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР В IX—XIII вв.

§ 1. АРМЯНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Среди армянских исторических произведений XI в. выделяется «История», написанная Аристакесом Ластивертци (Ластивертским). В ней описываются события за 1001—1072 гг. и даются ценные сведения о движении тондракийцев, направленном против феодалов. Аристакес принадлежал к феодальной среде и призывает к жестокой расправе с тондракийцами, но не может скрыть широту их движения и его близости к народным массам. Некоторые события своего времени он описывает как очевидец, замечая, что такое-то происшествие он «видел своими глазами».

В первой половине XI в. писал армянский историк Степанос Таронский родом из города Тарона (современный Муш) по прозвищу Асохик, или Асогик. Его «Всеобщая история» состоит из трех книг. Первая из них доведена до 286 г. н. э. и ведется по Библии (от Авраама). Вторая книга излагает армянскую историю до 885 г.; третья охватывает время за 885—1004 гг.

Крупнейшим историком и философом своего времени был Иоаннес Саркаваг, умерший в 1129 г. Он написал труд по современной ему истории Армении, от которого, к сожалению, остались лишь отрывки, приводимые другими авторами. Но и эти отрывки обнаруживают большую высоту требований, которые Саркаваг предъявлял к историкам, требуя от них в первую очередь глубокого изучения источников и их проверки. Саркаваг выказал замечательную мысль о необходимости изучать не только древность, но и современность.

В том же XII столетии писал свои сочинения армянский историк и юрист Мхитар Гош. Он родился в 30-х годах названного столетия в азербайджанском городе Гандже и получил выдающееся по тому времени богословское образование. Над крупнейшим своим сочинением, «Судебником», он работал до самой смерти (1213 г.). Судебник состоит из 130 статей, заканчиваясь словами: «Окончено учение о суде царей, князей и всех судей». Источниками Судебника Мхитара Гоша были прежде всего Моисеевы законы (Исход, Второзаконие, Левит), изложенные по Библии, но в применении к правовым порядкам Армении. Кроме того, Мхитар Гош использовал каноны некоторых вселенских соборов и канонические статьи Василия Великого и др. Вероятно, это было заимствовано из какого-нибудь Номоканона, греческого или переведенного с греческого на армянский язык. Особый интерес вызывают те статьи, которые Гош создавал на основании обычного армянского права того времени. По наблюдению исследователей из 130 статей Судебника 56 основаны на обычном праве. Как человек своего времени, Мхитар Гош защищает интересы церкви и феодалов, однако призывая царей и князей судить по справедливости. «Работать на господина должно один день в неделю, заставляя же попавшего в зависимость работать больше этого — великое беззаконие». В целом же сочинение Мхитара Гоша предназначено в качестве руководства для средневековых судей.

Замечательные традиции армянской историографии были продолжены в XIII в. уже после монгольского разорения в сочинениях Вартана и Киракоса. Вартан (Бардзербеци) родился в Киликии (Малая Азия, ум. в 1271 г.). Получив хорошее образование, он сделался монахом и достиг степени вардапета (доктора богословия). Среди трудов Вартана важнейший — «Всеобщая история». После краткого введения в ней излагается древнейшая история Армении. Подробнее Вартан говорит о событиях XI — начала XIII в., события же 1236—1265 гг. Вартан описывает кратко. В 1264 г. Вартан был вызван ко двору хана Хулагу, владельца Ирана. Хулагу хотел одарить Вартана, но тот отка-

зался и заявил: «Платья изнаются, а мы просили у тебя даров, которые не истощаются и не изнашиваются». Вартан просил «милости нашему краю» и получил соответствующее обещание. «История» Вартана рисует потрясающие картины разорения Армении и сопредельных с ней стран монголами. В книге непрерывно чувствуется отражение той тяжелой для армянского народа эпохи, когда, по выражению Вартана, «сосуд горького уксуса и осадок гнева божия был излит на народ».

Подробнее, чем Вартан, говорит о татарском иге **Киракос** из Ганджи (Гандзакеци), одно время находившийся в плену у татар. В его «Истории» сообщения о татарах наиболее ценны и достоверны. Татары, по Киракосу, появились на Кавказе в 1220—1221 гг. Киракос рисует жестокость татар и всеобщую растерянность в среде покоренных. Он последовательно рассказывает о разрушении городов Лори, Ани, Карса. В 30-й главе дается краткое описание быта татар. К ней приложен краткий словарь татарских слов с переводом на армянский язык. Изложение доведено Киракосом до 1266 г. Сочинение его очень важно не только для истории Армении, но и всего Кавказа, в особенности Грузии. Таковы главы о переговорах татар с грузинской царицей Русудан, о поездке грузинских царей к хану и кровопролитии, учиненном татарами в Грузии.

Любопытнейшим историческим произведением XIII в. является сочинение Стефана (Степаноса), армянского епископа в Сюни (или Сиуни), происходившего из княжеского рода Орбелян. В начале XIV в. он написал «Историю области Сюник», доведенную до 1294 г. Орбелян собрал все известия, относящиеся к его родине, в том числе древние документы, надписи в церквях, памятные записи на книгах. Он говорит, что некоторые древние документы были написаны на пергамене и снабжены печатью. Такова запродажная на реку и землю сиунийского князя Филиппа, в которой говорится: «Гакоб, епископ Сиунийский, купил ее (землю) за 12 000 драхм и драгоценный камень» Труд Орбеляна особенно важен для характеристики социально-экономической истории Армении.

Л и т е р а т у р а

- Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. 1955, стр. 131—138.
- Всеобщая история Степаноса Таронского Асох'ика по прозванию, писателя XI столетия. Перев. Н. Эмина. М., 1864.
- Мхитар Гош*. Армянский судебник. Перев. А. А. Паповяна.— «Памятники древнеармянской литературы». Т. 2. Ереван, 1954.
- Всеобщая история Вардана Великого. Пер. Н. Эмина. М., 1861.
- История монголов по армянским источникам. Перев. К. Патканова. Вып. 1. Спб., 1873; вып. 2. Спб., 1874.

§ 2. ГРУЗИНСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Среди источников по истории Грузии в X—XIII столетиях на первом месте стоят грузинские летописи. Сказания, вошедшие в сборник грузинских летописей (Картлис-Цховреба) древнего происхождения, но списки летописей относятся к XV—XVIII вв. Это объясняется тем, что Грузия подвергалась неоднократным разорениям, во время которых погибли и многочисленные грузинские рукописи. Наибольшее значение имеет сводная грузинская летопись, известная под названием «Картлис-Цховреба», что значит «Жизнь Грузии». Один из самых полных списков летописи был составлен при дворе царя Вахтанга VI в начале XVIII в., но существуют и более ранние списки, например список царицы Анны, переписанный примерно в 1479—1495 гг. Существует и перевод грузинской летописи на армянском языке, сделанный в XII в.

Картлис-Цховреба начинается сочинением Леонтия Мровели «Жизнеописание первых грузинских отцов и царей», доведенным до V в. Мровели жил в XI столетии и опирался на разные источники, в том числе и на предания. В том же XI столетии был написан труд Джуаншера «История и деятельность царя Вахтанга Горгасала». В этом сочинении в легендарных чертах описываются деяния грузинского царя V в. Новейшие грузинские исследователи так оценивают историографическое значение трудов Мровели и Джуаншера: «Произведения Леонтия Мровели и Джуаншера, содержание которых часто носит сказочно-легендарный характер, имеют больше общего со средневеко-

выми хрониками, чем с историческими сочинениями XI—XIV вв., составленными современниками описываемых событий».

К числу произведений, написанных современниками, принадлежит труд **Сумбата Давитисдзе** о жизни и деятельности Багратионов («Жизнь и известие о Багратионах, царях наших грузинских, откуда они явились в эту страну, или с какого времени владеют они царством грузинским, которое написал Сумбат, сын Давида»). «Хроника» Сумбата начинается кратким родословием от Адама до Соломона, после чего следует рассказ об истории Грузии, обрывающийся на царствовании Баграта IV (1027—1072 гг.). Особенно ярко описаны в Хронике войны Баграта с византийскими императорами.

В состав Картлис-Цховреба вошла «Летопись Грузии». Она составлена современником царя Георгия II (1072—1089 гг.), первыми годами царствования которого хроника и кончается. Летопись является ценным источником по истории Грузии VII—XI вв. В другом историческом труде, вошедшем в Картлис-Цховреба («История царя Давида»), неизвестный автор, живший во времена царя Давида Строителя и бывший его приближенным, описал события конца XI—начала XII в., доведя свое изложение до 1126 г.

Некоторые из источников большой грузинской летописи сохранились в виде отдельных произведений. Труд **Басили (Василия) Эзосмодзгвари** под названием «Жизнь царицы царик Тамары» начинается с повествования о рождении у царя Георгия дочери Тамары, «прекрасного создания, не имевшего никакого недостатка». После этого в панегирических выражениях повествуется о жизни и деяниях Тамары. Басили хорошо знает внутреннюю жизнь грузинского двора и личную жизнь Тамары. Патетически говорит Басили о смерти Тамары: «Веселье Грузии сменилось горем». В честь умершей на стенах домов писали оды; ножи, палки и печати украшали ее именем; франки и греки, корабельщики на море в благоприятную погоду произносили похвалу Тамаре.

Царствование царицы Тамары и ее отца Георгия III описывается и в труде неизвестного автора «История

и восхваление венценосцев». В этом сочинении на первом месте стоит описание войн и военных предприятий. Труд этот интересен тем, что автор его обнаруживает знакомство с сочинениями античных писателей, в частности с Плутархом.

Архивы Грузии древнего времени не сохранились, потому что ее города и замки подвергались постоянным разорениям и пожарам. Но немногие уцелевшие грузинские грамоты представляют собой исторические источники высокой достоверности. Древнейшую грузинскую грамоту, сохранившуюся в копии, возводят к X в., хотя трудно судить, насколько правильна эта датировка. Грузинские грамоты принадлежат к разряду тех, какие принято называть иммунитетными. Это грамоты царей, устанавливающие различного рода привилегии феодалов.

Грамоты являются ценным дополнением к названным выше историческим сочинениям. В жалованной грамоте («гуджаре») Давида Возобновителя (начало XII в.), данной Шиомгвимской обители, имеются такие указания на повинности монастырских крестьян: «Вино пусть доставляют в монастырь крепостные монастырские непосредственно после собирания винограда соответственно урожаю, каждый по одному сацкави (16 бутылок). Остальные доходы, судебные пошлыны, доходы от лавок, маслобоек и мельниц пусть делятся между братиею на одежды» и т. д. В грамоте 1058 г. царя Баграта, написанной на пергаменном свитке, читаем: «Пожаловали Мгвимской лавре отца Шио и святым отцам мгвимским в (Манглисском) ущелии Борцвисджвари во всех его границах с полем, равниною, водою, лесом, мельницею и со всем потребным и непотребным (т. е. со всеми землями годными и негодными); и освободили его от всех повинностей в пользу государства». Как и в русских грамотах древнего периода, грамота Баграта заканчивается заклатьем.

Л и т е р а т у р а

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955, стр. 138—147.

Е. Такайшвили. Источники грузинских летописей. Три хроники.—«Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 28. Тифлис, 1900.

- М. Г. Джанашвили. «Картлис-Цховреба». Жизнь Грузии.— «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 35. Тифлис, 1905.
- В. Дондуа. Бабили, историк царицы Тамары.— «Памятники эпохи Руставели». Л., 1938.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 1. Тифлис, 1866.
- Ф. Жордания. К материалам по истории Грузии XI—XII вв.— «Чтения в Обществе истории и древностей Российских...» (далее—«Чтения ОИДР»). Кн. III. М., 1895.

§ 3. «ИСТОРИЯ АГВАН» (АЗЕРБАЙДЖАНА) МОИСЕЯ КАГАНКАТВАЦИ

История Азербайджана со времени его завоевания арабами была тесно связана с Арабским халифатом и нашла отражение в произведениях мусульманских авторов (см. § 6 этой главы). Из более ранних сочинений, посвященных истории и географии Азербайджана, большую ценность имеет «История Агван» Моисея Каганкатваци. В ней имеется много сведений по истории Закавказья, в особенности Албании (современный Азербайджан). Кем был по происхождению Моисей Каганкатваци, точно не известно, но труд его дошел до нас на армянском языке. «Благорастворенна и прекрасна страна Агван по всевозможным выгодам,— пишет автор.— Великая река Кур стремительным течением приносит с собой множество огромных и малых рыб... Поля вокруг нее изобилуют хлебом, вином, нефтью, солью, шелком и хлопчатой бумагой; несметное число оливковых деревьев; в горах добывается золото, серебро, медь и желтый ладан. Есть и хищные звери: львы, тигры, барсы, дикие ослы и множество птиц, орлы, соколы и подобные им. Главный город Агвании — великий Партов (Бардаа)». «Эта летопись представляет собой сводный коллективный труд ряда историков и создавалась в течение V—X вв.», — пишут новейшие исследователи об «Истории Агван».

Л и т е р а т у р а

История Агван Моисея Каганкатвади, писателя X века. Спб., 1861.

§ 4. АРАБСКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

История Средней Азии и Азербайджана наиболее полно отражена в произведениях авторов, писавших свои труды на арабском алфавите. Как известно, в состав Арабского халифата входили Азербайджан и Средняя Азия. Влияние арабоязычной культуры проникало далеко на север, в пределы Хазарского царства и Камской Болгарии.

Интерес к географии и истории был высоко развит среди ученых халифата, оставивших ряд исторических и географических сочинений. Они дошли до нас либо полностью, либо в отрывках, сохранившихся в работах позднейших авторов, иногда с большими сокращениями. Арабские рукописи отличаются некоторыми особенностями, затрудняющими их правильное прочтение, и не всегда поддаются точной расшифровке, так как в арабском алфавите гласные буквы почти не применялись. Кроме того, вследствие свойственных арабскому письму различных сокращений многие написания искажались переписчиками. Поэтому не всегда легко добраться до их точного смысла, в особенности когда дело касается иностранных названий.

Арабские географические сочинения возникли в прямой связи с административным устройством Арабского халифата с центром в Багдаде. Академик Крачковский отмечает особые условия, при которых создавались в Арабском халифате географические труды: «Государственные задачи, особенно в области финансового хозяйства, требовали точных сведений о распределении податей и налогов; в связи с этим появляются специальные «книги о налоге» с перечислением провинций, населенных пунктов, продуктов земледелия и промышленности, с указанием размера обложений как в натуре, так и деньгами. Централизованная сильная власть, стягивавшая все нити управления в Багдад, требовала хороших путей сообщения и отчетливого представления о маршрутах. Для удовлетворения этой потребности появляются так называемые «книги дорог» с перечислением почтовых станций, расстояний, условий сообщения».

Из ранних арабских географических сочинений в первую очередь надо отметить труд Ибн-Хордадбега. Отец его занимал должность наместника в Табаристане (область в Иране, прилегавшая к Каспийскому морю), сам же **Ибн-Хордадбег** был начальником почты в провинции на северо-западе Ирана. Почта была важным учреждением в Арабском халифате, так как областной начальник почты выполнял и обязанности начальника полиции, сообщая правительству о деятельности правителя области. В обязанности начальника почты входило составление карты маршрутов на случай войны. В «Книге путей и провинций» Ибн-Хордадбега указываются названия провинций и городов, дорожные маршруты и данные о налоговых поступлениях из областей и округов. При всей краткости этих сведений они очень важны для историка, так как основаны на официальных данных должностных лиц Арабского халифата. Предполагают, что «Книга» была написана около 846 г.; позднее, переселившись в Багдад, Ибн-Хордадбег подверг ее переделке.

К важнейшим арабским географическим сочинениям IX в. принадлежит «Книга стран» ал-Якуби (ум. в 897 г.). Она сохранилась частично; до нас дошли описания Ирака, Ирана, Средней Азии и Афганистана. **Ал-Якуби** сообщает о расстояниях между городами, дает краткие сведения о городах и их достопримечательностях и занятиях жителей. Например, о городе Джурджане говорится, что «там делают лучшие березовые и другие доски и разные сорта шелковых одежд; там водятся большие двугорбые верблюды; в Джурджанской земле много пальм». О жителях провинции Туркестан сказано: «У каждого племени тюрков отдельное государство, и одни из них воюют с другими» и т. д.

Ценные сведения по истории СССР имеются в труде **ал-Масуди** (X в.), который путешествовал в течение многих лет и побывал в Иране, в Армении, в Азербайджане. Масуди написал историко-географическую энциклопедию под названием «Золотые луга» («Промывальни золота»). В ней помещено много сведений о Средней Азии, Кавказе, Поволжье и славянских землях. Берега Каспийского моря Масуди описывает как очевидец.

У него помещен рассказ о походе Руси в Азербайджан в 912 г. Руссы разорили южные берега Каспийского моря, но на обратном пути были разгромлены. Другой поход руссов в 943—944 гг., когда они взяли важнейший город Азербайджана Бердаа, описан в сочинении Ибн-Мискавейха, арабского писателя XI в.

В X в. было написано сочинение Ибн-Русте «Книга драгоценных ожерелий». Имя этого писателя прочитывалось востоковедами как Ибн-Дасте (или Ибн-Дост). В «Книге» описаны Черное море и Каспийское море, а также 26 рек, в том числе Аракс, Кура, Аму-Дарья и их притоки. Ибн-Русте дает описание Хорасана (в Средней Азии), Армении и Азербайджана, сообщает о славянах и хазарах. Автор говорит о славянах как о земледельцах, которые возделывают хлебные злаки, в особенности просо. Ибн-Русте был хорошо осведомлен о славянах. В частности, он приводит славянское слово «улилз», обозначающее улей для пчел. В другом месте он называет славянских старейшин словом «супанеч» (жупан) и т. д.

Л и т е р а т у р а

Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Сборник документов подготовлен к печати Г. Е. Кочиным. Л., 1936 [в этой книге изданы отрывки из арабских сочинений о Руси].

Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.). Собрал, перевел и объяснил А. Я. Гаркави. Спб., 1870.

Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах... Спб., 1869.

§ 5. ИБН-ФАДЛАН

В начале X в. написал свою записку на арабском языке Ибн-Фадлан (или Ибн-Фоцлан). Сочинение это в относительно полном виде только недавно найдено в Иране. Раньше же историки пользовались неполным текстом в словаре Якута. «Книга Ибн-Фадлана, послан-Муктадира к царю славян» возникла таким образом. Царь Камской Болгарии направил к халифу Муктадиру в Багдад посольство с просьбой прислать миссионеров для укрепления в Болгарии только что утверж-

денного там ислама. В ответ на эту просьбу халиф отправил Ибн-Фадлана. Посольство выехало из Багдада в июне 920 г. и вернулось обратно через год. Выехав из Багдада, Ибн-Фадлан через Среднюю Азию и Башкирию добрался до Болгарского царства. На Волге послам удалось увидеть погребение знатного русса, подробно описанное Ибн-Фадланом. Он описывает руссов, которых встретил на Волге («реке Атиль»), их наружность («подобны пальмам, румяны, красны»), одежду, вооружение, пищу, говорит об их обычаях, о том, как они поклоняются и приносят жертвы деревянным идолам. Рассказ о погребении знатного русского воина, сообщенный Ибн-Фадланом, послужил сюжетом для известной картины Семирадского.

Говоря о пребывании посольства в столице Болгарии, Ибн-Фадлан рассказывает множество «удивительных» вещей, свидетелем которых он был. Так, он пишет о поразившем его видении в воздухе, по-видимому, о северном сиянии. Ибн-Фадлан сообщает также о странах к северу и востоку от Болгарии на основании рассказов болгарского царя, который сообщил, что за его страной на расстоянии трех месяцев пути есть люди, которых называют Вису. «Ночь у них меньше часа». Люди «Вису» — это народ Вёсь, живший, по летописи, у Белого озера. Ибн-Фадлан рисует камских болгар как земледельцев: «Их пища — просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве».

Л и т е р а т у р а

Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перев. и коммент.

И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939.

А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

§ 6. СОЧИНЕНИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА X—XIII вв.

Ценные сведения по истории Средней Азии и Азербайджана дают некоторые исторические труды, написанные на арабском и персидском языках.

Истории первых трех веков ислама посвящено сочинение Табари, перса по происхождению (839—923 гг.),

писавшего на арабском языке. «История пророков и царей» дошла до нас в сокращенной редакции и представляет собой «всемирную» историю (фактически историю народов, которые были известны арабам). Изложение иногда ведется по годам и имеет летописный характер. Табари пользовался многочисленными источниками, в том числе сочинениями по истории Средней Азии.

От X в. сохранились сочинения, посвященные истории стран и городов Средней Азии. Таково произведение **ан-Наршахи** (ум. в 959 г.), написавшего на арабском языке «Историю Бухары». В ней сообщается «о состоянии Бухары, ее достоинствах, прелестях, о всем, что есть в Бухаре и ее окрестностях из удобств жизни и что вообще до нее относится». Сочинение Наршахи было переведено в XII в. на таджикский язык и дважды подвергалось сокращениям. «История Бухары» дошла до нашего времени в сокращенном виде и с дополнениями неизвестного автора. В числе других исторических сведений Наршахи сообщает относительно подробные сведения о восстании Муканны, или людей в белых покрывалах.

Истории Самарканда и Астрабада посвящен труд **ал-Идриси** (ум. в 1015 г.), продолженный **ан-Несефи** в XII в. Полностью сочинение Несефи не сохранилось и дошло под названием «Кандия» в сокращенном виде. По словам А. А. Семенова, содержание этого сочинения разнообразно: «В нем есть некоторые сведения о древнейшей эпохе, об основании города Самарканда, об арабских завоеваниях, о восстаниях трудящихся масс, о жителях города, об устройстве орошения и т. п. Главное же место в этом сочинении отведено описанию мазаров (могил «святых») и правилам совершения на них молитв. Труд этот имеет важное значение для изучения топографии средневекового Самарканда».

История Средней Азии в XI — начале XIII в. представлена в ряде исторических трудов, написанных на арабском и персидском языках. Среди них на первом месте стоят произведения **Ахмеда ал-Бируни** (973—1048 гг.). Бируни принадлежал к числу ученых-энциклопедистов, занимаясь математикой, естественными науками, медициной, астрономией и историей. Среди

его трудов выделяется сочинение под названием «Памятники минувших поколений». Это своеобразный историко-астрономический трактат, в котором рассматриваются хронология и праздники различных вероисповеданий (мусульман, христиан, евреев и пр.). Особые главы отведены праздникам хорезмийцев и согдов в Средней Азии. Во времена Бируни эти праздники уже отживали свой век, и Бируни так пишет об обрядах хорезмийцев: жители Хорезма «справляют и другие дни, заимствованные из преданий их предков. Теперь из хорезмийских магов осталась лишь горсточка людей, которые не углубляются в свою веру и ограничиваются знанием ее внешних сторон, не исследуя ее истин и идей». Точность сведений Бируни поразительна даже тогда, когда он передает календарь христиан. Большую ценность имеют его замечания о разных исторических событиях, связанных с религиозными представлениями народов. В главе «об эрах лжепророков» он сообщает интересные сведения о различного рода общественных движениях в Иране, в частности о Маздаке и его последователях. Маздак объявил, что люди должны сообща владеть имуществом и женщинами, и за ним пошли несметные толпы. Сочинения «великого хорезмийца» принадлежат к числу замечательных произведений мировой письменности, показывающих высокую культуру Средней Азии в столетия, предшествовавшие монгольским завоеваниям.

В половине XI столетия появился труд **Гардизи**, написанный на персидском языке. Он является основным источником для изучения истории Хорасана (в Средней Азии). Гардизи рассказывает об истории древнеиранских царей, истории халифов (до 1032 г.) и истории Хорасана (до 1041 г.) Он пользовался рядом источников, в том числе некоторыми, впоследствии утерянными.

В XI в. на персидском языке была написана «История» **Абу-л-Фазля Бейхаки**. Автор ее занимал видную должность при султанском дворе в Газне, являясь составителем официальных, главным образом дипломатических, документов. Весь труд состоял из 30 томов, но из них сохранились лишь некоторые. «История» Бейхаки по своему характеру напоминает записки

очевидца. О многом Бейхаки рассказывает как очевидец, иногда с утомительными, но тем не менее интересными для историка подробностями. «Эмир после предвечерней молитвы не дал аудиенции, — пишет, например, Бейхаки, — и не вышел к разговению, говорили, что он разговелся каким-то напитком и не ел, так как произошло немалое событие. Я видел, как мой учитель ничего не ел, а я был за тем столом» и пр.

В 1340 г. было написано на персидском языке сочинение Хамдаллаха Казвини, носящее название «Улада сердец» и состоящее из введения, трех рассуждений и заключения. Оно было основано на более древних источниках. В третьем рассуждении даются географические сведения об Азербайджане и других прикаспийских странах. Дорожные маршруты, приводимые в сочинении Казвини, отличаются большой точностью.

Ценный материал дают сборники документов, составленные в Средней Азии. Один из таких сборников («Иянша») сохранился в персидской рукописи XIV в., но включает документы более раннего времени — XII в.

Л и т е р а т у р а

Мухаммад Наршахи. История Бухары. Пер. Н. Лыкошин, Под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897.

Кандия Малая. — «Справочная книжка Самаркандской области 1906 г.». Вып. 8. Самарканд, 1906.

Абурейхан Бируни. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII—XV вв. Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1939 [в этом труде даны сведения об историках Средней Азии и приведены выдержки из их произведений].

§ 7. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

В IX—XII вв. Киевская Русь была хорошо известна в Западной Европе, и в западноевропейских источниках этого времени мы находим о ней ценные известия.

Прежде всего необходимо отметить «Бертинские летописи» (или анналы) IX в. Под 839 г. в них гово-

рится о народе «рос», правитель которого («хакан») прислал послов к византийскому императору Феофилу. Император Феофил в свою очередь отправил посольство к германскому императору Людвигу I. Бертинские летописи сообщают, что Феофил «послал с ним также неких людей, которые говорили, что их, то есть их народ, зовут Рос, и которых, как они говорили, царь их, по имени хакан, отправил к нему (Феофилу) ради дружбы». Это известие, вызывавшее большие споры, несомненно, имеет важное значение, как самый ранний источник, упоминающий о Руси. Титул хакана, как мы знаем, был официальным титулом великих князей киевских. Позже он был вытеснен из обращения славянским термином «князь».

Особый характер, как исторический источник, имеют «Скандинавские саги» (сказания). В них мы встречаем известия о русских князьях, о стране Гардарик (под которой чаще всего понимается Новгородская земля или Русь вообще), о походах скандинавов на Восток, в частности в Финляндию и Карелию. Давая порой ценный материал по истории Руси, Скандинавские саги наряду с этим являются очень ненадежным историческим источником, так как записаны значительно позже рассказываемых событий по различного рода устным преданиям. Составители стремились дать не столько рассказ о действительных событиях, сколько занимательное повествование, вследствие чего в сагах имеется множество сказочных подробностей.

Из источников XI в. наиболее интересно сочинение Титмара Мерзебургского. Титмар (976—1018 гг.), епископ Мерзебурга в Германии, написал «8 книг хроники». Особенно большое значение имеют известия его хроники для истории конца X—начала XI в., когда он писал как очевидец. В хронике описана борьба немецких феодалов с соседней Польшей, а также войны польского короля Болеслава. В сочинениях Титмара помещено интересное описание Киева начала XI в. как громадного города, населенного различными народами, со множеством церквей и несколькими рынками. Титмар оставил любопытную характеристику Владимира Святого. В отличие от наших летописей он рисует Владимира человеком жестоким и хитрым:

«Теперь я намерен идти в своем рассказе далее и осудить короля руссов Владимира за его несправедливый образ действий. Он взял себе жену из Греции по имени Елену, которая была обещана прежде Оттону III и коварно отнята у него; по ее убеждению, Владимир принял христианскую веру, которую он, однако, не украсил добрыми делами, ибо был безмерно чувствен и кровожаден и причинил, в особенности изнеженным грекам, много вреда». Искать у Титмара исторической беспристрастности нельзя. Тем не менее его хроника, как свидетельство современника, представляет крупный интерес.

К началу XI в. относится письмо архиепископа Бруно. Он был типичным воинствующим монахом-миссионером. С полумиссионерской, полуполитической целью Бруно в 1008 г. ездил в степь к печенегам. Эта поездка описана им в письме к германскому императору. Большой интерес имеет указание Бруно на близость печенегов к Киеву. Князь Владимир сам провожал Бруно до границы, находившейся на расстоянии двух дней пути от Киева и укрепленной валами и засеками. Любопытны известия Бруно о печенегах, их старейшинах и родах.

К истории Киевской Руси имеют известное отношение и сочинения западноевропейских писателей о западных славянах.

Адам Бременский в «Деяниях Гамбургской церкви» дает много сведений по географии Скандинавии, Германии и прилегающих к Балтийскому морю славянских стран. В его сочинении, впрочем, встречается немало известий, основанных на чужих рассказах и требующих большой проверки и критики. Наибольший интерес имеет третья часть труда Адама Бременского, в которой он говорит о правлении бременского архиепископа Адальберта (1043—1072 гг.), и четвертая с описанием северных островов.

Л и т е р а т у р а

Памятники истории Киевского государства. IX—XII вв. Сборник документов подгот. к печати Г. Е. Кочиным. Л., 1936 [в нем помещены: «Извлечение из Бертинских анналов» (№ 2), «Письмо архиепископа Бруно к германскому императору Генриху II» (№ 21)].

§ 8. ВИЗАНТИЙСКИЕ ИЗВЕСТИЯ О ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Наиболее ранние сведения о Руси находим в беседах константинопольского патриарха Фотия (IX в.). Во второй своей беседе, относящейся к 860 г., **Фотий** характеризует руссов как народ, «получивший имя со времени похода против нас, незначительный, но получивший значение, униженный и бедный, но достигший блистательной высоты и несметного богатства». Беседы Фотия отличаются риторическим стилем, свойственным произведениям византийских писателей этого времени, но имеют большой исторический интерес как прямое свидетельство о первом походе Руси на Царьград. Характеристика руссов как «кочующего» народа должна быть принята критически, так как славяне жили оседло и земледелие у восточных и южных славян было основным занятием.

Интересные сведения по вопросу о начале Руси сообщают два жития. Житие **Георгия Амастридского** было составлено неизвестным автором (Амастрида — город в Малой Азии недалеко от Синопа) не позднее 842 г. В житии упоминается о нападении руссов на берега Черного моря («было нашествие варваров, Руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого»).

В житии **Стефана Сурожского**, написанном не позднее X в., рассказывается об осаде города Сурожа (Судака в Крыму) русскими из Новгорода и их князем Бравлином.

Крупный интерес для истории русско-византийских отношений представляет **«Записка готского топарха»**, найденная в одной византийской рукописи, на чистых листах которой были сделаны записи ее владельцем в конце X — начале XI в. Автором записей и владельцем рукописи был знатный византиец («топарх»), живший в Крыму (в Крымской Готии). В «Записке» рассказывается об опасностях переправы через Днепр, о зимнем путешествии в Крым и опасностях такого путешествия, а также о сношениях Византии с Русью в период походов Святослава на Болгарию.

Л и т е р а т у р а

Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Сборник документов подгот. к печати Г. Е. Кочинным. Л., 1936 [в книге помещены: «Извлечение из жития Георгия Амастридского» (№ 3) и «Извлечение из второй беседы патриарха Константинопольского Фотия по поводу нашествия Руси» (№ 5)].

М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956 [в этой книге дана новейшая библиография изданий византийских авторов].

§ 9. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ

Крупнейшее значение для истории Киевской Руси и вообще Восточной Европы имеют труды византийского императора Константина Багрянородного, или Порфирородного (Порфирогенита). Константин Багрянородный (912—959 гг.) считается автором нескольких сочинений, хотя не всегда ясно, что написал сам Константин и что написано по его приказу. Для истории СССР наибольшее значение как источник имеет книга «Об управлении империей» (название, данное издателями). В ней Багрянородный пишет поучение сыну, как следует управлять Византийской империей. В связи с этим он касается соседних народов, сообщая сведения о Киевском государстве, Хазарском царстве, о печенегах, о Грузии и других странах. Тщательно собирая известия, Багрянородный старался более или менее точно передать славянские и другие названия, что не всегда удавалось, так как греческий язык не имеет многих звуков, существующих в языках других народов, например у славян и грузин. Поэтому названия, приводимые Константином Багрянородным, требуют дополнительной расшифровки и не всегда могут быть удовлетворительно объяснены.

В первых 12 главах книги «Об управлении империей» говорится о печенегах и руссах, причем доказывается необходимость для Византии жить с печенегами в мире: «Когда царь Ромейский (византийский) живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни Турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу, не могут они и требовать от Ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, кото-

рую царь при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на Ромеев».

В 9-й главе говорится о руссах, приезжающих в Константинополь на однодеревках. Константин Багрянородный подробно описывает путь от Киева по Днепру через пороги и называет важнейшие племена восточных славян и их города. Для истории Киевской Руси X в. эта глава имеет исключительно большое значение. Русские проходят через пороги, «высадив людей на сушу, а вещи оставив в однодеревках». Русские ладьи собираются к Киеву из других городов: Невогарда (Новгорода), Милиниски (Смоленска), Любеча, Чернигова, Вышгорода.

Главы 13—25 рассказывают о венграх («турках») и арабах. Дальнейшие главы (26—37) говорят об Италии, Далмации и славянских землях на Балканском полуострове.

В 38-й главе сообщается о печенегах, о родословии венгров («турок») и их взаимоотношениях с хазарами. В 41—42-й главах дается краткое описание Моравии и земель, лежащих у берегов Черного моря между Дунаем и Волгой. Главы 43—46 рассказывают о странах Кавказа, Армении и Грузии, причем особое внимание обращается на исторические подробности. Эти части сочинения Константина Багрянородного имеют существенное значение для истории Кавказа. Главы 48—52 в основном посвящены славянам, живущим на Балканском полуострове. В 53-й главе рассказывается история города Херсонеса (русской Корсуни), находившегося поблизости от современного Севастополя. По-видимому, история эта заимствована из какого-то особого литературного источника и ведется от времен римского императора Диоклетиана в III в. н. э. Рассказ об истории Херсонеса заканчивается заметкой, что «если бы жители Херсона когда-нибудь восстали или пожелали совершить что-либо противное царским повелениям, то все, какие окажутся в столице, херсонские корабли с их грузом должны быть конфискованы».

В другом сочинении Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» (или «Изложение царского чина») рассказывается о тех многочисленных

и пышных церемониях, какие соблюдались при византийском дворе. Константин, в частности, описывает прием, оказанный русской княгине Ольге в Константинополе: «Княгиня вошла со своими родственницами княгинями и избраннейшими прислужницами, причем она шла впереди всех других женщин, а они в порядке следовали одна за другою» и т. д. Краткая заметка о приеме Ольги имеет интерес для характеристики взаимоотношений между Византией и Русью в X в. и как свидетельство современника.

Л и т е р а т у р а

Сочинения Константина Багрянородного «О фемах» и «О народах». С предисл. Г. Ласкина. — «Чтения ОИДР». Кн. I. М., 1899.

Константин Багрянородный. Об управлении государством (отрывки о русских и печенегах). — «Известия Государственной академии истории материальной культуры». Вып. 91. М. — Л., 1934.

§ 10. ЛЕВ ДИАКОН

Из византийских сочинений X в. для истории СССР особенно ценна «История» Льва Диакона, описавшего в 10 книгах войны Византийской империи за 965—975 гг. В одной из глав своей «Истории» Лев Диакон рассказывает о походах Святослава в Болгарию. Особенно подробно говорится о знаменитой битве под Доростолом на Дунае, когда якобы был убит русский богатырь Сфенкел (может быть, Свенельд наших летописей). Автор передает речи Святослава почти в тех словах, что и наша Начальная летопись. Лев Диакон рассказывает о встрече Цимисхия со Святославом на Дунае после заключения мира, причем описывает наружность Святослава и т. д. Следует отметить условность терминологии Льва Диакона, который называет русских византийским названием «скифы» и «тавроскифы». Последним именем византийские писатели обычно называли народы, обитавшие в Крыму (по его древнему названию Таврика). Лев Диакон не отличается беспристрастием в своих оценках и склонен преувеличивать успехи византийцев. Он был непосред-

ственным свидетелем войны византийцев с Русью в Болгарии, и его показания очень ценны. В частности, Лев Диакон упоминает о смерти Игоря в стране древлян, где его подвергли страшной казни: Игоря привязали к верхушкам деревьев и дали им распрямиться, русский князь был буквально разорван на части.

Л и т е р а т у р а

История Льва Диакона и другие сочинения византийских писателей. Перев. Д. Попова. Спб., 1820.

§ 11. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРИБАЛТИКИ В XII—XIII вв.

Важнейшим источником по истории Прибалтики является «Хроника», приписываемая Генриху Латвийскому (Латышу). Предполагают, что автором Хроники был католический священник, принимавший участие в покорении прибалтийских племен — леттов и ливов. Его считают латышом (леттом), обращенным в католичество и онемечившимся.

Хроника Ливонии (*Chronica Livoniae*) написана на латинском языке и разделена на три книги по числу ливонских епископов. Особенно обширна третья книга, разделенная по годам епископства Альберта («второй год епископства Альберта», «третий год»... и т. д.).

Хроника начинается с рассказа о первом ливонском епископе Мейнарде и построении первого немецкого замка в Икесколе в устье Западной Двины в 1186 г. Во второй книге сообщается о втором ливонском епископе Бертольде и его крестовом походе против ливов (1196 г.). Во время битвы с ливами погиб сам епископ, растерзанный на куски ливами. С третьей книги начинается повествование о покорении Ливонии при третьем епископе Альберте (с 1198 г.), доведенное до 1226 г. В Хронике последовательно рассказывается о появлении Альберта в Ливонии, об основании города Риги и ордена немецких рыцарей, которых автор называет «христовыми рыцарями». Покоряемые племена оказывали яростное сопротивление напору немецких рыцарей, завоеватели же хищнически разоряли селения

ливов и жали мечами и ножами хлеб на ливских полях, «жали все при оружии, так как иначе не могли бы выдержать частых нападений язычников».

В пределах Ливонии шла непрерывная кровопролитная война, сопровождавшаяся уводом в плен женщин и детей. Автор Хроники пишет, например, о разорении одной деревни: «Была же тогда деревня Каретен очень красива, велика и многолюдна, как и все деревни в ГERVENE, да и по всей Ливонии, но наши не раз впоследствии опустошали и сжигали их». Хроника подробно рассказывает об осаде города Дорпата, порусски Юрьева (теперь Тарту в Эстонии) в 1224 г. В нем оборонялись русские и эсты во главе с русским князем Вячко. Город был взят, и завоеватели «истребили всех вероломных, собравшихся туда из Ливонии и Эстонии». Хроника заканчивается рассказом о крещении жителей острова Эзеля.

Хроника Ливонии занимает выдающееся место среди средневековых произведений по яркости изложения, а для истории Прибалтики является источником незаменимым. Ее известия только частично восполняются русскими летописями, сообщающими главным образом о военных походах русских князей в Прибалтику. Тем не менее русские известия особенно ценны тем, что они корректируют хронологию Хроники Ливонии и ее тенденциозный рассказ.

В конце XIII в. возникла «Немецкая рифмованная хроника», написанная грубыми стихами на немецком языке. Автор ее, по-видимому, немец, принадлежал к Ливонскому ордену рыцарей, деятельность которого им восхваляется. Особенно большое место в «Хронике» отведено битвам ордена с литовцами, интересен по своим подробностям рассказ о Ледовом побоище. Наибольшее значение известия Хроники имеют для второй половины XIII в. Предполагают, что события 1278—1290 гг. автор Рифмованной хроники описывал как очевидец.

Л и т е р а т у р а

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1938.

Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.

§ 12. «СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ» О ИСТОРИИ МОНГОЛОВ

Для ранней истории монголов большой интерес имеет так называемое «Сокровенное сказание о поколении монголов», или «Юань чао би ши», написанное в Монголии в эпоху татарских завоеваний (1240 г.).

Сокровенное сказание дошло до нас в монгольском тексте, переданном при помощи китайских иероглифов. В. В. Бартольд считает, что «Сказание» является произведением богатырского эпоса монголов. По мнению же Б. Я. Владимирцова, Сокровенное сказание основано на различных монгольских песнях, которые позже были переработаны.

Сокровенное сказание получило значение предания о доме, или династии, Чингис-хана; вместе с тем на «Сказании» отразилось влияние богатырского эпоса, повествующего о роде Чингис-хана и о жизни монголов в степях.

Сокровенное сказание рисует жизнь монголов в степях. Начало его посвящено истории отдельных родов. Таков, например, рассказ о происхождении рода Чжурки: «У царя Хабула было семь сыновей. Старший назывался Ольбархах. Хабул во внимание к его старшинству, выбрав из народа смелых, сильных, твердых и искусных в стрельбании из лука людей, дал их ему в свиту. Куда бы они ни ходили, всех побеждали, и никто не смел состязаться с ними. Поэтому они и названы были Чжурки».

Ценные сведения по истории Монголии и Сибири имеются в китайских летописях. Такова Китайская всеобщая история (Гуанму) и история отдельных династий, правивших в Китае.

Материалы по истории Монголии, Сибири и Средней Азии имеются также в китайских исторических трудах. Сведения о них собраны в трудах замечательного русского ученого Н. Я. Бичурина (монаха Иакинфа), долго жившего в Пекине, где он занимал должность начальника русской духовной миссии в Китае.

В предисловии, или «предупреждении», к своему большому труду («Собрание сведений о народах, обитавших

в Средней Азии в древние времена») Бичурин отмечает высокую ценность китайских исторических сочинений как источников по истории Средней Азии и сопредельных с нею стран. Он пишет: «Содержание сей истории составляют сведения о среднеазиатских народах в продолжение десяти веков, с начала второго века пред Рождеством до девятого по Рождестве Христове». По своему типу китайские источники этого времени разделяются на исторические описания династий (Шу) и летописи (Ган-му).

Первая часть труда Бичурина содержит сведения китайских историков о Средней Азии, вторая — материал о Корее, Маньчжурии и Японии.

Содержание китайских известий, помещенных в различных китайских исторических сочинениях, естественно, неоднородно. В одних случаях изложение ведется кратко без особых подробностей, в других — делаются интересные и яркие характеристики отдельных лиц и народов. О народе «хагас» (киргизы) рассказывается, например, так: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами. Черные волосы считались нехорошим признаком... Мужчины носили кольца в ушах. Они горды и стойки...»

Л и т е р а т у р а

Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перев. Палладия.

Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. Спб., 1866.

Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934 (См. «Источники и пособия», стр. 5 и далее).

Сокровенное сказание. (Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. Спб., 1866); Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—2, М.—Л., 1950.

§ 13. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТАТАРО-МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

О завоевании Средней Азии и Кавказа монголами рассказано в ряде исторических трудов на арабском и персидском языках.

Ранним историческим сочинением, составленным по личным наблюдениям автора или на основании за-

служивающих доверия данных, является «История мирозавоевателя» («Тарих-и джехангуша») Джувейни. Автор состоял на службе у монгольских ханов Ирана; он жил в Средней Азии, в Уйгурии и Монголии. Он писал в период единства Монгольской империи и старался изложить ее историю на основании устных рассказов и письменных источников, наполняя свой труд похвалами монгольским владыкам. Джувейни (ум. в 1283 г.) дает обзор монгольских походов и завоеваний Чингис-хана и его потомков до 1257 г.; в ряде глав излагается история хорезмшахов.

Интересные сведения о монгольских завоеваниях сообщает **Ибн-Асир** (1160—1234 гг.), написавший «Полный свод по истории». Автор довел свой труд до 1231 г., использовав материал более ранних авторов. В частности, Ибн-Асир рассказывает о битве русских с татарами при Калке в 1223 г.

Особенно ценным и полным источником по истории монгольских завоеваний является труд Рашид-ад-дина (ум. в 1318 г.), находившегося на службе у династии монгольских ханов в Иране. «Рашид-ад-дин прошел долгий служебный путь, вернее всего по финансовому ведомству, что не мешало ему, как и многим другим гражданским сановникам того времени, быть ученым и придворным врачом» (И. Н. Петрушевский). Рашид-ад-дин достиг должности визиря, но был обвинен в отравлении одного из ханов и казнен. Он написал на персидском языке «Собрание летописей» (Джамиат-таварих), состоящее из двух книг. В первой говорится о кочевых племенах Монголии и рассказывается история Чингис-хана и его потомков кончая 1304 г. Во второй книге дана всеобщая история (история древних персидских царей, халифата и династий Ирана уже в мусульманскую эпоху). Сам Рашид-ад-дин отмечает, что в архивах монгольских ханов существовали произведения, написанные «на монгольском языке и монгольским письмом», но их хранили, не давая для прочтения. Султан Махмуд Газан-хан приказал привести их в порядок, доверив эту работу Рашиду, хамаданскому врачу, который и собрал их и привел в должный порядок, «пользуясь советами китайских, индийских, уйгурских и кипчакских ученых». Есть предположение,

что Рашид-ад-дин пользовался так называемой Золотой (Царственной) книгой, заключавшей в себе официальную историю монголов. Рашид-ад-дин ссылается на «старинные времена» и точно указывает «юрты» каждого рода. Особенно подробно рассказывает он о походах Чингис-хана, приводя сведения о количестве войск в отдельных отрядах и о военачальниках. Труд Рашид-ад-дина имеет исключительное значение не только для истории Средней Азии, но и Закавказья, в особенности для истории Азербайджана в эпоху монгольских завоеваний.

Ценными источниками по истории монголо-татар являются и сочинения западноевропейских путешественников XIII в. Ранние сведения о монголах, относящиеся к 1235—1237 гг., имеются в письмах венгерских монахов. Еще более важно сочинение монаха **Плано Карпини**, посланного папой Иннокентием IV в Монголию в 1245 г. Через Германию и Польшу Плано Карпини добрался до Киева, находившегося тогда в руках татар. По его словам, непосредственные владения татар начинались от Канева на Днепре. Здесь Плано Карпини переправился через Днепр и двинулся половецкими степями к берегам Каспийского моря. Отсюда он добрался до ставки монгольского хана Куйюка в Монголии. Наблюдения, сделанные во время путешествия, Плано Карпини описал в «Сообщениях (или «Известиях») о татарах». Плано Карпини тщательно собирал сведения о Монгольском государстве и населявших его народах, сообщает он и о русских княжествах. В частности, он передает слух о том, что великий князь Ярослав Всеволодович был отравлен матерью хана (этот факт находит подтверждение и в русских летописях). Большое внимание Плано Карпини уделяет описанию быта татар и их военных обычаев. Перед нами четко выступают черты кочевого быта татар. «Хлеба у них нет, — пишет Плано Карпини, — равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это».

Несколькими годами позже в монгольскую столицу был отправлен с посольством **Рубруквис**, так как в Европе ходили слухи, что хан Мангу принял христиан-

ство. Вильгельм Рюисбрук, или Рубруквис (по-латыни), монах из Брабанта (в Бельгии), начал путешествие в 1253 г. Он ехал через Константинополь, Крым и дальше по Кипчакской степи до ставки великого хана, находившейся в городе Каракоруме в Монголии. Рубруквис пять месяцев пробыл в ставке хана Мангу. Обратный его маршрут шел через Сарай, Астрахань, Дербент, Грузию и Армению к Средиземному морю. Как и Плано Карпини, Рубруквис обращает большое внимание на описание жизни и быта татар, во многих отношениях дополняя сведения Плано Карпини. Рубруквис описывает кочевые юрты: «Дом, в котором они спят, они ставят на колеса из плетеных прутьев, бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы». Но монгольские вельможи уже начинают обзаводиться земельными имуществами: «Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука». Любопытны сведения Плано Карпини и Рубруквиса о мастерах-иноземцах, взятых в плен и находившихся при ставке Батыя и великого хана, в частности о русском мастере-ювелире.

К XIII—XV вв. относится еще несколько сочинений западноевропейских путешественников, посетивших земли, подвластные монголам. Известное сочинение Марко Поло, пробывшего в Азии 24 года и вернувшегося в Венецию в конце XIII в., являлось долгое время чуть ли не единственной работой, из которой в Западной Европе черпали сведения об Азии. Многие авторы обвиняли Марко Поло в различного рода выдумках. Однако по мере развития исторической науки все более выясняется достоверность известий Марко Поло. Особенное значение его «Путешествие» имеет для истории Китая, Средней Азии и Кавказа. У него встречаем и краткую заметку о Руси; народ, ее населявший, он называет простодушным и красивым.

Л и т е р а т у р а

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Под ред. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. I. Перев. Л. А. Хетагурова. М.—Л., 1952; т. 1, кн. II. Перев. О. И. Смирновой. М.—Л., 1952; т. 3. Под ред. Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1946.

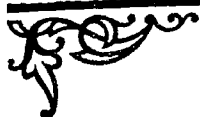
- В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.—Л., 1941.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII—XV вв. Арабские и персидские источники. Под ред. С. Л. Волина и др. М.—Л., 1939.
- История Татарии. В материалах и документах. М., 1937.
- Джиованни дель Плано Карпини. История монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Ред., вступит. ст. и прим. Н. П. Шастиной. М., 1957.
- С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе.—«Исторический архив». Т. 3, 1940.
- Книга Марко Поло. Перев. старофранц. текста И. П. Минаева. Ред. и вступит. ст. И. П. Магидовича. М., 1956.
-

Источники
по истории России
XIV-XVII ВЕКОВ

•

АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XIV—XV вв.

§ 1. ДУХОВНЫЕ И ДОГОВОРНЫЕ ВЕЛИКИХ И УДЕЛЬНЫХ КНЯЗЕЙ

В отличие от более раннего периода основными источниками по истории России XIV—XV вв. являются различного рода актовые материалы, хотя и повествовательные виды источников (летописи, сказания) сохраняют еще свое большое источниковедческое значение.

Ценный исторический материал дают документы архива московских великих князей, в составе которого сохранились духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.

Архив великих князей и царей был довольно обширным, как показывают его описи XVI и начала XVII в. Документы хранились в больших «коробьях», в деревянных ящиках, окованных железом и медью. В XVII в. документы царского архива находились в Посольском приказе.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей тщательно сохранялись в архиве московских государей. Первая дошедшая до нас духовная была составлена Иваном Даниловичем Калитой, по-видимому, около 1339 г., самая поздняя — Иваном IV Грозным, около 1572 г. (даты составления грамот указываются условно на основании исследования их содержания, так как в самих духовных их нет).

Содержание духовных грамот великих и удельных князей позволяет проследить рост Московского вели-

кого княжества и создание Российского государства. Так, духовные Калиты (их сохранилось две) говорят о разделе его владений между тремя сыновьями без особого выделения старшего сына, которому дается лишь несколько больше волостей и сел, чем его младшим братьям. Заметно меняется содержание духовных грамот в XV в. Великий князь Василий Дмитриевич (ум. в 1425 г.) выделяет во владение своего старшего сына Василия Васильевича (Темного) наиболее обширные и богатые земли. Удел старшего сына еще более резко увеличивается в духовной Василия Темного, а Иван III дает старшему сыну Василию Ивановичу больше владений, чем всем его братьям вместе: «Благословляю сына своего старейшего Василья своею отчиною великими княжествами». В своей духовной Иван IV Грозный уже прямо заявляет, что его старший сын царевич Иван Иванович будет правителем страны, требуя от младшего сына Федора полного подчинения: «А где тебя Иван сын пошлет на службу, или людей твоих велит тебе на службу послати, и ты бы на его службу ходил и людей своих посылал».

Сохранились духовные грамоты Симеона Гордого, Ивана Ивановича, Дмитрия Ивановича Донского, Василия Дмитриевича, Василия Васильевича Темного, Ивана III Васильевича и Ивана IV Васильевича. Некоторые грамоты сохранились в двух, иногда в трех редакциях, потому что составлялись в разное время. Великие князья составляли их в тяжелые моменты, когда отправлялись в Орду, перед опасными военными походами, во время болезни.

В духовных грамотах перечисляется как движимое, так и недвижимое имущество, принадлежавшее великим князьям, с указанием, что именно должен получить тот или иной сын или родственник великого князя. Казна великого князя распределялась между его сыновьями. В ней хранились наиболее ценные вещи: золотые и серебряные предметы, братины, кресты, иконы, «Чим мене благословил отець мой князь великий, которым золотом, суды (сосудами), или доспех, и что яз примыслил, то золото и шапку золотую, и чепь и сабли золотые и порты сажные, и суды золотые и серебряные», — завещает Дмитрий Донской.

Духовные грамоты удельных князей в общем имеют то же содержание, что и великих князей, но изобилуют еще большим количеством сведений об имуществе князей. Особенно большую ценность в этом отношении имеют духовные серпуховского князя Владимира Андреевича и его вдовы княгини Евпраксии.

Иной характер имеют договоры между великими и удельными князьями. Великий князь в них обычно именуется «братом старейшим», удельные же князья называются «младшими братьями» и обращаются к великому князю с титулом «господин». В договорах определяются права, которыми пользуются великие и удельные князья: «Быти ны за один до живота, а брата своего старейшего имети ны и чтити во отцево место» (договор Симеона Ивановича с братьями 1341 г.), а также отношения князей к Орде, к Великому Новгороду, к литовским князьям, а иногда и к боярам, впадшим в крамолу.

Сохранились также договоры, заключенные московскими великими князьями с великими князьями рязанскими, тверскими и литовскими. В них указываются рубежи княжеств и определяются отношения князей к другим русским княжествам и к Золотой Орде. Договоры между удельными князьями больше всего относятся ко времени борьбы Василия Темного с Шемякой в середине XV в.

Громадный интерес вызывают сведения духовных и договорных грамот о княжеском имуществе. Они рисуют перед нами широкий обмен товарами между Востоком и Западом. Цареградские стаканы, блюда из Иезда в Персии, фряжские изделия (из Италии) скапливались в казне великих князей. Трудно отобразить все многообразие духовных и договорных грамот как исторических источников.

Особый характер имеют записи договоров, заключенных русским митрополитом с великим князем.

«Докончальная грамота» митрополита Киприяна с великим князем о церковных землях, составленная в конце XIV — начале XV в., показывает, что митрополит пользовался правом феодального владельца, имея свое войско (полк), свои земли.

Л и т е р а т у р а

- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.
- Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М.—Л., 1948.

§ 2. ХАНСКИЕ ЯРЛЫКИ

Среди источников по истории взаимоотношения русских княжеств и Золотой Орды выделяются ханские ярлыки, данные русским митрополитам в XIV—XV вв. До нас дошли два сборника ханских ярлыков, которые были переведены на русский язык с подлинников, сохранившихся в митрополичьей казне. Происхождение этих сборников следующее. Когда в конце XV—начале XVI в. возникли споры по поводу церковных земельных имуществ, при митрополичьей кафедре в Москве были составлены сборники ярлыков. Составители их стремились доказать, что даже при «неверных царях», золотоордынских ханах, церковные феодалы пользовались рядом привилегий. Составитель сборника ярлыков так пишет: «Вы же, православнии князи и боляре, потщитесь к святым церквам благотворение показати, да не в день судный от оных варвар посрамлени будете».

Ханские ярлыки митрополитам сохранились в двух редакциях — краткой и полной. Краткая редакция состоит из шести ярлыков. Она содержит: 1) ярлык Тюляка (Тулунбека), данный митрополиту Михаилу около 1379 г., 2) письмо царицы Тайдулы к русским князьям во главе с Симеоном Гордым 1347 г., 3) ярлык хана Менгу-Темира митрополиту Петру 1308 г., 4) ярлык Тайдулы митрополиту Феогносту 1343 г., 5) ярлык Бердибека митрополиту Алексею 1354 г., 6) ярлык Тайдулы митрополиту Алексею.

В пространной редакции имеются две дополнительные статьи: рассказ о поездке митрополита Петра в Орду и ярлык хана Узбека митрополиту Петру. Краткая редакция является более древней и легла в основу пространной. Ярлык митрополиту Петру, отсутствующий

щий в краткой редакции, многими исследователями признается подложным. Что же касается остальных дошедших до нас ярлыков, то они, по-видимому, сохранили подлинный текст первоначальных ханских ярлыков в русском переводе. Сам составитель сборника ярлыков сообщает, что в митрополичьей казне существовали еще другие документы, однако в его время никто уже не мог их разобрать: «Елико же обретохом во святейшей митрополии старых царей ярлыки, но иных не возмогохом превести, зане неудобь познаваемую речию писани быша, ниже паки именовахом». Вероятно, эти ярлыки были написаны еще в XIII в., до установления в Золотой Орде обычая писать арабским алфавитом.

Ярлыки имеют большое значение для изучения имущественных прав, какими пользовались митрополиты и церковные земли, освобожденные от податей и повинностей ханами Золотой Орды. Образец ханских ярлыков повлиял и на форму русских тарханских и несудимых грамот XIV—XV вв. В ярлыке Тюляка особые права митрополита обозначены так: «Ино никаковая дань, никоторая пошлина, ни подводы, ни корм, ни питание, ни запрос, ни даров не дадут, ни почестия не воздают никакова; или что церковные: дома, воды, земли, огороды, винограды, мельницы, — и в то ся у них не вступает никто, ни насилства не творят им никакова». В конце ярлыков обычно указывается дата; ярлык Тайдулы митрополиту Алексею кончается словами: «Заечьего лета, арама месяца, в самый нова», что соответствует, по нашему счислению, 4 февраля 1354 г.

Л и т е р а т у р а

- В. Григорьев.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842.
М. Д. Приселков. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

§ 3. ДОГОВОРЫ НОВГОРОДА И ПСКОВА

Ценнейшими памятниками русской истории XIV—XV вв. являются договоры Новгорода и Пскова с великими московскими, тверскими и литовскими князьями,

а также с Швецией, с Ригой, Готландом и немецкими городами.

Договоры Новгорода с великими князьями начинаются перечислением тех лиц, от имени которых составлялись грамоты, — «владыки» (новгородского архиепископа), посадника, тысяцкого. Далее устанавливаются права и обязанности князя в Новгородской земле. Обычно договоры скреплялись печатами владык, посадников и тысяцких. Так, к договору 1270 г. привешены две печати, а к договору 1317 г. с тверским великим князем Михаилом Ярославичем — 11 вислых печатей из свинца. На одной из них написано: «Новгородская печать и посадника», на другой — «Печать Ондrejaнова посадника новгород(ского)».

Возможность изучать договоры на протяжении более чем 200 лет очень ценна для историка. На основании договоров можно проследить историю взаимоотношений Новгорода с великими князьями, а тем самым становятся яснее и многие вопросы истории северо-восточной Руси.

Великий Новгород заключал договоры с великими князьями московскими, тверскими и литовскими. Новгородцы очень тщательно заботились о соблюдении условий, на которых князья целовали крест. В грамотах постоянно повторяется требование, обращенное к великим князьям: «А волости новгородских ти, княже своим мужи не держати, но держати мужи новгородскими, а дар от тех волостей имати». Договоры запрещают князьям производить суд и раздавать грамоты без посадника. Князь и посадник обязуются «Новгород держати по пошлине, без обиды». Древнейший договор Новгорода с великими князьями, дошедший до нашего времени, был заключен в 1264 г. Это договор с тверским великим князем Ярославом Ярославичем. Другие древнейшие договоры XIII—XIV вв. тоже договоры с тверскими князьями, которые одновременно были и новгородскими князьями. Первый договор Новгорода с московскими великими князьями относится к 1371 г. В XV в. текст договоров становится более полным, чем раньше. Особенно интересны договоры Новгорода с польским королем Казимиром и с великим князем Иваном III в 1471 г. В них тщательно определяются

Новгородский Кремль в наше время

княжеские пошлыны, названы новгородские волости и т. д.

Договоры Новгорода с великими князьями дают большой материал по политической и общественной истории России XIV—XVI столетий. Они рисуют нам положение холопов и развитие холопства, условия торговли, называют пошлыны и повинности. Договорные грамоты дают материал и для исторической географии. Без них отрывочные сведения летописей о тех или иных населенных пунктах в большинстве случаев остались бы нерасшифрованными.

Крупный международный интерес имеют договоры Новгорода и Пскова со Швецией, с Ригой, Готландом (Готским берегом) и немецкими ганзейскими городами во главе с Любеком. Подлинники этих договоров сохранились на русском, латинском и немецком языках. Кроме подлинников, заверенных печатями, имеются копии с них, проекты договоров и дипломатическая переписка.

Средневековая торговля происходила в сложных условиях. Постоянной помехой для торговли служили придирки и вымогательства местных властей. Поэтому в договорных и других грамотах прежде всего устанавливается «чистый путь горою и водою» — свободный путь по воде и по суше. Даже во время войны приезжие купцы могут ехать свободно, «без пакости».

В договорах встречаются драгоценные указания на различного рода события и более ранние документы. Например, в договоре Новгорода с Ливонским орденом 1421 г. имеется ссылка на западные границы Новгородской земли по Чудскому озеру и Нарове: «Старый рубеж Норове реке стержень от Чючкого озера, стерженьем и до моря по старым грамотам по княжим».

Купцы во время своих поездок претерпевали различного рода бедствия и опасности. Разбойничество на море и на речных путях было постоянным явлением и предметом споров.

В договоре Новгорода с ганзейскими городами 1423 г. говорится о товаре немецких купцов, «отнятом разбойниками на Неве». Это тотчас же вызвало «не любовь» между Новгородом и ганзейскими городами: 11 немецких людей были посажены в тюрьму в око-

вах, в ответ «русский разбойник» был повешен немцами на воротах.

Большой интерес представляют сообщения о торговле различными товарами в русских и зарубежных городах, наполненные взаимными жалобами на их порчу, иногда довольно мелочными, но рисующими своеобразие средневековой торговли. Например, во избежание злоупотреблений запрещалось торговать на чужом гостинином дворе мешками с мехом и пр. По своим бытовым подробностям особенно интересны грамоты с различного рода заявлениями по спорным вопросам.

Из договоров Швеции с Новгородом крупнейшее значение имеет Ореховецкий договор 1323 г. В нем указаны границы между новгородскими и шведскими владениями на основании «вечного» мира. Этот документ интересен тем, что он заключен от имени великого князя Юрия Даниловича и посадника Алфоромея (Варфоломея). Московский великий князь выступает как представитель всей России. В договоре имеется условие: «По сему миру городов ни ставити ко Корельской земле».

Документы, относящиеся к сношениям Новгорода и других русских земель с зарубежными странами, отличаются большим богатством и разнообразием сведений. Это один из лучших источников по истории России и международных отношений в районе Балтийского моря в XIV—XV вв.

Л и т е р а т у р а

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

Русско-Ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. Спб., 1868.

§ 4. ГРАМОТЫ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

От XIV—XV вв. до нашего времени дошли уже довольно многочисленные грамоты различного содержания. Количество их резко увеличивается по мере продвижения к нашему времени; в то время как гра-

моты первой половины XIV в. насчитываются единицами, вторая половина XV столетия представлена уже относительно большим числом грамот. Для этого времени наиболее многочисленны грамоты центральной России, а также новгородских земель, в первую очередь Двинской земли. Количество северных грамот за последнее время пополнилось берестяными грамотами, найденными при раскопках в Новгороде. К сожалению, источниковедческое изучение этих грамот не поставлено еще на должную высоту и даже методика их определения вызывает споры.

В наибольшем числе сохранились грамоты, связанные с землевладением, так как подобные документы длительное время служили доказательствами прав на владение земельными имуществами и предъявлялись на суде. Поэтому древнейшие акты частного порядка — это по преимуществу землевладельческие грамоты. Виды таких грамот многочисленны. Среди них особенно распространены купчие, данные и вкладные.

Купчие грамоты (покупка и продажа земельных владений) сохранились в относительно большом количестве, не говоря уже о более позднем времени. В них указываются покупатели и продавцы земли, свидетели («послухи»), сообщаются сведения о продаваемых землях, иногда с «обводом» границ проданной земли («из Глуха ручья логом и жар к Дмитриеве пожни» и пр.). Древние купчие по своему содержанию обычно очень скупы.

Данные грамоты — это документы, по которым земля дарилась, чаще всего какому-либо монастырю, церкви. Иногда земля дарилась в виде «вклада» с условием записать вкладчика в синодик для поминовения его на церковных службах.

Земельные тяжбы были явлением постоянным, и в связи с этим возникали особые виды документов, связанные с судебными решениями. Среди них большой интерес имеют **правые грамоты**, решения суда по тому или иному делу. В правых грамотах, или судебных списках, приводятся документы, представленные спорящими сторонами, протокол судопроизводства и окончательное судебное решение: «И я судья... Сновитцких старцов оправил, а ответчика Якова Михайлова сына

Внукова обвинил и сию правую грамоту на него дал» (судное дело 1518 г.). По богатству своего содержания правые грамоты стоят едва ли не на первом месте среди других землевладельческих документов, давая не только формально-юридические сведения о правах землевладельца, но рисуя действительное положение крестьян и отчасти сельское хозяйство.

Наиболее своеобразным видом актового материала являются **духовные грамоты**. В них завещатели обычно перечисляют все свое движимое и недвижимое имущество, иногда с ценными подробностями. Форма духовного завещания примерно одна и та же: «Пишу себе сию духовную памятку, целым умом и разумом, кому мне что дати и у кого мне что взяти». Иногда вслед за этим заявлением в духовных следует перечисление драгоценностей, принадлежавших завещателю, среди которых видное место занимают иконы, «святости» в дорогих окладах, обложенных серебром и жемчугом. Служилые люди особенное внимание обращают на дорогое оружие и на коней. Мелкие заметки завещателей порой бросают свет на неизвестные отрасли ремесла. Так, в одной духовной упоминается, например, «ковреп здешнее дело», иными словами, ковер местного производства, и пр. Содержание завещания в конечном итоге зависело от материального положения завещателя, его рода деятельности и даже личного характера. Поэтому при общем стандартном расположении материала духовные отличаются известной прихотливостью, дают разнообразный материал, выдаваясь этим как источник особенно ценный для истории хозяйства и общественных отношений. Особое значение духовные имеют для характеристики феодального хозяйства и «страдников» — холопов, обслуживавших такое хозяйство. Духовная князя Ивана Патрикеева около 1499 г. перечисляет княжеских холопов по именам. Среди них оказывается немало мастеров: портной, бронник и пр. В других духовных находим указания на засеянные пашни, на хлеб «стоячий», на различный скот, принадлежавший завещателю. В духовной Вас. Галицкого, владевшего большим селом Озерским, говорится о его хозяйстве: «А что мои кабылы стадные, да и животиная вся в селе в Озерском, и волы и коровы и овцы, и та животиная

моей жене и моей дочери». Иногда на духовных грамотах имеются пометы о исполнении воли завещателя. На завещании Евфросиньи Кушелевой (ок. 1454 г.) стоит помета о том, что было уплачено «по сей духовной».

По своему содержанию к духовным отчасти примыкают раздельные, или «рядные», документы о соглашениях, о «рядах», по разделу имущества. Древнейшая из них — рядная Тешаты — была составлена уже в 1266—1291 гг.

Виды различного рода грамот XIV—XV вв., конечно, не исчерпываются перечисленными выше. Образцы их даны в издании «Акты юридические».

Л и т е р а т у р а

Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Спб., 1838.

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. Спб., 1857; т. 2. Спб., 1864; т. 3. Спб., 1884.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949.

Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М., 1951; ч. 2. Подготовил к печати А. А. Зимин. М., 1956.

§ 5. СУДНЫЕ ГРАМОТЫ

Ценными источниками по истории России XIV—XV вв., в особенности по истории Новгородской и Псковской земель, являются судные грамоты. По существу они были сборниками законов, утвержденных вечем, верховным правительственным органом в Новгороде и Пскове.

Псковская судная грамота, открытая Н. Мурзакевичем, помещена в сборнике с летописными статьями XVI в. В заголовке грамоты имеется такое указание на время ее составления: «Ся грамота выписана из великаго князя Александровы грамоты и из княж Константиновы грамоты и изо всех приписков Псковских пошлин, по благословению отец своих попов всех пяти соборов, и священноиноков, и дияконов, и священников, и всего божих священства всем Псковом на вечи в лето 6905» (1397 г.).

В грамоте помещены статьи о княжеском суде, о суде «владычного» наместника, т. е. наместника новгородского архиепископа, ведавшего церковными судами в Пскове, и о суде посадника. Грамота запрещает разбирательство судебных дел на вече и требует, чтобы князь и посадники судили у себя во дворце: «А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сених, взирая в правду по крестному целованию».

В грамоте очень полно разработаны постановления о судебных тяжбах по земельным делам — «о земле о полней и о воде», о «лешей» земле, т. е. о земле полевой и лесной. С особенным вниманием составители грамоты разработали статьи по торговым делам и по кредиту, конечно, в средневековом смысле этого слова. В грамоте имеются статьи о закладе имущества («о зблюдении»), о поручительстве по торговым сделкам, о различного рода заемных документах. Большое место в грамоте занимают статьи о взаимоотношениях зависимых людей с их господами «государями». Статьи о земледельцах («изорниках») и рыболовах показывают их тяжелое положение. Грамота устанавливает уже определенный срок для расчетов изорников и рыболовов («кочетников») с их «государями». «А которой государь захочет отрод дати своему изорнику или огороднеку или кочетнику, ино отрок быти о Филипове заговеине» (14 ноября). При этом грамота в первую очередь заботится об интересах землевладельцев. При отказе изорника государю полагается взять половину урожая на земле, возделанной изорником. Большое место в Псковской судной грамоте отведено вопросам судопроизводства; для решения судебных споров устанавливается «поле» (судебный поединок).

Псковская судная грамота является первостепенным историческим источником; для изучения же социальной истории Псковской земли это памятник исключительно большого значения. Она дает материал для характеристики кипучей общественной жизни Пскова, говорит о торговых порядках, о наймитах, об ученичестве у мастеров и пр.

Время составления Псковской судной грамоты определяется с трудом. По-видимому, известный нам

текст грамоты списывался с дефектного экземпляра, в силу чего в грамоте имеется пропуск целых строк, описки, неясные чтения. В заголовке указывается на 6905 (1397) г., как на время составления грамоты, но тут же говорится, что она выписана из грамот великих князей Александра и Константина. Псковских князей, носивших имя Александр, было несколько, начиная с Александра Невского в середине XIII в., под именем же Константина известен Константин Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, княживший в Пскове с 1407 по 1414 г. Следовательно, в 1397 г. нельзя было сделать выписку из грамоты, составленной при князе Константине. Указанная выше дата внушает сомнение и по той причине, что в заголовке Псковской Судной грамоты имеется ссылка на то, что она составлена по благословению пяти соборов в Пскове. Соборы в Пскове, т. е. объединения духовенства вокруг определенной церкви, возникли постепенно. Пятый собор был организован в 1462 г. Таким образом, надо считать, что запись о возникновении грамоты в 1397 г. не соответствует ее содержанию. Запись считают ошибочной и предполагают, что писец сделал описку. Дата 6905 г. «от сотворения мира» писалась славянскими цифрами под титлами, между тем в подлиннике мог стоять первоначально 6975 (1467) г. Возможно и другое объяснение: в запись о составлении грамоты на вече в 1397 г. могло быть внесено добавление о князе Константине и о пяти церковных соборах.

Спорны мнения и о том, к какому времени относится первоначальный текст грамоты. В самом деле, в начале грамоты указаны имена великого князя Александра и князя Константина. Имя князя Константина, как мы видели, не внушает сомнения; что же касается Александра, то нам известны два великих князя с именем Александра, которые сидели в Пскове: Александр Невский, живший в XIII в., герой Ледового побоища, и Александр Михайлович Тверской, бежавший от татар из Твери в Псков и княживший в нем 10 лет (1327—1337 гг.). Н. В. Калачов указывал на то, что Псковская судная грамота называет Александра великим князем, а такой титул может якобы относиться только к Александру Невскому, потому что Александр

Михайлович Тверской не был признан великим князем. Но летопись одинаково называет великими князьями как Александра Невского, так и Александра Михайловича Тверского. Косвенным указанием на то, что Псковская грамота была составлена не при Александре Невском, а при Александре Тверском, считают известие о том, что в 1475 г. Иван III вернул псковские грамоты обратно, так как это были «грамоты не самих князей великих». Московские князья считали своим родоначальником Александра Невского и называли его великим князем; тверских же князей, в том числе Александра Тверского, они будто бы великими не признавали. Но и это предположение опирается на неправильную предпосылку: как московские, так и другие летописи называют Александра Михайловича Тверского великим князем. Таким образом, вопрос о том, кто назван в грамоте великим князем Александром, остается нерешенным.

Псковская судная грамота, по-видимому, составлялась несколько раз и в известном нам виде представляет памятник не однородный по составу. В основе ее могла лежать грамота Александра Невского или Александра Тверского, позже дополненная грамотой Константина Дмитриевича. В 1416 г. митрополит Фотий отменил у псковичей их уставную грамоту — «последнюю целовальную, сына моего князя Константина Дмитриевича», мотивируя тем, что «от тое грамоты, от новыя от княжи Константиновы Дмитриевича христианом ставится пакостно и душевредно всей вашей державе». Указание на 1397 г. как на время составления грамоты может отмечать какой-либо этап псковского законодательства. В этом году новгородцы вели войну с великим князем Василием Дмитриевичем, тогда же псковичи «взяша мир вечный с Новым городом». Этот «мир вечный» мог явиться поводом к составлению грамоты.

Новгородская судная грамота тоже дошла до нас не в подлиннике, а в позднем списке XVI в. и притом, возможно, не в полном виде. Грамота в известном нам виде была составлена в 1471 г., но на основании более раннего источника. В Новгородской судной грамоте имеется 42 статьи (деление примерное), касаю-

щиеся самых разных вопросов: о судах архиепископа («владыки»), посадника и тысяцкого, о порядке рассмотрения различного рода дел, в том числе земельных споров («земное орудье»). В грамоте нашли отражение внутренние неурядицы в Новгороде незадолго до его окончательного присоединения к Московскому великому княжеству. Поэтому в ней запрещается «наводка», т. е. привод большого количества заинтересованных людей от улицы или от торгового ряда для давления на судей: «А истцю на истца наводки не наводить».

Наиболее глубокое исследование о Новгородской судной грамоте принадлежит Л. В. Черепнину, который относит ее первоначальное составление к 1385 г.: «Грамота 1385 г. декларировала идею самостоятельности новгородского суда, судебной независимости Новгорода от Москвы в церковной и гражданской сферах».

К концу XIV в. относится Двинская уставная грамота. Непосредственным поводом к ее составлению послужила война между Московским великим княжеством и Великим Новгородом, во время которой великий князь временно захватил в свои руки Двинскую землю, издавна принадлежавшую Новгороду, но управлявшуюся двинскими боярами. В короткий период, когда Двинская земля принадлежала великим князьям, около 1397 г., была составлена Уставная грамота. Она начинается словами: «Се яз князь велики Василей Дмитриевич всея Руси, пожаловал есмь бояр своих Двинских, также сотского, и всех своих черных людей Двинские земли. Коли кого пожалую своих бояр, пошлю наместником к ним в Двинскую землю, или кого пожалую наместничеством из двинских бояр, и мои наместници ходят по сей моей грамоте великого князя». Таким образом, Двинская грамота имеет характер судебного устава, или Судной грамоты, основанной на местном праве. Из Двинской грамоты выясняется особое положение бояр, которые были почти независимыми феодальными владельцами в Двинской земле. Мы встречаем в ней статью о праве господина убить своего холопа: «А кто осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть, в том наместници не судят, ни вины не емлют». Как и другие судные

грамоты, Двинская грамота является важным источником для понимания социальной розни и классовой борьбы в России XIV в.

Л и т е р а т у р а

Псковская судная грамота. Спб., 1914.

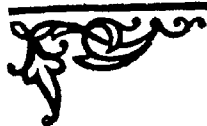
Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII—XV вв. Вып. 2. Под ред. С. В. Юшкова. М., 1953.

Уставная Двинская грамота...—«Акты Археографической Экспедиции». Т. 1. Спб., 1836.

Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. Ч. 2. М., 1951.

Б. Б. Кафенгауз. О происхождении и составе Псковской судной грамоты.—«Исторические записки». Т. 18, 1946.

ЛЕТОПИСИ И СКАЗАНИЯ XIV—XV вв.

§ 1. НОВГОРОДСКИЕ ЛЕТОПИСИ

К числу важнейших источников по истории России XIV—XV вв. принадлежат летописи и сказания.

Во всех больших русских центрах XIV—XV вв. создавались особые летописные своды. Летописи в эту эпоху носят по преимуществу характер местных хроник. Очаги летописания были теснейшим образом связаны с крупными феодальными центрами. Таковыми являлись Великий Новгород, Псков, Тверь, Нижний Новгород, Суздаль, Ростов, Рязань. Только с XV в. главенствующую роль в создании летописей играет Москва.

Одним из важнейших летописных центров был Великий Новгород, где летописание получило особенно большое развитие уже с XI в. Выше уже говорилось (гл. III, § 4) о древнейшем списке новгородской летописи, известном под названием Синодального, который по своему составу имеет сходство с двумя списками XV в. — Археографическим (Комиссионным) и Академическим. Известия в них доведены до 1440 г. и продолжены в Археографическом списке до 1446 г. включительно, причем на полях имеется приписка, сделанная почерком XV в.: «В лето 6984 (1476) тма была в заговеньи». Как говорилось выше, летопись по Археографическому и Академическому спискам называется Новгородской первой летописью младшего извода. Эта летопись отражает еще ранний период новгородского летописания и имеет для известий XII—XIV вв. текст, сходный с Синодальным списком (он оканчивается 1352 г.).

Новгородское летописание XIII—XV вв. нашло свое отражение и в обширных общерусских сводах, известных под названиями Новгородской четвертой, Новгородской пятой и Софийской первой летописей, где сходный текст оканчивается 1418 г. После этого года тексты разных списков названных летописей уже отличаются друг от друга своим содержанием. Многие известия, помещенные в Новгородской четвертой и пятой летописях, имеют ярко новгородскую окраску и проникнуты враждой к московским великим князьям. Под 1476 г., например, рассказывается о приезде Ивана III в Новгород «на миру», вследствие чего приключилось «Новгородской области убытка много с кровью». Под следующим годом в том же списке сообщается о пожаре в Новгороде и о том, что сгорел «чюдный двор» Марфы посадницы, и пр.

В основе новгородских летописей лежат местные записи о событиях в Новгородской земле. Записи о выборе посадников и тысяцких сменяются заметками о заключении мирных договоров и распрях Новгорода с князьями. Новгородский летописец говорит о пожарах, о голоде, о ценах в Новгороде, о постройке церквей, каменных башен и стен. Многие составители летописных записей, несомненно, были очевидцами, а иногда и участниками событий. Это доказывается прекрасным знанием обстановки и деталей тех или иных происшествий. Например, описывая войны, летописцы обычно перечисляют убитых, называя их по именам и даже указывая на их занятия, дают яркие описания сражений. Под 1268 г. летописец, например, говорит о знаменитой Раковорской битве: «И оттоле (новгородцы) поступиша к Раковору, и яко быша на реце Коголе и ту усретоша полк немечкой, и бе видети яко лес: бе бо съвкупилося вся земля немечкая... Новгородци же стаха в лице железному полку противу великой свиньи; и тако поидоша протиу собе; и яко съступихася, и тако бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни деди».

Местный характер придает новгородским летописным сводам особый колорит. На основе их мы можем восстановить жизнь древнего Новгорода. Не случайно именно история Новгорода рассказана особенно под-

робно в наших исторических трудах. Но этот же областной характер Новгородской летописи имеет свои недостатки. Новгородский летописец только иногда поднимается над уровнем местного новгородского патриотизма. Поэтому он не всегда правильно оценивает события, происходившие в других концах Русской земли. Из общеполитических событий XIII—XV вв. новгородские летописи наиболее ярко отразили борьбу русского народа с немецким и шведским наступлением. Новгородские летописи по своей достоверности стоят несравненно выше ливонских хроник с их тенденциозностью и позднейшими домыслами, как и по достоверности своей хронологии.

Новгородские летописи лучше других отражают классовую борьбу на Руси XIV—XV вв. Летописцы порой высказывают свои симпатии к «молодым» людям, составлявшим основную массу городского населения, угнетаемого феодальной верхушкой. В рассказе о восстании Степанки в 1418 г. летописец замечает, что «сдеяся тако в Новегороде научением дияволим».

Новгородские летописи очень содержательны, но в то же время несколько суховаты. В них, как, впрочем, и в других летописях XIV—XV вв., заметна сильная церковная струя, обличающая в летописцах лиц, принадлежавших к духовенству. Но в то время как в других местах Руси летописные записи составлялись главным образом в монастырях, в Новгороде они возникали и в среде белого духовенства, и среди горожан. Этим объясняется, почему в новгородских летописях встречается так много подробностей мирского характера. Рассказы о сражениях обличают в авторах заметок хорошее знание военного дела. Трудно сомневаться и в том, что отдельные летописные записи могли быть написаны образованными горожанами. Некоторые списки новгородских летописей принадлежали боярским фамилиям. К сожалению, вопрос о связи новгородского летописания с боярством почти не изучен.

Для экономической истории Новгорода интересны заметки о торговле новгородских купцов с «немцами» и Суздальской землей, а также известия о ценах на

хлеб и другие продукты, чаще всего в связи с голодом. Довольно полно рассказывается о походах новгородцев в Югру и Двинскую землю. Впрочем, новгородские летописи вращаются главным образом в сфере городских интересов, поэтому в них очень мало сведений о новгородской деревне.

Л и т е р а т у р а

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.— Л., 1950.

Новгородские и Псковские летописи (Новгородская четвертая и пятая летописи). ПСРЛ. Т. 4. Спб., 1848.

А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.— Л., 1938.

§ 2. ПСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ

По своему характеру к новгородским летописям близки Псковские летописи. Они носят еще более яркий местный отпечаток. Псковское летописание началось значительно позднее, чем в Новгороде, и подробные псковские записи охватывают лишь XIV—XV вв. Сам летописец говорит, что древнейшая история Псковской земли ему неизвестна: «О Плескове (Пскове) граде от бытописания не обретається воспоминаути».

Псковская первая летопись начинается продолжением жития князя Довмонта, после чего дается краткий пересчет лет «от Адама», русские события ведутся с 854 г., летопись доведена до 1469 г. (Тихановский список).

Псковская вторая летопись имеет заглавие: «Начало летописца Псковского». В ней первым годом показан 854 г., под которым рассказывается о Кие, Щеке и Хориве. Летопись кончается 1486 г. (Синодальный список). Следует отметить, что различные списки Второй псковской летописи имеют окончание под разными годами.

Собственно псковские известия начинаются в псковских летописях с XIII в., а в более полном виде — даже только с начала XIV в. Псковские летописцы прекрасно осведомлены о делах родного города. Например, в Псковской первой летописи под 1433 г. читаем: «От

3/10/44

молния загорелся два костра (башни) на Кромѹ, кутней да на персах (в углу и посередине стены), от Великой реки, а в церкви у святой Троицы попа оже, в час, егда обеду пел, и бысть страх на всех, и потокоша множество людей на Кром, и едва уга-сиша». В другом случае в той же летописи говорится, что хлеб в Пскове стоил дешево — «по 7 зобниц ржи на полтину, а говядь (мясо) — 3 яловичи на полтину». Под 1485 г. рассказывается о волнениях среди смердов.

Особенно большое значение имеют псковские летописи для истории борьбы русского народа с немецкими рыцарями. Псков был крепким оплотом на западной границе Русской земли и вел непрерывную борьбу с немецким орденом. Летописец из года в год сообщает о переговорах Пскова с немцами, о войне с ними, о различного рода стычках на границе и т. д. Псковское летописание было тесно связано с правительственными учреждениями Пскова во главе с его «господой» — двумя посадниками и боярами. Центром летописания был собор св. Троицы, стоявший в Кромѹ. Исследователь псковских летописей А. Н. Насонов приходит к следующим выводам: «Основная летописная работа велась при церкви св. Троицы, при которой находилась вечевая канцелярия и так называемый «ларь», где хранились важнейшие документы Пскова и частных лиц. Псковский летописный свод, послуживший общим источником сохранившихся летописных сводов, до нас не дошел. Он был составлен в 50-х или в начале 60-х годов XV в. На его основе вырастали псковские летописные своды XV—XVI вв.»

Псковское летописание продолжает развиваться в XVI в. и даже в первой половине XVII в. Записи о псковских событиях XVI—XVII вв. особенно интересны тем, что они отразили ожесточенную классовую борьбу среди «меньших» и «лучших» псковичей. Эти записи интересны и своим несколько оппозиционным тоном по отношению к московским великим князьям и царям.

Л и т е р а т у р а

Псковские летописи. Приготовил к печати А. Н. Насонов. Вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955.

§ 3. ТВЕРСКИЕ И ДРУГИЕ ЛЕТОПИСИ

Значительная летописная деятельность развивалась в Твери. Тверское великое княжество долгое время было соперником Москвы, и в XIV в. тверские князья нередко получали ярлыки от хана на великое княжение. В XV в. Тверь отказалась от претензий на великое княжение «всей Руси», но тверские князья продолжали называть себя великими.

Тверские летописи, по-видимому, начали составляться сравнительно рано и восходят уже к XIII в. К сожалению, в полном виде тверские летописные своды до нашего времени не дошли. Среди летописных сводов, пользовавшихся тверскими записями, необходимо прежде всего отметить так называемую Тверскую летопись. Она была составлена в Ростовской области в 1534 г. на основании тверских и других источников. Составитель говорит, что он не был родом из Киева, или Новгорода, или из Владимира, но «от веси (из села) Ростовских областей». К более раннему времени относится «Рогожский летописец», сохранившийся в списке начала XV в. Тверские известия начинаются в нем с конца XIII в.

Позже тверские летописи были переделаны и вошли в состав других сводов главным образом московского происхождения, в частности в Никоновскую летопись. В летописных записях встречаются прямые указания на существование особых тверских сводов. Так, в конце Тверской летописи имеется статья, начинающаяся словами: «Предисловие летописца княжения благоверных великих князей тверских».

Тверские летописи составлялись при княжеском дворе, они сообщают главным образом о местных тверских событиях. Видное место, которое Тверское княжество занимало в Руси XIV—XV вв., придает тверскому летописанию особый интерес.

Большое значение имело ростовское летописание, следы которого найдем уже в кратком летописце патриарха Никифора, помещенном в пергаменной Синодальной Кормчей 1280 г. Летописец Никифора продолжен в ней ростовскими известиями до 1276 г. Летописные записи, составленные в Ростове, сохранились при

посредстве общерусских летописных сводов. С наибольшей полнотой ростовские известия отразились в Ермолинской летописи XV в.

Есть основание предполагать, что существовали рязанские летописи, не дошедшие до нашего времени. Рязанские события слабо отразились в наших летописных сводах по довольно понятным причинам. Из всех русских областей Рязанская земля подвергалась наибольшим опустошениям от татар, и количество рязанских рукописей насчитывается лишь единицами.

В летописных известиях XIV—XV вв. иногда заметна рука авторов, писавших в Суздальском и Нижегородском княжествах, но летописные своды, возникшие в этих княжествах, не сохранились.

Л и т е р а т у р а

Тверская летопись и Рогожский летописец. ПСРЛ. Т. 15 Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23.

А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938.

М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

§ 4. МОСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСНЫЕ СВОДЫ XV в.

В то время как новгородские, псковские и тверские своды отличаются по преимуществу местным характером, в Москве появляются общерусские своды, которые ставят своей задачей представить историю всех русских земель. Это объясняется прежде всего положением, которое Москва занимала уже с начала XIV в. среди других русских княжеств как резиденция великих князей и митрополитов «всея Руси».

Первыми из московских записей, дошедших до нас, являются известия 1326 г. о построении Успенского собора. С этого времени количество записей московского происхождения в летописях начинает быстро увеличиваться, а со второй половины в некоторых летописях прямо преобладает.

Вместе с тем резко меняется и характер летописных записей, которые охватывают события в разных областях России, они уже получают общерусский характер.

А. А. Шахматов считает, что общерусские своды возникли при дворе московских митрополитов. Действительно, имеются прямые указания на то, что многие из летописных записей сделаны были при митрополичьем дворе. Однако имеются и записи, явно составленные при дворе великих князей. Поэтому М. Д. Приселков говорит уже не только о московских митрополичьих, но и о княжеских сводах. Вероятно, в Московском княжестве существовали и другие летописные центры, главным образом в больших монастырях: Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Рождественском во Владимире; последний был митрополичьим монастырем.

Московские записи составлялись различными авторами, но уже с XIV в. эти записи начинают входить в состав летописных сводов, имеющих общерусское значение, что связано с переносом митрополии в Москву и образованием Московского великого княжества. По мнению Шахматова, первый общерусский летописный свод, включивший материалы местных летописей, появился в начале XIV в. при митрополите Петре. Однако это предположение не может быть доказано на основании сохранившихся сводов.

Древнейший Московский летописный свод известен по пергаменному списку, принадлежавшему Троице-Сергиеву монастырю. **Троицкая летопись** представляла собой общерусский свод, оканчивавшийся рассказом о нашествии Едигея в 1408 г. Первая часть летописи сходна по содержанию с Лаврентьевской. Далее следуют известия XIII—XIV вв. по преимуществу московского и тверского содержания. Эта часть Троицкой летописи восстанавливается по Симеоновской летописи, известной в списке XVI в. Троицкая летопись, как общерусский свод, объединила в своем составе записи, взятые из разнородных источников: московских, псковских, новгородских, тверских, ростовских, смоленских, подвергнув их соответствующей московской обработке. О характере работы составителя свода дает представление текст Троицкой летописи, например за 1393 г. Под этим годом сообщается об убиении новгородскими вечниками некоего Максима, о гневе великого князя на Новгород; о набегах новгородских

ушкуйников на Устюг; о смерти игуменьи Ульяны; о взятии Тырнова турками; о смерти князя Ивана, сына великого князя Дмитрия Донского; о новгородских послах в Москве; о смерти Ивана Михайловича Тропаря; о крещении на Москве трех татарских царевичей; о построении в Кремле церкви Рождества, о студеной зиме. Как видим, под одним годом соединены самые различные известия — от событий в Новгороде до взятия Тырнова в Болгарии турками. Однако все эти известия даны в определенной московской обработке. О Максиме сказано как о человеке, связанном с московским великим князем («доброхотяще великому князю»), его убийцы тут же названы крамольниками, суровыми и свирепыми людьми. По поводу новгородских послов замечается, что новгородцы прислали их «за своя вины и за грубости и за неисправления своя». По случаю крещения царевичей сообщается: «Бысть радость велика в граде Москве». Московским колоритом окрашены и другие известия, в частности известия об игуменье Ульяне и о смерти Ивана Михайловича Тропаря. О них упоминается, как о лицах, хорошо известных в Москве в свое время. Упоминание о том, что Тропарь был похоронен, в селе в его собственном монастыре, заставляет вспомнить о селе Тропареве под Москвой.

Другие известия Троицкой летописи носят явные следы своего немосковского происхождения. Под 1403 г., например, сообщается о том, что город (крепость) в Опоках в Тверском княжестве был начат строительством весной, а к осени окончен постройкой, что церковь Николы в Старице была освящена 13 ноября. Такие подробности взяты из тверских записей и т. д.

Составитель Троицкой летописи пользовался разными источниками, среди которых мы найдем московские, тверские, новгородские и суздальские летописи. По мнению М. Д. Приселкова, который провел глубокое и плодотворное исследование Троицкой летописи, свод был составлен в 1408 г. Приселков инициатором создания летописного свода 1408 г. считает митрополита Киприана и приводит известие Татищева, взятое из неизвестного нам источника, по которому Киприан,

«летопись русскую от начала земли Руския вся по ряду и многи книги к тому собрав, повелел архимандриту Игнатию Спасскому докончати», что тот и сделал. Спасский монастырь находился в Кремле при великокняжеском дворе.

А. А. Шахматов и вслед за ним М. Д. Приселков предположительно говорят и о других общерусских сводах, которые не дошли до нашего времени, хотя и могут быть восстановлены на основании сохранившихся летописей. Приселков систематизировал собранные им наблюдения над летописным делом, назвав их «Историей русского летописания XI—XV вв.» Он рассматривает историю летописания как непрерывную смену великокняжеских и митрополичьих сводов. По его мнению, первый общерусский митрополичий свод относится к 1408 г. и был представлен сгоревшей Троицкой летописью. Далее следовали своды, составленные при митрополичьем дворе в 1418 («Фотиев полихрон») и в 1448 гг. Наряду с ними существовали великокняжеские своды, из которых первый возник в XIV в. («Летописец великий русский»), а последний — в 1479 г. К сожалению, существование целого ряда летописцев не доказано Приселковым и его замечания пока остаются интересными, но недостаточно подтвержденными гипотезами. Приселков чрезмерно преувеличивает политические цели, которые будто бы преследовали составители летописных сводов, забывая о том, что сводчики порой оставляли в летописях, приписываемых тому или иному князю или митрополиту, выпады их ярых противников. Конечно, политические симпатии руководили составителями летописных известий и сводов, но нельзя и чрезмерно преувеличивать роль московских митрополитов как создателей летописных сводов. Ведь тем самым преуменьшается значение таких центров летописания, какими были монастыри.

Остаются неясными основные этапы московского и новгородского летописания, по-разному объясняемые Шахматовым и Приселковым. Не ясно рисуется и взаимоотношение сводов, изображаемое графически. Такие графические изображения сделались почти обязательными в работах о летописании, но они отнюдь

не разрешают сложного вопроса об источниках того или иного свода, которые в силу этого часто возводятся к предполагаемым утерянным протографам. Если это в какой-то мере объяснимо для XIV в., то в значительно большей мере менее понятно для XV в. Почему был утерян протограф, на котором основаны Новгородская четвертая и Софийская летописи, остается неясным. Ведь сохранилась в нескольких экземплярах и та и другая летопись. Почему же погиб их протограф, а не просто был продолжен дальнейшими известиями.

Более точны и ясны наши представления об общерусском летописном своде 1472 г., о котором дает понятие **Никаноровская летопись**, послужившая основой для еще более позднего летописного свода 1479 г. Летописный свод 1471 г. был составлен в те годы, когда Московское великое княжество вступило в борьбу с Великим Новгородом, и антиновгородская окраска известий ярко выступает в этом своде, меняющем даже сущность более ранних известий. Если в более ранних летописях было записано «выгнаша новгородци князя Мстислава» (1187 г.), то Никаноровская летопись пишет: «Выеде князь Мстислав Давыдович из Новгорода». По более ранним летописям новгородцы сажали у себя князей («посадиша»), по Никаноровской летописи князья сами садились в Новгороде («седе князь...»).

Новый летописный общерусский свод возник в конце XV в. История открытия этого свода весьма интересна. Сличая текст Воскресенской летописи с большим летописным сводом, известным под названием Ростовской летописи, А. А. Шахматов пришел к мысли, что в основе Воскресенской и Ростовской летописей лежит один летописный свод. Позже Шахматов нашел в Эрмитажной библиотеке рукопись конца XVIII в., дававшую текст восстанавливаемого свода. Выводы Шахматова были подтверждены открытием нового списка летописи уже XVI в. Этот список представляет собой общерусский свод 1479 г., продолженный до 1492 г., который условно назван **Московским сводом конца XV в.** Свод использовал самые различные источники, в частности более ранние общерусские своды, положив

их в свою основу и добавив к ним известия XV в. Составитель нового свода ставил своей главной задачей написать историю всей Руси. С особой полнотой в Московском своде конца XV в. отражено княжение Ивана III.

Л и т е р а т у р а

М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25. М.—Л., 1949.

§ 5. ЛЕТОПИСИ XIV—XV вв. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

При общей оценке летописных известий XIV—XV вв. как исторических источников надо иметь в виду, что летописное дело в эти столетия в основном находилось в руках духовенства. Поэтому в летописях подробно изложены церковные события: поставление и смерть епископов и игуменов, построение и роспись церквей и т. д. Впрочем, при изложении даже церковных событий летописцы не остаются в стороне от общих политических оценок. В рассказе о Митяе (Михаиле), кандидате на митрополичий престол, дается образ гордого духовного иерарха, любимого великим князем, но ненавидимого духовенством и народом: «И епископи вси, и архимандрпты, и игумены, и священники, и иноцы, и вси бояре и людие не хотяху Митяя видети в митрополитех, но один князь велики хотящи». Автором рассказа о Митяе был сторонник митрополита Киприана, соперника Митяя в претензиях на митрополичий престол; это обстоятельство объясняет нам резкие выпады повести против московского духовенства и самого великого князя.

В XV в. характер летописных заметок начинает меняться. Летописные записи ведут не только монахи, но и светские люди, хорошо знакомые с дипломатическими и военными делами своей эпохи. Известия светского характера в сводах XV в. уже явно преобладают

над церковными. Например, под 1408 г. сообщается о приходе из Брянска к великому князю Василию Дмитриевичу на службу литовского князя Свидригайла Ольгердовича в сопровождении князей из Путивля, Перемышля, Минска и других городов («бояре черниговстии и брянстии и стародубстии и ярославские»). Великий князь принял Свидригайла «и дал ему град Володимерь со всеми волостями, и с пошлинами, и з селы, и с хлебы земляными и стоячими». Перед нами настоящая выписка из жалованной грамоты Свидригайлу с перечислением его прав в данных ему волостях. В летопись вносятся подробные сообщения о битвах (на Воже, на Куликове поле, на Плавe), сообщения о посольствах и назначении воевод и пр.

Однако в основном содержание летописных известий меняется сравнительно мало. Летописи в основном отражают жизнь феодальной верхушки: смерть князей или бояр, рождение детей, брачные союзы в княжеских семьях и т. д. Летописи рассказывают главным образом о политических и церковных событиях и только эпизодически дают материал по экономике и социальной истории.

Но и эти немногочисленные известия являются ценным дополнением к материалам, извлекаемым из актов и других источников. Лишь в Типографской летописи прочтем о землетрясении в Москве, разрушившем только что заложенный Успенский собор в Кремле. Под следующим 1475 г. сообщается о том, что приезжий архитектор Аристотель заложил новое основание собора и делал «по своей хитрости» (приемам), «а делаша наши же мастера по его указу». В последнем замечании выражено уже не восхищение работой пришедшего архитектора, а подчеркнуто уменье русских мастеров.

При изучении летописей XIV—XV вв. следует иметь в виду, что они представляют собой летописные своды, т. е. памятники компилятивного характера, составленные на основании многочисленных и разнообразных источников. Поэтому в одной и той же летописи сообщаются, например, два разных известия о построении Кремля в Москве. Под 1366 г. летописец

Башня Изборской крепости XIV—XV вв.

замечает, что великий князь Дмитрий Иванович замышлял «ставить град Москву камен, да еже умыслиша, то и сотвориша: тое же убо зимы повезоша камень ко граду». Под следующим годом читаем уже иное известие: «Того же лета князь велики Дмитрий Иванович заложи град Москву камен и начаша делати безпрестани, а всех князей русских привожаще под свою волю, а которыя не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати». Первое известие, благоприятное по отношению к московскому великому князю, взято из

Московской летописи, второе — из Тверской, враждебной притязаниям Дмитрия Донского.

Компилятивность летописей должна всегда учитываться при оценке летописных известий, как и возможность порчи текста. Особенно осторожно следует обращаться с хронологией летописных сводов, иногда завишевавшей от разных источников, использованных летописцем, где одно и то же событие стояло под разными годами.

Летописи включили в свой состав многочисленные повести: о Куликовской битве 1380 г., о разорении Москвы Тохтамышем в 1382 г., о нашествии Едигея в 1408 г., о Флорентийском соборе 1439 г., о борьбе Василия Темного с Шемякой и т. д. В большинстве случаев эти повести известны только по летописям и не сохранились в виде особых произведений.

В летописях XIV—XV вв. имеется много сведений по истории русских княжеств в период татарского ига. Летописцы обнаруживают постоянный интерес к событиям в Золотой Орде, в них сообщается о приходе послов из Орды, о поездках князей в Орду, о сменах золотоордынских ханов и т. д. В Тверской летописи читаем рассказ о восстании 1327 г. в Твери против Щелкана, или Шевкала (Чолхана), присланного ханом Узбеком. В летописи вошло значительное количество сказаний и повестей о татарских разорениях. Подобные же повести сохранились и в виде самостоятельных сочинений. Они интересны для характеристики самосознания русского народа, боровшегося с татарским игом.

На летописных известиях лежит обычно четкий отпечаток той среды, в которой они возникли; это, в основном, среда феодалов или тесно связанных с ними церковников. Поэтому в летописях о народных движениях рассказывается чаще всего в неблагоприятном свете. Впрочем, недовольство политикой князей и царей иногда сказывается и в летописях, но это чаще всего проявление недовольства в кругу самих феодалов. Наиболее оппозиционный характер имеют летописи местного происхождения (псковские, новгородские и пр.).

§ 6. ЗАДОНЩИНА И СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Одним из крупнейших событий в истории средневековой Восточной Европы была Куликовская битва 1380 г., закончившаяся победой русских войск под начальством Дмитрия Донского и разгромом татарских полчищ Мамаю. Цикл сказаний о «Донском», или «Мамаевом», побоище стал складываться уже в конце XIV в. Кроме тех сказаний о Куликовской битве, которые вошли в летописи, известны также две повести. Одна из них, поэтическая, носит название «Задонщина», или «Поведание», и приписывается некоему иерею (священнику) Софонию Рязанцу. Эта повесть отличается крупными поэтическими достоинствами и имеет значение как исторический источник, возникший, вероятно всего, уже в конце XIV в.

Значительно больший интерес для историка представляет «Сказание о Мамаевом побоище», сохранившееся в нескольких редакциях. Оно начинается с повествования о сборах Мамаю против Русской земли и его переговорах с литовским великим князем и князем Рязанским. Мамай «многие орды присовокупил к себе и рати ины понаимовал». В ответ Дмитрий Донской посылает за своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем и собирает войско в Москве. Русское войско тремя дорогами движется в Серпухов, где Дмитрий устраивает смотр. В степи за Окой к великому князю присоединяются два литовских князя, Ольгердовичи. «Сказание» рассказывает далее о гадании Дмитрия Волынца, воеводы великого князя, в ночь перед битвой. Волынец предсказывает Дмитрию победу, но в то же время и гибель множества русских, потому что «земля плачется на двое», одна сторона — татарским, другая — русским языком. Битва началась поединком монаха Пересвета с татарским богатырем: «И ударилася крепко копии едва места не преломися под ними. И спадше оба с коней на землю и скончашася». По сказанию, исход битвы был решен засадой под начальством Владимира Андреевича Серпуховского. Кончается сказание подсчетом количества убитых, рассказом о бегстве Мамаю в Кафу (Феодосию), итальян-

скую колонию в Крыму, где он был убит фрягами (генуэзцами).

Время составления сказания пока еще с достоверностью не определено, но только москвич мог с такой точностью назвать кремлевские ворота (Фроловские, Никольские, Константиноеленские), знать, что окна «златоверхого терема набережного» в Кремле были обращены на юг, знать направление московских дорог и т. д. Сказание сохранило имена 10 московских гостей-сурожан, взятых Дмитрием Донским с собой, «поведания ради, аще что случится тайно, то поведают вборзе на Москве», знает даже о красивом («красном») перевозе на Москве-реке.

Сказание о Мамаевом побоище, как говорилось выше, известно в нескольких редакциях, о старшинстве которых существует большая литература. Главным недостатком различного рода авторских суждений о старшинстве той или иной редакции является крайняя субъективность построений и нежелание считаться с историческими фактами в целом. Поэтому основное внимание обращается, например, на то, что в разных редакциях Сказания в качестве союзника Мамаю указывается то Ягайло, то его отец Ольгерд, умерший еще в 1377 г., значит, задолго до Куликовской битвы, хотя замена одного имени другим могла произойти и при позднейшей переписке текста, и по каким-либо иным причинам.

Нельзя забывать и того, что в известном нам виде Сказание о Мамаевом побоище — произведение компилятивное. Составителем был какой-то ревностный церковник, наполнивший сказание чудесами и сравнениями с житиями святых вплоть до того, что текст сделался иногда почти непонятным для позднейших переписчиков. Но церковный текст ничего не мог рассказать о самой битве, и для рассказа о ней церковный составитель Сказания имел под рукой отнюдь не церковный, а светский текст. От этого и получилась крайняя пестрота содержания всего Сказания. Церковник уверяет, что русские воины распевали после победы мученические, богородичные и проповеднические стихиры, точно монахи на клиросе. Переходя же к описанию битвы, он вынужден пользоваться уже другим

рассказом, в котором чувствуется воин: «Доспехы же русских сынов, аки вода в вся ветры колыбашеся, шеломя злаченые на главах их, аки заря утренна в время ведра светящися, еловцы же шлемов их, аки пламя огненное пашется». Еловцы, лоскутки огненного цвета, вставлялись в навершие шлемов и колыхались на солнце, точно живое пламя. Подобное сравнение мог сделать только воин или певец.

Ценность Сказания о Мамаевом побоище для историка и заключается в тех подробностях не церковного характера, которые в нем сохранились. В них мы найдем сообщение о военных обычаях, описанных с такой полнотой, какую мы не имеем в других источниках, имена воевод и названия полков, сражавшихся на Куликовом поле и т. д.

При этом следует иметь в виду, что различные списки Сказания о Мамаевом побоище дополняют первоначальное описание похода Дмитрия Донского разными подробностями, ценными для историка, так как в этих дополнениях отразились некоторые черты быта и общественной жизни XV—XVII столетий. Так, повесть «О мужах новгородцах», возникшая не раньше конца XV в., а, вероятно, уже в XVI в., дает понятие о том, как собиралось новгородское вече. «Посадники же новгородстии возшед на стену града и повелеша звонити в вестный колокол народа ради, збиратися на совет к великому архиепископу Евфимию. И по всем улицам повеле ездити на конех и звати на совет». Когда народ собрался, архиепископ стал на степенъ и велел успокоить народ, «яко да молчат от молвы», после чего начал речь. Имя Евфимия не соответствует действительности, но изображение веча у св. Софии очень реально.

Не вдаваясь в споры о времени появления Сказания о Мамаевом побоище, отметим только, что в основе его, видимо, лежит воинская повесть, возникшая вскоре после Куликовской битвы и написанная современником, если не очевидцем события. Время появления всего Сказания в известном нам виде также нельзя переносить далеко в XV в., так как в Сказании находим черты, характерные для определенного времени: 1) выдвижение на первое место литовских князей, 2) изобра-

жение Дмитрия в качестве религиозного человека. Первое могло произойти в те годы, когда литовские князья играли крупную роль при московском дворе, что было в княжение Василия Дмитриевича (1389—1425 гг.), женатого на дочери Витовта. Тогда, возможно, и произошла замена Ягайла именем Ольгерда, так как Витовт часто вступал в распри с двоюродным братом Ягайлом, отцом которого был Ольгерд. Изображение Дмитрия Донского как религиозного человека, все время обращающегося к митрополиту, перекликается с житием Дмитрия Донского. Житие могло возникнуть в монашеской среде в угоду вдове Дмитрия — великой княгине Евдокии, которая прославилась своими иноческими подвигами. Житие Дмитрия Донского имеет сходство с похвалой Витовту в литовских летописях, во всяком случае относится к той же эпохе.

Л и т е р а т у р а

Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959.

§ 7. СКАЗАНИЕ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ

История Рязанской земли очень слабо освещена в наших источниках. Тем большее значение имеет «Сказание о разорении Рязанской земли» татарами в 1237 г., которое только в недавнее время было с большой полнотой изучено Д. С. Лихачевым. «Сказание» дошло до нас в виде компиляции, в которой повесть о разорении Рязанской земли объединена с повестью об иконе Николы Зарайского. Эта компиляция встречается в рукописях не раньше XVI в. Первая часть повести рассказывает о переносе иконы Николы Зарайского из Корсуни на Русь и о более позднем переносе этой же иконы в Зарайск. Рассказ основан на семейных преданиях священников, в обладании которых икона находилась и которую они использовали как местную почитаемую святыню, лично им принадлежавшую (о таких личных иконах-реликвиях известно и по другим источникам).

Вторая часть компиляции рассказывает о разорении Рязанской земли татарами во главе с Батыем, когда «погибе град и земля Рязанская». В повесть о разорении включены два рассказа: о гибели княгини Евпраксии и ее сына Постника и о мужестве рязанского богатыря Евпатия Коловрата, напавшего на татар с малой дружиной в 1700 человек. Татары едва одолели Коловрата, и сам Батый жалел о его смерти: «Мы со многими цари, во многих землях, на многих бранех бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, ни отцы наши возвестиша нам. Сии бо люди крылати и не имеющие смерти, тако крепко и мужественно ездя бьяшеса един с тысячею». После ухода татар рязанский князь Ингвар Ингорович пришел на место побоища, где лежали «бояре и воеводы, и все воинство и крепкие многия удальцы и резвецы, узорочие и воспитание рязанское», велел похоронить мертвых, вновь построил города, «обновил» землю Рязанскую.

Современные исследователи видят в Сказании о разорении Рязанской земли и о Евпатии Коловрате воинскую повесть, подобную другим таким же повестям XIII—XIV вв. Автор повести хорошо знает события и перечисляет погибших рязанских князей. Между тем Лаврентьевская и другие летописи только кратко упоминают о взятии Рязанской земли татарами. Таким образом, эта повесть является ценным памятником древней рязанской литературы, к сожалению, сильно испорченным позднейшей переделкой.

Время возникновения Сказания о разорении Рязанской земли Д. С. Лихачев относит к середине XIV в., но эта датировка потребует дальнейшего уточнения, так как в Сказании заметны и некоторые черты, как будто свидетельствующие о том, что элементы Сказания возникли вскоре после разорения Рязанской земли татарами уже в XIII столетии. Лихачев справедливо сближает прозвище Евпатия Коловрата с соответствующим местом Ипатьевской летописи, рассказывающей о «самострелах» коловоротных, приводимых в действие вóротом. В русском языке слово «коловертный» обозначает ловкого, проворного человека (словарь Даля). Вообще повесть о разорении Рязани находит аналогию в языке воинских повестей XII—XIII вв.

Вместе с тем рязанская компиляция, сохранившая рассказы о рязанских «резвецах», испытала обычную участь других сказаний и подверглась обработке более позднего времени. Речь Юрия Ингваровича: «О, господия и милая братия моя, аще от руки господня благая прияхом, то злая ли не потерпим», — находит явную аналогию в речах Дмитрия Донского по сказанию о Мамаевом побоище.

Л и т е р а т у р а

Воинские повести древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949.

§ 8. ЖИТИЯ СВЯТЫХ XIV—XV вв. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Источниками по истории России в XIV—XV вв. являются также жития святых, хотя количество различного рода произведений, связанных с русскими «святыми» этого времени, — немногочисленно. Обязательным условием почитания «святого» являлось составление церковной службы в его честь, а вслед за тем и жития, его биографии с описанием подвигов благочестия. Житие обычно сопровождалось описанием «чудес», якобы совершавшихся при жизни подвижника или позднее у его гроба.

Житие и чудеса иногда составлялись по запискам современников, иногда же по памяти. При этом составители житий особенно интересовались подвигами благочестия в виде постов, самоистязаний, непрерывных молитв и ночных бдений, когда «святой» укладывался спать на голую землю, подкладывая под голову камень, и пр. Многие жития составлялись в явной зависимости от других образцов подобного рода сочинений как византийского, так и русского происхождения. Поэтому в них повторяются житийные шаблоны о чудесном рождении отрока и его богоугодном детстве, причем отсутствие сведений о жизни «святого» заполнялось длинными рассуждениями и молитвами, так как порой сам агиограф (составитель жития) не мог даже назвать имена родителей своего героя.

Классовый характер русской средневековой церкви объясняет нам такую особенность русских житий, в силу которой только два разряда людей обычно возводились в ранг святых: князья и монахи. Поэтому сохранившиеся жития святых делятся также на два разряда: княжеские и монашеские.

Княжеских житий XIV—XV вв. гораздо меньше, чем монашеских. Среди них наибольший интерес имеют повести об убиении в Орде тверского великого князя Михаила Ярославича в 1318 г. В них помещены красочные подробности о пребывании Михаила при дворе хана Золотой Орды и о процедуре ханского суда над опальным русским князем.

Значительно многочисленнее монашеские жития. Среди них выделяются жития московских митрополитов Петра и Алексея, составленные уже в XIV в., но подвергавшиеся дополнениям и переделкам в последующие века.

Выдающийся житийный цикл возник вокруг имени Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиевой Лавры под Москвой, видного деятеля XIV в.; ему приписывалось благословение Дмитрия Донского на войну с Мамаем.

Первое и притом очень обширное житие Сергия написал Епифаний Премудрый, прозванный так за свою ученость. Житие Епифания отличается витиеватостью изложения и в то же время живостью и красочностью; он писал еще в то время, когда память о Сергии была жива. Труд Епифания особенно интересен своей направленностью против московских князей. Говоря о переселении родителей Сергия из Ростова во вновь построенный городок Радонеж, поблизости от Москвы, агиограф говорит о произволе в Ростове наместника московского князя Ивана Калиты: «И наста насильование много, сиречь княжение великое Московское досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же достася и княжение Ростовское к Москве: увы, увы, тогда граду Ростову». Во второй половине XV в. житие Сергия было заново составлено монахом Пахомием Логофетом, приезжим болгарским агиографом, написавшим и переделавшим большое количество русских житий. Позже к житию Сергия

добавили значительное количество новых рассказов и «чудес».

Епифаний Премудрый написал и другое обширное произведение — «Житие Стефана», первого епископа Пермской страны. Это произведение имеет большое значение в качестве источника по истории Перми, как называлась тогда земля коми.

Значительный интерес представляют собой жития новгородских святых, в первую очередь жития Варлаама Хутынского и архиепископа Ионы. В последнем находим ценное сведение об обучении грамоте в Новгороде. Многие новгородские жития были переделаны на основании старых произведений или написаны заново тем же Пахомием Логофетом.

Лучшее исследование о житиях святых принадлежит В. О. Ключевскому, который изучил списки и редакции житий святых и установил их значение как исторического источника. Общее заключение о значении житий святых как исторического источника у Ключевского в целом отрицательное. Исследователь справедливо отмечает, что в житиях нельзя найти правдивую биографию святых, это прежде всего особый вид церковной литературы; для составителя жития на первом месте стоят нравоучительные, назидательные цели. Вывод Ключевского, правильный в целом, тем не менее не может быть применен абсолютно ко всем житиям. Среди житий встречаются и произведения, дающие ценные исторические сведения. Такова, например, особая редакция жития новгородского юродивого XV в. Михаила Клопского. В ней рассказывается о таких событиях, как «налога», притеснения Клопскому монастырю от посадника Григория Кирилловича, отнявшего у монастыря выгон для скота («не пускайте вы коней, да и коров на жар, то земля моя»). В том же житии рассказываются интересные подробности о ссорах новгородских бояр между собою.

Л и т е р а т у р а

Древнерусские жития святых как исторический источник. Исследование В. Ключевского. М., 1871.

Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958.

§ 9. СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ

Сказаний иностранцев о России XV в. сравнительно немного. Из них ценнейший исторический материал включает сочинение Гильбера де Ланноа, рыцаря из Фландрии. Де Ланноа посетил Литовское великое княжество, владения Ливонского ордена, Новгород и Псков. Рассказ де Ланноа о посещении им Новгорода особенно любопытен. По его словам, «внутри упомянутого города живет много больших сеньоров, которых они называют боярами, и там есть также горожане, которые владеют землей в 200 лье длины, богаты и могущественны удивительно». Гильбер де Ланноа сообщает сведения о Псковской земле и о своем посещении города Вильны (Вильнюса) во время княжения Витовта, а также о поездке в Подолию.

К концу XV в. относятся два сочинения итальянских путешественников Барбаро и Контарини.

Иосафат Барбаро происходил из Венеции, которая вела крупную торговлю с Востоком главным образом через порты Черного моря. В 1471 г. Барбаро был отправлен с венецианским посольством в Персию к шаху Узун-Гассану и вернулся в Европу только в 1479 г. Обратный путь его шел через Москву, так как все остальные дороги для возвращения в Европу оказались для него закрытыми. Сочинение Барбаро дает большое количество сведений о Кавказе и странах, прилегающих к Черному и Азовскому морям. У него мы находим интересный рассказ о Москве, которую Барбаро видел еще до постройки в ней каменного Кремля.

Почти одновременно с Барбаро, также с венецианским посольством, был послан к персидскому шаху Амброджио Контарини (в 1473 г.). Задачей посольства был призыв к войне против турецкого султана Магомета II. Маршрут путешествия Контарини шел через Германию, Польшу, Крым и Кавказ в Персию. На обратном пути Контарини возвращался через Дербент и Астрахань, откуда через степи достиг Москвы. Он вернулся в Венецию только в 1477 г. Контарини вел записи о путешествии за 1474—1477 гг. В его сочинении встречается множество интересных сведений

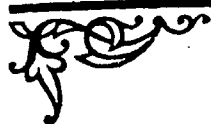
о Кавказе и Причерноморье, в частности подробно говорится о Грузии. Впрочем, Контарини был крайне недоволен приемом в Грузии, что отразилось на его повествовании, наполненном несправедливыми выпадами против грузин. Любопытные сведения Контарини сообщает о Москве и о великом князе Иване III.

Л и т е р а т у р а

Путешествие Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 годах.—«Университетские известия» № 8. Отдел II. Август. Киев, 1873.

Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина. Путешествие Амвросия Контарини, посла Венецианской республики, к персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г.—«Библиотека иностранных писателей о России». Т. 1. Спб., 1836.

АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ XVI—XVII вв.

§ 1. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АРХИВНЫХ
ДОКУМЕНТАХ XVI—XVII вв.

С конца XV в. в России начинают создаваться правительственные учреждения-приказы. Они ведали различными отраслями государственной жизни или определенными областями. Особый характер имели дворцовые приказы, занятые обслуживанием царского двора и царского хозяйства. В приказах сосредоточивались нити управления всем государством, и приказные документы отражают политическую и экономическую жизнь России с большой полнотой. Документы московских приказов сосредоточены в настоящее время в Центральном государственном архиве древних актов в Москве (ЦГАДА).

При большой подробности московских правительственных учреждений далеко не все приказы имели одинаковое значение в правительственной машине. Наиболее многочисленными архивными документами представлены в настоящее время приказы: Посольский, Разрядный, Поместный, Сибирский.

Посольский приказ, ведавший иностранными делами, был в системе московских учреждений едва ли не самым важным, как и его начальники. По крайней мере шведские донесения XVII в. величают думного дьяка Посольского приказа канцлером. По словам Котошихина, «ведомы в том Приказе дела всех окрестных государств и послов чужеземских принимают и отпуск им бывает».

Громадное количество документов сохраняется в делах Разрядного приказа, или Разряда (упоминается

уже в 1531 г.), который до учреждения Сената был одним из важнейших центральных учреждений. В его ведении находилось служилое население России, в основном ратные люди. «Все это составляло такую широкую сферу деятельности, какой не имел ни один из остальных приказов» («Описание» архива министерства юстиции). Архив Разряда сохранился довольно полно с 1594 г. Делопроизводство Разряда велось по столам (Белгородский, Владимирский, Киевский, Московский, Новгородский, Севский, Приказный столы). Впрочем, круг ведомства того или иного стола менялся в зависимости от распределения дел между подьячими Разряда.

Одним из крупнейших приказов был Поместный приказ. По Котошихину, «ведома в том приказе всего Московского государства земля, и что кому дано поместья и вотчин». В ведении приказа были сосредоточены дела о поместьях и вотчинах, о выдаче поместий, о записи приобретенных вотчин, о нарушении земельных прав, разбор и суд по спорным делам и т. д. Дела Поместного приказа распределены по городам.

Сибирский приказ сосредоточил управление Сибирью в XVII в. В отличие от архивов других приказов, многие дела которых погибли, документы Сибирского приказа сохранились относительно полно, являясь основным источником по истории народов Сибири и прилегающих к ней стран, а отчасти и по истории всей России. Дела Сибирского приказа начинаются с конца XVI в. и доведены до 1767 г. Особенно полно представлены столбцы, относящиеся к 1620—1717 гг. Среди них имеется громадное количество разнообразных документов: царских указов, воеводских отписок, челобитных и т. д. Кроме того, сохранилось 1648 книг с 1595 по 1765 г. Этот колоссальный материал описан в труде Н. И. Оглоблина. В столбцах Сибирского приказа имеется много материала по истории народов Сибири и Средней Азии. В этом отношении особый интерес представляют так называемые «посольские дела» о сношениях с Мунгалией (Монголией) и Калмыцкой землей, а также дела по сбору ясака.

Крупное значение для историка имеют и документы приказов с ограниченной сферой компетенции. Таким

был Каменный приказ, дела которого заключают в себе материалы по истории каменного строительства (приказ был учрежден в 1584 г.): устройству кирпичных заводов, составлению смет и планов на строительство, расчеты с каменщиками и др.

Для изучения военной истории России крупное значение имеют материалы Стрелецкого и Пушкарского приказов. О полках нового строя, возникших в XVII в., дают представление дела Рейтарского приказа, ведавшего конницей, организованной по новому типу.

Московский судный, Владимирский судный, Холопий и Челобитный приказы ведали гражданскими и уголовными делами. В числе материалов этих приказов имеются документы о сыске беглых крестьян и холопов, дела о кражах и разбоях, о наездах на вотчины и о насильственном захвате поместий и вотчин. Действовавший в 1619—1660 гг. Приказ сыскных дел рассматривал дела о холопах и земельных имуществах. В Разбойном приказе (упом. с 1556 г.) ведались сыскные дела по борьбе с уголовными преступлениями и губные учреждения. В 1688 г. он был преобразован в Сыскной приказ.

Крупное значение имел Малороссийский приказ (с 1662 г.), который во второй половине XVII в. ведал Левобережной Украиной. В его делах имеется переписка с гетманами и войском Запорожским, царские грамоты и другие акты, относящиеся к истории воссоединения Украины с Россией, известия о событиях в Польше, Крыму, Турции и т. д. Для управления вновь присоединенной Смоленской землей был создан новый Приказ княжества Смоленского (1673), сохранивший богатый архив.

Дела Монастырского (1649—1677) и патриарших приказов заключают в себе документы по истории церковных земель. Документы Монастырского приказа за время его существования в XVII в. (1649—1677) состоят главным образом из судебных дел. С бытовой стороны интересны дела патриарших приказов (Дворцового, Казенного и Судного) и дворцовых приказов, обслуживавших царское хозяйство. Книги и столбцы этих учреждений очень интересны для характеристики экономики и быта XVI—XVII вв.

Дела некоторых крупных приказов погибли. Такова участь документов Большого Прихода, ведавшего денежными делами, и Приказа Казанского дворца, известного с 1570 г., но возникшего вскоре после взятия Казани в 1552 г. По Котошихину, «в том приказе ведомо Казанское и Астраханское царство, и к ним Понизовые городы». Сохранились лишь незначительные документы из архива этого приказа, которые не дают полного представления о его деятельности.

Приказные документы в наиболее полном виде сохранились со второй четверти XVII в., так как Московский пожар 1626 г. уничтожил громадное количество документов более раннего времени.

Архивы провинциальных учреждений XVI—XVII вв. также имеют немаловажное значение для истории, так как в делах приказных изб и воеводских канцелярий сосредоточивалось местное управление. Наиболее ценный материал имеется в делах приказных изб больших городов (Новгорода, Астрахани и пр.). Такие избы назывались «палатами». Приказные избы были упразднены в 1715 г.

Землевладельческие акты сохранились по преимуществу в монастырских архивах. Каждый монастырь старался захватить побольше земельных имуществ. Крупнейшие русские монастыри, Троице-Сергиев, Кириллово-Белозерский и др., одновременно были и самыми влиятельными феодалами, обладавшими обширными землями, большим количеством сел и деревень. Уже с раннего времени права на владение земельным имуществом закреплялись на основании письменных документов с перечислением «послухов», свидетелей, присутствовавших при составлении документов и заключении сделки. Монастыри тщательно сохраняли документы, доказывавшие их права на землю. Грамоты хранились в монастырях в подлиннике, а во избежание их утери и для большего удобства пользования с них делались копии, «списки», из которых составлялись особые «копийные книги» (название XVIII в.).

Почти каждый монастырь имел такие книги, иногда в нескольких экземплярах. В Троице-Сергиевом монастыре, который имел самые большие владения во всей России, копийные книги составлялись уже с XV в.,

а от последующих столетий до нас дошло несколько таких книг. Аналогичные копиянные книги сохранились и в других монастырях, например в Макарьевском-Калязинском. В книги подмосковного Симонина монастыря занесены копии даже с грамот XIV в. Особенно большую ценность имеет сборник митрополичьих грамот, дошедший в трех списках XVI—XVII вв. В нем записаны древнейшие акты, в том числе уставная грамота митрополита Киприяна крестьянам Царево-Константиновского монастыря (см. гл. IX, § 4).

Грамоты, внесенные в копиянные книги, требуют особой проверки, потому что многие из них подвергались искажениям при переписке. Так, установлено, что некоторые древнейшие грамоты Троицкого монастыря подложны; монастырь составил их со специальной целью получить в свои руки пошрины, ему не принадлежавшие. В грамотах, внесенных в копиянные книги, иногда встречаются интерполяции (вставки в текст). Монастырь порой не брезговал внести в грамоту поправки и дополнения в пользу монастыря и тем самым заявлял свои права и на такие земли, которые монастырю никогда не принадлежали. В летописях имеются указания на участие монастырских властей в таких подделках. В конце XV в. архимандрит Чудова монастыря был бит кнутом за подделку грамоты умершего князя Андрея Вологодского.

Грамоты в монастырских архивах хранились в специальных ларях обычно весьма тщательно и более бережно в XVI—XVII вв., чем позже, когда монастыри уже не нуждались в старых документах, а невежественные настоятели нередко выбрасывали ценные исторические памятники или в лучшем случае продавали их «любителям».

Тем не менее ценнейший материал по экономической и общественной жизни России дают именно архивы монастырей. Среди них особенно надо отметить документы Троице-Сергиева, Иосифово-Волоколамского, Кириллово-Белозерского и Соловецкого монастырей с их хорошо налаженным хозяйством, находившимся в заведовании «посельских старцев» — монахов, управлявших монастырскими селами.

Значительно хуже сохранились дворянские архивы, дошедшие до нас в более или менее полном виде лишь от XVI—XVII столетий. От более ранних столетий остались только немногие грамоты, относящиеся к истории того или другого дворянского рода. Это по преимуществу документы, которые дворяне представляли в Разрядный приказ в качестве доказательства древнего происхождения их рода, чаще всего в позднейших копиях. Документы эти разного содержания, в том числе купчие и другие грамоты на земельные владения, которые сохранились при посредстве монастырских архивов; но имеются и документы на кормление и земельные пожалования дворянам за их службу. Такие документы, как правило, не поступали в монастыри.

В числе дворянских документов сохранились и жалованные грамоты рязанских, ярославских, тверских и других князей почти уникального характера. Такова грамота ярославского князя Александра Федоровича, данная им Александру Рудину в 1463 г. Она показывает, что иммунитет распространялся не только на церковные, но и на боярские земли. По грамоте, княжеские люди не въезжают в вотчины Рудина, «судит Александр свой люд сам». В грамоте на волость Лузу, данную в 1425 г. Ив. Гр. Раслу великим князем Василием Темным, дается повеление: «И вы, все люди тое волости, чтите их (кормленщиков) и слушайте, а они вас ведают, и судити и ходити велят у вас тиуном своим».

Дворянские грамоты — интересный источник, но требуют большой критической проверки, так как в них при представлении в Разряд и другие учреждения порой вносились позднейшие дополнения с целью возвысить тот или иной дворянский род.

Из дворянских архивов более позднего времени особенно ценны документы больших бояр XVII в., в особенности архив боярина Бориса Ивановича Морозова, дядьки царя Алексея Михайловича, одно время фактически правившего Российским государством (в 1645—1650 гг.). В его архиве сохранились хозяйственные документы и переписка по делам морозовских вотчин. В ней ярко выступает перед нами боль-

шой боярин в своей вотчине, не стесняющийся в выражениях. «И ты дурак,— пишет Морозов своему провинившемуся приказчику,— ни та, ни ся, пьяница ненадобный, бражник, все ходишь и прибыли не ищешь, пьянством и нерадением многую у меня ты казну пропил». Морозовский архив дает возможность изучать большую боярскую вотчину XVII в. и те новые явления, которые в ней зарождались в это время.

Ценнейшее значение имеет архив Строгановых. Документы «именитых людей» Строгановых занимают несколько обособленное место, потому что Строгановы в XVI—XVII вв. были не столько купцами и предпринимателями, сколько крупными феодалами. Интересны также документы купеческих архивов. Таковы записные книги актов на владения псковского купца Поганкина в Пскове, записные книжки новгородского купца Кошкина, документы крупного торгового дома Калмыковых в Москве и пр.

О бумагах Центрального государственного архива древних актов дают понятие «путеводители», в составлении которых принимали участие сотрудники архива, в особенности В. Н. Шумилов.

Помимо ЦГАДА, документы правительственных учреждений XVI—XVII столетий имеются в значительном количестве в больших музеях (Государственный исторический музей в Москве), в библиотеках (Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина в Москве, Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде) и в научных учреждениях. В частности, в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР хранятся обширные собрания астраханских и курмышских актов. Значительное количество документов сосредоточено в местных архивах РСФСР, в псковском, архангельском и т. д.

Л и т е р а т у р а

Центральный государственный архив древних актов (далее.— ЦГАДА). Путеводитель. Ч. 1. Под ред. С. К. Богоявленского. М., 1947.

ЦГАДА. Путеводитель. Ч. 2. Под ред. А. И. Яковлева. М., 1947.
В. Н. Шумилов. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР

периода феодализма XI—XVI вв. Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954.

История государственных учреждений России до Великой Октябрьской социалистической революции. (Краткий конспект лекционных курсов и методические указания для студентов заочного факультета Московского государственного историко-архивного института.) Вып. 1. Государственные учреждения в XVI—XVII вв. М., 1955.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. М., 1951; ч. 2. Подготовил к печати А. А. Зимин. М., 1956.

А. Юшков. Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898.

Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Ч. 1. Л., 1933; ч. 2. М.—Л., 1936.

А. А. Введенский. Торговый дом XVI—XVII веков. Л., 1924.

Книги псковитина посадского торгового человека Сергея Иванова сына Поганкина. Псков, 1870.

§ 2. ОСНОВНЫЕ ВИДЫ АКТОВ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ XVI—XVII вв.

В России названных столетий существовало большое количество актов разнообразного содержания. В правительственных учреждениях акты составлялись по определенному типу расположения материала или по особому формуляру, согласно выработанным практикой формулам.

В основном все виды актов России того времени можно разделить на акты правительственных учреждений и акты частного характера. Однако такое деление является условным, так как многие частные акты получали оформление и в правительственных учреждениях. Да и само понятие правительственного учреждения не вполне точно для указанного времени. Так, духовные грамоты иногда подтверждались митрополитами, хотя митрополичью канцелярию только условно можно отнести к правительственным учреждениям. Челобитные на имя царя составлялись в земских избах, где сосредоточивалось управление «посадской» общиной. Такие челобитные стоят на грани правительственных и частных учреждений и т. д.

Среди документов правительственных учреждений выделяются прежде всего царские «указы» (грамоты),

посылаемые от царя. Они начинаются царским титулованием и в конце имеют точную дату их составления («писан на Москве», такого-то числа, месяца и года). Обычное начало царских грамот: «От царя государя и великого князя» (далее следует царское имя и титул).

Донесения воевод носили название «отписок». Их формуляр сложился прочно в XVII в. Отписка начиналась обращением к царю от таких-то лиц (идет их перечисление) с кратким изложением содержания ранее полученного царского указа и с сообщением о событиях. Отписки не имеют даты, которая устанавливается косвенно по содержанию документа и по последней содержащейся в нем дате («и февраля в 15 день же, государь, привели к нам в съезжую избу»). В случае отсутствия в документе такой даты для условной датировки берут запись о времени доставки документа в приказ, что обозначалось на обороте отписки, например: «152-го (1644 г.) июня в 27 день с терским сотником стрелецким с Федором Беловым». В случае, если отписка читалась боярской думе и царю, на ее обороте ставилось обозначение — «государю чтена и бояром». Иногда приводилось и постановление боярской думы: «Государь и бояре приговорили» (следует краткий текст постановления). Обычное начало отписок такое: «Царю государю и великому князю».

Среди других приказных документов выделяются памяти и наказы. Память представляла собой памятную записку или отношение из приказа в приказ, от воеводы к воеводе и т. д. Она обычно начиналась обозначением: «Память» (далее показан адресат). Наказ представлял собой инструкцию воеводам или другим должностным лицам, поручение выборным от выборщиков и т. д.

Дипломатические сношения с другими странами нашли отражение в договорах и статейных списках. Очень разнообразны также различного рода челобитные, поступавшие в приказы и другие правительственные учреждения. Эти челобитные начинались словами: «Царю государю и великому князю» (сравни с отписками), и кончались словами: «Государь, смилуйся, пожалуй».

§ 3. ПРИГОВОРНЫЕ СПИСКИ ЗЕМСКИХ СОБОРОВ

Сословно-представительные учреждения, земские соборы, занимали видное место в государственной деятельности России XVI—XVII вв. К сожалению, документы земских соборов сохранились неполно, так как самодержавие не было заинтересовано в укреплении органа сословного представительства. Тем не менее до нашего времени дошли постановления, или «приговорные списки», нескольких земских соборов, а также некоторые другие документы.

Древнейший приговорный список сохранился от земского собора 1566 г., собранного для решения вопроса о продолжении Ливонской войны. Он дает представление о формуляре и более поздних документов такого же рода. Список включает в себе перечисление членов собора, созданных «повелением» государя, вопросов, заданных им, и ответов. Таким образом, список дает понятие о сословном делении русского общества XVI—XVII вв.

Духовенство во главе с митрополитом, позже патриархом, составляло первую часть собора, или так называемый «освященный собор». В него входили епископы, архимандриты и игумены больших монастырей, некоторые монахи-«старцы», почему-либо особо почитаемые при царском дворе. «Освященный собор» отдельно от других участников собора получал от правительства вопросы и давал на них ответы. Вторую группу участников земского собора составляли боярская дума: бояре, окольничие и думные дьяки. В третью группу входили земские представители из числа дворян и детей боярских. На соборе 1566 г. они составили две «статьи», а Луцкие и Торопецкие помещики были выделены особо как представители порубежных уездов. Отдельно подавали свои мнения приказные дьяки и купцы («гости и купцы»). Каждая группа участников земского собора подавала свои мнения особо. Под списком имеются подписи участников собора, впрочем, далеко не всех.

Наиболее важными историческими источниками последующего времени являются приговорные грамоты

двух избирательных соборов: собора 1598 г., избравшего на царство Бориса Годунова, и собора 1613 г., избравшего царем Михаила Романова. Из постановлений более поздних земских соборов особенно ценны акты собора 1648 г. об Азове, «Уложенного» собора 1648 г. (см. гл. XI, § 3) и собора 1653 г. о воссоединении Украины с Россией.

Избирательные грамоты земских соборов — это документы сугубо официальные. Они носят на себе черты долгой и внимательной редакторской работы, но и в этом случае не теряют значения ценных исторических источников, показывая официальную версию о причинах избрания на царство данного кандидата. Грамота об избрании на царство Бориса Годунова всячески подчеркивает, что он якобы был избран по прошению «все-народного бесчисленного множества всея великия Россия». При этом особо отмечается благословение, данное Борису его сестрой, царицей Ириной Федоровной, в иночестве Александрой, как наследницей ее мужа, царя Феодора Ивановича, и законной государыней. Дьяки, составлявшие приговорную грамоту об избрании царя Бориса, впрочем, перестарались и не упомянули о свойстве его с царем Феодором Ивановичем, что только и создавало видимость прав Бориса Годунова на престол.

Избирательная грамота земского собора 1613 г. включает в себе полный обзор событий от смерти царя Феодора Ивановича до избрания Михаила Романова. Этому предшествует краткое изложение истории династии Рюрика, который якобы происходил «от прекраснорослого и пресветлаго корени Августа кесаря, обладающего всею вселенною». Грамота обосновывает права Михаила Романова на престол тем, что он был племянником по матери последнего царя Феодора Ивановича.

Если в избирательных грамотах мы имеем выражение официальной точки зрения на события, то в актах земских соборов, собранных по другим мотивам, встречается выражение взглядов участников соборов.

В этом отношении особенно интересен приговорный список собора 1642 г., созванного для решения вопроса об Азове. Эта важная крепость в устье Дона была взята казаками, и собор должен был решить

вопрос, вести ли войну с Турцией или нет. На соборе выяснилось оппозиционное настроение дворян и посадских людей, указывавших на необходимость реформ в управлении. Дворяне и дети боярские разных городов заканчивают свои «сказки» энергичным заявлением: «Разорены мы, холопи твои, пуще крымских и турских бусурманов московскою волокитою и от неправд и от неправедных судов».

Сохранившиеся акты земских соборов не дают полного представления о ходе их заседаний и о всех лицах, принимавших в них участие. Так, собор 1653 г. по вопросу о присоединении Украины к России заседал с 20 мая по 1 октября, причем черновая запись соборного списка была составлена уже 25 мая, после чего в заседаниях собора наступил большой перерыв.

Кроме приговорных списков сохранились и документы, относящиеся к созыву земских соборов. Они вскрывают перед нами избирательную борьбу, принимавшую, например, при выборах на собор 1648 г. резко классовый характер, борьбу между «большими» и «меньшими» людьми. Документы земского собора 1650 г. дают понятие о деятельности соборной делегации, посланной в Псков для переговоров с восставшими псковичами.

Помимо земских соборов с представительством от дворян и посадских людей собирались так называемые неполные земские соборы, или совещания, состоявшие из боярской думы, освященного собора и дворянства. Таков, например, был собор 1550 г. о порядке старшинства воевод разных полков, «где быти на цереви и великого князя бояром и воеводам по полком».

Отмена местничества в 1682 г. была обставлена также собранием освященного собора, боярской думы и выборных от дворян и детей боярских. Совещание постановило: «А быть полатным и всяких чинов ратным людям у ратных и у посольских и у всяких дел без мест».

Л и т е р а т у р а

Памятники русского права. Под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 5. М., 1959.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной комиссии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813; ч. 2. М., 1819; ч. 3. М., 1822; ч. 4. М., 1828.

М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI века.—«Вопросы истории» № 5, 1958.

А. И. Козаченко. Земской собор 1653 года.—«Вопросы истории» № 5, 1957.

Документы земского собора 1650 г.—«Исторический архив» № 5, 6, 1958.

§ 4. ТАМОЖЕННЫЕ, УСТАВНЫЕ И ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ

Обильный материал по социально-экономической истории заключен в таможенных, уставных и жалованных грамотах. Впрочем, различие между уставной и жалованной грамотой чисто условное, так как и уставные грамоты являлись пожалованием, но только с более полным обозначением внутреннего устройства пожалованного села или города, заменяя в некоторых случаях таможенные грамоты.

Таможенные грамоты устанавливали торговые порядки в различных городах России. Можно с уверенностью утверждать, что такие грамоты имели почти все более или менее значительные русские города XV—XVII вв., хотя количество сохранившихся до нашего времени таможенных грамот сравнительно невелико.

Древнейшей из дошедших до нас таможенных грамот является Белозерская грамота 1497 г., составленная в связи с тем, что пошлины на Белоозере были отданы на откуп. С белозерцев предлагалось брать «со всякого товару» по одной деньге с рубля (деньга — полкопейки), пошлины с меда, с рыбы, соли и т. д. Белозерская таможенная грамота, как и другие подобные же грамоты, позволяет установить размеры рыночной торговли и цены на товары. Для мясных продуктов эквивалентом на Белоозере служил, например, «стяг мяса» — мясная туша. К ней приравнивались 20 гусей или 30 поросят, 30 утят, 10 баранов, 30 сыров, 20 зайцев. Откупщики получали право брать пошлины со всех людей, даже с дворцовых крестьян, «без оминки, чей бы кто ни был».

По своему типу уставные грамоты примыкают к таможенным. В силу этого в некоторых таможенных

грамотах встречаем прямую ссылку на уставные грамоты, как это сделано в Холмогорской таможенной грамоте 1588 г. В уставных грамотах устанавливаются повинности жителей и те пошлины, которые они обязаны платить. Древнейшая сохранившаяся уставная грамота дана митрополитом Киприаном Царево-Константиновскому монастырю во Владимирском крае в 1391 г. Основанием для выдачи этой грамоты явились жалобы крестьян на игумена, который стал вводить новые порядки в монастырской вотчине, отягощавшие крестьян: «Наряжает нам, господине, дело не по пошлине, чего, господине, при первых игуменах не бывало». Уставная грамота Киприана по своему значению — источник уникальный. Она дает обильный материал для экономической истории северо-восточной Руси. В ней так перечисляются повинности крестьян: «Большим людям из монастырских сел церковь наряжати, монастырь и двор тынити, хоромы ставить, игуменов жеребей весь ролюи орать взгоном, и сеяти и пожати и свести, сено косити десятинами и в двор ввезти, езбити и вешней и зимней, сады оплетать, на невод ходити, пруды прудить, на бобры им в осенине пойти, а истоки им забивати».

В уставной грамоте Соловецкого монастыря, данной игуменом Филиппом крестьянам Сумской волости в 1564 г., устанавливается «указ о всяких розрубех и о тяглых», потому что среди крестьян в связи с разверсткой повинностей и пошлин «смущенье живет великое». Игумен для раскладки повинностей учреждает выборную комиссию из восьми человек. Эти люди должны устанавливать размеры повинностей и податей «в божью правду, кого чем пригоже, кто чего достоин» (по достаткам). Уставные грамоты выдавались не только церковными властями, но и царями для волостей, населенных черными и дворовыми крестьянами.

Особым видом уставных грамот являются губные грамоты, появление которых было связано с реформой местного управления в середине XVI в. В таких грамотах, как, например, в губной грамоте, данной Соли Галицкой в 1540 г., устанавливается, чтобы усольцы «сами всем городом имали разбойников и их наказы-

вали». В губном наказе 1549 г., данном селам Кириллова-Белозерского монастыря, учреждаются выборные головы из детей боярских вместе с целовальниками из крестьян для борьбы с разбойничеством и кражами: «А которых разбойников ведомых поймаете и обыскав их казнити, тех разбойников и татей животы и статьи отдавали бы естя тем людям, которых разобьют и покрадут».

Для истории землевладения и феодальных порядков в России большое значение имеют **жалованные не-судимые грамоты**.

В таких грамотах монастырям и феодалам подтверждаются особые права в принадлежавших им вотчинах. Каждый феодал старался заполучить подобную грамоту, чтобы жить «в тарханех». Таким заимствованным тюрским словом обозначали феодальные права, освобождавшие вотчины от княжеских податей и повинностей. Жалованные грамоты XIV—XVII вв. имеют крупное значение как исторический источник. В них рисуются феодальные порядки земельных вотчин северо-восточной Руси, пользовавшихся иммунитетом. Это документы очень распространенные. Они давались не только крупным феодалам и монастырям, но и отдельным волостям, селам и слободкам. Таковы грамоты рыболовам в Переяславле Залесском, бобровникам в Дмитровском уезде и т. д. Жалованные грамоты передавали в руки пожалованных иммунитетные права в их вотчинах обычно с оговоркой об изъятии дел об убийствах («опроче душегубства») и кражах с поличным (когда украденная вещь оказывалась «на лицо» у вора) из судебной компетенции феодала. Разбирательство таких дел производили княжеские люди. Крестьяне освобождались от подводной повинности и платежа торговых пошлин: «Ни к дворским, ни к сотским не тянут, ни в какие проторы ни в розметы». Фактически это освобождение от княжеских податей обозначало не освобождение самих крестьян от повинностей, а передачу их под власть феодала-вотчинника. Крупные феодалы, в особенности монастыри, получив такие права, делались феодальными властями над населением своих вотчин. Крестьян судили тиуны и слуги феодала, а в случае споров с крестья-

нами, жившими вне вотчины, находившейся в тарханах, создавался особый «сместный суд» из представителей заинтересованных сторон.

Таможенные, уставные, губные и жалованные грамоты должны быть причислены к важнейшим источникам по истории России.

Л и т е р а т у р а

Акты археографической экспедиции. Т. 1—4. Спб., 1836 (в этом издании особенно полно представлены разнообразные уставные и другие грамоты).

Акты исторические. Т. 1—5. Спб., 1841; т. 4—5, 1842.

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1. М., 1952; т. 2. М., 1958.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. 1. М., 1951; ч. 2. М., 1956; ч. 3. М., 1961.

§ 5. СТАТЕЙНЫЕ СПИСКИ (ПОСОЛЬСКИЕ КНИГИ)

Ценный исторический материал представляют собой книги и столбцы Посольского приказа. В Посольские книги, или Статейные списки, вносились различные материалы, относящиеся к дипломатическим отношениям России с той или другой страной. **Статейные списки** заключают в себе отчеты о посольствах из России в другие страны, а также сведения о приемах посольств в Москве. Один из древнейших статейных списков относится к 1493 г. В нем говорится о приеме посла от князя Конрада Мазовецкого и об отправлении русского посольства в Мазовию. В статейный список внесены грамоты Конрада и Ивана III, а также памяти московским послам, как надо себя держать и что говорить при дворе Конрада. Такой же характер имеют статейные списки за более позднее время. В них обычно находим наказ послам и отчет о посольстве.

В наказах предусматривалось, как должны отвечать послы на возможные вопросы. Так, в наказе боярину Федору Ивановичу Умнову-Колычеву, посланному в 1567 г. к польскому королю Сигизмунду-Августу, дан такой наказ для ответа об опричнине: «А нечто вспросят боярина Федора Ивановича с товарищи: Пре-

же сего государь, ваш царь и великий князь, куды был с Москвы поехал и опалу свою на многих людей чего для клал, и боярину Федору Ивановичю с товарищи молвити: «Государь наш царь и великий князь, прежде сего был в Слободе и положил был опалу свою на своих бояр и дворян, которые ему, государю, изменные, великие дела делали, и тех за их великие измены велел казнити». На вопрос о князе Владимире Андреевиче Старицком и его матери Евфросинии надо было отвечать: «Государь... вины их великие им отдал, а для тех вин бояр его и дьяков у князя Володимера отвел, потому что они в той же думе были» и пр.

Статейные списки и другие документы Посольского приказа стоят на одном из первых мест среди исторических источников XVI—XVII вв. Эти документы важны не только для истории России, но и для истории ряда стран. Так, крымские дела, сохранившиеся с пропусками с конца XV в., являются важнейшими источниками по истории Крыма. В их состав входят не только донесения послов из Крыма, но и переводы грамот и писем крымских ханов, полученные в Москве или перехваченные московским правительством. Между тем Крым был центром многих исторических интриг XVI—XVII вв. Ногайские дела дают наиболее полные сведения о Ногайской Орде. Без этих документов история Ногайской Орды не могла бы получить должного освещения. Не менее важны польские, турецкие, персидские, бухарские, английские, голландские и другие дела.

Послам в чужие страны давались и разведывательные поручения. Поэтому многие дела Посольского приказа содержат интересные донесения о событиях в других странах. В этом отношении большую ценность представляют, например, статейные списки посольств в Турцию, содержащие сообщения о положении на Средиземном море и о войнах турок в центральной Европе в XVI столетии.

В статейном списке посольства в Англию Григория Ивановича Микулина 1600 г. имеется рассказ о деле графа Эссекса. На вопрос Микулина, «что у вас такая смута учинилась в земли, для чего», приставленные к посольству англичане ответили подробным рассказом.

Эссекс назван в рассказе великим ближним человеком, вотчинным князем, боярином, конюшим, эрлом. Эссекс «понадеялся-де на то, что за него станут Лунские (лондонские) посадские люди, потому что... везде ославился великим богатырством, и разумом, и счастьем, и за то его всю Англинскую землю добре любили». Под 17 февраля Микулин записывает о суде над Эссексом, а 24-го — о его казни: «И после его по нем в Лунде было великое сетование и плачь великой во всех людех».

В статейных списках встречаем описания приемов послов и записи об их переговорах в Москве. В составе архивных материалов Посольского приказа сохранились и подлинные грамоты иностранных государей (польского короля, турецкого султана и т. д.). Нередко подобные грамоты написаны на пергамене и украшены заставками. В грамоте польского короля Сигизмунда-Августа 1601 г. царский и королевский титулы написаны золотом.

Крупнейшее значение как исторический источник имеют договоры России с соседними державами. В них устанавливаются границы и условия, на которых был заключен мирный трактат. Обозначения «рубежей» между Россией и Речью Посполитой дают ценный материал для исторической географии.

В Посольском приказе иногда ведались и некоторые внутренние дела большой важности, связанные с нанесением оскорблений иностранным послам. В шведских делах имеется связка о новгородском восстании 1650 г. Делопроизводство о псковском восстании того же года велось также в Посольском приказе. Посольский приказ, кроме того, ведал делами Донского казачьего войска.

Наиболее полно сохранились дела по сношению с Польшей начиная с 1431 г., с Францией — с 1595 г., с Швецией — с 1513 г., с Пруссией — с 1516 г., с папским престолом в Риме — с 1485 г., с Данией — с 1516 г., с Венгрией — с 1485 г., с Англией — с 1556 г., с Австрией — с 1488 г. и т. д.

Особенно большую ценность представляют дела по сношению России с Турцией с 1496 г. (3348 единиц хранения) и с Персией с 1588 г., так как они дают возмож-

ность ближе ознакомиться с историей этих стран, архивы которых сохранились неполно. Греческие дела включают уникальные материалы по истории балканских стран, которые в это время находились под владычеством Турции. Китайские (с 1619 г.) и мунгальские, или монгольские, дела (с 1608 г.) дают материал для истории сношений России с Китаем и с Монголией.

Л и т е р а т у р а

ЦГАДА. Путеводитель. Ч. 1. М., 1946. В «Путеводителе» дана основная библиография опубликованных документов Посольского приказа.

Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). 4 части. 1894—1902.

Сборник Русского исторического общества (далее — «сб. РИО»). Т. 35. СПб., 1882. — «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польшею» (с 1487 по 1533 год); т. 38. СПб., 1883. — «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею» (с 1581 по 1604 год); т. 41. СПб., 1884. — «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией» (с 1474 по 1505 год); т. 53. СПб., 1887. — «Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии» (с 1516 по 1520 год); т. 71. СПб., 1892. — «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством» (с 1560 по 1571 год).

Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1958.

Армяно-русские отношения в XVII веке. Ереван, 1953.

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке, М.—Л., 1960.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (с 1488). Т. 1—10. СПб., 1851—1871.

§ 6. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА О ВОССТАНИЯХ И ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Среди приказных документов XVI—XVII вв. выделяются материалы по истории народных восстаний и выступлений отдельных лиц против правительства. Значение таких материалов колоссально, так как они дают возможность изучать народные движения, потрясавшие основы российского самодержавия, и ожесточенную классовую борьбу в гущах русского общества.

Нет никакого сомнения, что следственные дела о восстаниях и выступлениях против правительства

производились уже в XVI столетии, как показывают сохранившиеся отрывки дел о Берсене Беклемишеве, о Максиме Греке, о Матвее Башкине и т. д., но таких документов от XVI в. сохранилось немного. Наиболее полным является так называемый Углицкий столбец, заключающий следствие об убийстве царевича Дмитрия в 1591 г. В Углицком деле имеются допросы очевидцев о смерти царевича и возникших в Угличе народных волнениях, которые привели к жестоким правительственным репрессиям.

Обширные следственные дела сохранились от XVII в., включая колоссальный материал по истории народных движений и классовой борьбы в России. К числу таких дел принадлежат дела о восстаниях в разных городах России в 1648—1650 гг.: в Устюге, Соль-Вычегодске, в Воронеже, Курске. Особенной полнотой отличаются дела о восстаниях в Новгороде и Пскове в 1650 г., которые составлялись в Посольском приказе, поскольку эти города считались порубежными.

К более позднему времени относятся бумаги о московском восстании 1662 г., известном под названием «Медного бунта», о восстании под водительством Степана Разина, о Соловецком бунте 1666 г., о стрелецких восстаниях конца XVII в. Кроме того, сохранилось большое количество дел по отдельным, более мелким выступлениям крестьян, посадских людей и стрельцов в разных городах и уездах. Количество таких дел довольно значительно и до сих пор полностью не приведено в известность.

Следственные дела включают в себя царские грамоты, отписки воевод из городов, приказные памяти и доклады, а также расспросные речи.

Из всех этих документов наибольшее историческое значение имеют **расспросные речи**. Они представляют собой протоколы допросов, учиняемых участникам или просто свидетелям восстаний. И в том и в другом случае это материал очень своеобразный, порой носящий яркие черты индивидуальности допрашиваемого лица. Например, есаул Андрей Осипов так пишет о своем участии в восстании Разина: «Ясаул Андрюшка Осипов в роспросе сказался: Саранского уезду,

новокрещена Лаврентьев крестьянин Сафарова. Тому недели з 2 присылал под Саранск вор Стенька Разин донской казак, а как его зовут того не ведает, и взял де город Саранской приступом и воеводу Матвея Вельяминова убил, и которые жищецкие люди служили великому государю, и тех побил. А были де в то время с тем вором и город взяли синбирские и Синбирской черты казаки и стрельцы. И саранских тюремных сидельцев, взяв город, ропустили. А в Саранску де остался тот воровской донской казак, а от себя послал тюремного сидельца Федьку Сидорова и велел де ему быть атаманом. И он де, едучи из Саранска, по дороге сбирал вольницу в казаки. И он де, Андрюшка, с товарищи своими, собрався человек з 200, пошли с ним вором и выбрали де ево, Андрюшку, товарищи есаулом».

Допрос нередко сопровождался пыткой, и в этом случае протокол носил название «расспросных и пыточных речей». Протоколы допросов обычно лежали в основе сведений, сообщаемых в Москву воеводскими отписками, но подвергались соответствующей обработке: дополнениям, сокращениям, сгущению или смягчению деталей. Поэтому воеводские отписки передают расспросные речи уже со значительными изменениями. Еще большим искажениям первоначальные сообщения, взятые из расспросных речей, подвергались в царских грамотах, документах, требующих тщательной критической проверки. При этом не следует забывать об особой официальной терминологии, которая вводилась для обозначения выступлений против царизма. Такие выступления обозначались словом «воровство», а участники их — «ворами», «воровскими людьми». Имена участников восстания, как правило, передаются также в уменьшительном виде: Стенька вместо Степан, Гаврилка вместо Гаврило и т. д.

С внешней стороны приказные документы о восстаниях нередко подкупают своей предполагаемой непосредственностью, хотя именно эти документы и требуют особой проверки. При сравнении воззваний, или «прелестных писем», Степана Разина с указами царя Алексея, относящимися к тому же времени, мы ясно видим, как велики различия в освещении одних и тех

же событий. Царские указы извращают цели и намерения восставших. В отписках воевод встречается заведомая ложь и неверное освещение дела. Воеводы приписывают своим врагам всевозможные преступления и, наоборот, замалчивают свой произвол и т. п. Иногда действительность в приказных документах крайне затемнена различного рода побочными подробностями. В этом смысле любопытна отписка новгородского митрополита Никона, написанная им в период восстания в Новгороде в 1650 г. Отписка с виду поражает искренностью и какой-то особой теплотой изложения. Никон обращается ко всему царскому семейству, сообщая, что он сам, избитый новгородцами, лежит больной и ждет смерти. Никон пишет о видениях, которые он будто бы видел в Софийском соборе незадолго до нападения на него новгородцев. При переходе к рассказу о видении тотчас же меняется и весь стиль изложения. Митрополит говорит уже словами церковных сочинений, вспоминает об иконе «Златая риза», присланной от Мануила, царя греческого. Перед ней он молился накануне того дня, когда был избит восставшими новгородцами. Перед нами хитро и ловко составленное сочинение, которое должно было повлиять на царское семейство во главе с суеверной царицей и царевнами, вызвать их сострадание к Никону, как к мученику.

Состав следственных дел по выступлениям отдельных лиц против царской власти почти однороден с документами о восстаниях, естественно, различаясь только размерами. Особенно частыми были дела о непригожих речах о государе или об его семействе, а также обвинения в замыслах и колдовстве против царя. Нередко такие дела оказывались ложными, так как «слово и дело государево» объявляли по злобе, в пьяном виде и т. п. Иногда люди, долгое время сидевшие в тюрьме без следствия, заявляли «слово», чтобы их отослали в Москву, где они надеялись найти управу. Порой с такими заявлениями выступали даже против воевод. В этом случае воевода обязан был отдать ключи от города своим помощникам и ждать решения из Москвы, где обязательно рассматривались все дела, касающиеся государственной чести и жизни. Это-то собственно и побуждало заявлять «слово государево».

Ложное челобитие наказывалось торговой казнью — битьем кнутом на торговой площади, но в иных случаях даже такое тяжкое наказание было все-таки лучше медленной и мучительной смерти в воеводской тюрьме.

Среди различных дел о непригожих речах встречаются любопытные материалы по истории классовой борьбы, по истории быта и т. д. даже в том случае, если такие обвинения были ложными. Так, в первой половине XVII в. особенно были распространены дела о выступлениях в пользу самозванцев. Достаточно было сказать «здрав буди царь Дмитрий Иванович», чтобы попасть в тюрьму и под битье кнутом.

Царские власти зорко и придирчиво относились ко всяким разговорам о царском семействе. Некая женщина, например, рассуждала о причинах того, почему у царя Михаила Феодоровича родятся все дочери, а не сыновья. По мнению такой компетентной особы, это было следствием поздней царской женитьбы, потому что если к корове рано припускать быка, то родятся бычки, а если поздно, то телки.

С особенно пристальным вниманием царские власти относились к делам о колдовстве, которыми занимались «богомерзкие бабы». Ранний образчик следственного дела о таких бабах имеем в деле великой княгини Соломонии, первой жены Василия III, которая для «чадородия» обращалась к услугам какой-то безносой черницы. Как известно, Соломония была разведена с великим князем и пострижена в монастырь.

Дела о непригожих речах обычно начинаются доносом, изветом, или изветной челобитной. В ней доносчик излагает суть обвинения, после чего следуют расспросные речи обвиняемого и заключение царских властей.

Особый раздел следственных дел о выступлениях против царской власти представляют дела церковные, которые в XVI—XVII вв. приравнялись к политическим. Во второй половине XVII в. получили распространение дела о преследовании раскольников и сектантов. Дело Квирина Кульмана, сожженного в Москве на костре, вводит нас в этот страшный отдел церковного и самодержавного мракобесия.

Л и т е р а т у р а

- Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. 1666—июнь 1670 г. М., 1954; т. 2. Август 1670—январь 1671 г. Ч. 1. М., 1957; ч. 2. М., 1959.
- Городские восстания в Московском государстве XVII века. Сборник документов. Составитель К. В. Базилевич. М.—Л., 1936 [документы о восстании в Москве и городах в 1648 г.].
- К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов. М., 1817 [в книге помещены материалы о восстании в Пскове в 1650 г.].
- Е. В. Чистякова. Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII века.—«Археографический ежегодник за 1958 г.». М., 1960.

§ 7. КАБАЛЬНЫЕ И ЗАЕМНЫЕ ЗАПИСИ, ПОРУЧНЫЕ, РЯДНЫЕ

Для социальной истории России особый интерес представляют акты, связанные с положением холопов, крестьян и ремесленников.

Запись в холопы производилась по служилым кабалам. В них указывали имя свободного человека, вступившего в холопство, и причины его похолопливания: «То... люди волные царя и великого князя, емлют, господине, у меня три рубли денег, и в тех, господине, денгах, даются мне на ключ в мое село Демидово, а по ключу, господине, даются мне и в холопы».

Служилая кабала устанавливала срочное холопство, обусловленное обязанностью служить «за рост» (за проценты на занятые деньги). Вступавший в холопство обязывался «служити у государя своего по вся дни во дворе». Нередко сделка была фиктивной; холоп заранее знал, что не будет в состоянии заплатить деньги по окончании срока, «по сроце», следовательно, заведомо шел в пожизненную кабалу. В Москве кабалы выдавались в Холопьем приказе, а в провинции — в присутствии воевод и губных старост. Известны «Новгородские кабальные книги», дошедшие в составе быв. архива Новгородского уездного суда. В них вносились копии выданных кабал. При всем своем однообразии материал кабальных книг имеет крупное значение для социальной истории России. В кабалах обычно указываются приметы нового холопа. Напри-

мер, в кабальной книге 1595 г. читаем: «Лета 7103-го августа в 27 день пришел перед губных старост перед Костянтина Загоскина да перед Третьяка Лутовинина Сидор Григорьев сын, а сказал: бьет челом в службе Ивану Аристову сыну Лупандену. А в кабали его пишет: се яз Сидор Григорьев сын, лицом бел, а волосом рус, а очи серы, усом обнимаетца, возрастом средней человек, занял есми у Ивана у Аристова сына Лупандена у Меньшого пять рублей московских денег августа от двадесят седмого числа до августа же до двадесят седмого числа на год, а за рост мне Сидору у государя своего у Ивана служить по вся дни во дворе; а полягут денги по сроце, и мне Сидору по тому же росту служить у государя своего у Ивана по вся дни во дворе».

Отпускная грамота выдавалась холопам при выходе их на свободу. Обычно оговаривалось, что после смерти владельца до бывшего холопа «никому роду моему и племяни дела нет». Князья и бояре в XVI столетии нередко отпускали на свободу холопов вместе с их детьми по завещанию, что отражает определенный этап в положении зависимого населения в России.

Для общественной экономической истории ценный материал дают заемные, закладные кабалы и порядные записи.

Порядные записи — это различного рода договоры на поставку каких-либо предметов или на выполнение работ. В крестьянских порядных обычно устанавливались обязанности крестьянина, садившегося на земле феодала. Образцом такой порядной может служить акт 1628 г.: «Се яз Гаврила Михайлов сын прозвище Богдан, плотник Пудожанин, порядился есми у пречистые богородицы Тифина монастыря у игумена Васьяна и у всей братии Тифина монастыря: жити мне Гавриле у пречистые богородицы на Тифине посадe с посадскими людьми, и тягло посадское и монастырское сделье всякое делати»... и т. д. Порядные на житье заключали не только крестьяне, но и бобыли, церковные дьячки, дворники и т. д. Порядные составлялись на строительство церквей, на выучку ученика какому-либо мастерству и пр. К такому же типу документов принадлежат ссудные и жилые кабалы.

Заемные и закладные составлялись на деньги, на движимое и недвижимое имущество, даваемое взаем или оставляемое в закладе. Иногда заемная кабала сочеталась со служилой. Заемные и закладные кабалы дают материал для истории закабаления сельского и городского населения Российского государства.

В XVI—XVII вв. широко были распространены поручные записи. Поручительства иногда считались непременным условием для вступления того или иного человека в число ремесленников, дворников, «детенышей» при монастырях. Поручители ручались за доброе поведение рекомендованного человека с обязательством платить пеню, «буде он за нашу порукою не станет... жить, или каким бездельем промыслять, или сбежит».

Любопытными подробностями отличаются «рядные» о приданом. Особый интерес имеют рядные крестьян и посадских людей, дошедшие до нас от XVII в. Марко, крестьянин Прилуцкого монастыря в Вологде, «сговорился» (1612 г.) о приданом с Епистимией Окинфиевой дочерью, «прозвище Милава». Он получал за ней в приданое двор и землю «с насяною рожью, да сухого хлеба ржи и овса и ячменя сорок четвертей». Милава была вдовой и имела пять детей (один сын и четыре дочери). Рядная тщательно перечисляет все имущество Милавы, в том числе платья и верхнюю одежду — «шушун теплой ношен», «две шапки женских камчатых» и пр. В рядной отмечена и возможность отказа Марка вступить в брак после Пасхи «нынешняго» 1612 г., за что жених обязывался заплатить 10 рублей.

Л и т е р а т у р а

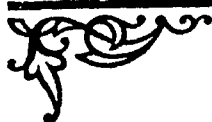
Типы различных русских актов XIV—XVII вв. приведены в изданиях: Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Спб., 1838.

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. 1. Спб., 1857; т. 2. Спб., 1864; т. 3. Спб., 1884.

А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. По архивным документам холопского и посольского приказов оружейной палаты и разряда. Т. 1. М.— Л., 1943.

Новгородские записные кабальные книги 100—104 и 111 годов. Под ред. А. И. Яковлева. М.— Л., 1938.

ПИСЦОВЫЕ, ТАМОЖЕННЫЕ, РАЗРЯДНЫЕ И ДРУГИЕ КНИГИ

§ 1. ПИСЦОВЫЕ И ПЕРЕПИСНЫЕ КНИГИ

Важнейшими источниками по истории России XVI—XVII вв. являются писцовые, переписные и межевые книги. Писцовые книги составлялись на местах «писцами», присланными из центра. Обычно описание охватывало город с прилегающим к нему уездом. В описание включались сведения о городе, его укреплениях, церквях и монастырях, лавках, улицах, городском населении по улицам и слободам, о городских землях и водах. Уезд описывался по станам и волостям, а в их пределах указывались села и деревни одних и тех же владельцев, причем отдельно составлялись описания вотчинных, поместных, черных и церковных земель. Писцовые книги имели значение основного документа для податного обложения.

Приехав в местность, подлежащую описанию, писцы созывали жителей и отбирали от них показания о селениях, которые надлежало описать в писцовых книгах. В писцовой книге обычно указывается название села, кому оно принадлежит и на каких правах (вотчинных или поместных). Далее следует описание церкви с ее инвентарем или без него, дворов церковного притча и «боярского двора», иногда с указанием на хоромы, сад и усадьбу. Затем идет перечисление крестьянских «живущих» и пустых дворов. После описания села следуют описания деревень, починок и пустошей, относящихся к данному селу, и сообщается о количестве и качестве земли, иногда с особыми отметками о рыбных и лесных угодьях. В конце подводится цифровой

итог количества дворов, «четей» земли худой, средней и доброй. В зависимости от характера писцовых книг данные порой уточнялись: указывалась, например, архитектура церковных построек — «церковь деревяна верх» (шатровая) или «на каменное дело» (по образцу каменной церкви), сообщались сведения о том, какая именно рыба водится в названном озере, и т. д. Эти дополнительные сведения иногда очень интересны для экономической истории.

Наиболее древние из сохранившихся писцовых книг восходят к концу XV в. Это новгородские писцовые книги, составленные вскоре после присоединения Великого Новгорода к Москве. Писцовая книга Вотской пятины 1499—1500 гг. имеет такое заглавие, дающее понятие об ее содержании: «Книги Воцкие пятины писма Дмитрея Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Моклокова лета семь тысяч осмаго. А в них писаны пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни великого князя и за бояры и за детми боярскими и за служилыми людьми, за помещтыки и своеземцовы, и купецкие деревни и владычни и монастырские деревни и сохи по Новгородскому. А в сохе по три обжы. А на пригороды, на посадки и на великого князя волости и на села и на деревни кладен великого князя оброк рубли и полтинами и гривнами и денгами новгородскими в новгородское число». В описании указывается старый владелец, которому принадлежала волость до падения Новгорода, и старые доходы, шедшие в его пользу.

О характере описаний, помещенных в Новгородских писцовых книгах, может дать понятие выписка из книги Деревской пятины 1495 г.: «Волость, великого князя Березовець Марьфинская Исаковы на Селигере озере, что была за князем за Иваном. На Городище церковь Рождество Пречистые, да двор болшой. На посаде на церковной земле: двор поп Ивоня, двор дьяк Олешко, двор сторож церковной Калинка. А у Спаса в монастыре игумен, да на монастырской земле двор дьяк Минка, двор Бориско, двор сторожь Якушь. А тяглых людей на посаде: двор Ивашко Левонов, сын его Захарко и т. д. (всего 44 двора). На Шеберехе двор Овдейко Мосейков, двор Еустратик

1

FLICKER

[illegible]

Новгородская писцовая книга конца XV в.

Лукин. Сеют ржи пол 80 коробей, а сена косят 500 копен».

В писцовой книге указан доход с волости, поступавший в пользу великокняжеского чиновника — тиуна: он получал рубль пошлины при приезде в волость — «въездное», да 99 коробей ржи и свыше 90 коробей овса. Кроме того, ему полагалось брать по четыре деньги, по четвертке пшеницы, по два хлеба, по калачу и по курице. «И всего дохода князю Ивану шло и с тивуном денгами сорок рублей новгородская и полтора рубля и шесть гривен и полпята денег. И тивуну его хлеба поспом всякого двесте и шесть коробей с четверкою».

Характер описания в разных писцовых книгах неодинаков. Это различие зависело от задачи и способов описания.

Одним из важнейших этапов в составлении писцовых книг было описание земель в конце XVI в. (80—90-е годы). Писцовые книги этих годов послужили основными документами для закрепощения крестьян. Крестьянин, записанный в таких книгах за определенным владельцем, уже терял свое право на выход, становился крепостным. Описания конца XVI в. отличаются подробным характером и дают большой материал для историка. Например, писцовые книги Тулы и Тульского уезда 1587—1589 гг. дают сведения о крестьянах в уезде и о торговцах на Тульском рынке с такими пометами: «Лавка посадцкого чорного человека — торгует ставцами и ложками, онбар торгового человека — торгует медом и солью, поллавки затинщика — торгует солодом» и пр. Тут указаны не только предметы торговли, но и владельцы лавок — «посадский человек», торговый человек и пушкарь — «затинщик», торгующий на рынке, и т. д.

Количество писцовых книг XVI в. сравнительно небольшое и отсутствует для многих городов и уездов. Особенно ощутителен пробел для Москвы, так как писцовых описаний Москвы XVI—XVII столетий не сохранилось. Многие книги сохранились только в позднейших копиях, в частности XVIII в., так как они и в это время служили документами для доказательства владельческих прав на ту или иную землю. Выписки

из писцовых книг, «сотницы», порой дают значительный материал для знакомства с теми уездами, писцовые книги которых утеряны.

Писцовые книги и сотницы являются ценнейшим памятником по социально-экономической истории России. Сотницы имеют в виду ограниченную территорию, например только вотчины Троице-Сергиева или другого монастыря, находящегося в определенном уезде. Иногда писцовые книги дают возможность восстановить картину и более ранних общественных отношений, чем того времени, когда они составлены. В писцовой книге по Твери, составленной в 1547—1562 гг., имеются указания на служилых людей, находившихся в зависимости не только от великого князя, но и от крупных феодалов, например от князя Микулинского. Таким образом, восстанавливается картина феодальных отношений в Тверском княжестве. Для истории городского и сельского населения и хозяйства писцовые книги являются материалом исключительной важности; на их основании написаны многие труды по истории XVI—XVII вв.

По вопросу о достоверности писцовых книг в науке нет договоренности. Н. А. Рожков считал эти книги настолько достоверным источником, что положил данные писцовых книг в основу своих исследований о сельском хозяйстве России в XVI столетии. Но условность выводов, сделанных Рожковым на основании писцовых книг, была доказана В. О. Ключевским. Попытка составить на основании писцовых книг статистику XVI—XVII вв. окончилась неудачей. Действительно, статистическая обработка писцовых книг дает только приблизительные итоги. Тем не менее и такие итоги все-таки приближают скорее к истине, чем полное отсутствие или отрывочность сведений о различных отраслях народного хозяйства России в XVI—XVII вв. Например, Новгород XVI в. значительно более доступен для изучения, чем Москва, так как писцовые книги по Новгороду частично сохранились, а по Москве — исчезли.

Дополнительный материал к писцовым книгам имеется в дозорных и приправочных книгах. В дозорные книги вносились исправления к составленной уже

писцовой книге. Такая дозорная книга должна была внести поправки к сведениям о платежеспособности населения; крестьяне и посадские люди подавали челобитные о несоответствии данных писцовой книги действительному положению на местах. Таким образом, дозорные книги отмечали те изменения, которые произошли за известный промежуток времени в составе и положении жителей города и уезда, описанных ранее в писцовой книге.

Приправочные книги представляли собой материалы из прежних описаний, служившие своего рода руководством для составления новых книг; они давали справку (приправку) о том, какое положение на месте было раньше. В случае отсутствия подлинных писцовых книг приправочные книги иногда заменяют их потерянные подлинники и копии.

Несколько иной характер имеют **переписные книги**. В них исчислялись поименно и с указанием возраста мужчины, жившие в «тяглах» дворах, т. е. население, обложенное податями в отличие от «беломестцев» (дворян, духовенства и пр.). Общие переписи податного населения были произведены в России в 1646 и в 1678 гг. По последней переписи податной единицей сделался двор. Переписные книги не дают сведений о земельных угодьях и беднее содержанием.

Более узкий характер как источник имеют **межевые книги**. В них описывались границы, межи каких-либо владений. Иногда межевание дополнялось измерением самих земель. Книги с подобными сведениями носили название мерных. Межевые книги особенно интересны для исторической географии, позволяя подчас с большой точностью определить границы владений, а иногда целых уездов.

Л и т е р а т у р а

- Новгородские писцовые книги... 6 томов. Спб., 1859—1910.
Писцовые книги Московского государства. Под ред. Н. В. Ка-
лачова. Ч. 1. Писцовые книги XVI в. Спб., 1877.
С. Веселовский. Сошное письмо. Т. 2. Исследование по истории
кадастра и посошного обложения Московского государства.
М., 1916 (большая часть книги посвящена писцовым и пере-
писным книгам).

А. Ц. Мерзон. Писцовые и переписные книги XV—XVII веков. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1956.

§ 2. ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ И ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ

Для экономической истории России XVI—XVII вв. крупное значение имеют различного рода книги, связанные с учетом приходов и расходов и отдачей угодий в оброк.

Тип прихода-расходных книг довольно четко установился ко второй половине XVI в., но велись они и в более раннее время. Так, в летописях сохранились точные записи о тех подарках, которые новгородцы подносили Ивану III во время его приезда в Новгород в 1476 г.

Прихода-расходные книги вели записи изо дня в день, иногда с подведением итогов по месяцам. О характере записей в прихода-расходных книгах дают представление книги Болдина-Дорогобужского монастыря в Смоленской земле. «Лета 7093 (1585)-го марта в 4 день,— читаем в книгах,— ехал Герасим к Москве по велению игумена Онтонья з братьею для монастырских дел, взял из казны монастырских денег у казначея у Кипреяна на проезд два рубля». Далее следуют записи о расходах, сделанных «старцем»—монахом Герасимом. Под 19 февраля читаем такую запись: «Прислал игумен Георгий да старцы из монастыря к Москве на покупки, на рыбу да на икру, и на всякой на монастырской обиход и для московского житья сто двадцать рублей денег. А привезли те деньги из монастыря к Москве слуги монастырские Иван Соболев да Ромаш да Гуляй з запасом с монастырским з годовым».

Прихода-расходные книги дают ценный материал не только по истории торговли и цен, но и по истории крестьян и зависимых ремесленников.

Особое место занимают прихода-расходные и записные книги Казенного приказа, а также Государевой и Царицыной мастерских палат. Описи царской казны и платья дают подробное перечисление царской одежды и вещей с указанием материала, из какого они сделаны,

и украшений: «Кафтаны с рукавы-камка мисюрская, на бели шолк лазорев, зелен, червчат, с золота листьев-цо и травы мелкий узор» и пр. Приходо-расходные книги отражают текущий приход и расход денег в отдельных отраслях царского хозяйства. Примерный тип записей таков (расходная книга денежной казны 1613—1614 гг.): «Сентября 2. Торговому человеку Петру Семенову за 10 аршин кружева немецкого колесчатого, золото с серебром, по 20 алтын за аршин и того шесть рублей. Куплено на государев обиход. Того же дни Сурского ряду торговому человеку Андрею Спиридонову за две цевки серебра тонкого... рубль 6 алтын 4 деньги. Взято в Верх к государыне и великой старце Марфе Ивановне» и т. д.

Для экономической истории России XVI—XVII вв. ценный материал дают **оброчные книги**, в которых вносились записи денежных доходов в казну с различных предприятий: рыбных ловель, пашен, мельниц и т. д. В подобных документах главное внимание обращено на количество собранного оброка, но встречаются и дополнительные указания на угодья, отданные в оброк. На значение приходо-расходных книг как важного источника по истории хозяйственной и общественной жизни России обращено было внимание только в последнее время. Тем не менее основная масса приходо-расходных книг до настоящего времени не издана.

Материал по истории сельского хозяйства дают **книги ужина и умолота хлебов**. Древнейшие из таких книг восходят к концу XVI в. (книги Иосифово-Волоколамского монастыря). Они дают представление об урожайности различных хлебных культур, впрочем, очень низкой в России того времени и зависевшей от погоды и стихийных явлений (града, заморозков и т. д.).

Редкими, но ценнейшими документами являются **книги ключей и оброков**, а также **крестьянские долговые книги**. Книга ключей и оброков Иосифово-Волоколамского монастыря составлялась в 1548—1560 гг. В нее вносились «оброки» — денежные выдачи монастырским ремесленникам с указанием поручителей за каждого ремесленника и срока его работы в монастыре. Книга начинается с 1547 г. словами: «Лета 7056 месяца декабря в 1 день на Покров святых Богородицы, по

благословению игумена Гурия, давал казначей Филофей плотником и детем: Васюку Овчиничу Голику, поруки по нем двор; Ондриюшке Семенову сыну, порука по нем старец Фома» и т. д. Приведенная запись, как и другие, заканчивается итогом: «Тем всем по 4 гривны, а тех четырех-гривенных 30 человек без двух». Запись об оброках дает возможность установить ремесленные специальности и положение самих ремесленников и монастырских «детей», или «детенышей», как называли зависимых людей не по возрасту, а по их положению. Записи о ключах дают представление о правах монастырских тиунов в селах. Например, «Колмаку—Турово, в пошлыны ему суд, довод, явка, розвинское, срок Веденьев день». За этой сухой справкой скрывается целая картина феодальных отношений в русской деревне. Колмаку передавалось в управление село Турово сроком на полгода (запись была сделана 12 апреля, а сроком установлен Веденьев день 21 ноября). Он получил право получать пошлыны от суда, от покупки и продажи скотины, от свадебных пошлын.

Долговая книга Иосифова монастыря, составленная около 1532 г., показывает задолженность крестьян монастырю: «На Онанье на Федорове сыне и на его жене и на их детех рубль» и пр.

Только в совсем недавнее время было обращено внимание на таможенные книги как на ценный исторический источник. Такие книги составлялись уже в XVI в., как это можно заключить на основании сохранившихся оборванных листков таможенной книги Моревской слободы в Новгородской области 1598 г. Московские таможенные книги сохранились только в отрывках за 1684 г. («Книга записная мелочных товаров» и «Книга привозных товаров»). Наиболее полно представлены книги северных городов: Великого Устюга (35 книг), Соли Вычегодской (24 книги) и Тотьмы (30 книг). Имеются таможенные книги и по западным (Смоленск, Вязьма и др.), южным (Орел, Белгород) и центральным городам (Саранск, Касимов).

В таможенных книгах записывались торговые и проезжие пошлыны с товаров. Торговые пошлыны были разнообразны. Рублевая пошлина взималась с общей цены покупаемого или продаваемого товара;

это была наиболее распространенная и важная пошлина, но кроме нее существовали и другие, более мелкие. Проезжие пошлины были также разнообразны и пестры в зависимости от того, где и за что их брали, с возов ли на сухопутных дорогах, с плотов и судов на реках.

Для урегулирования отчетности при таможенных велись особые книги в черновиках, которые позже служили основой для составления беловых книг. Исследователи считают особенно ценными для истории именно черновые таможенные книги, так как в них имеются пометы на полях с дополнительными сведениями.

Значение таможенных книг для изучения торговли и промыслов в России XVII в. очень велико, так как в них указываются товары, их качество и цены на товары. Например, в 1636 г. торговые люди Босые продали в Великом Устюге «сукон аглицких 5 половинок, цена 100 рублей, полуанглийских 6 половинок, цена 60 рублей» и пр.

Изучение хозяйственных книг обязательно для историков, работающих над экономикой России XVI в.

Л и т е р а т у р а

А. Викторов. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584—1725 гг. Вып. 1. М., 1877.

Приходо-расходные книги Болдина-Дорогобужского монастыря.—«РИБ». Т. 37. Пг., 1923.

Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.—Л., 1948.

Таможенные книги Московского государства XVII века. Т. 1. М.—Л., 1950; т. 2. М.—Л., 1951; т. 3. М.—Л., 1951.

А. Ц. Мерзон. Таможенные книги XVII века. М., 1957.

§ 3. РАЗРЯДНЫЕ И РОДОСЛОВНЫЕ КНИГИ

Под названием «Разрядов» известны книги и выписки, представлявшие собой росписи воевод и других должностных лиц, назначенных на время походов и в города, придворных чинов во время свадебных и других церемоний. В основном «разрядные книги» можно разделить на военные, свадебные и дворцовые разряды.

Наиболее распространены военные **Разряды**, которые представляют собой росписи воевод и других служилых людей. Например, в Разрядах похода Симеона Бекбулатовича во время войны с Польшей в 1580 г. находим роспись военных сил, находившихся под его командованием: «В большом полку воеводы Иван Васильевич Годунов да князь Михайло Ноздроватый. А с воеводою с Иваном Васильевичем Годуновым дети боярские из Пскова, Ржевы Володимеровы, которые во Пскове и которых из Заволочья взяли., да псковские помещики, которые из Озерищ, да можайчи и дмитровцы, козличи и клинские».

Разрядные книги сохранились в большом количестве списков XVI—XVIII вв. и делятся на ряд редакций. Древнейшая Разрядная книга в списке XVI в. имеет заголовок: «Тетрадь, в ней писаны походы великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и походы великого князя Василья Ивановича всеа Руси да походы ж царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, да и посылки воиводцкие, писаны по полком». Книга начинается с разрядов похода Ивана III в Новгород «миром» в 1476 г., заканчивается она росписью бояр и воевод по полкам 1 октября 1565 г., «как царь крымской приходил к Болхову».

В других списках имеется продолжение разрядных записей за вторую половину XVI и за XVII век. В Разрядные книги, принадлежавшие частным лицам, вносились и различные документы, почему-либо интересовавшие владельцев или составителей данной книги. К сожалению, этот ценнейший исторический материал не только не опубликован, но почти не учтен. Только в недавнее время В. И. Буганов провел работу по выяснению редакций разрядных книг.

В Разрядные книги вносились ежегодные росписи воевод «от поля и по берегу», командовавших военными силами в степи (в «поле») и по берегу Оки, служившей в XVI столетии основной оборонительной линией от набегов крымских татар. По росписи 1565 г., например, воеводы стояли в городах Михайлове, Ряжске, Зарайске, Мценске, Болхове, Одоеве, Новосиле, Карачеве и пр. Позже в XVII в. оборонительная линия спустилась ниже и шла уже к югу от Тулы. Центром

русских военных сил, прикрывавших Россию от крымских татар, сделался Белгород. Сохранились также Разряды отдельных военных походов.

Разряды отличаются большим богатством сведений военного и общеполитического характера. Более ограниченный характер имеют Свадебные разряды, представляющие собой, в сущности, придворные росписи, по которым совершался сложный обряд царских свадеб и свадеб ближайших царских родственников. В них расписывалось, кто и что выполнял во время свадебной церемонии. Во время женитьбы Василия III на Елене Глинской в 1530 г. «в большом месте за столом сидел великого князя брат князь Юрьи Иванович, а в тысячцких брат же ево князь Ондрей Иванович». Свадебные разряды отмечают, кто был в «дружках» (шаферах) при великом князе и при великой княгине, какие боярыни были свахами и «сидели за столом», кто нес свечи, фонарь, каравай.

Дворцовые разряды XVII в. включают в свой состав росписи людей, принимавших участие в церемониях царского двора, а также дают сведения о назначении воевод. По своей точности они имеют крупное значение для хронологии политических событий.

Разряды рано сделались документами, которыми дворяне пользовались для установления своего «места» на военной службе и при царском дворе. Этим и объясняется такое обилие списков Разрядных книг. В XVII в. появились подложные Разряды военных походов.

Родословные книги, или родословцы, с перечислением родословия княжеских и боярских родов дошли также в большом количестве списков. Источник этот довольно мутный по составу, но все-таки является нужным дополнением к летописям и актам. В родословные книги иногда вносились любопытные подробности о разных дворянских родах, с представителями которых произошел «случай», порочивший этот род: исполнение низкой должности, полученное оскорбление и т. д. Иногда в рассказах о таких «случаях» чувствуется явная злость и клевета. Таков рассказ о роде дьяков Сукиных. Будто бы во время приезда Ивана Грозного в Псков в 1546 г. дьячок псковской всегородной избы (воеводской канцелярии) Пентюхин, встречая

царя Ивана, вместе с хлебом вынес на лотке «семеро робят, а обвeстил государю, что ему тое ночи родила жена ево тех семерых робят». Царь, потешаясь, назвал его жену сукою: «Так-де родят суки». Пентюхов не был промах и тотчас же назвал себя, «обестыдeся», Сукиным.

Наиболее достоверные сведения о родословии князей и бояр поместил официальный источник — «Государев родословец». По мнению Н. П. Лихачева, он возник в 1555 г. и лег в основание «Бархатной книги», составленной в конце XVII в. Начало каждого дворянского рода в родословцах обычно выводится из-за рубежа, несмотря даже на явное русское его происхождение. Например, «Род Старковых. Приехал к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому из Большие Орды царевич Серкиз, да крестился. А у Серкиза сын Андрей. У Андрея у Серкиза было два сына: Федор бездетен, да Федор Старко». Происхождение всех родоначальников русских боярских родов из-за рубежа имеет малую достоверность. В частности, названный Серкиз был московским боярином в XIV в., и одно из подмосковных сел, вошедших теперь в черту города, носит его имя (Серкизовское, теперь Черкизово). Малодостоверны и другие сказания о начале боярских родов. Так, Белеутовы выводили себя от ордынского князя Редeги, а имя Редeги известно по летописи как имя касожского князя XI в. Первый же представитель этого рода носил чисто русское имя — Ондрей Одинец, «сын же прозван Белеутом». Так, касожский князь сделался ординским царевичем.

Ценными документами по истории феодального землевладения являются Тысячная книга 1550 г. и «Боярские книги». В Тысячной книге даются списки дворян, получивших поместья вокруг столицы, «от Москвы верст за 60 и 70». Боярские книги заключают в себе списки бояр, окольничих, стольников и других чинов по годам.

Крупное историческое значение имеют «Десятни» — войсковые списки дворян и детей боярских, составлявшиеся при «верстаньи» их на службу и раздаче им жалованья. Сохранилось более 300 Десятней за 1577—1682 гг.

Особенно интересны «Разборные верстальни», в которых сообщаются сведения об имуществе, родственниках и прежней службе служилого человека. Приведем образец записи в Десятнях 1622 г.: «Михайло Данилов сын Озеров; окладчики, и городом, сказали: головою своею и службою добр, служивал на добром коне в доспехе и простой конь за ним бывал, а служилых людей за ним не бывало, и поместье де за ним в Зубцовском уезде деревня Кротская с пустошми в дачах сто десять чети, а в поместье один крестьянин да три бобыля; и Михайлу де на государеве службе с того поместья своего без государева жалования быти ни с чево. А Михайло сам про себя и про свою службу и про поместья сказал тоже: на государеве де службе ему без государева жалованья с поместья своего быти не с чево, а государева ему де жалованья из чети двадцать четыре рубля, а только де государь его пожалует, велит ему дать свое государево жалованье, оклад ево, и он на государеве службе на среднем коне в латах да в шишаке с пищалью, а служилого человека и простого коня за ним не будет».

Смотренные списки содержат лишь имена и должности служилых людей.

Л и т е р а т у р а

П. Н. Миллюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.

Разрядная книга от 1559 по 1604 гг.—«Синбирский сборник». Часть историческая. Т. 2. М., 1844.

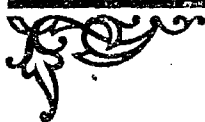
В. И. Буганов. Обзор списков разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в.—«Проблемы источниковедения». М., 1958.

Родословная книга.—«Временник Московского общества истории и древностей российских». Кн. X. М., 1851.

Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. Спб. 1888.

Тысячная книга 1550 г. Подготовил к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950.

Десятни и Тысячная книга XVI века в обработке В. Н. Сторожева. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1. М., 1891; вып. 2. М., 1908.

СУДЕБНИКИ, СТОГЛАВ, СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ

§ 1. СУДЕБНИКИ

Образование Российского государства не могло пройти бесследно в области юридических отношений и норм. Феодално раздробленная Русь XIII—XV вв. пользовалась местными юридическими сводами, но этим местным законодательством не могло уже удовлетвориться объединенное Российское государство. В конце XV в. был создан свод законов, известный под названием великокняжеского первого Судебника, или Судебника 1497 г. Он дошел до нас в единственном списке, очевидно, в связи с тем, что был заменен новым Судебником Ивана IV и таким образом действовал только полстолетия.

В подлиннике Судебник 1497 г. разделен кинжальными заглавными буквами и заглавиями на статьи, но заголовки статей не всегда соответствуют их содержанию. В новейшем академическом издании указано 67 статей. В заголовке Судебника указывается время его составления: «Лета 7006 (1497) месяца септемврия уложил князь великий Иван Васильевич всеа Руси с детми своими и с бояры о суде, как судити бояром и околничим».

В состав Судебника входят статьи по уголовному и гражданскому судопроизводству. Высшую судебную инстанцию составляли бояре и окольничие вместе с дьяками, о чем говорится в начале Судебника: «Судити суд бояром и околничим. А на суде быти у околничих дьяком». В случае невозможности решить дело — «которого жалобника, а непригоже управити, и то сказати

великому князю, или к тому его послати, которому люди приказаны ведати». Большое внимание составителей Судебника обращено на упорядочение получения судебных пошлин, в частности от «поля» — судебного поединка. Статьи 8—14 устанавливают уголовные наказания за «татбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело». Значительная часть Судебника рассматривает вопросы, связанные с выдачей правых и отпускных грамот «о суде городском» (над городскими жителями), о суде в землях, отданных в кормление и т. д.

Судебник узаконяет отказ крестьян от помещика, в то же время ограничивая сроки этого отказа. Таким сроком 57-я статья «о христианском отказе» указывает: Юрьев день осенний, 26 ноября по старому стилю: «А христианом отказыватися из волости, из села в село, один срок в году, за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после Юрьева дня осеннего». Таким образом, в интересах землевладельцев вводится законодательное ограничение крестьянских переходов. Эта статья Судебника явилась исходной для дальнейших правительственных постановлений в сторону усиления крепостного права.

Первый Судебник использовал более ранние материалы юридического характера. Так, некоторые статьи его зависят от текста Русской Правды в пространной ее редакции. Таковы статьи о займах. Другие заимствованы из Псковской судной грамоты, например статья 9: «А государскому убойце и коромолнику, церковному татю и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью». Кроме того, Судебник использовал некоторые более ранние уставные грамоты. По мнению акад. М. А. Дьяконова, «первый опыт московского законодательства нельзя назвать удачным», так как Судебник устанавливает главным образом процессуальные нормы и совершенно не разработал важнейшие вопросы гражданского и семейного права. Однако такая оценка Судебника не может быть признана целиком справедливой. Ведь Судебник по своему составу и был прежде всего процессуальным кодексом, суд же по гражданским и семейным делам производился на основании местных

правовых норм, которые нашли свое отражение в жалованных грамотах городам.

Появление второго Судебника тесно связано с реформами середины XVI в., непосредственным толчком к которым послужило московское восстание 1547 г. и волнения в других городах. Новый, или царский, Судебник был утвержден в июне 1550 г., когда «царь и великий князь Иван Васильевичъ всеа Русии с своею братьею и с бояры сесь Судебник уложил».

В основу Судебника 1550 г. положен великокняжеский Судебник 1497 г. Порядок статей остался прежним, но статьи точнее отделены одна от другой. Кроме того, состав Судебника пополнен новыми постановлениями. В Судебнике 1550 г. насчитывается 100 статей.

Особый интерес в царском Судебнике имеют новые статьи и дополнения к старым. Так, в него введены статьи, устанавливающие наказание за несправедливые суды, и сделаны дополнения к более ранним статьям о том же. В статье 3 читаем: «А которой боярин, или околничей, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит кого не по суду, а обыщется, то в правду, и на том боярине, или на околничем, или на дворецком, или на казначей, или на дьяке взяти исцев иск». В других статьях (4—5) устанавливается наказание за подделку судебного приговора: тюремное заключение для дьяков, а подьячему — торговая казнь («бити кнутъем»).

Появление подобных статей и дополнений в Судебнике 1550 г. обнаруживает особый интерес законодателя к устранению судебных преступлений и лихоимства, развитие которых послужило одной из причин восстания 1547 г. Стремление к некоторому смягчению жесточайших порядков Российского государства XVI в. заметно и в статьях о холопстве и крестьянском выходе. В них устанавливаются ограничения для порабощения холопских детей: «А полному и докладному холопу сына своего свободного, которой ся у него родил до холопства, не продати» (76-я статья). Судебник 1550 г. определяет условия крестьянского выхода. Крестьянин, отказавшийся от земли у помещика, получал право на урожай, оставшийся на земле прежнего владельца (88-я статья).

Неполнота Судебника вызвала необходимость в дополнении и разъяснении отдельных его статей. Указы издавались по тому или иному вопросу, что было предусмотрено самим Судебником 1550 г.: «А которые будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела с государева доклада и со всех бояр приговору вершается, и те дела в сем Судебнике приписывати». Указы записывались в особые книги, которые велись в приказах.

Указные книги, как правило, составлялись в единственном экземпляре, и при его утрате текст записанных в нем указов пропадал. Поэтому количество сохранившихся указных книг относительно невелико. Указная книга судебных дел (по делам казначеев) охватывает 1550—1588 гг.; указная книга Разбойного приказа второй половины XVI в. восстановлена уже в XVII в.; указная книга Холопьяго приказа относится к 1597—1620 гг. и т. д. Ценный материал дает указная книга Земского приказа, ведавшего посадским населением города Москвы. В нее вошли указы за 1622—1648 гг. Указная книга Поместного приказа является важнейшим источником по истории поместного права до половины XVII в.

Л и т е р а т у р а

Судебники XV—XVI веков. Под общей редакцией Б. Д. Грекова. М.—Л., 1952.

И. И. Смирнов. Судебник 1550 года.—«Исторические записки». Т. 24, 1947.

Памятники русского права. Под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 4. М., 1956. (Судебники и указные книги приказов.)

§ 2. СТОГЛАВ

Особое место среди источников XVI в. занимает «Стоглав». Так называется сборник о деяниях церковного собора в Москве в 1551 г., разделенный на 100 глав. «Стоглавый» собор по своему составу был преимущественно церковным. Однако кроме духовенства на нем присутствовали светские лица во главе с царем Иваном IV. Собор разрешал вопросы не только церковного, но и гражданского характера. В предисловии к Стоглаву прямо говорится, что царь собрал собор,

«светлым желанием подвижеся не токмо о устроении земном, но и о многоразличных церковных исправлений».

В «Стоглаве» помещены вопросы от царя, которые были им сделаны собору, и ответы собора. Это по преимуществу вопросы и ответы церковного характера: об иконах, о книгах, о святительских (епископских) судах, о монастырях и иноках, о нищепитательстве, о паломниках, о безчинствующих чернецах и черницах, о монастырях, «иже пусты от небрежения», о вдовствующих попах, о тех, кто бреет головы и бороды, о христианах, которые «крестятся не по существу», и т. д.

В ответах на вопросы говорится, как надо поступать по тому или иному церковному или гражданскому делу. Так, ответ о книжных писцах указывает, что писцы должны переписывать с хороших текстов (переводов). Писец не должен продавать свою книгу, пока ее не исправит: «Тако же которые писцы по городом книги пишут, и вы бы им велели писать с добрых переводов, да написав правила (исправляли), потом же бы продавали».

В главе 26-й находим постановление «о училищах книжных», согласно которому у священников и у дьяков в домах должны устраиваться училища, чтоб «священницы и дьяконы и все православные христиане в коуждо граде давали своих детей на учение грамоте, книжного писма и церковного пения и чтения». Стоглав распространен во множестве списков, что указывает на его большую известность. В некоторых рукописях к нему добавлены дополнительные статьи.

Стоглав включает в себе большой материал для суждения о разных сторонах общественной и культурной жизни России в XVI в.

Л и т е р а т у р а

Стоглав. Издание Г. Е. Кожанчикова. Спб., 1863.

§ 3. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 г.

Важнейшим законодательным памятником XVII в. является «Соборное уложение». Подобно судебникам, Соборное уложение возникло в эпоху больших социаль-

ных потрясений, в первую очередь московского восстания 1648 г.

Требования о необходимости создания нового Судебника предъявлялись правительству в первой половине XVII в. неоднократно. В 1637 г. дворяне и дети боярские разных городов подали челобитную, в которой просили: «Вели государь выбрать в городах из дворян и из земских людей и вели нас судить в городех по своему государеву указу и по своей государеве уложенной судебной книге для нашей бедности и разоренья». Позже, в челобитной 1641 г., дворяне и дети боярские разных городов снова высказывали требование, чтобы царь велел «сидеть в полате бояром, а не в судных приказах», так как судебное разбирательство в приказах было обставлено таким крючкотворством, что не давало никаких гарантий для справедливого решения дел. В июне 1648 г., вскоре после восстания московских посадских людей и стрельцов, был собран земский собор, а 16 июля появился указ о назначении особого «приказа бояр». В сентябре сошелся новый земский собор, прозванный «уложенным». Он занялся выработкой нового судебника, или «Уложения». Во главе Комиссии по выработке Уложения стоял князь Н. И. Одоевский. Соборное уложение окончательно было составлено к 29 января 1649 г., а в апреле—мае этого же года напечатано первым изданием. Сохранился подлинный столбец Соборного уложения с подписями участников земского собора 1648 г.

В предисловии к Уложению объясняется, что царь Алексей Михайлович по совету с освященным собором, боярами и думными людьми постановил «указы и боярские приговоры собрать и... с старыми судебниками справити», составив, кроме того, и новые статьи. Уложение было прочитано «выборным людем, которые к тому общему совету выбраны на Москве и из городов».

Соборное уложение разделено на 25 глав, каждая из которых разделена на статьи. В первых главах говорится о государственных преступлениях. Глава 1 устанавливает смертную казнь за богохульство и церковный мятеж: «И того богохульника обличив, казнити, зжечь». Глава 2 «о государьской чести» получила особое значение в практике российского самодержавия XVII в. На этой главе

чрезвычайно ярко отразилась классовая структура самого Уложения. За нарушение чести и даже спокойствия государя полагалась смертная казнь. Карались не только измена и заговор против самого царя, но также «скоп» и заговор против бояр и воевод «и тех людей, кто так учинит, за то потому же казнити смертию безо всякия пощады». В 3-й главе устанавливается, «чтобы на государеве дворе ни от кого никакого безчинства и брани не было». Появление на царском дворе с оружием и драка на нем карались смертной казнью: «А будет раненой обможется: и тому, кто его ранит, отсечь рука».

В 4-й главе речь идет о подделках документов и печатей, «О подпизниках и которые печати подделывают», в 5-й главе — «О денежных мастерах, которые учнут делати воровские деньги». Уложение устанавливает за подделку монет мучительную казнь: «И тех денежных мастеров за такое дело казнити смертию, залити горло» (металлом).

Глава 6 кратко говорит о проезжих грамотах в иные государства и устанавливает кары за своевольный отъезд из страны без разрешения: «Кто ездил в иное государство без государевы проезжие грамоты, сыскивати, всякими сыски накрепко». 7-я глава «О службе ратных людей» устанавливает порядок нахождения служилого человека на военной службе. Ратные люди могут останавливаться на незагороженных лугах безденежно. Глава говорит «о искуплении пленных».

В главе 9 «О мытах и о перевозех и о мостах» указывается порядок взимания пошлин на внутренних заставах. Эта глава особенно интересна стремлением составителей Уложения к ограничению феодальных прав отдельных вотчинников: «А кто мыт или перевоз или мостовщину заведет вновь для своего пожитку своим вымыслом без указу, и у него то все взяти на государя».

В следующих главах рассматриваются вопросы судопроизводства. Глава 10 «О суде», состоящая из 287 статей, — самая обширная во всем Уложении. В ней особенно много места уделено наказаниям за различного рода несправедливые решения: «За ту вину у боярина и у окольничего, и у думного человека отняти честь», а остальным судьям «учинити торговая казнь (бить кну-

том) и впредь им у дела не быть». Так как различного рода подделки текста судных дел нередко совершались подьячими, то Уложение постановляло: «А судные дела в приказах записывати подьячим, а чернения бы и меж строк приписки и скребления в тех записках не было». Суд производился только в будние дни, «а в воскресной день никою не судити и в приказах не сидети, и никаких дел не делати, опричь самых нужных государственных дел». Ряд статей устанавливал наказание за бесчестье («кто кого чем обесчестил»). Так, за бесчестье Строгановых установлено 100 руб. наравне с пеней за бесчестье архимандрита Троицкого монастыря. Далее следуют статьи, показывающие подробную систему судебных учреждений Российского государства вопреки обещанию предисловия Уложения, чтобы «всяких чинов людем от большего и до меньшего чину суд и расправа была во всяких делех всем равна».

В 11-й главе разбирается суд о крестьянах. В ней имеется постановление, оформляющее крестьянскую крепость: «А отдавати беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людем, без урочных лет». Крестьянская крепость устанавливается на основании писцовых книг: «А которые крестьяне и бобыли за кем записаны в переписных книгах прошлых 154 (1646) и 155 (1647) годов, и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, збежали, или впредь учнут бегати, и тех беглых крестьян, и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат с женами и с детми, и со всеми животы, и с хлебом стоячим, и с молоченым, отдавати из бегов тем людем, из-за кого они выбежат по переписным книгам без урочных лет, а впредь отнюдь никому чюжих крестьян не приимати, а за собою не держати».

В кратких (12 и 13) главах говорится о суде крестьян в Патриаршем и Монастырском приказах. В 14-й главе «о крестном целовании» устанавливаются наказания за ложную присягу. В 15-й главе «о вершеных делах» запрещается заново перерешать уже оконченные судебные дела.

Последние 10 глав (16—25) Уложения особенно обширны и рисуют положение социальных слоев Российского государства.

Главы 16—17 «о поместных землях» и «о вотчинах» имеют большую историческую ценность для суждения о поместном и вотчинном праве. В главе о вотчинах есть неоднократные ссылки на более ранние указы, а статьей 45 помечен указ «о продажных землях, которые продаваны из порозжих земель в Поместном приказе и во дворце в вотчины». Глава 18 по своему заголовку «о печатных пошлинах» как будто не связана с предыдущей, в действительности же вопрос о пошлинах за выдачу грамот был важным вопросом для дворян и монастырей, владевших поместьями и вотчинами на основе письменных документов.

В главе 19 «О посадских людях» устанавливается переход в посадские тяглицы населения всех «беломестных» слобод, которые принадлежали феодалам, но в которых «живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют». В этом постановлении надо видеть уступку посадским людям. До 1648 г. в посадах существовало большое количество беломестных слобод, не входивших в государево тягло. Глава 19 направлена против попыток людей, живших в городах, уклониться от посадского тягла (податей и повинностей).

Глава 20 устанавливает суд «о холопах». В числе холопов имелись боярские дети, которые жили в боярских дворах на положении зависимых людей. Уложение требует: «Впредь детей боярских верстаных и неверстаных никому в холопи не примати, и в Холопье приказе на них, без государева имянного указа, кабал не давати». Очень подробно говорится об источниках холопства, в том числе о кабальном холопстве по особым записи.

Глава 21 «О разбойных и татинных делах» примыкает по содержанию к главе 22 — «За какие вины» и каким способом чинить наказания. Здесь, между прочим, указана варварская кара для женщины, совершившей убийство мужа: «Окопати в землю». Закопанные живыми в землю по шею, несчастные женщины умирали от холода и голода.

В главах 23 и 24 Уложения даются статьи о стрельцах и о казаках. Это краткие и малосодержательные главы. Последняя, 25-я глава «Указ о корчмах» гово-

рит о винокурении и продаже вина и табака. Уложение заканчивается словами о совершении книги 29 января 1649 г.

В Уложении нет особой главы о крестьянах, но в действительности крестьянский вопрос сильно занимал создателей Уложения. Поэтому о крестьянах упоминается там, где Уложение трактует о поместьях и вотчинах служилых людей. Такое построение Уложения ярко обнажает классовое лицо этого свода законов XVII в., направленного в защиту самодержавия и крепостников.

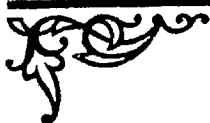
Некоторый ответ на вопрос об источниках и приемах составления Уложения дает его подлинный столбец, где на полях имеются отметки с указанием, откуда заимствованы те или иные статьи. Из 967 статей 176 статей имеют пометки об источниках. Из таких пометок узнаем, что 62 статьи были взяты из различных источников, а 17 написаны вновь. На самом деле вновь написанных статей Уложения было несравненно больше. Источниками Уложения были: 1) выписки из Кормчей книги, 2) прежние указы и судебники Ивана III и Ивана IV, 3) выборки из Литовского статута (известен список Литовского статута в московской переработке XVII в.). Уложение особенно использовало решения по челобитным и царские указы.

Соборное Уложение на протяжении долгого времени оставалось основным законом Российского государства. Лишь в 30-х годах XIX в. Уложение было заменено Сводом законов. Однако неполнота Уложения вызвала необходимость его дополнения «новоуказными» статьями. Из них важнейшими являются статьи о поместьях и вотчинах и «Новоторговый устав» 1667 г. В последнем говорится о свободных торгах, «как годится быти».

Л и т е р а т у р а

Памятники русского права. Под ред. К. Н. Сафроненко. Вып. 6. М., 1957.
М. Н. Тихомиров и П. П. Епифанов. Соборное Уложение 1649 года. Учебное пособие для высшей школы. М., 1961.

ЛЕТОПИСИ И ДРУГИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

§ 1. МОСКОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ XVI в.

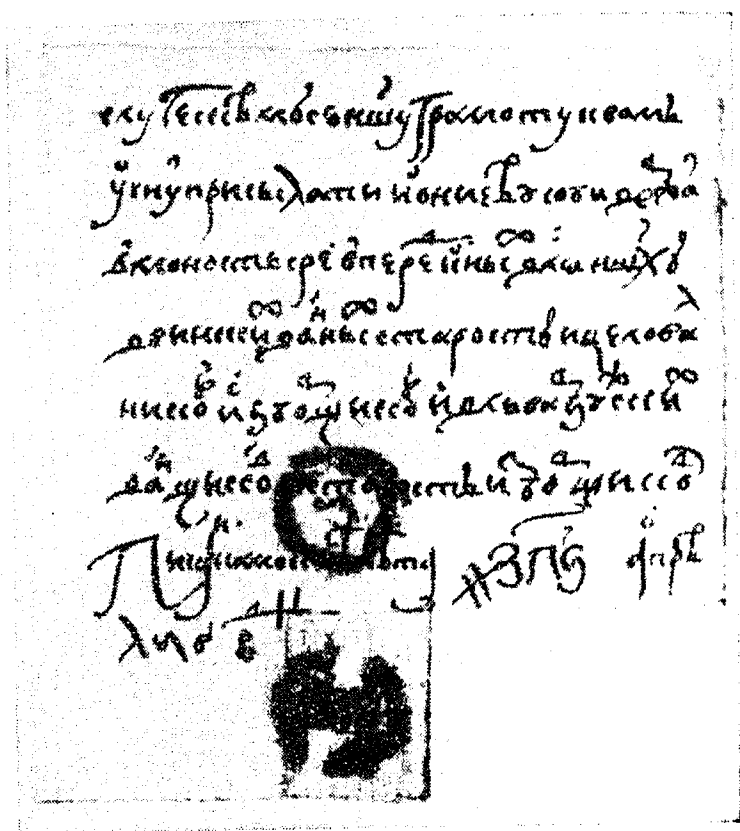
Обширные общерусские своды продолжали составляться в первой половине XVI в. Крупнейшими из них являются Воскресенская и Никоновская летописи.

Воскресенская летопись названа так по списку, принадлежавшему Воскресенскому Новоперусалимскому монастырю под Москвой (в городе Истре). Большая часть Воскресенской летописи от начальных известий до 1479 г. основана на Московском своде конца XV в.; она отличается от него только некоторыми дополнениями и сокращениями. Поэтому при изучении известий до 1479 г. предпочтительнее пользоваться Московским сводом конца XV в., как более близким к первоначальному тексту записанных в нем известий. Вторая часть Воскресенской летописи имеет большое значение как источник по истории России первой половины XVI в. Летопись оканчивается на 1541 г. В пределах каждого года события XVI в. записаны хронологически, из месяца в месяц, всегда с точным указанием дней. С большим вероятием можно думать, что записи, относящиеся к княжению Василия III и Ивана IV, сделаны при великокняжеском дворе. В этом убеждает содержание летописных заметок, касающихся главным образом политических событий: прием и отправление посольств, известия о битвах, приемы во дворце, события в великокняжеской семье и т. д. Такова, например, запись 1534 г.: «августа же 28 приидоша из Нагай, от Шидяк мырзы и от иных 70 мурз, 70 послов, а гости с ними многие, и всех их и з гостми 4 000 да седмьсот, а коней 8 000».

Воскресенская летопись представляет собой летопись полуофициального характера с точными датами, но, как всякий официальный источник, теряет уже характер непосредственности, типичный для летописей областного происхождения.

В том же XVI в. появилась Никоновская летопись, получившая свое название от принадлежности одного из ее списков патриарху Никону, великому собирателю и книжному знатоку XVII в. По своему составу Никоновская летопись является громадной компиляцией. Из всех летописных сводов это наиболее значительный по размерам. Он основан на множестве источников, в том числе таких, которые до нашего времени не дошли и известны только по Никоновской летописи. То обстоятельство, что источники Никоновской летописи неизвестны, заставляет относиться с большой осторожностью к свидетельствам этой летописи, которым неосмотрительно следуют некоторые историки. Так, только в Никоновской летописи мы находим сведения о сношениях русских князей с римским папой в XI—XII вв., взятые из неизвестных источников. Возможность того, что папа посылал посольства к Владимиру Святославичу и другим киевским князьям, отвергать нельзя, но такие известия могли быть и сочинены в конце XV—XVI вв., когда московские великие князья сносились с папским престолом.

В Никоновской летописи приводятся также легендарные рассказы о подвигах богатырей взятые, по-видимому, из каких-то неизвестных нам произведений народной поэзии. Упоминаются имена Василия Буслаева, будто бы новгородского посадника, Алеши Поповича и др. Кроме того, Никоновская летопись включила в свой состав большое количество отдельных сказаний. Таковы повести о Митяе, о Куликовской битве, о митрополите Фотии, о Тимуре-Аксаке (Тамерлане) и т. д. В отличие от других сводов Никоновская летопись не является только компиляцией, а носит следы переделок первоначального текста в духе политических тенденций XVI в. Время возникновения Никоновской летописи пока еще точно не установлено, как и место ее составления. Последние тома летописи возникли не ранее второй половины XVI в.

Царская грамота 1568 г. с оттиском печати

В XVI в. возникли и некоторые другие большие летописные своды. Из них важнейшее значение имеют Львовская, Типографская, Софийская вторая и Вологодско-Пермская летописи. Все эти летописи — московского происхождения. Львовская по содержанию своих известий за время царствования Ивана IV имеет особую близость к «Царственной книге», оканчиваясь 1560 г. В основу известий, относящихся к царствованию Ивана Грозного, в ней положен особый источник, озаглавленный: «Летописец. Начало царства царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси».

Большой интерес представляет Вологодско-Пермская летопись. Она основана на своде 1471 г. и была продолжена до конца XV в. Летопись возникла при дворе

пермского епископа Феофила. Еще позже она была дополнена московскими известиями и доведена до 1540 г. Особую ценность представляют известия Вологодско-Пермской летописи за 1480—1540 гг. В ней сохранились сведения о Пермской земле, населенной коми, и о борьбе пермских князей с московскими властями и пермскими епископами в XV столетии.

Типографская и Софийская вторая летописи включили в свой состав разнообразные известия главным образом московского происхождения.

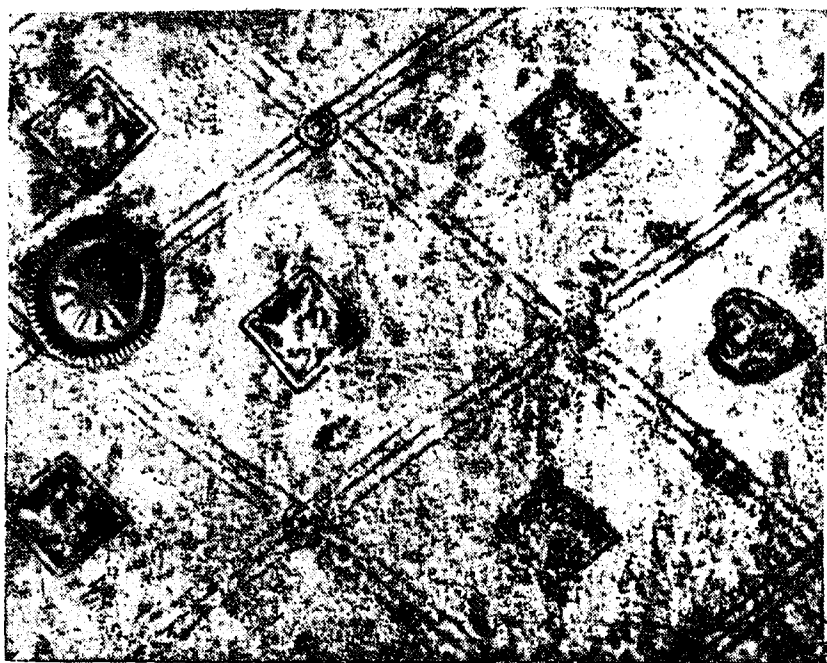
В основе известий названных летописей нередко лежат источники одного и того же происхождения. Этим объясняется близость некоторых известий названных выше летописей. Но составители сводов брали однородные известия в различных комбинациях и дополняли их из других источников, вследствие чего одна летопись дополняет другую.

Л и т е р а т у р а

- Софийская вторая летопись. ПСРЛ. Т. 6. Спб., 1853.
Воскресенская летопись. ПСРЛ. Т. 7, 8. Спб., 1856, 1859.
Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. 9—13. Спб., 1862—1904.
Львовская летопись. ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Спб., 1910; ч. 2. Спб., 1914.
Типографская летопись. ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921.
Вологодско-Пермская летопись. ПСРЛ. Т. 26. М.—Л., 1959.
А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938 (см. краткую статью «Летописи», стр. 361).

§ 2. ЛИЦЕВЫЕ ЛЕТОПИСИ

В XVI в. появились лицевые летописные своды, которые получили такое название потому, что они украшены рисунками или миниатюрами «в лицах». Наибольшую известность из лицевых летописей имеет «Царственная книга», посвященная царствованию Ивана Грозного. Почти каждая ее страница украшена миниатюрой, а летописный текст служит как бы подписью к рисунку. В конце Царственной книги имеются листы с описанием венчания на царство Федора Ивановича. Имеются и другие лицевые летописи, объединяемые иногда общим названием «Царственного летописца». Первый том, рассказывающий о начале русской истории, утерян, и

Переплет XVI века

текст начинается только с 1114 г., т. е. с начала княжения Владимира Мономаха в Киеве. Текст Царственного летописца в основном сходен с Никоновской летописью. Кроме того, известен лицевой сборник, состоящий из Хронографа с рассказом о библейских событиях и взятии Трои. По мнению А. Е. Преснякова, различные тома лицевых летописей являются частями одного большого, но разрозненного свода, широко задуманной исторической энциклопедии.

Вопрос о происхождении лицевых сводов вызвал большие споры в науке. Знаменитый палеограф акад. А. И. Соболевский относил их создание к первой половине XVII в., ко времени царствования Михаила Федоровича и правления патриарха Филарета. Другой точки зрения держался Н. П. Лихачев. Основываясь на водяных знаках в бумаге лицевых сводов, он считает временем их составления годы царствования Ивана Грозного. Доказательства Лихачева являются убедительными, и время создания лицевых сводов надо отнести

к XVI в., ко времени Грозного, тем более что описание событий доведено в них только до 1567 г.

Лицевые списки украшены большим количеством миниатюр. По подсчетам А. В. Арциховского, общее количество рисунков в сохранившихся томах, посвященных русской истории, равняется 10 049. Перед нами рисунки, воспроизводящие многие события: битвы, приемы послов, новгородское вече, изображения пушек, укреплений, кузницы и т. д. Иногда лицевая рукопись дает материал для суждения о русском феодальном быте. Например, к ра сказу об избрании новгородских посадников приложен рисунок с изображением вечевой степени. Посадник держит в своих руках посох, являвшийся символом власти.

Конечно, в рисунках лицевых сводов нельзя найти точного исторического воспроизведения деталей. Обычно художники пользовались иконописными и другими образцами, на основе которых нередко рисовали те или иные миниатюры. Не ясно также, какими материалами пользовались художники, украшавшие летописи рисунками, возможно миниатюрами более раннего времени.

Л и т е р а т у р а

- Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Л., 1947.
А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

§ 3. ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНОГО ЛЕТОПИСАНИЯ XVI в.

Летописание получило особое развитие при Василии III и при Иване Грозном. При них летописным сводам придается официальный характер. Имеются прямые указания на то, что во второй половине XVI в. летописи составлялись при царском дворе. Сохранилась опись царского архива XVI в. с краткими сведениями о ящиках с документами, хранившимися при Грозном в архиве. В одном ящике, например, хранился «обыск», т. е. материалы следствия по делу князя Андрея Петровича Телятевского в Юрьеве-Ливонском «про Олексееву смерть Адашева и списки черные, писал память

что писать в летописец лет новых». Следовательно, Адашев составлял какие-то черновые списки для памяти, предполагая, по-видимому, сделать из них запись в «Летописец лет новых», с которым можно сопоставить упомянутый раньше «Летописец начала царства». В другом ящике хранились «списки» лет новых, «прибраны от лета 7068 до лета 7074 и до 76-го», следовательно, записи за годы с 1560 по 1568. Так обнаруживается в составлении летописцев участие Адашева, выдающегося деятеля XVI в. Нет никакого сомнения в том, что Грозный сам принимал участие в составлении летописного свода, хотя его участие и трудно представить в виде личного перемарывания и вставки тех или иных известий в Царственный летописец, как это порой рисуется некоторым авторам.

Официальный характер летописных сводов второй половины XVI в. иногда снижает их историческое значение. За официальными реляциями трудно различить истинное отношение очевидцев к событиям и историческим деятелям. Но это замечание относится к характеру освещений событий, помещенных в летописных сводах XVI в. официального происхождения. С точки же зрения хронологической и фактической достоверности официальные своды дают записи точные, основанные на официальных источниках, а не на припоминаниях летописцев. Таким образом, официальные летописные своды XVI в., отличаясь тенденциозностью при объяснениях событий, в то же время заключают достоверный фактический материал.

Следует подчеркнуть, что официальное летописание прекращается в последние годы Ивана Грозного.

Л и т е р а т у р а

Описи царского архива XVI века и Посольского приказа 1614 года. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.

§ 4. ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ И МЕСТНЫЕ ЛЕТОПИСИ

Ценным источником по истории XVI — начала XVII столетий является так называемый Пискаревский летописец, открытый О. А. Яковлевой. Состав этого летописца

сложный и полностью еще не обследованный. О событиях царствования Грозного автор писал по воспоминаниям и рассказам, о более позднем времени — по личным наблюдениям. Составитель летописца был москвичом и составил свои заметки около 1615 г. По некоторым чертам его рассказа можно думать, что он принадлежал к числу мастеров печатного дела. Так, в летописце сообщается о печатании при царе Борисе Федоровиче многих книг, «а печатаны в розных городех». Во всяком случае автор летописца не был военным человеком, а связан был с посадским московским миром.

Особая ценность Пискаревского летописца заключается в том, что он сохранил устную традицию о многих событиях царствования Грозного: о возвышении Адашева, об опричнине, о казнях при Иване Грозном. Свидетельства летописца имеют крупный интерес для времени Бориса Годунова и Василия Шуйского. Рассказ Пискаревского летописца очень многое поясняет в истории этих царствований. Только очевидец событий мог рассказать так достоверно о смерти Дмитрия Самозванца, «всею землею на него востали». Бояре были мало причастны к убийству Дмитрия, «и у бояр дума на него, да немногая, тако не от того ему сталося». Тело Самозванца выволокли из Кремля и оно обнаженное три дня лежало у Фроловских ворот. Самозванца похоронили на Кулишках, вбив ему кол в сердце, как это делали с оборотнями. Позже тело вывезли в деревню Котлы и сожгли.

Большой интерес Пискаревского летописца заключается и в том, что он только по форме является летописцем, в сущности же представляет воспоминания москвича о событиях конца XVI—начала XVII в.

Кроме Москвы летописание в XVI столетии велось в Пскове и Новгороде. Псковское летописание этого времени сосредоточивает внимание на местных событиях и сообщает ценные сведения о борьбе «лучших» и «молодых» людей в Пскове.

Из новгородских летописей особенно интересна Вторая, или Архивская, новгородская летопись. Она начинается 911 г. и доведена до 1573 г. (с двумя приписками 1581 и 1587 гг.). Эта летопись имеет особый интерес для истории опричнины. В подлиннике известия распо-

ложены не в хронологическом порядке; иногда одно и то же известие повторено в разных редакциях. Составитель летописного сборника собирал записи из разных источников, одним из которых был летописец, принадлежавший Рождественскому монастырю на Лисицкой горке и написанный в 1450 г. В 1572 г. какой-то неизвестный нам по имени автор проверял «Летописец Лисицкой», о котором говорили, что он «добра сполна», оказалось же, что этот летописец неполный, «не сполна».

Из местных летописных произведений XVI в. большую ценность имеет Устюжский (Архангелогородский) летописец — компиляция XVI в., особенно важная для истории ранних летописных известий X—XI столетий.

Л и т е р а т у р а

Материалы по истории СССР. Вып. 2. Документы по истории XV—XVII вв. М., 1955 (Пискаревский летописец).

Псковские летописи. Вып. 1. М.—Л., 1941; вып. 2. М., 1955.

Новгородские летописи. Спб., 1879.

Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950.

§ 5. ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ (КАЗАНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ)

Во второй половине XVI в. намечается переход к новым видам исторического повествования. Летопись с ее погодными записями, краткими, иногда взаимно противоречащими друг другу и лишенными внутреннего единства, не могла уже удовлетворять выросшие литературные запросы. Появляется стремление к созданию больших исторических произведений, объединенных общей идеей и более широких по замыслу. Новые запросы русского общества сказались на форме и содержании двух крупных исторических произведений XVI в., порывающих со старой традицией, — «Истории о Казанском царстве» и «Степенной Книги».

«История о Казанском царстве», называемая также «Казанским летописцем», ставит задачей рассказать об истории Казанского ханства и его взаимоотношениях с русскими землями вплоть до завоевания Казани в 1552 г. История начинается рассказом о начале Казанского царства, приписывая создание последнего царю

Батыю-Сайну (это прозвище обозначает «счастливый»). Царь нашел «место пренарочито, и красно велми, и ско-топажно, и пчелисто, и всяцами семяны родимо, и овощ-ми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодья, яко не обрести можно другого такового места по всей Русской земле, нигде же подобно такову месту красотою и крепостию и угодьем человеческим». На этом месте и была построена Казань. Кратко рассказав о начале Казани, История подробно повествует о борьбе Казани с Московским царством с 1505 г. Она кончается рассказом о взятии Казани и возвращении в Москву Ивана IV, составившего «себе славу великую, превыше отец своих, и память вечную в роды руския во веки».

По исследованию Г. З. Кунцевича, История о Казанском царстве возникла между 1564—1566 гг. Повесть появилась в годы Ливонской войны, напоминая о крупнейшем внешнем успехе царствования Ивана IV — о взятии Казани. Некоторые списки Истории прямо говорят, что в ней будет рассказываться о том, «яко же содеяшася преславная в нашей земли во дни наши, в лето же преславнаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси». Кунцевич не связывает возникновение Истории о Казанском царстве с опричниной, но связь эта напрашивается сама собой.

Датировку времени Истории о Казанском царстве, предложенную Кунцевичем, принимает и новейший исследователь Г. Н. Моисеева, ограничивая, впрочем, время появления этого произведения 1564—1565 гг. Как Кунцевич, так и Моисеева считают Историю о Казанском царстве написанной одним автором, но в этом можно сомневаться. В изданной Моисеевой первой редакции последняя глава — «Похвала царю великому князю и всем воеводам его и воем» — явно написана значительно позже остальных глав, уже после смерти Ивана Грозного (1584 г.). В Истории замечается резкое отличие в изложении первых глав, рассказывающих о казанских ханах, от дальнейшего рассказа о взятии Казани. Яркое и живое изложение казанской истории в первых главах, почти без тени церковности, сменяется повествованием со множеством церковных текстов, с рассказами о чудесах. Эта резкая перемена в стиле

изложения «Истории о Казанском царстве» происходит с 68-й главы, повествующей о монахах, посланных из Троице-Сергиева монастыря. Предыдущая же 67-я глава заключает похвалу Шигалею и князю Симеону (Микулинскому). Здесь, возможно, и оканчивался первоначальный текст Истории о Казанском царстве. Написан он был вскоре после смерти князя Симеона Микулинского, примерно в 1565 г. «Красная» повесть о Казани, следовательно, возникла в начальный период Ливонской войны, в период русских успехов, может быть, в прямой связи со взятием Полоцка в 1563 г. Автор ее был связан с царем Шигалеем. Моисеева, считающая касимовского царя Шигалея незначительным деятелем, делает большую ошибку, так как летописи отводят Шигалею почетное место, как и вообще касимовским ханам XVI в. Нельзя забывать и того, что Шигалей одно время царствовал в Казани и его заступничеством, как и вмешательством Микулинского, возможно, был спасен сам автор «Истории», сделавшийся мусульманином и приближенным казанского царя, следовательно, изменником и отступником от веры.

Нет никакого сомнения в том, что История о Казанском царстве написана на основании ряда источников. Прежде всего бросается в глаза точность сведений о начале Казанского царства, которые рассказываются автором Истории не по преданиям и легендам, а по татарской летописи, на что указывал уже Кунцевич. Не лишено правдоподобности предположение, что и другие сведения по Казанской истории конца XV — начала XVI в. взяты автором Истории из письменного татарского источника. Об этом прямо говорит сам автор: он ничего не нашел в русских летописцах о «зачале» Казани, «но мало в казанских видех». Это гораздо лучше объясняет ту явную благожелательность к татарам, которая пронизывает значительную часть «Истории», чем искусственные рассуждения о том, что ее автор отделял простой народ от татарской знати, и пр.

Автор Истории так говорит о своей биографии: По грехам моим, случилось мне быть плененным варварами и отведенным в Казань. И подарили меня казанскому царю Сапкирею. И взял меня царь с удовольствием к себе служить при дворе своем, поставил меня при

себе стоять. И я был там 20 лет. После взятия Казани пленник освобожден и получил земельный надел.

Из этой справки совершенно точно выясняется облик автора Истории. Он не принадлежал к числу духовенства, а был служилым человеком, получившим после освобождения земельный надел: царь «мало земли ми уделом дасть». Это был человек явно выдающийся и по своим талантам и по внешности, судя по тому, что казанский царь сделал его своим личным слугою.

Таким образом, известия Казанского летописца имеют особую ценность и отнюдь не заслуживают того недоверия, которое высказывается многими историками, сопоставляющими известия этого произведения с русскими летописями и отдающими последним преимущество. В сущности История о Казанском царстве сохранила для нас казанскую традицию, и в этом ее особая ценность.

Что касается второй части Истории о Казанском царстве, то она написана совсем в ином плане, чем первая, с датами «на память» того или иного святого, с церковными текстами и т. д. Ее автором был какой-либо церковник. К этой части, может быть, и относится утверждение Татищева, что Казанская история написана священником Иоанном Глазатым. Вторая часть «Истории о Казанском царстве» носит явные черты подражания Сказанию о Мамаевом побоище и почти дословно воспроизводит речи Дмитрия Донского, вкладывая их в уста Ивана Грозного. Вторая часть Казанского летописца, естественно, имеет значительно меньшее значение как исторический источник. Судя по ее последней, заключительной главе, в которой об Иване Грозном упоминается в прошлом времени, она возникла после его смерти, т. е. после 1584 г. К этому времени и надо относить первую (по Моисеевой) редакцию «Истории», тогда как подлинная «История о Казанском царстве», написанная примерно около 1565 г., до нас не дошла.

Смешанный состав «Истории о Казанском царстве» объясняет ее своеобразную фразеологию. История то именует казанцев сыроядцами, свирепыми и жестокими людьми, то не скупится на краски, описывая храбрость татар. Судьба царицы Сумбеки невольно вызывает участие, как и описание ее прощания с казанцами:

о ней восплакался весь двор, и, услышав плач, сошелся народ к царскому двору и также плакал и кричал неутешно. Сумбеку посадили на судно и поставили царицно место посреди его — «теремец цклян доспет, аки фонарь светел, златыми цками покрыт, в нем же царица сидяще, аки свеча горя, на все страны видя» (теремок, устроенный стеклами, точно фонарь светлый, покрытый золотыми досками, в нем же сидела царица, как свеча горящая, видимая со всех сторон).

Для «Истории» были использованы некоторые русские летописи и сказания, которые до сих пор как следует не изучены. «Красная» повесть о Казанском ханстве чрезвычайно нравилась русским читателям и дошла во множестве списков.

Л и т е р а т у р а

Казанский летописец. ПСРЛ. Т. 19. Спб., 1903.

Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Спб., 1905.

Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

§ 6. СТЕПЕННАЯ КНИГА

Не менее показательна для литературных тенденций XVI в. «Степенная книга». Она представляет собой громадный труд, ставящий своей задачей рассказ о русской истории, начиная с крещения Руси и кончая царствованием Ивана IV. Вся книга разделена на 17 степеней. Таким образом, Русская земля как бы поднимается от ступени (степени) на ступень. Каждая из них соответствует правлению каких-либо великих князей и митрополитов. Первая степень говорит о княгине Ольге и Владимире Святославиче, последняя — о царствовании Ивана Грозного.

Многие историки связывали время составления Степенной книги с деятельностью митрополитов Киприана и Макария, считая, что Степенная книга в первоначальном виде была составлена Киприаном в начале XV в., а в половине XVI в. продолжена при Макарии. П. Г. Васенко убедительно доказывает, что создание Степенной книги надо приписывать не Макарию, а его преемнику

митрополиту Афанасию, никаких следов редакционной работы Киприана в ней не обнаруживается. Действительно, в одном списке Степенной книги XVI в. читаем: «Книга Чудова монастыря собрана смиренным Афанасием митрополитом всея Руси». «Книга» могла быть составлена вскоре после смерти Макария, в 1563—1564 гг. Инициатором создания Степенной книги, возможно, был сам Макарий, но закончена она была Афанасием. Степенная книга использовала множество различных памятников: жития святых и отдельные повести. Особенно подробно она говорит об истории XV—XVI вв.

Задача, которую поставил перед собой составитель Степенной книги, совершенно ясна: он хотел прославить Московское царство и доказать, что московские государи являются прямыми потомками Ольги и Владимира. Эту задачу он выполнил при помощи подбора материала, иногда не считаясь с исторической правдой. Великие московские князья — не просто политические деятели, а «блаженные» и святые. Поэтому даже такие князья, как Даниил московский и сын его Иван Данилович Калита, отнюдь не святые в своей жизни, оказываются в Степенной книге блаженными.

Степенная книга оказала сильное влияние на своих современников. Большинство исторических сочинений XVI—XVIII вв. повторяло ее мысли о преемственности русского самодержавия от Владимира Святого. Стиль изложения в Степенной книге отличается витиеватостью. В то время как летописи этого времени написаны простым и точным языком московских приказов, Степенная книга отражает литературные вкусы XVI в. и написана ученым литературным языком, с большим влиянием церковно-славянских памятников. Идеи Степенной книги нашли наиболее яркое отражение в сочинениях Грозного.

Как исторический источник, Степенная книга имеет более историографическое, чем источниковедческое значение.

Л и т е р а т у р а

Степенная книга. ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. 1908; ч. 2, 1913.

П. Г. Васенко. «Книга степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. Ч. 1. Спб., 1904.

§ 7. ХРОНОГРАФЫ

В России XVI—XVIII вв. большое распространение получил особый вид исторического произведения «Хронограф». Это слово в переводе на русский язык означает «Временник». В отличие от летописей, которые дают историю только Русской земли, хронографы ставят перед собой задачу обзора всемирной истории.

Свое происхождение древнейшие хронографы ведут из Византии. Одна из переработок византийского Хронографа получила на Руси название Еллинского, или Римского, Хронографа. Она рассказывает о греческой и римской истории в виде кратких и полуполюгендарных заметок о тех или иных событиях и царях. Например: «По Нумерияне царствовал Диоклитиян и Максимиан зять его, иже и Евриулий, лет 22. Сии же подвигоша гонение веле на христианы» и т. д.

А. Н. Попов делит все русские хронографы на три редакции. Хронограф первой редакции оканчивается 1453 г., рассказом о взятии Царьграда турками. В его состав входит библейская история, повесть о Троянской войне, Александрия, или повесть об Александре Македонском, римская и византийская история с добавлением статей, относящихся к сербской, болгарской и русской истории. В основе первой редакции лежит южнославянский Хронограф, переделанный в России в 1512 г. Хронограф второй редакции, по Попову, возник в 1617 г., а Хронограф третьей редакции—в 1620 г. В основе этих переделок лежал Хронограф первой редакции.

Взгляды Попова в настоящее время подверглись значительному пересмотру. В частности, можно считать установленным, что Хронограф первой редакции не является первоначальным.

Что в основу Хронографа был положен нерусский источник, сказывается в самом освещении событий. Так, в главе о Цветославе (Святославе) рассказывается, что император Иоанн Цимисхий «самоволне убо отпускает Цветослава», настолько император был «человеколюбив и великодушен». В Хронограф внесено значительное количество сербских известий в виде больших статей и в значительно меньшей степени известия о Болгарии. Что касается русских известий, то

они, по-видимому, заимствованы в сильном сокращении из большого летописного свода, оканчивавшегося приходом татар на Москву в 1451 г. В Хронограф первой редакции вошли многие сказания как русского, так и южнославянского происхождения. Как ранний исторический источник (не позже 1512 г.), он имеет крупное значение. Очень ценен Хронограф и как историографическое произведение, распространенное на Руси.

Создание Хронографа, по А. А. Шахматову, надо отнести к деятельности Пахомия Логофета в XV столетии. Хронограф возник в России. Д. С. Лихачев время возникновения Хронографа уже прямо датирует 1441 или 1442 гг., связывая его с Флорентийской унией 1439 г. Однако в такой категорической датировке Хронографа можно сомневаться, по крайней мере, она не доказана. Нет необходимости приписывать создание Хронографа и Пахомию Логофету, так как выходцы из южнославянских стран были многочисленны и при Иване III. По своему характеру Хронограф ближе к произведениям XVI в., чем более раннего периода. Основное его содержание — византийские и русские события, и это связывает хронограф с временем Ивана III и Софьи Палеолог.

В Хронографе второй редакции русские известия дополнены событиями XV—начала XVII в. По словам Попова, «от царствования Ивана Васильевича Грозного, с 1534 г. и до конца, Хронограф — оригинальное цельное сочинение неизвестного русского автора». В нем имеется повествование о крестьянской войне начала XVII в. Автор Хронографа резко отзывается о Василии Шуйском и объясняет неудачу Гермогена в его борьбе против польских интервентов особенностями характера самого патриарха. Из главы об избрании Михаила на царство выясняется, что автором ее был сам составитель Хронографа. В Хронографе второй редакции находим и подробный рассказ о восстании Болотникова.

Хронограф третьей редакции отличается новыми дополнениями и различного рода вставками.

В XVII в. хронографы решительно вытесняют летописи и наряду со «Степенной книгой» становятся основным видом исторической литературы. При переделках

Хронографа на русской почве в него были внесены дополнительные сведения. Так, Хронограф 1512 г. был продолжен до половины XVI в. известиями о московских событиях. Автор дополнительных статей был современником рассказываемых событий. Содержание хронографов за XVII—XVIII вв. очень пестро и неоднородно. В них мы находим летописные заметки, повести и жития святых. Хронографы второй и третьей редакций заключают ряд сведений о царствовании Ивана Грозного, иногда с легендарными подробностями.

Многие хронографы дают известия о царствовании Михаила Федоровича и его потомков вплоть до начала XVIII в. Подобные хронографы состоят из самого разнообразного материала, нередко большой ценности. Так, С. Ф. Платонов опубликовал продолжение Хронографа с интересным рассказом о восстании 1648 г. в Москве. В рукописи Исторического музея имеется Хронограф с другим рассказом о том же восстании и т. д.

Списки хронографов многочисленны и заслуживают гораздо большего внимания, чем им обычно уделяется в исторических трудах.

Л и т е р а т у р а

Полное собрание русских летописей. Т. 22 (Хронограф 1512 г.).

А. Попов. Обзор хронографов русской редакции. Вып. 1. М., 1866; вып. 2. М., 1869.

А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

История русской литературы в трех томах. Т. 1. Литература X—XVIII веков. М.—Л., 1958 (см. о Хронографах, стр. 189—191, 223—224).

§ 8. НОВЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Наиболее значительными произведениями летописного характера в XVII в. были «Новый летописец» и сибирские летописи.

Новый летописец, или «Книга, глаголемая новый летописец», охватывает события с конца царствования Ивана Грозного до начала царствования Михаила Романова. В некоторых списках рассказ начинается краткими справками по русской истории, но связное повест-

ование ведется только с царствования Федора Ивановича. Летописец рассказывает о восстании в Москве посадских и служилых московских людей, о боярской недружбе, об убиении Дмитрия царевича, о смерти царя Федора, о пострижении царицы Ирины и избрании Бориса Годунова, который тотчас же начал гонения на бояр, пользуясь доносами боярских людей, «еже бы ему ведати в своем царствии». Царь Борис решил известить последнее «сродствие» царя Федора и заточил Романовых. После великого голода начались разбои, «в них же един старейшина, его же нарицаху Хлопко». После этого говорится о появлении первого самозванца, история которого излагается по официальной московской версии. Царствование «Растриги» описано сравнительно кратко; более подробно говорится о царствовании Шуйского, главным образом о военных операциях под Москвой и другими городами. Особенно подробно рассказаны события междоусобицы и освобождения Москвы от интервентов. Новый летописец заканчивается рассказом об избрании Михаила Романова на царство и событиях первых лет его царствования вплоть до поставления на патриаршество Филарета в 1619 г. В другой редакции Нового летописца, известной под названием «Летописи о многих мятежах», текст продолжен до 1655 г. и возник явно позже этого года, но включил некоторые материалы, которые отсутствуют в Новом летописце.

Текст Нового летописца не дает прямого указания на то, когда и кем он был составлен, хотя в нем мы встречаем замечания как будто автобиографического порядка. Например, в Новом летописце читаем такие строки: «То сами видехом очима своими». Однако подобные указания встречаются в разных местах Нового летописца, а рассказывается в нем о таком большом количестве событий, происшедших почти одновременно в самых разных местах России, что один человек не мог быть их очевидцем. Отсюда вытекает догадка, что составители Нового летописца пользовались сказаниями, написанными современниками. По полноте фактического материала Новый летописец занимает первое место среди всех источников по истории крестьянской войны начала XVII в.

Новый летописец, по-видимому, составлялся на основании ряда источников, многие из которых имели официальный характер. С. Ф. Платонов предполагает, что Новый летописец был составлен при патриаршем дворе Филарета Никитича, отца Михаила Романова. Новая династия еще не вполне твердо сидела на престоле; поэтому необходимо было составить такое сочинение, которое как бы подводило читателя к необходимости воцарения Романовых. Действительно, в Новом летописце мы встречаем указания на патриарха Филарета. Он назван государем уже в самом начале летописца, тогда как вся семья Романовых величается «царским последним сродствием». Указанное выше место, по мнению Платонова, могло быть написано только тогда, когда Филарет Никитич сделался уже патриархом и как царский отец титуловался наравне с царем великим государем, т. е. после 1619 г., по мнению Л. В. Черепнина — с 1630 г. Однако в главе о страдании Романовых сообщается, что Ксения Ивановна, жена Федора (Филарета) Никитича Романова, была сослана в Заонежские погосты; ее хотели уморить голодом, но она осталась жива. В известии нет и намека на то, что речь идет о царской матери. Такое известие могло возникнуть и до воцарения Романовых.

Для Нового летописца типична общая религиозная установка автора. Все беды, постигавшие Московское государство, приписываются «божьему гневу» и козням дьявола, рассказ часто начинается словами, заимствованными из житий святых: «Богу же попускающу» или «враг же искони век не хотя видети добра роду христианскому» и т. д.

Многие списки Нового летописца продолжены различными известиями первой и второй половины XVII в. Несмотря на краткость подобных известий, некоторые из них дают ценный материал.

Л и т е р а т у р а

Новый летописец. ПСРЛ. Т. 14. Спб., 1910.

Новый летописец... по списку кн. Оболенского. М., 1855.

Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. (из истории древнерусского летописания). — «Исторические записки». Т. 11. 1941.

§ 9. СИБИРСКИЕ ЛЕТОПИСИ

В XVII в. возникли первые сибирские летописи. Древнейшие из них — Есиповская и Строгановская. В своем исследовании о сибирских летописях С. В. Бахрушин полагал, что Есиповская летопись возникла в связи с деятельностью тобольского архиепископа Киприана. Эта мысль впервые была высказана Г. Ф. Миллером и повторена многими исследователями, в том числе С. В. Бахрушиным, поднявшим исследование сибирских летописей на новую ступень. По мнению С. В. Бахрушина, схема возникновения сибирских летописей рисуется примерно в таком виде. Уже в конце XVI столетия было написано «Краткое написание» о завоевании Сибири.

В XVII в., когда Тобольск стал главным центром Сибири, здесь находилась архиерейская кафедра, учрежденная в 1621 г., первым архиепископом которой был Киприан, впоследствии новгородский митрополит. При Киприане был написан синодик — список имен для поминания в церковной службе, в котором значились Ермак и его сподвижники, а также имелись статьи о жизни Ермака. Сибирская летопись, составленная Есиповым, дьяком тобольского архиепископа, была написана в 1636 г. Свою летопись он составил на основании более раннего источника. Летопись Есипова разделена на 40 глав, но по характеру изложения представляет цельное произведение. Она начинается с описания Сибири, но главное внимание уделяется личности Ермака. Летопись, по-видимому, и возникла в связи с попыткой прославить память Ермака как святого в 1636 г. Начало завоевания Сибири приписывается в Есиповской летописи инициативе Ермака.

Другой характер имеет Строгановская летопись («О взятии Сибирской земли»), составленная, по-видимому, в одной из вотчин Строганова (в Пермской земле). Главное внимание в летописи отводится Строгановым. Автор пользовался архивом Строгановых, в частности некоторыми грамотами. С. В. Бахрушин отмечает, что и Строгановская и Есиповская летописи пользовались общим источником, каким было «Краткое написание» о завоевании Сибири, составленное в конце XVI в.,

причем одни и те же события получили разное освещение: в Есиповской летописи был выдвинут на первый план Ермак, в Строгановской летописи — Строгановы.

Впрочем, схема С. В. Бахрушина не может считаться общепринятой. Исследователь сибирской истории А. И. Андреев рисует начало летописания в Сибири в существенно иных чертах.

Из позднейших летописей необходимо отметить так называемую Ремезовскую летопись. Она была написана в конце XVII в. боярским сыном Семеном Ремезовым, который указывает, что ему в составлении летописи помогали его сыновья. Ремезову же принадлежит составление «Чертежной книги Сибири», которая возникла в 1698—1700 гг. Ремезовская летопись основана главным образом на Есиповской летописи и отличается неточной хронологией.

В работах, вышедших в последнее время, в частности В. Г. Мирзоева «Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века» (1960 г.), подчеркивается официальный характер Есиповской, Строгановской и Ремезовской летописей, из которых каждая по-своему отразила идеологические основы правительственной политики в Сибири. Им противопоставляется так называемая Кунгурская летопись и некоторые другие произведения этого рода, выражающие народные воззрения на присоединение Сибири. Особое место выделяется С. У. Ремезову, который рассматривается как первый историк Сибири, а его летопись — как исторический труд, представляющий собою переходную ступень от летописного периода сибирской историографии к ее научному этапу, который начался уже в XVIII в. Однако, как уже говорилось, несмотря на почтенную давность изучения, проблемы критического исследования сибирских летописей все еще остаются незавершенными.

Л и т е р а т у р а

Сибирские летописи. Спб., 1907.

С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1927 (см. стр. 1—35).

А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. Изд. 2. М.—Л., 1960.

В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ДРУГИЕ СОЧИНЕНИЯ XVI в.§ 1. СКАЗАНИЯ О МОСКВЕ
КАК О ТРЕТЬЕМ РИМЕ

Значительный интерес для изучения идеологии конца XV—XVI вв. имеют сказания о Москве как о третьем Риме, новом центре вселенной, после того как древний «ветхий Рим» уклонился от православия в латинскую ересь, а второй, или новый, Рим (Константинополь) был захвачен турками. Сказания о Москве как о третьем Риме имеют легендарный характер.

Повесть о белом клобуке рассказывает, что император Константин Великий пожаловал белый клобук и крещатые ризы римскому папе Сильвестру: «Сотвори же убо сей святыи клобук благочестивый первый христианский царь Костянтин блаженному папе Селивестру в лето 5805-е» (в 297 г.). Затем, когда латиняне отпали от православия, белый клобук был чудесным образом перенесен в Царьград. Патриарх Филофей, предугадывая, что Царьград отпадет от православия, переслал клобук в Новгород архиепископу Василию, и с того времени все новгородские архиепископы носят белый клобук и крещатые ризы (мантию с вышитыми на ней крестами). Повесть стремилась доказать, что православие уже потеряно в Риме и Византии и перешло на Русь, вследствие чего права византийских царей переходят к царям русским. Составление повести приписывается толмачу Дмитрию Герасимову, который в послании к новгородскому архиепископу Геннадию утверждает, что он якобы нашел в Риме перевод подлинного «Сказания о белом клобуке».

«Повесть о Вавилонском царстве», сложившаяся уже в XV в., рассказывает о добывании царских регалий, которые остались в погибшем Вавилонском царстве под охраной великого змея. Царь Василий послал в Вавилон трех мужей: «греченина, обежанина (грузина) и русского». Они добыли там «царскую багряницу, и венцы и камене драгих, числом 25 камней» и принесли их к царю Василию, византийскому императору. Из Византии эти регалии вместе с шапкой Мономаха перешли на Русь.

Не менее легендарный характер имеет «Сказание о князьях владимирских». Оно дошло в нескольких редакциях, восходящих к «посланию», написанному бывшим киевским митрополитом Спиридоном, сидевшим в заточении в Ферапонтовом монастыре. По «Сказанию», московские князья происходили от римского императора Августа. Эта сказочная родословная была принята в XVI в. официально, и царь Иван IV писал в одной из своих грамот: «Мы от Августа кесаря родом ведемся». Родословие от Августа вырезано по бокам царского места, стоящего в Успенском соборе в Москве. Сказание о князьях владимирских перечисляет великих властодержцев: Сеостра и Феликса, царей египетских, Александра Македонского, Юлия Цезаря, по смерти которого «брат его Август» был провозглашен властителем вселенной и венчан венцом римского царства. Август поставил своего сродника Пруса «в брезех» (на берегах) Вислы-реки, в град, глаголемый Марборок, и Торун, и Хвойница, и пресловутый Гданеск, и «ины многи грады, по реку глаголемую Неман». Новгородцы, по совету воеводы своего Гостомысла, отправились в Прусскую землю и там нашли «князя именем Рюрика, суца от рода римскаго Августа царя». От него произошли русские князья. Позже Владимир Мономах получил из Византии от царя Константина Мономаха царские регалии и был «венчан сим царьским венцем». Сказка о князьях владимирских возникла, по-видимому, уже в конце XV в. Она перекликается со сказочным родословием литовцев, ведущих свое происхождение будто бы от князя Палемона, сродника Августа. Основанием для легенды послужило созвучие имен «прусов» и «русов», которое нередко соблазняло и позже историков.

С наибольшей яркостью представление о Москве как о «третьем Риме» выразил **Филофей**, монах Псковского Спаса-Елеазарова монастыря. Переделывая рассказ Хронографа о падении «благочестивых царств», Греческого, Болгарского, Сербского и др., покоренных турками, Филофей противопоставляет им расцвет Российской земли, которая «растет и млеет и возвышается». Свою концепцию о Москве, как о третьем Риме, Филофей обобщает таким образом: «Вся христианская царства преидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя по пророческим книгам, то есть Российское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

Сказания о начале Москвы проводят ту же мысль об особом значении этого города. Как Рим и Константинополь возникли на крови, так и начало Москвы ознаменовано трагедией. «По истине же сей град именуется третий Рим, понеже и над сим бысть в начале тоже знамение, якоже и над первым и над вторым; и аще и розлично суть, но едино кровопролитие». В связи с этим рассказывается о «селах красных» боярина Кучки, которые стояли на месте будущей столицы. Его дочь Улита вышла замуж за Андрея Боголюбского, но вместе с братьями убила его.

Рассказ о Кучковичах еще более развит в другой повести о начале Москвы, носящей черты народного предания. Она начинается как бы запевом: «Почему было государству Московскому царству быти и кто то знает, что Москве государством слыти». У владельца красных сел на Москве-реке, боярина Кучки, было два красивых сына. Князь Даниил Суздальский взял их к себе в служение, одного сделал стольником, другого — чашником. Братья приглянулись княгине Ульяне Юрьевне, вступили с ней в связь и задумали убить князя на охоте. В лесных дебрях они напали на князя, но тот ускакал, перебрался через реку и спрятался в маленьком срубе, где был погребен человек. «И почи ту ночь, темную, осеннюю». Кучковичи искали и не могли найти князя, но Ульяна посоветовала направить по следам любимого княжеского пса, «выжлеца». Кучковичи нашли сруб и убили Даниила. Брат Даниила, князь Андрей Александрович, велел княгине

Улиту «умучити розными муками» и казнить, а на Стефана Кучку и на его сыновей пошел войною, взял «приступом села и слободы красные» и казнил Стефана вместе с его сыновьями. Вырастив малолетнего племянника Иоанна Даниловича, Андрей посадил его княжить в Москве.

Повесть о начале царствующего града Москвы наполнена легендами, облеченными в форму летописного повествования и внешней правдоподобности. Есть предположение, что она возникла в начале XVII в. при царе Василии Шуйском, так как тенденциозно смешивает московских и суздальских князей, из рода которых произошел Шуйский. Несмотря на свою легендарность, повести о начале Москвы интересны как источник по истории Москвы раннего периода ее существования.

Л и т е р а т у р а

- М. О. Скрипиль.* Сказание о Вавилоне граде.—«Труды Отдела древнерусской литературы». Т. 9. М., 1953, стр. 119—144.
- Н. Н. Розов.* Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV века.—«Труды Отдела древнерусской литературы». Т. 9, М., 1953, стр. 208—217.
- Р. П. Дмитриева.* Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955.
- М. Н. Тихомиров.* Древняя Москва (XII—XVII вв.). М., 1947 (в этой книге напечатаны четыре сказания о начале Москвы).

§ 2. СОЧИНЕНИЯ ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Крупным историческим деятелем и писателем на рубеже XV—XVI вв. был Иосиф Волоцкий (1440—1515 гг.). Деятельность его тесно связана со спорами о церковных имуществах и борьбой против ереси жидовствующих. Иосиф, происходивший из служилого рода Саниных, основал Волоцкий, или Волоколамский, монастырь в лесистой местности, километрах в 20 от Волоколамска, бывшего тогда столицей удельного князя.

Иосиф Волоцкий написал большое количество сочинений, которые по внешности носят церковный характер, а по внутреннему своему содержанию представляют собой политические трактаты. Наиболее крупным сочинением Иосифа является «Просветитель», написан-

ный в 1488—1493 гг. Он начинается со «сказания о появившейся ереси новгородских еретиков Алексея протопопа, и Дениса попа, и Феодора Курицына, и иных иже такоже мудрствующих». Эта часть Просветителя является важнейшим источником по истории «жидовствующих», хотя к показаниям Иосифа надо относиться очень критически, так как волоцкий игумен не стеснялся приписывать своим противникам порой ничем не доказанные преступления. Иосиф требует жестокой расправы с еретиками: «Всем, иже христианская мудрствующим подобает осуждати и проклинати еретика и отступника, царем и князем и судиям земьским, подобает сих и в заточение посылати и казнем лютым предати». Сочинение Иосифа интересно как образец работы московского начетчика, стремящегося убедить не своими доводами, а цитатами из церковных сочинений. Нападая на еретиков, Иосиф Волоцкий выступает в защиту церковных имуществ, говоря о высоком значении монашества, потому что «никто из мирян ни чудес не сотворил, ни мертвых не воскресил, ... знамения и чудеса сотворили преподобные и богоносные отцы наши, носившие иноческий образ».

Замечательными историческими источниками являются послания Иосифа. В своих сочинениях он упорно проводит мысль о необходимости церковного землевладения. В обоснование этой мысли Иосиф высказывает и политические соображения. Если у монастыря не будет имуществ, доказывает он, то как тогда благородному человеку постричься? А если не будет честных старцев, откуда взять на митрополию архиепископа или епископа? Высшее духовенство мыслилось Иосифу набранным из среды феодальной знати, как главного поставщика «честных старцев».

В «Слове о любозазорных» Иосиф рассказывает о монастырской жизни в северо-восточной Руси главным образом на основании личных наблюдений. В послании к «некоей княгине» он развивает целую систему монастырских поминовений по умершим. Княгиня жаловалась Иосифу, что ее родных не стали поминать в монастыре на церковных службах, несмотря на сделанный ею вклад. Она называла такой поступок монастырских властей «грабежом». Оскорбленный Иосиф

изложил свою точку зрения на вклады и указал таксу, по которой нужно платить за поминание в монастыре, язвительно добавляя: «А будеть то у тебя мысль, чтобы твои понофиды пети опроче (отдельно) соборных понафид, ино уже надобе и обедни пети твои опришнии». В оправдание монастырских порядков Иосиф указывает на большие расходы монастыря: «На всяк день в трапезе едят иногда шестьсот, а иногда семьсот душ».

Выписки из церковных книг и различного рода архаизмы затрудняют чтение произведений Иосифа Волоцкого. Но в своих посланиях он уже менее связывает себя литературными условностями, и тогда перед нами звучит образная и несколько насмешливая речь русского человека конца XIV—начала XVI столетий. В послании к Борису Васильевичу Кутузову, одному из великокняжеских приближенных, Иосиф рассказывает о произволе удельных волоцких князей и приводит ряд случаев княжеского произвола, говоря о них со ссылками на свидетелей. «Да чаю, господине,— пишет он,— кое знал ты Микиту Собинина, да после его, господине, сказали князю Федору, что дети его и внучата богати. И он послал да велел их всех в город привести, да держал их в железех, да мучил месяца со два, да вымучил у них тридцать рублев денег, а что было у них в домах рухляти, то все поимали, пятьсот четвертей хлеба взял».

По красочности языка многие послания Иосифа Волоцкого могут быть поставлены вровень с произведениями протопопа Аввакума (см. гл. XIV, § 5).

Взгляды Иосифа Волоцкого одержали полную победу на церковных соборах 1503 и 1505 гг. Школа «иосифлян» держалась очень долго. Из нее вышли многие видные люди, которые занимали высокие посты в церковной иерархии XVI в. и были близки к великим князьям и царям.

Л и т е р а т у р а

Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.— Л., 1959.

Просветитель или обличение ереси жидовствующих. Творение... Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1903.

Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.— Л., 1955.

§ 3. ИОСИФЛЯНСКИЕ, ИЛИ СТЯЖАТЕЛЬСКИЕ, СОЧИНЕНИЯ

Последователи Иосифа Волоцкого получили прозвище «иосифлян»; их называли также «стяжателями», как защитников церковного землевладения. Из них видным писателем был митрополит Даниил, игумен Волоцкого монастыря, позже московский митрополит. Даниил написал много «слов» и «посланий», ценных для характеристики московского общества первой половины XVI в. Многие поучения Даниила направлены против роскоши современников. Так, он рисует портрет щеголя того времени. Щеголь не только бреет свое лицо, но и выщипывает волосы щипцами. Он ходит в красных маленьких сапожках, сжимающих ногу до великой боли, тщательно умывается, натирает лицо румянами. Стремление к роскоши, пишет Даниил, вызывает многие расходы и заставляет людей красть, грабить, лживо доносить и т. д.

В непосредственной связи со спором стяжателей-иосифлян с их противниками стоит сочинение Зиновия, инок Отенского монастыря под Новгородом, «Истины показание к вопросившим о новом учении». Зиновий Отенский разоблачает вновь появившуюся ересь некоего Феодосия Косого. Учитель ереси «Феодосий, зовомый Косой», забрав у вельможи имущество, дошел до Белого озера и там постригся в монахи, потом был схвачен и заключен в один из московских монастырей. Оттуда он убежал в Литву, где прослыл мудрым и честным «учителем».

Время возникновения ереси Феодосия Косого в сочинении Зиновия отнесено к 1552 г., само же «Истины показание» возникло около 1566 г., в период опричнины. Зиновий порицает Косого, говоря, что даже его имя показывает ложность проповедуемого им учения, потому что «косое» не может быть прямым, а не прямое не может быть истинным. Особенно возмущает Зиновия то обстоятельство, что Косой раньше был холопом. Он приводит слова: «Тремя трясется земля, четвертого понести не может: аще раб воцарится». Из книги Зиновия выясняется, что учение Феодосия Косого было направлено в первую очередь против высшего духо-

венства. Таким образом, сочинение Зиновия позволяет заключить о значительном общественном движении против церковно-феодалных верхов в России XVI в.

Зиновию Отенскому приписывается и Слово о новгородском епископе Никите, в котором писатель ставит вопрос о причинах бедствий в Русской земле и проводит параллель между русскими и турецкими порядками; отмечая превосходство последних. Слово интересно тем, что в нем высказываются те же мысли о превосходстве турецких порядков над русскими, которые имеются и в сочинениях Пересветова (см. гл. XIII, § 6).

Л и т е р а т у р а

- В. Жмакин.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. Послание многословное... на зломудрие Косого... Сочинение инокa Зиновия по рукописи XVI века.—«Чтения ОИДР». Кн. II, 1880.
- А. И. Клибанов.* Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960.

§ 4. НЕСТЯЖАТЕЛЬСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Одним из волнующих вопросов в России конца XV—первой половины XVI в. был вопрос о церковных имуществах. Церковное, в особенности монастырское, землевладение росло за счет боярских вотчин. Это вызывало недовольство боярских кругов, тем более что монастыри были проводниками политики великих князей, направленной против феодальных привилегий бояр и князей. Споры о праве монастырей владеть земельными имуществами вызвали обширную литературу «нестяжателей» и «стяжателей». Глава нестяжателей **Нил Сорский** (1433—1507 гг.), в миру Майков, принадлежал к видному боярскому роду. Он построил за Волгой на реке Соре монастырь, от которого и получил свое прозвище. Нил Сорский оставил несколько сочинений, из которых наибольшее значение имеет его устав. Монастырь, по мнению Нила, не должен владеть имуществом. Монахи обязаны работать и добывать себе средства к существованию.

Ярким представителем нестяжателей был **Вассиан Косой**, приближенный великого князя Василия III,

в миру боярин князь Патрикеев. Фигура Вассиана, как знатного боярина, стремившегося и в монашестве сохранить свои привилегии, ядовито описана Зиновьем Отенским в таких словах: Когда жил Вассиан в Симонове монастыре, то не изволил он есть симоновской пищи, хлеба ржаного и варева из капусты и свеклы. Молока промозглого и пива монастырского, очистительного для желудка, не пил. Эту пищу и питье монастырь из деревень получает, поэтому монастырской пищи и пива Вассиан не ел и не пил. Ел же монах Вассиан пищу, приносимую от трапезы великого князя: хлеба пшеничные и другие сладкие кушанья, а пил сей нестяжатель романею, бастр, мушкатель, рейнское белое вино. Вассиан Патрикеев составил особый вид Кормчей книги, из которой исключил все статьи, говорящие в пользу церковного стяжательства, и выступил против церковных имуществ в своих посланиях.

В середине XVI в. появилась «Беседа валаамских чудотворцев». В этом сочинении под видом беседы святых Валаамского монастыря приводятся рассуждения о неприличии иноков владеть вотчинами: «Иноков селы и волости со християны жаловати не достоин, и не похвально есть царем таковое дело».

Л и т е р а т у р а

- Нил Сорский.* Предание и устав. — «Памятники древней письменности и искусства». Вып. 179. Спб., 1912.
Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М. — Л., 1958.
Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М. — Л., 1960.

§ 5. МАКСИМ ГРЕК И ЕРАЗМ-ЕРМОЛАЙ

По характеру своей литературной деятельности к нестяжателям примыкал Максим Грек. Он родился в 1475 или 1480 г. в городе Арте на побережье Адриатического моря. Максим получил хорошее образование и некоторое время жил в Италии, а позже на Афоне. Есть основание думать, что в Италии он носил имя Михаила Трифолиса. Максим Грек появился в Москве в 1518 г. в числе переводчиков с греческого на славян-

ский, присланных с Афона по просьбе Василия III. В Москве Максим не удержался от участия в политической борьбе и принял сторону Вассиана Патрикеева, выступавшего против развода Василия III с великой княгиней Соломонией, попал в опалу и был осужден на церковных соборах 1525 и 1531 гг. в заточение; его обвиняли в ереси и в сознательном искажении церковных книг при переводе на русский язык. Максим Грек находился почти до смерти в непрерывном заточении и, несмотря на все просьбы, не был отпущен на родину. Умер он в 1555 г. в Троицком монастыре.

В своих сочинениях Максим Грек касается почти всех сторон русской жизни. В «Слове постранные излагающе с жалостью нестроения и безчиния царей и властей последнего жития» он в аллегорической форме изображает Российское государство в образе вдовы, именуемой «Василия» (царство), одетой в черное и сидящей на распутии. В слове «на лихоимствующих» говорится о несправедливых обвинениях, какие делают правители, подбрасывая к чужим дверям убитых и обвиняя потом в преступлениях неповинных людей. С особым ожесточением Максим Грек ополчается на стяжательствующих монахов. В «поучении к инокам» он указывает, что духовенство не учит народ и ничем не отличается по своей жизни от мирян. В «Сказании об иноческом жителстве» приводится беседа между Филоктимом (стяжателем) и Антимом (нестяжателем). Антимон укоряет монастыри за непрерывную погоню за деньгами, за стремление угнетать крестьян, облагая их невыносимыми поборами, и т. д. Жестокая эксплуатация крестьян монастырскими властями ярко выступает в посланиях Максима Грека.

Значительный интерес имеет сочинение публициста середины XVI в., известного под именем Ермолая, в монашестве Еразма. Его сочинение носит несколько витиеватое название: «Благохотящим царем правительница и землемерие». Еразм-Ермолай рассматривает вопрос об обложении крестьян податями и повинностями, а также «землемерие». Что принималось им под названием землемерие, не вполне ясно; идет ли речь о писцовых или межевых книгах, сказать трудно. В царской грамоте 1553 г. упоминаются «земские книги», где отме-

чались размеры участков и другие сведения. Еразм-Ермолай высказывает замечательную для своего времени мысль о России XVI в. как об аграрной стране: «Зде же в Русийстей земле ни злато, ни сребро не ражається, ни величынн скоти, но благоволением божиим всего дражайши ражаються жита на прекормление человеком». Главное богатство страны — хлеб, а его производят крестьяне, ратаи, «от их бо трудов есть хлеб». Поэтому крестьяне заслуживают уважение, а как раз они живут «в волнениях скорбных». Еразм развертывает систему мероприятий, которые должны быть проведены в государстве для удовлетворения интересов крестьян, горожан и служилых людей. Проекты Еразма отразили на себе различные тенденции в русском обществе XVI в. и представляют значительный исторический интерес.

Л и т е р а т у р а

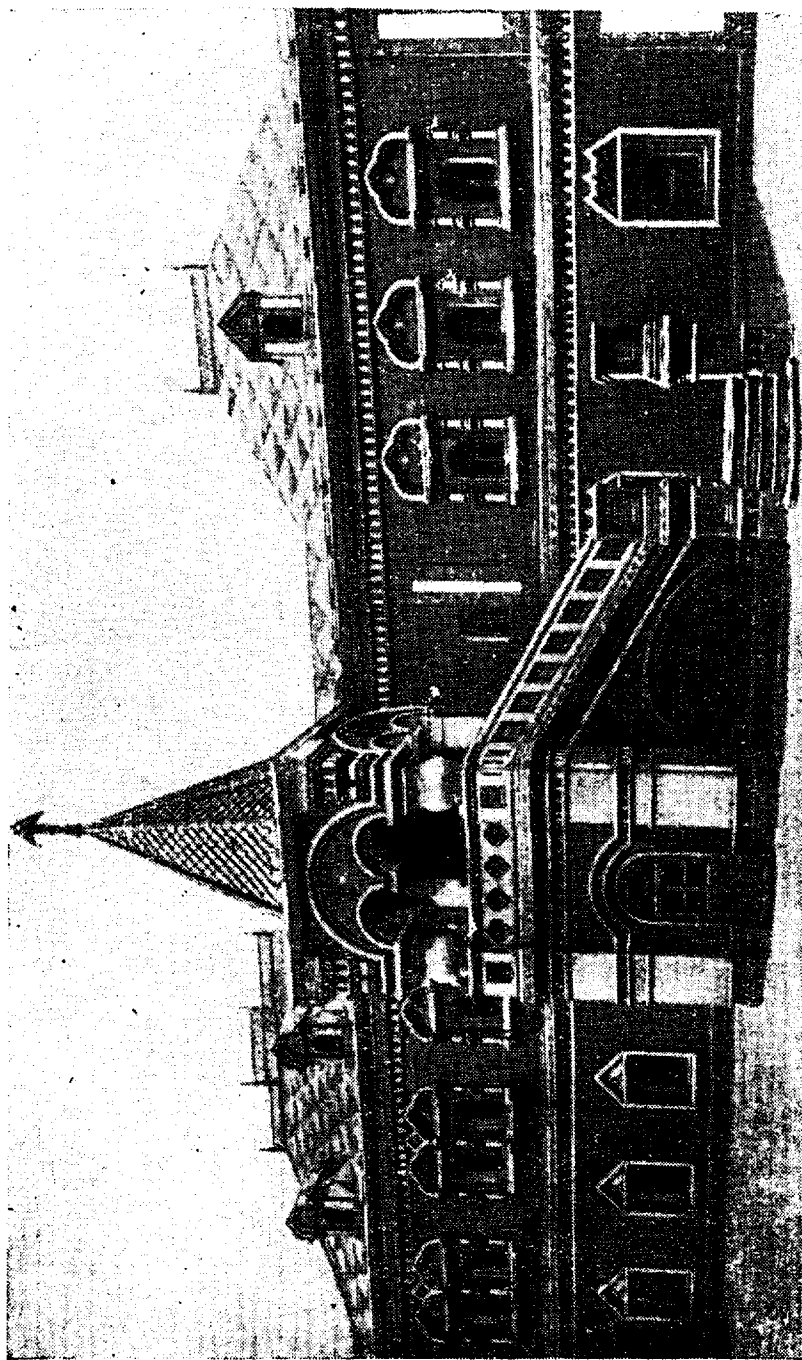
- В. С. Иконников.* Максим Грек и его время. Изд. 2. Киев, 1915.
И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.— Л., 1947.
В. Ф. Ржига. Литературная деятельность Ермолая-Еразма.—
 «Летопись занятий Археографической комиссии». Вып. 33.
 Л., 1926.

§ 6. СОЧИНЕНИЯ ИВАНА ПЕРЕСВЕТОВА

В середине XVI в. появились сочинения Ивана Пересветова, имеющие крупное историческое значение.

Личность Ивана Семеновича Пересветова долгое время казалась загадочной. Н. М. Карамзин, а вслед за ним М. Н. Покровский считали, что Пересветов никогда не существовал, а имя его является просто псевдонимом, может быть даже самого Ивана Грозного. Теперь многие вопросы, связанные с происхождением Пересветова и с историей его произведения, могут считаться решенными в новом исследовании А. А. Зимина.

Сохранилась челобитная Пересветова на царское имя, в которой он рассказывает о своей судьбе. Пересветов жил в разных странах: в Молдавии, в Венгрии, в Польше. Некоторое время он служил у румынского, «волошского» воеводы Петра, о чем сам пишет: «А ехал есми, государь, за Югор на Волоскую землю и был есми

Печатный двор в Москве, здание XVII в.

пять месяц у Петра, волоского воеводы, в Сочаве». В Россию Пересветов вернулся около 1540 г. -

Сочинения Пересветова сохранились в различных редакциях, причем не всегда легко установить, с чем мы имеем дело, с компиляцией, использовавшей творение Пересветова, или с его подлинным произведением.

В «Большое сказание» Пересветова, как мы будем его далее называть (оно не имеет заглавия), входят: рассказ об основании Царьграда, о взятии Царьграда турецким царем, сказание о книгах, которые хотел сжечь султан Магмет, сказание о Магмете-Салтане, предсказание философов о царе Иване, малая челобитная, второе предсказание философов, сказание о царе Константине греческом, большая челобитная.

В своем «Сказании» Пересветов рассказывает, что султан Магмет (Магомед II) по завоевании Царьграда будто бы велел собрать все книги греческого закона и приказал их истребить. Только по молитве патриарха книги были спасены. Пересветов противопоставляет твердое правление Магомета слабому правлению последнего греческого царя Константина: царь Константин «велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовались и неправдою судили».

Идеализация турецкого правления характерна и для многих западноевропейских сочинений XVI в. Так и Магмет-Салтан у Пересветова наделен чертами идеального государя. Но этот идеальный государь, по существу, живет в обстановке, заимствованной из русской действительности. Магмет, по «Сказанию» Пересветова, отменил наместничества и оброчил вельмож своих из казны своея царския, кто чего достоин». Он «дал суд во все царство» и жестоко казнил неправедных судей, приказывая с них с живых сдирать кожу, ведь «как конь под царем без узды, так царство без грозы». Особое значение Пересветов придает военным реформам Магомета. Даже успех турецких завоеваний объяснен Пересветовым тем, что султан постоянно держит войско «для того, чтобы царство не оскудело». У Магомета имеется 40 тыс. янычаров, которые верно ему служат.

Совсем иные порядки были при греческом царе Константине. При нем вельможи его богатели, пользуясь малолетством царя, и суды были неправедны. Так, под

аллегорическими образами султана и христианского царя Пересветов рисует два образа правления: турецкое (самодержавное) и русское, сохранившее пережитки феодальной раздробленности. Турецкий способ правления выше русского, развращенного, но это может быть изменено. И Пересветов устами волошского воеводы восклицает о русском царе: «Толко его бог соблюдет от того уловления велмож его, ино такового под всею подсолнечною не будет мудраго воина и счастливаго к воинству».

Идеология Пересветова — это идеология служилого человека. Поэтому он выдвигает программу создания нового войска из служилых людей. Такая программа была отчасти осуществлена уже в 1550 г., когда тысяча «лучших» дворян была поселена на землях вокруг Москвы. Сам Пересветов, судя по его челобитной, принадлежал к числу служилых людей, ненависть которых была направлена главным образом против бояр. В обуздании боярского самовластия сильной властью самодержавного царя Пересветов видел возможность дальнейшего развития Российского государства.

Яркая политическая окраска сочинений Пересветова в первую очередь и привлекает исследователей историков и историков литературы. Но этим не исчерпывается значение произведений Пересветова как исторического источника. В его сочинениях мы находим несколько утрированное, но правдивое изображение военных, судебных и административных порядков России середины XV в. Тут и рассказы о трупах, брошенных к чужим домам, и споры вельмож о кормлениях, и воинники, занявшиеся торговлей, и пр. В высказываниях Пересветова чувствуется наблюдательный современник, пользующийся даже обычной терминологией своего века. «И тем ему слуги называются, что цветно и конно и людно» выезжают они на царскую службу, пишет Пересветов о боярских отрядах, употребляя термин разрядных документов: «конно, людно и оружно».

Сказания Пересветова интересны и как источник, показывающий международное положение России накануне взятия Казани. Устами волошского воеводы выражается надежда поработенных христианских

народов на помощь России: «Тем ся ныне царством Руским хвалит вся греческая вера, надеются от бога великаго милосердия и помощи божия свободити руским царем от насильства турскаго царя иноплеменника».

Сочинения Пересветова переписывались и дополнялись, что является само по себе доказательством того интереса, какой они имели для современников. Его произведения вошли в состав многих списков Хронографа третьей редакции.

Л и т е р а т у р а

Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1956.

А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

§ 7. СОЧИНЕНИЯ АНДРЕЯ КУРБСКОГО

Крупное значение, как исторический источник по истории России в середине XVI столетия, имеют сочинения Курбского.

Князь Андрей Михайлович Курбский происходил из рода ярославских князей, которые долго сохраняли призрачные остатки своей прежней самостоятельности. Курбский первоначально находился в приближении к царю Ивану IV. Но в отношениях между ним и Грозным произошло охлаждение. В 1564 г. Курбский изменил и бежал в Литовское великое княжество, где он написал несколько сочинений различного содержания. Из них наиболее ценным является «История о великом князе Московском».

Курбский рассказывает о жизни Ивана Грозного от его рождения до того времени, когда была написана «История», т. е. до 1578 г. Он начинает свое повествование с женитьбы Василия III на Елене Глинской, говоря словами церковного писателя о рождении у них сына Ивана: «И родилась в законопреступлении и во сладострастии лютость»; тогда родился «нынешний Иоанн наш». По словам Курбского, царь Иван уже в детстве проявлял жестокость и любил мучить животных.

Позже, в дни юности, он вместе со своими приятелями ездил по улицам Москвы и бесчинствовал. Уже в это время начались опалы и казни бояр.

После московского восстания 1547 г. молодой царь приблизил к себе протопопа Селивестра и Алексея Адашева: «И нарицались тогда оные советницы у него избранная рада». Курбский рассказывает о походе на Казань и ее завоевании. В «Сказании о взятии Казани» Курбский воздерживается от выпадов против Грозного и даже отзывается о нем с похвалой; царь, «возревновав ревностью, начал против врагов сам ополчаться». Возможно, что «Сказание» было первоначально написано в виде особой повести в те годы, когда шла речь о кандидатуре царя Ивана на польский престол. По крайней мере Курбский делает выпад против западных королей, заявляя, что царь Иван во время осады Казани поступал не так, «яко есть нынешним западным царем обычай все нощи истребляти, над карты сидяще». Эти слова являются явным намеком на польского короля Генриха Валуа (был избран королем в 1573 г.).

Уже вскоре по взятии Казани царь, по словам Курбского, «отрыгнул нечто неблагоприятно» и вопреки советам добрых людей поехал в Кириллов монастырь. Здесь он виделся с одним из иосифлянских монахов, Васьяном Топорковым, который дал Грозному совет: «Аще хочещь самодержець быти, не держи собе советника, ни единого мудрейшего собя». Напившись «таковаго смертоноснаго яду», царь поехал обратно, но в дороге у него умер сын. Иван «во мнозей скорби» вернулся в Москву. После взятия Казани царь начал войну против крымских татар, далее последовала Ливонская война. Курбский сообщает интересные подробности о взятии некоторых ливонских городов, упоминая и о своих походах, и победах русских войск.

Однако Грозный, «егда уже обронулся, божиею помощю храбрыми своими от окресных врагов его, тогда воздает им». Тогда «воскурилося гонение великое и пожар лютости в земле возгорелся». С этих слов начинается вторая часть «Истории о великом князе Московском», повествующая о казнях и опалах бояр. «История» заканчивается послесловием, обличающим не только царя, но и его любимцев, «пагубников отечества».

«История о великом князе Московском» — источник большого исторического значения. Курбский лично участвовал во многих событиях царствования Грозного. Во время похода на Казань он начальствовал над одним из полков, который шел дикими лесами через Мордовскую страну. Курбский поэтически описывает высокую гору, на которой расположилась Казанская крепость: «На ней же град стоит и полати царские и мечети, зело высокие, мурованные, иде же их умершие царие клалися».

Как воспоминания очевидца, «История» является ценным источником. Но вместе с тем сочинение Курбского является крайне пристрастным. Курбский многое писал по слухам и приписывал Ивану IV такие преступления, которых тот никогда не совершал. В самых черных тонах Курбский описывает своих противников — иосифлян. Митрополит Даниил у Курбского — «прегордый и проклятый», Васьян Топорков — «сын дьявола». Наоборот, боярин Андрей Шуйский, известный своими грабежами и насильствами в Пскове, назван «благородным». «История о великом князе Московском» в конце концов не просто историческое сочинение, а памфлет, направленный против Грозного.

Свои взгляды на самодержавие Курбский выразил также в посланиях к Грозному. Переписка с Грозным началась тотчас же после бегства Курбского в Литву в 1564 г. Из Вольмара Курбский прислал Грозному первое послание («епистола») с характерным началом: «Царю, от бога препрославленному, паче же во православии пресветлому явившуся, ныне же, грех ради наших, сопротив сих обретшемуся». Курбский упрекает царя в гибели русских воевод и обличает ближайших бояр и ласкателей Грозного, «иже ты подвижут на Афродитския дела и с детьми своими, паче Кроновых жерцов, действуют», намекая на отца и сына Басманных, тогдашних царских любимцев. Формальным отказом от подданства Грозному и изменой звучат заключительные слова послания: «Писано в Вольмере граде государя моего Августа Жигимонта короля». На это послание Грозный написал ответ. Так началась переписка между Грозным и Курбским. Сохранилось три епистолии Курбского и два ответных послания Грозного.

Во втором послании Курбский издевается над ответом Грозного, называя его письмо «широковещательным и многоречивым писанием». В третьем, самом обширном послании, написанном в 1579 г., Курбский отвечает на второе послание Грозного, оправдывает себя и обличает Грозного, предлагая ему вспомнить прежние времена: «Вспомня дни своя первии, в них же блаженне царствовал еси, не губи к тому себя и дому твоего».

Язык посланий Курбского отличается витиеватостью. Автор нередко делает ссылки на латинских и греческих авторов, с сочинениями которых он был знаком как в переводах, так и в подлинниках. Эта особенность стиля Курбского зависела от его стремления писать литературной речью XVI в., но сохранилось письмо Курбского в Псково-Печерский монастырь, написанное обычной московской речью того времени.

Л и т е р а т у р а

- Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перев. и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951.
- Кн. А. М. Курбский. История о великом князе Московском. Спб., 1913.
- Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. Пг., 1914.

§ 8. СОЧИНЕНИЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

Крупный исторический интерес имеют сочинения Ивана Грозного, обладавшего недюжинным литературным талантом. Среди них прежде всего необходимо отметить послания Ивана Грозного, написанные в ответ на епистолии Курбского. Грозный прекрасно понимал, что его письма к Курбскому являются документами большого политического значения. Этим объясняется существование нескольких редакций первого послания Грозного, которое, видимо, переделывалось и соответственно исправлялось в расчете на относительно широкое распространение. Оно и озаглавлено в одном из списков как «царево государево послание во все его Российское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищи о их измене». Царь

указывает на многочисленные боярские измены, в которых принимали участие и предки Курбского. В связи с этим он говорит о заговорах князя Андрея Углицкого, брата Ивана III, Дмитрия — внука и др.

С чувством глубокой обиды Грозный вспоминает о своем детстве, когда он находился на попечении бояр и в полной зависимости от них. Князь Иван Васильевич Шуйский, его воспитатель, непочтительно относился к памяти царских родителей: «Едино воспомянути: нам бо во юности детская играющим, а князь Иван Васильевич Шуйской сedit на лавке, локтем опершись отца нашего постелю, ногу положа на стул, к нам же не приклоняся не токмо яко родительски, но ниже властельски, рабское же ниже начяло обретеса. И тако-вая гордения кто может понести».

Грозный заявляет, что бояре преследовали всех близких к нему людей и ограбили великокняжескую казну: «Что же убо о казнах родительского ми достояния. Вся восхитиша лукавым умышлением будто детям боярским жалованье, а все себе у них поймаша во мздоимание... И тако в той нашей казне исковаше себе сосуды златые и серебряные, и имя на них родителей своих возложиша, будто их родительское стяжание. Всем людем ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйсково шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи. И коли бы то их была старина, и чем было суды ковати, ино лутчи бы шуба переменитьи».

Грозный смотрит на себя как на наследника византийских императоров, первого во благочестии царя Константина, от которого «искра благочестия» дошла и до Русского царства. Он является законным властителем: «Яко же родихомся во царствии, тако и воспитахомся и возрастохом и воцарихомся, божиим повелением и родителей своих благословением все взяхом, а не чюжее восхитихом».

Во втором кратком послании к Курбскому царь обвиняет бояр в смерти царицы Анастасии Романовны и в желании сделать царем Владимира Андреевича Старицкого.

Сохранились и другие послания Грозного. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь адресовано игумену Козьме, который жаловался Грозному на монастырские

беспорядки. Грозный сперва заявляет, что не смеет на «такую высоту дерзати», не может указывать монахам, каким образом надо жить в монастыре. Ведь это они, монахи, должны его наставлять, «а мне псу смердящему, кого могу учить и чем наставлять и чем просветить». Однако вопреки подобному уничижительному началу царь делает монахам жестокие упреки, которые носят определенно политический характер. Сосланные в Кирилло-Белозерский монастырь бояре Шереметев и Хабаров нарушали монастырские порядки. Против них и направлено послание Грозного, потому что это не путь спасения, когда в чернецах боярин не оставит боярства, а холоп не уйдет от своего холопства.

Как и во многих других произведениях XVI в., язык посланий Грозного смешанный. То он пишет витиеватой и велеречивой речью, наполненной архаизмами, то вдруг начинает говорить простым и образным языком своего времени. В послании к одному из своих приближенных, Василию Грязному, царь издевается над опричником, попавшим в плен к крымским татарам и надеявшимся выкупиться при царской помощи. Царь не отказывается выкупить Грязного, но сопровождает это обещание издевательскими словами: «И мы для приближенья твоего тысячи две рублей дадим, а доселева такие по пятидесят рублей бывали».

В последнем издании к числу произведений Ивана Грозного отнесены и некоторые грамоты, посланные от его имени и даже от имени его бояр. В действительности эти грамоты не могут быть названы произведениями самого царя, а являются творчеством дьяков Посольского приказа. Грамоты по своему стилю совершенно несходны со стилем Грозного. В первую очередь это относится к посланиям бояр, написанным людьми, знающими белорусскую и польскую речь. Грозный не стал бы подражать литовским грамотам и писать: «Заслужовали есмя и впредь з жадењим заслужовати будем». Также неправильно и приписывание авторству Ивана Грозного посланий к королеве Елизавете и к шведскому королю Иоанну III, хотя и несомненно его участие в корректировании этих грамот при докладе бояр и дьяков. С таким же правом можно приписать любую посольскую грамоту авторству и других царей и великих князей.

Л и т е р а т у р а

Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перев. и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

§ 9. «ДОМОСТРОЙ»

Среди литературных памятников XVI в. особое место занимает «Домострой» — книга об устройстве хозяйства и семейной жизни.

В первых главах «Домостроя» даются наставления о «справедном житии», в следующих за ними — сведения хозяйственного порядка. Из 67 глав Домостроя около половины (29 глав) имеют наставительный характер. Остальные заключают указания, как надо «огород и сад водить», как человеку запасное питье держати и т. д.

Раньше автором Домостроя считали Сильвестра, протоиерея Благовещенского собора в Кремле и духовника Ивана Грозного, так как послание Сильвестра к его сыну Анфиму помещено в некоторых списках Домостроя. Однако авторство Сильвестра подвергнуто сильным сомнениям. Памятник дошел до нас в двух редакциях, сильно различающихся между собой и, по-видимому, составленных не одним и тем же лицом. Есть мнение, что первая редакция Домостроя возникла в Новгороде, а вторая является переделкой и приспособлением к московским порядкам.

Домострой имеет целью научить каждого человека «благоразсудливому и порядливому житию». Чтобы добиться праведного жития, человек должен следовать некоторым правилам. Прежде всего необходимо с раннего детства воспитывать детей в «страхе божием» и наказывать за проступки. Глава дома должен «учить» жену и своих слуг, каким образом надо наводить дома порядок: «И увидит муж, что непорядливо ужены и слуг, ино умел бы свою жену наказать всяким рассуждением и учить». За великое ослушание и небрежение можно даже побить плетью, но только «вежливенько», с тем чтобы люди «того не ведали и не слышали».

Домострой дает подробнейшие указания, как следует управлять хозяйством. Перед нами проходит жизнь скопидомного человека, непрерывно занятого

мыслями о своем хозяйстве. «Всякому человеку, богату и убогу, велику и малу, рассудити себя и сметити, по промыслу и по добытку и по своему имению, а приказному человеку, сменя себя по государскому жалованью и по доходу, и таков двор себе держати и всякое стяжание и всякий запас, по тому и люди держати и всякий обиход; по тому и ести и пити, с людьми сходиться с добрыми». По Домострою, каждый человек должен жить согласно своим достаткам. Все пищевые припасы следует покупать осенью, когда они дешевле, а хранить их тщательно. Хозяин и хозяйка обязаны ходить по кладовым и погребам и смотреть, каковы запасы и как они хранятся. Заготавливать и заботиться обо всем для дома должен муж, сберегать же заготовленное должна жена, как хозяйка. Все припасы рекомендуется выдавать по счету и записывать, сколько чего выдано, чтобы не позабыть.

Домострой рекомендует постоянно иметь на дому людей, способных к различного рода ремеслам: портных, сапожников, кузнецов, плотников, «а ко всякому рукоделию у мужа и у жены всякая бы порядня и снасть была в подворье». Надо стараться ничего не покупать на деньги, а все иметь в доме готовым. В Домострое указываются и рецепты, как надо готовить те или иные припасы: пиво, квас, заготавливать капусту, хранить мясо и различные овощи и т. д.

Некоторые черты Домостроя сближают его с монастырскими обиходниками, расписывавшими распорядок монастырской жизни по дням на весь год. Домострой является своего рода мирским обиходником, указывая мирянину, как и когда ему надо соблюдать посты, праздники и т. д.

Значение Домостроя заключается в том, что он рисует нам жизнь зажиточного человека XVI в. Это — горожанин, может быть, купец. Поэтому в особой главе отмечается «годовой обиход домовиту человеку, мужу и жене, и у кого поместья, и пашни, и сел, и вотчины нет». Круг мыслей и бытовых условий, в которых жил горожанин XVI в., рисуется в Домострое очень ярко.

Как источник по экономической истории XVI столетия Домострой незаменим, хотя в этом отношении явно недостаточно использован историками. Название

Домострой сделалось нарицательным для определения варварских семейных порядков, но домостроевские порядки типичны для определенного времени, когда телесное наказание не считалось оскорблением (в английской армии оно держалось и в XIX в.). В действительности же Домострой всячески осуждает жестокость и чрезмерные наказания, советуя каждого человека «добрым словом привечати и ести и пити поставити». В конечном итоге Домострой — это книга «о домовом строении» XVI в. во всем его своеобразии.

Л и т е р а т у р а

- Домострой по списку Общества истории и древностей российских. — «Чтения ОИДР». Кн. II, 1882.
Домострой по Коншинскому списку и подобным. К изданию подг. А. С. Орловым. — «Чтения ОИДР». Кн. II. М., 1908.
-

СОЧИНЕНИЯ XVII в.

§ 1. СКАЗАНИЯ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ
И ИНТЕРВЕНЦИИ НАЧАЛА XVII в.

Многочисленные сочинения появились в связи с крестьянской войной и интервенцией начала XVII в. Одним из наиболее интересных произведений этой эпохи является «Иное сказание». Это название условное. Издатель памятника Беляев нашел в рукописи сказание Авраама Палицына, после которого было помещено произведение неизвестного автора с пометой «инаго творения», в силу чего Беляев назвал и все сочинение «Иным сказанием». По мнению Е. Н. Кушевой, Иное сказание в полном своем виде составлено в 1620 г. в виде дополнения к истории Палицына.

По своему составу Иное сказание представляет собой компиляцию, составленную, по мнению С. Ф. Платонова, из шести частей. Из них наибольшее значение, как исторический источник, имеет первая часть, представляющая повесть о времени Бориса Годунова и первого Самозванца, условно называемая «Повестью 1606 г.». В ней рассказывается о смерти царевича Дмитрия, о воцарении Бориса Годунова, о появлении Самозванца и его царствовании, о свержении Лжедмитрия, воцарении Шуйского и перенесении «мощей» царевича Дмитрия в Москву. Повесть сохранила на себе отпечаток самостоятельного литературного произведения. Это можно видеть хотя бы по тому, каким образом она отделена от других частей компиляции, оканчиваясь словами: «Благодать же и мир да будет со духом вашим, братия, и ныне и присно и во веки веков. Аминь». В конце повести выражается радость по поводу избавления Мос-

ковского государства от Самозванца и воцарении Василия Ивановича Шуйского, «такового благочестивого государя, истинного заступника и пастыря словесным овцам своим, а не наймника».

Платонов определяет время написания повести 1606 г. на том основании, что в ней упоминается о перенесении мощей царевича Дмитрия из Углича, которое произошло 3 июня 1606 г., но еще нет указаний на движение Болотникова. Последнее замечание, впрочем, не вполне точно, так как автор повести уже говорит о тех, кто возмущает покой царствования Василия Шуйского: «Аще и, губителю божий, не пременишеся от злаго сего обычая своего, ей реку ти, постражеси zde и в будущем». Этот злой губитель, вероятнее всего, — новый самозванец Лжедмитрий Второй.

Повесть 1606 г. носит на себе яркие черты пристрастия автора к Василию Шуйскому, родословие которого возводится к Владимиру Святому, «прежних благоверных царей корене». Наоборот, автор проявляет большую враждебность к Борису Годунову, обвиняя его в убийстве царевича Дмитрия, называя вторым Иудой-предателем и Святополком Окаянным. Повесть включила в свой состав и некоторые официальные документы.

Во второй части Иного сказания помещен так называемый «Извет Варлаама», это — донос монаха Варлаама, спутника Отрепьева, об его побеге в Польшу. Кроме того, в Ином сказании помещена крестоцеловальная запись царя Василия Шуйского, в которой он обещает «всякого человека, не осудя истинным судом з бояры своими, смерти не предати, вотчин, и дворов, и животов у братии их, и у жен, и у детей не отоймати». Запись является документом, ограничивающим самодержавие в пользу боярства, служилых людей и горожан.

К числу ранних произведений о крестьянской войне относится «Казанское сказание», найденное в одном сборнике XVII в. В известном нам виде это «Сказание» также представляет собой компиляцию, среди которой выделяются два отрывка, носящие на себе черты произведения, написанного вскоре после подавления восстания Болотникова, примерно в 1611 г. Из всех известных

нам сочинений Казанское сказание, в сущности, дает единственный связный рассказ о восстании Болотникова, написанный русским. Оно крайне интересно по своей классовой направленности, особой, поистине звериной ненависти по отношению к восставшим холопам и крестьянам, которых автор называет «злосмрадными», «зловредными» «гультиями» и т. д.

Большинство других повестей XVII в., рассказывающих о крестьянской войне и интервенции, возникло значительно позднее описываемых в них событий. К их числу относится «Временник дьяка Ивана Тимофеева». Иван Тимофеев (Тимофеевич) был дьяком в Москве; в 1598 г. он подписался на избирательной грамоте царя Бориса, в начале царствования Василия Шуйского служил в Москве, а позже был дьяком в Великом Новгороде, затем в Астрахани, Ярославле и Нижнем Новгороде, откуда вернулся в Москву только в 1628 г.

«Временник» состоит из пяти больших глав о царствованиях: Ивана Васильевича Грозного, Федора Ивановича, Бориса Федоровича Годунова, Дмитрия Самозванца («богопустное на Московское государство Ростригино беззаконное царство») и Василия Ивановича Шуйского. В конце дается «Летописец вкратце» о тех же царях, о крестном целовании королевичу Владиславу и о вдовстве Московского государства.

Временник был закончен не позднее 1619 г. Иван Тимофеев писал на основании личных наблюдений, но многое написано им по отдаленным воспоминаниям, порой нарочито витиеватым стилем, скрывающим подлинные обстоятельства событий. Тимофеев очень строг и недоброжелателен к своим современникам. Он называет Грозного «яростивым царем», который введением опричнины «земли всей велик раскол сотвори». Наоборот, царь Федор величается «освятованным». Царь Борис — злой раб, достигший престола обманом и преступлением: «И чудо! первый бо той в Росии деспод безкнижен бысть, в миролюбных же двизаемых вещех многосугуб коварств паче тацех многокнижных». Эта фраза дала повод к легенде о том, что Борис Годунов был неграмотным, хотя эти слова только подчеркивают его малоосведомленность в церковной книжности. Подписи молодого Бориса Годунова обнаружены в двух актах.

Во второй части своего Временника Иван Тимофеев рассказывает о междоусобице. Эта часть сочинения крайне интересна по ее классовой направленности. Иван Тимофеев ополчается против «безглавной чади», которая положила начало «смуте» в Российском государстве: «Скотолепно зело суетен совет безглавная чадь в мыслех своих утвердиша, обаче на се уклонишася, яко да начальныя изгубить и избранным лучшая мужа и нарочитейшая себе по мукам всех смерти предадут, именья же их они наследят, еже и бысть, но не вечно пребыть». Восставшие крестьяне и холопы представляются Тимофееву виновниками «смуты».

События крестьянской войны и интервенции начала XVII в. описаны и другим очевидцем — Авраамием Палицыным, келарем Троицкого монастыря, в обязанности которого входило заведование монастырским хозяйством и его громадными земельными владениями. «Сказание Авраамия Палицына» разделяется на три больших отдела: 1) Краткое повествование о времени царей Федора, Бориса Годунова, Лжедмитрия и Василия Шуйского. 2) Сказание об осаде Троицкого монастыря 3) Рассказ о дальнейших событиях до 1618 г. По-видимому, все эти части были особыми произведениями и создавались в разное время. Вся же книга была составлена и выправлена в 1620 г., как указывает ее окончание: «Исправися книга сия, глаголемая история вкратце... в лето 7128-го году».

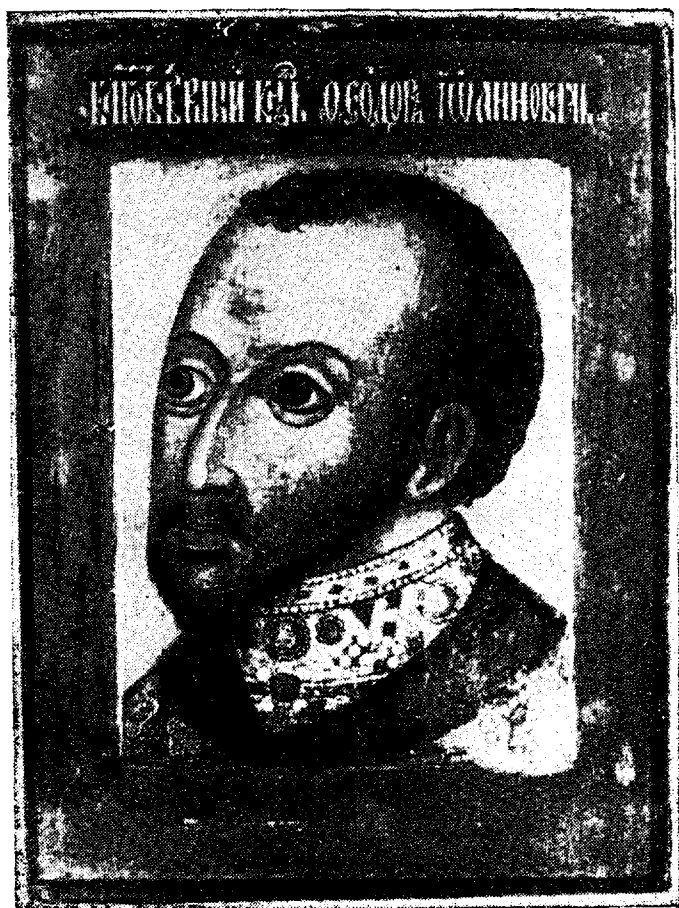
В полной редакции «Сказание» имеет заголовок: «История вкратце в память предидущим родом, како грех ради наших попусти господь бог праведное свое наказание по всей России». Палицын начинает свое сочинение рассказом о царствовании Ивана Грозного, которого он называет «благочестивым и храбрым». Под заголовком «О начале беды во всей России» помещен рассказ о великом голоде при Борисе Годунове. После этого следуют главы «О зачале разбойничества и ворах во всей России», «О розстриге Григории» и «О совете розстригине, како было ему погубить московских бояр», «О царе Василии Шуйском». Этими главами оканчивается краткая редакция Сказания Авраамия Палицына. В полной редакции вслед за этим говорится об осаде Троицкого монастыря поляками. Рассказ Палицына об осаде мона-

стыря является важнейшим источником по истории польской интервенции в начале XVII в. Палицын уверяет, что всего войска у поляков было «с Сапегой и с Лисовским до 30 000, кроме черни и полоняников».

Сказание Авраамия Палицына представляет собой интересный памятник феодальной идеологии. Причины бедствий Российского государства представляются Палицыну в том, что «всяк от своего чину выше начаша восходить: раби убо господие хотяще быти, и неволнии к свободе прескачюще». В ярких красках описывает Палицын разорение России в результате иноземной интервенции: «И переменишася тогда жилища человекаа на зверскаа... И крыяхуся тогда человецы в дебри непроходимыя и в чащи темных лесов и в пещеры недоведомыя и в воде между кустов, отдыхающе и плачущеся». Беды и ужасы, постигшие Русскую землю от иноземцев, Палицын объясняет грехами самих современников: «Сквернейши бо иноверных есмы, донели же не обратимся».

Значительный интерес представляют сочинения еще двух современников крестьянской войны и интервенции начала XVII в. — Хворостинина и Катырева-Ростовского. Повесть Хворостинина имеет название «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в Росии». После весьма витиеватого введения Хворостинин начинает свой рассказ, предуведомляя читателя: «Аз бо елика слышах и елика видех, никакоже могу таити, и никто же ми не неверуй сему писанию, не мни (не считай) мене гордящася». «Краткая повесть» Хворостинина интересна некоторыми историческими подробностями. В частности, в ней мы встречаем рассказ о столкновении патриарха Гермогена с боярами.

«Повесть» Катырева-Ростовского сохранилась в двух редакциях. В конце Повести помещены вирши, суммирующие ее содержание и указывающие в конце на ее автора: «Есть же книги сей слагатай сын предиреченного князя Михаила, роду Ростовского сходатай». Из заглавия Повести выясняется, что она была закончена 28 июля 1626 г. Слог Повести простой и в то же время яркий. Автор вкладывает в уста действующих лиц речи, которые оживляют изложение, иногда вводит в рассказ картины природы, набрасывая их немно-

Портрет царя Федора Ивановича

гими, но яркими штрихами. В конце Повести помещено «Написание вкратце о царех московских, о образах их, и о возрасте, и о нравех», дающее портретные изображения царей — современников Катырева-Ростовского.

Все указанные выше сказания о классовой борьбе и интервенции начала XVII в. вышли из-под пера авторов, принадлежавших к социальным верхам. Отсюда в их сочинениях проявляется и соответствующая классовая оценка событий. Сохранились, однако, и другие повести, благоприятные по отношению к восставшим крестьянам и горожанам. Эти сочинения принадлежат к небольшому циклу псковских произведений, возникших в условиях ожесточенной классовой борьбы.

Из псковских повестей наиболее интересна «Повесть о разорении Пскова», внесенная в состав летописи, но являвшаяся отдельным произведением. «Начальное развращение, нелюбовное житие» началось в Пскове с того времени, как царь Василий Шуйский потребовал сбора денег. Тогда богатые люди собрали деньги «со всего Пскова, з больших и с меньших и со вдовиц, по раскладу». Между меньшими и большими в городе началась борьба за власть. К меньшим людям относились стрельцы, посадские люди и поселяне (крестьяне), к «большим» людям принадлежали дворяне, духовенство, купцы-гости, «богатством кипящие». В Пскове началось великое смятение в связи с вопросом, присоединяться ли к новгородцам, поддерживавшим царя Василия Шуйского, или нет. «Игумени, и священники, и большие люди, дети боярские, люди, кои во Пскове остались, те по новгородцах хотяше соединитись; ратные люди, стрельцы и казаки, и мелкие люди, и поселяне по крестном целовании хотяше накрепко стояти». Меньшие люди собирались на площади, правительство их сидело в земской избе. Простой крестьянин Кудекуша Трепец сам допрашивал псковских попов и детей боярских, «и воеводам указывал». В ответ «лучшие» люди устроили заговор и восстановили свою власть. Ожесточение среди них было такое, что даже священники производили пытку «кликунов», сторонников восставших, засаженных под арест в каменную палату.

Повесть о разорении была написана вскоре после описываемых событий и отличается большой исторической достоверностью. В идеологическом отношении это совершенно исключительный по своему значению документ, вышедший из-под пера какого-нибудь псковского посадского человека, описавшего бесхитростными словами классовую борьбу в родном городе.

В псковских же летописях помещено «Сказание о бедех и скорбех и напастех, иже бысть в велицей России». Оно написано в Пскове примерно около 1620 г. и рассказывает о событиях не только псковских, но и касающихся всего Российского государства. Составитель сказания являлся сторонником «меньших» людей. По его словам, бояре скоро забыли «свое прежнее безвремение и наказание, что над ними господь бог за их

насильство сотвори, от своих раб разорени быша, и паки на тоже подвигошася». Все зло в Русской земле сотворилось «от злых чаровников и зверообразных человек».

Л и т е р а т у р а

Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. РИБ. Т. 13. Спб., 1902 (издание второе). Сказание Авраамия Палицына. Подготовка текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955.

С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века, как исторический источник. Изд. 2. Спб., 1913.

Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в.— «Исторические записки». Т. 14. 1945.

Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени XVII века.— «Ученые записки Саратовского Государственного университета». Т. 5. Вып. 2. Саратов, 1926, стр. 21—97.

М. Н. Тихомиров. Новый источник по истории восстания Болотникова.— «Исторический архив». Т. 6, 1951.

Повесть о разорении. ПСРЛ. Т. 4, стр. 321—328.

Сказание о бедах и скорбех. ПСРЛ. Т. 5, стр. 55—56.

§ 2. СОЧИНЕНИЕ ГРИГОРИЯ КОТОШИХИНА

Одним из самых замечательных источников по истории России XVII в. является сочинение подьячего Григория Котошихина. Как и другие подьячие Посольского приказа, Котошихин (он же Кошихин) принимал участие в переговорах с иностранными державами. В 1661 г. он ездил гонцом в Стокгольм для заключения Кардисского мира. Во время войны с Речью Посполитой (1659—1667 гг.) Котошихин находился при Я. К. Черкасском и И. С. Прозоровском, которые командовали русскими войсками. В 1664 г. Котошихин бежал из России сначала в Польшу, затем в Пруссию, оттуда в Любек и, наконец, в Швецию. В Стокгольме под фамилией Селицкого он поселился в доме королевского переводчика Анастасиуса в 1668 г. Сам Котошихин уверял, что он бежал из Российского государства, не желая написать ложный донос на князя Якова Черкасского, но существует собственноручная записка Котошихина о его службе польскому королю. Из записки выясняется, что Котошихин разведывал в Москве и сообщал

различные вести в Польшу, будучи, таким образом, шпионом еще до бегства из России. Поэтому в приходо-расходной книге Посольского приказа справедливо записано, что в 1664 г. «Гришка (Котошихин) своровал; изменил, отъехал в Польшу». Котошихин не отличался особой нравственностью и разборчивостью и в частной жизни. В пьяном виде он поспорил в Стокгольме со своим хозяином и убил его. По приговору шведского суда Котошихин был казнен.

Сочинение Котошихина (подлинник его хранится в Упсале в Швеции) было написано по заказу шведского правительства, что заставляло автора подделываться под общий враждебный тон тогдашних правителей Швеции по отношению к России. Отсюда выпады Котошихина против «московских людей» и их «не богобоязливой натуры». С особой насмешкой он говорит о московских боярах, которые, уставя «брады», обдумывают государственные дела, хотя боярская дума отнюдь не отличалась полной бесталанностью в делах.

Главная ценность сочинения Котошихина заключается в том, что он прекрасно знал московские порядки и дает их подробное описание. Впрочем, Котошихин не прочь сгустить краски. К тому же он писал по памяти и порой ошибался. Тем не менее сочинение Котошихина является своего рода руководством для изучения жизни приказов и других правительственных учреждений Российского государства XVII в.

Сочинение Котошихина не имеет заглавия и состоит из 13 глав. Глава 1 рассказывает о царях, царицах и свадебном чине при царской женитьбе. Здесь же сообщается об обрядах, соблюдаемых при рожденьях царских детей, об обряде погребения царя и царицы. Глава 2 дает понятие о московских «чинах», различных разрядах придворных и военных людей, о боярах, окольных, дворянах, стрельцах и прочих служилых людях. При этом Котошихин иногда переводит русские слова на более понятные для шведов термины: например, окольного он называет каштелянусом (кастеляном). С особенной точностью Котошихин говорит об обязанностях дьяков и подьячих: «И те дьяки во дьяцы бывают пожалованы из дворян московских и из городовых, и из гостей, и ис подьячих. А на Москве и в городах

в приказах з бояры и окольничими, и думными, и ближними людьми и в посолствах с послами бывают они в товарыщах; и сидят вместе, и делают всякие дела, и суды судят, и во всякие посылки посылаются».

В главе 3 приводятся образцы титулов, какие пишутся в грамотах, посылаемых к царю, а также в грамотах от царя в другие государства: «цесарскому величеству Римскому», королевскому величеству Свейскому, королям польскому, английскому, датскому и т. д. В главе о титулах Котошихин, видимо, руководствовался «титульником» — книгой титулов, которыми московские государи называли других владетелей. Главы 4 и 5 сообщают о посольских обрядах. Указываются, какие «чины» отправлялись за рубеж и в каких случаях посольства возглавляют бояре и стольники, сколько с ними наряжается переводчиков и подьячих, какие дары обычно посылаются с гонцами и послами. Здесь же указывается, какая «честь», т. е. какой прием и содержание, назначается послам и посланникам, прибывающим в Россию из других государств. В главе 6 находим перечисление царских дворов (Казенного, Сытенного, Кормового, Хлебного, Конюшенного) с указанием их назначения.

Особенно ценна 7 глава, в которой говорится о московских приказах (Приказ тайных дел, Посольский приказ, Приказ большого дворца, Разрядный приказ, Стрелецкий приказ, Приказ Казанского дворца и др.). В главе 8 рассказывается о городах Московского государства и посылаемых в города воеводах, в главе 9 — о военных сборах, в главе 10 — о торговых людях. В главе 11 говорится о крестьянах. Эта краткая глава любопытна указанием на права землевладельцев: «Бояре, и думные, и ближние, и всяких чинов люди, помещики и вотчинники, ведают и судят своих крестьян во всяких их крестьянских делах, кроме разбойных же и иных воровских дел». Очень ценны цифры о количестве дворов, принадлежавших разным владельцам: 50 тыс. дворов принадлежало царю, 7 тыс. дворов — патриарху, 12 тыс. дворов — четырем митрополитам, 16 тыс. дворов — десяти архиепископам. В главе 12 говорится о царской торговле. Последняя, 13-я, глава рассказывает о частной жизни бояр и «иных чинов людей».

Сочинение Котошихина написано точным, деловым языком приказного человека XVII в. Перед нами не произведение, преследующее литературные цели, а деловая записка, не лишенная в некоторых случаях своеобразного юмора, свойственного многим документам XVII в. Котошихину чужда церковная фразеология, характерная для литературных произведений этого века, что придает его языку особый оттенок простоты и ясности.

Л и т е р а т у р а

О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина. Изд. 4. Спб., 1906.

§ 3. СОЧИНЕНИЯ ЮРИЯ КРИЖАНИЧА

Произведения Юрия Крижанича принадлежат к числу публицистических произведений XVII в., что придает им особую окраску. Крижанич, родом хорват, с 1640 г. жил в Риме. В 1658 г. он встретился в Вене с московским посланником Лихаревым и получил разрешение приехать в Россию, но вскоре после приезда, уже в 1661 г., был сослан в Тобольск, где прожил 15 лет, и только после смерти Алексея Михайловича, в 1676 г.. получил разрешение покинуть Россию.

Наиболее выдающееся сочинение Крижанича — «Политичные думы». В нем автор излагает свои взгляды на значение России среди других славянских стран. В связи с этим Крижанич рассматривает источники государственного богатства: торговлю, ремесла, земледелие, горные промыслы. Он предлагает развивать в стране собственную торговлю и промышленность: «Отнюдь же никаковы иноземски торговцы не маются допустить в кравеству держать домов, ни лав, ни складов, ни сводов, ни оправников либо наместников своих, ни консулов на Москве». Крижанич настаивает на необходимости завести отечественную горную промышленность, указывая на месторождения руды в России («железная рудокопина при Туле» и т. д.), которые, впрочем, стали разрабатываться задолго до появления его сочинения.

Говоря о государстве, Крижанич ополчается против «ксеномании», или «чужебесия», которое «есть бешеная

любовь чужих вещей и народов». По словам Крижанича в Польше, например, живет несметное множество чужеземцев: «Толико множина есть того куколя (плевел) у ляхов: да уже не можем речь, инородники живут между Ляхми, но паче Ляхи живут между инородниками» (не можем даже сказать, чужеземцы ли живут среди поляков или поляки живут среди чужеземцев). Крижанич сообщает краткую, но любопытную справку об иностранных искателях русской короны, называя в их числе шведского королевича Густава — жениха царевны Ксении, Филиппа Шведского и Вольдемара (или Вольмара) Датского, сватовство которого обошлось в 100 тысяч рублей золотом.

Крижанич останавливается на вопросе о методах правления государством, ополчаясь против «крутого владения» и «людодерства». В России, по мнению Крижанича, «зачальник сему крутому владению» был царь Иван Васильевич. Московские судьи, указывает Крижанич, получают так мало из казны, что не могут прожить без взяток; нечего поэтому и удивляться, «что на Москве есть тако много воров и разбоев, и людоморства, но паче диво, како еще люди праведны могут на Москве жить».

Сочинения Крижанича по своему характеру стоят одиноко среди литературы XVII в., будучи гораздо ближе к публицистике петровской эпохи и порой перекликаясь по своим идеям с произведениями Посошкова. В качестве исторического источника труд Крижанича важен прежде всего как попытка по-своему объяснить русские феодальные порядки XVII в. В нем мы встречаем множество замечаний, характеризующих московскую действительность и дающих ключ к изучению социальных проблем этого времени.

Крижанич приводит много выписок из различных иностранных книг, а также из русских сочинений. К сожалению, до сих пор мы не имеем сколько-нибудь полной оценки его работ, как исторического источника. Нет согласия и в оценке деятельности Крижанича. Признание Крижанича простым шпионом и агентом папского престола в Риме с целью добиться унии православия и католической церкви является несколько примитивным, хотя идея главенства римского папы

естественна для Крижанича, получившего католическое воспитание.

Вероятнее всего, в Крижаниче можно видеть идеалиста, которого ловко использовали католические круги. Ссылка Крижанича в Тобольск находит объяснение в его выступлениях против московского «людодерства» в эпоху городских волнений, приведших к «медному бунту» 1662 г. Писания Крижанича и были основанием для его ссылки в Тобольск, иначе бы его бумаги не попали в архивы царя и патриарха.

Важным историческим источником и примечательным сочинением Юрия Крижанича является его «История о Сибири» (1680 г.), представляющая краткий, но исчерпывающий очерк.

Сочинения Крижанича изданы неполно и недостаточно научно. Издание их — очередная задача наших историков.

Л и т е р а т у р а

Ю. Крижанич. Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. Открыл и издал П. Бессонов. Ч. 1. М., 1859; ч. 2, М., 1860.

С. А. Белокуров. Юрий Крижанич в России. (По новым документам.) М., 1902.

Л. М. Мордухович. Из рукописного наследия Ю. Крижанича. — «Исторический архив» № 1, 1958.

§ 4. ЖИТИЯ СВЯТЫХ И ЧЕТЫИ-МИНЕИ XVI—XVII вв.

В XVI—XVII вв. было написано большое количество житий святых, но значение этих произведений как исторических источников для указанных столетий значительно меньшее, чем для предыдущих веков. Ведь сказания о жизни святых и их чудесах с их условностью изложения дают только некоторые подробности о важных исторических событиях, зато решительно искажают действительность в тех случаях, когда дело касается монастырского стяжательства и эксплуатации крестьян. Так, многочисленные жития рассказывают о сопротивлении крестьян захвату их земель монастырями, изображая такое сопротивление как козни дьявола.

Тем не менее жития святых нельзя полностью игнорировать как исторический источник. В житии Варсо-

нофия, архиепископа Казанского, находим, например, интересные сведения об его жизни в ключниках у одного боярина. Житие Евфросиния Псковского рассказывает о церковных спорах в Пскове, связанных с вопросом о том, как надо петь на богослужении припев «аллилуйя» — дважды или трижды, «сугубо» или «трегубо». Этот вопрос позже сделался предметом разногласий между господствующей и старообрядческой церковью, защищавшей «сугубую» аллилуйю.

Житие Юлиании Лазаревской, написанное ее сыном, рисует перед нами картины жизни провинциального дворянства. Обширные жития основателей северных монастырей, Александра Свирского и Антония Сийского, наполнены интересными подробностями о жизни на севере России и т. п.

Жития святых иногда составляли особые сборники — «патерики». Известны патерики Троицкого, Волоколамского (Иосифова) и Соловецкого монастырей. В середине XVI в. по приказанию митрополита Макария был создан обширный свод житий и другой церковной литературы как русского, так и переводного значения, существовавшей к этому времени в России. Он составляет 12 громадных томов, отдельно на каждый месяц. Этот свод церковной литературы, сохранившийся в двух экземплярах (Успенское собрание хранится в Историческом музее в Москве), называют «Макарьевскими Четьями-Минеями». Слова «минея-четья» обозначают, что книга предназначалась для чтения на каждый день (от греческого минос — месяц).

Возникали и частные собрания Четых-Миней, рассчитанные на ежедневное чтение в течение года. В XVII в. были написаны Тулуповские и Милютинские Четьи-Минеи, созданные монахом Тулуповым и священником Милутиным. В начале XVIII в. возникли Четьи-Минеи ростовского митрополита Дмитрия, напечатанные и получившие особую распространенность. Однако Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского дают текст житий в сильно переделанном виде и далеко ушли от первоначальных текстов.

Кроме того, сохранились сборники кратких житий и поучений, носящие название «Пролог». В них, как и в Четьях-Минеях, материал расположен по месяцам,

начиная с 1 сентября, которое считалось до 1700 г. началом нового лета —новогодием.

§ 5. СОЧИНЕНИЯ АВВАКУМА И ДРУГИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Большая литература возникла в связи с расколом во второй половине XVII в. На первом месте среди нее стоит «Житие» протопопа Аввакума, вдохновителя и руководителя старообрядцев. Жизнь Аввакума была полна резких контрастов. В начале царствования Алексея Михайловича протопоп Аввакум пользовался большой славой, но вскоре за противодействие нововведениям Никона попал в опалу и был сослан в Сибирь, а затем расстрижен. Аввакум долгое время сидел в земляной тюрьме в Пустозерске и был сожжен на костре в 1682 г. Упрямый и раздражительный, но в то же время принципиальный и до конца преданный своим идеям, Аввакум красноречиво рассказывает о своей жизни. Озлобление его направлено главным образом против патриарха Никона, который едва сделался патриархом, «так друзей не стал и в крестную (палату) пускать». Трогателен рассказ Аввакума о путешествии его в Даурию, куда он был сослан. Величественная и суровая природа Сибири, тягостные условия пути, грубость и самовольство царских воевод и приставов ярко встают перед нашими глазами: «Четвертое лето от Тобольска плаванию моему. Лес гнали хоромной и городской. Стало нечево есть; люди учили с голоду мереть и от работных водяные бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые... огонь да встряска — люди голодные: лишю станут мучить, ано и умрет». Поразительно поэтичны рассказы Аввакума о сибирской природе. За Байкалом он увидел каменные утесы и горы, «а наверху их — полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы — все богоделанно», т. е. все создано природой, хотя и напоминает творения человеческих рук. На Байкале путникам встретились русские ловцы, подарившие Аввакуму 40 свежих осетров, «плачут, миленькие, глядя на нас, а мы на них». Но

«бедный Петрович», как сам себя называет Аввакум, умеет подняться и стать выше личного бедствия, заступаясь за вдову, у которой «начальник отнял дочь», не стесняясь говорить дерзости самому царю и патриарху. За это его и били и сажали в каменную темную палатку, где он «сидел три дни, ни ел, не пил».

Автобиография Аввакума, написанная простым и образным языком, является прекрасным источником по истории России второй половины XVII в.

Для знакомства с ранней историей раскола большое значение имеют послания Аввакума к его единомышленникам. Они ярко рисуют быт XVII в., являясь в этом отношении совершенно незаменимым источником. Чего стоят, например, упоминания Аввакума об его молодости: «Смолода голубей держал, попович голубятник был». «В земле сидя, яко кокушки кокуют», — пишет он о боярыне Морозовой и княгине Урусовой, «резаемыми языками» называет он раскольниковых попов, наказанных отрезанием языка.

Сохранились также послания других старообрядческих учителей: дьякона Феодора, инока Авраамия и т. д. Особенно интересно житие казанского протопопа Ивана Неронова, впоследствии отошедшего от старообрядчества. Подробности священнической жизни Ивана Неронова в Нижнем Новгороде и Москве рельефно рисуют быт посадских людей и деятельность духовенства в первой половине XVII в. Автор жития Неронова рассказывает, как по Нижнему Новгороду ходили скomorохи «с бубны, и с домрами, и с медведьми». В церквах для ускорения службы зараз пели и читали в два, три, даже в четыре голоса, «и от самих священников и причетников шум и козлогласование в святых церквах бываше странно зело».

Л и т е р а т у р а

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960.

П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. Спб., 1898 («Библиографический перечень источников для истории внутренних вопросов в расколе первого ея периода» дается на стр. XXXVII—CXXIV).

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Пг., 1916.
Книга бесед протопопа Аввакума. Пг., 1917.
Материалы для истории раскола (за первое время его существования). Т. 1. Документы, содержащие известия о лицах и событиях из истории раскола за время его существования. Ч. 1. О лицах, судившихся на соборе 1866—1867 года [б.м.; б.г.].

§ 6. САТИРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Интересный материал для истории социальной и культурной жизни дает сатирическая литература XVII в. Появление ее тесно связано с подъемом культуры городского, «посадского», населения, активно выступавшего против царских порядков, что нашло свое выражение в городских восстаниях 1648—1650 и 1662 гг.

«Азбука о голом и небогатом человеке» рассказывает историю разорившегося человека. В ней находим такое объяснение причин его разорения: «От сродников зависть, от богатых насильство, от сосед ненависть, от ябедников продажа, от лстивых наговор». Все происходит потому, что «люди богаты живут, а нас голеньких не слушают». Азбука, по-видимому, составлена кем-то из московских посадских людей, так как в одном из ее списков упоминаются «Всесвятые на Кулишках» — церковь, и теперь стоящая на площади Ногина в Москве.

Ту же мысль о беспросветной бедности мелких людей выразил «Праздник кабацких ярыжек», или «Служба кабаку», — любопытный памятник, показывающий, что атеистические мысли не были чужды низам русского населения и в XVII столетии. «Праздник» написан в виде пародии на всенощную; начинаясь словами церковных уставов: «На малой вечерни поблаговестим в малые чарки, таже позвоним в полведришки пивийшка, таже стихиры в меньшей заклад, в перстни, и в ноговицы, и в руковицы, и в штаны, и в портки. Глас пустошный подобен вседневному обнажению». Запев: «Да упоает пропойца на корчме испити». В. П. Адрианова-Перетц, которой принадлежит заслуга глубокого изучения сатирической литературы, указывает, что «Служба кабаку», быть может, возникла в Сольвычегодском крае, как на

это имеется указание в одном из списков. Вероятно, автором ее был какой-либо из «гулящих людей», работавших на соляных промыслах Строгановых, может быть, бывший дьячок или поп-расстрига.

Любопытным памятником является так называемая «Калязинская челобитная», высмеивающая порядки Макариева Троицкого монастыря в Калязине. Это настоящий памфлет, написанный в подражание челобитной монахов («Калязина монастыря от крылошан») на игумена «в его неисправном житии». В стиле приказных документов XVII в. крылошане жалуются на порядки, заведенные архимандритом: «Да он же архимандрит приказал в воротах с шелепом стоять кривому старцу Фалелею, нас, богомольцев твоих, за ворота не пустить, и в слободу сходить не велит, и скотья двора присмотреть, чтоб телят в хлев загнать и кур в подполье посажать, благословенье коровнице подать». Архимандрит велит часто ходить в церковь, даже по ночам, «а мы, богомольцы твои, в то время круг ведра с пивом без порток в кельях сидим, около ведра ходя правило говорим, не успеть нам, богомольцам твоим, келейного правила исправить, из ведра пива испорознить, не то, что к церкви часто ходить и в книги говорить». В таком же духе челобитная разоблачает другие монастырские порядки, угрожая уходом в другой монастырь, «где вино да пиво найдем».

«Повесть об Ерше Ершовиче» высмеивает суд XVII в. под видом «судного списка», который рассказывает о том, как тягался лещь с ершом в Ростовском озере. Суд ведет большой боярин и воевода — осетр, окольничий — сом с большим усом. Свидетелями выступают различные рыбы: сельдь переяславская, окунь и т. д. Ерш говорит о себе как о добром человеке: «Знают меня на Москве и в иных городех князи, и бояре, и дети боярские, и головы стрелецкие, и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городех». Но обвинители заявляют иное: «Знают ерша на Москве бражники и голыши». Когда нет денег «купить добрые рыбы, и он купит ершев на полденьги». Свидетели утверждают, что «ерш — лихой человек и ябедник». В некоторых списках обозначен даже воображаемый год, когда ерш судился с лещем, —

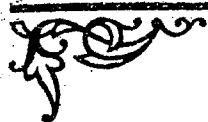
7105-й, т. е. 1597 г. В. П. Адрианова-Перетц справедливо отмечает, что сатирическая литература — «явление большого общественного и историко-литературного значения».

Л и т е р а т у р а

Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937.

ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЙ
В ВОСТОЧНУЮ ЕВРОПУ И В АЗИЮ
(«СКАЗАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ») XIV—XVII вв.

§ 1. ОСОБЕННОСТИ
«СКАЗАНИЙ ИНОСТРАНЦЕВ»

Среди источников по истории СССР XIV—XVII вв. видное место занимают «сказания иностранцев», под которыми понимаются различного рода описания путешествий и посольств в Россию и в другие страны Восточной Европы и Азии.

Еще К. Бестужев-Рюмин указал, что в сказаниях иностранцев масса преувеличений и различного рода ошибок. Иногда это объясняется тем, что иностранцы обычно не знали языка народа, в среду которого они попадали, что приводило к недоразумениям. В трудах многих путешественников имена, названия городов, рек и предметов искажены до неузнаваемости. Примеров таких искажений можно встретить очень много, особенно в тех случаях, когда иностранцу встречались длинные, трудные для произношения слова. Искажения происходили и вследствие того, что иностранцы по-своему передавали незнакомые им звуки чужого языка.

Особенностью сказаний иностранцев является пристрастность их мнений. Каждый из них ехал в иноземную страну с определенными взглядами, и очень многое зависело от того, каких целей он добивался. Часто мнение путешественников о том или ином народе зависело от приема, какой он встретил в стране. Иностранцам обычно не нравились московские порядки. В Москве

послам нелегко было сноситься с правительством, а еще труднее было собирать необходимые сведения. Приезжая в далекое государство, где нравы и обычаи резко отличались от Западной Европы, иностранцы рассматривали новые для них порядки со своей точки зрения; поэтому им бросалось в глаза главным образом все отрицательное. Иностранцы описывают, например, всеобщее повальное пьянство русских во время пасхи, рассказывают не очень пристойные анекдоты по поводу нравственности русских и т. п. Читая подобные сказания, можно подумать, что в Западной Европе ничего подобного не было. В действительности же двор Генриха III во Франции или какого-либо владетеля в Италии был не менее распущен, чем двор Ивана Васильевича Грозного. Пороки московского общества были в то же время и пороками общества западноевропейского.

Не следует забывать и того, что иностранцы принадлежали к другому, чем «москвиты», исповеданию; они были католиками или протестантами. Это создавало у иностранцев превратное представление о тех церковных обрядах, какие существовали в России. Некоторые из них считали нужным даже доказывать, что русские «все-таки» христиане, только извратившие прежнюю религию. Впрочем, и православные русские отказывались видеть в католиках и протестантах настоящих христиан.

Указанные недостатки не мешают пользоваться сказаниями иностранцев, дающими первоклассный материал не только для бытовой, но и для политической истории.

В ряде случаев иностранцы рассказывают о таких событиях, которые без их известий остались бы тайной для позднейших поколений. Например, Герберштейн сохранил интересные сведения о скандальных подробностях развода великого князя Василия III с его первой женой Соломонией. Тот же Герберштейн рассказывает, что Василий во время набега крымского хана бежал из Москвы и выдал хану грамоту с обязательством платить дань. Эта подробность казалась легендарной. Однако русские источники подтверждают правильность этого известия.

Л и т е р а т у р а

- К. Бестужев-Рюмин.* Русская история. Т. 1. Спб., 1872, стр. 165—208 («Сказания иностранцев»).
- В. О. Ключевский.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.
- С. Р. Минцлов.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Вып. 1. Новгород, 1911.

§ 2. ТРАКТАТ МЕХОВСКОГО И СОЧИНЕНИЕ ПАВЛА ИОВИЯ

Одним из ранних географических сочинений о Восточной Европе, появившихся на Западе, было сочинение Матвея Меховского (Матвея из Мехова), вышедшее под названием «Трактат о двух Сарматиях» (1517 г.). Древние названия сарматов и скифов для обозначения народов Восточной Европы употреблялись в ученых западноевропейских сочинениях для обозначения народов Восточной Европы. Меховский был профессором, а позже — ректором Краковского университета. Трактат состоит из двух книг. В первой говорится о «Сарматии» Азиатской, во второй — о «Сарматии» Европейской. Ценнейшей частью трактата является повествование о заволжских и крымских татарах и их истории. Эта часть представляет крупный интерес для истории татарских ханств, образовавшихся после распада Золотой Орды.

К первой же половине XVI в. относится получившее широкую известность сочинение Павла Иовия Новокомского, епископа города Комо в Италии. Павел Иовий в 1523 г. собирал сведения о России у толмача Дмитрия Герасимова, который сопровождал в Рим русское посольство. В сочинении «О посольстве великого князя русского Василия к папе Клименту III» (напечатано в 1537 г. в Базеле) Новокомский дает краткое описание России на основании рассказов Герасимова.

Л и т е р а т у р а

- М. Меховский.* Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.—Л., 1936.

§ 3. ЗАПИСКИ О МОСКОВСКИХ ДЕЛАХ СИГИЗМУНДА ГЕРБЕРШТЕЙНА

В первой половине XVI в. появилось сочинение Сигизмунда Герберштейна, являющееся важнейшим источником по истории России в этот период.

Герберштейн родился в 1486 г. в Крайне (часть тогдашней Австрии, населенная главным образом славянами). Уже ребенком помимо немецкого языка Герберштейн знал и «славянский». В 1516 г. он отправился в Москву в составе австрийского («цесарского») посольства, которое добивалось заключения мира России с Польшей. Посольство прибыло в Вильну, где было принято польским королем Сигизмундом, а в апреле 1517 г. приехало в Москву. Переговоры в Москве шли об общих мероприятиях, направленных против турок. Однако посольству не удалось достигнуть заключения союза Австрии и России против Турции. В 1526 г. Герберштейн был снова послан в Россию. Выехав в январе в Польшу, он встретился с представителями короля Сигизмунда, а 28 апреля того же года прибыл в Москву. Второе пребывание Герберштейна в Москве продолжалось девять месяцев.

Герберштейн изложил рассказ о своих путешествиях в Россию в книге «Записки о московитских делах», впервые изданной в Вене в 1549 г. Он начинает «Записки» с изложения русской истории на основании летописей, с которыми мог познакомиться в Москве. Далее Герберштейн останавливается на вопросе о том, что собой представляет христианство «москвитов», рассказывая о православных обрядах, о бракосочетаниях, крестинах и т. д.

Следующая глава говорит о военном устройстве России. Далее излагается «хорография», или география, России и прилегающих к ней стран. В сочинении Герберштейна мы находим описание многих русских городов: Москвы, Пскова, Новгорода и др. Кроме того, даны краткие сведения о странах, прилегающих к Российскому государству, причем особая глава говорит о плаваньи по Ледовитому океану. Герберштейн дает и описание некоторых областей Литовского великого княжества и Ливонии.

Точность известий Герберштейна очень велика. Он пользовался обычно верными сведениями, которые собирал в Москве. В свое сочинение он включил (в переводе на латинский язык) несколько древнерусских памятников: «Послание о латинах Иоанна митрополита», «Вопрошание Кириково», «Изложение рассказов из русской истории, взятых из летописи» и др. В базельском издании 1551 г. к сочинению Герберштейна приложены рисунки, в том числе гравированный портрет Василия III.

Л и т е р а т у р а

Барон Сигизмунд Герберштейн. Записки о московитских делах; Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. Введение, перевод и примечания А. И. Малеина. Спб., 1908.

§ 4. АНГЛИЙСКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Ко второй половине XVI в. относится серия английских путешествий, совершенных в Восточную Европу и Азию.

В 1553 г. в устье Северной Двины прибыло английское судно, которым командовал Ченслер. Появление англичан в Белом море было связано с поисками морского пути в Индию вокруг северных берегов Европы и Азии. Краткий отчет Ченслера «о могущественном царе России и князе Московском, о принадлежащих ему владениях, о государственном строе и о товарах его страны» содержит ряд ценных сведений.

Еще больший интерес представляет краткий отчет о путешествиях, который составил Антоний Дженкинсон. Он был в России пять раз (первый раз — в 1557 г., последний — в 1571 г.). Во время второго своего путешествия Дженкинсон попытался пробраться через Москву в Индию. По Волге он добрался до Каспийского моря и оттуда с караваном до Бухары. Отчет Дженкинсона об этом путешествии особенно интересен для истории Средней Азии.

В конце XVI в. Россию посетили Горсей и Флетчер. Джером Горсей жил в Москве с перерывами долгое время. Горсей описал свои встречи и разговоры

с Грозным в последние дни его жизни, а также начало царствования Федора Ивановича. Горсей принимал участие в переговорах Грозного с английской королевой Елизаветой и уговорил Марию, жену королевича Магнуса, вернуться на родину. Впрочем, в рассказах о событиях, свидетелем которых он не был, Горсей делает немало ошибок. Горсей враждебно отзывался о Борисе Годунове и сообщает любопытные подробности о смерти царевича Дмитрия.

§ 5. СОЧИНЕНИЕ ФЛЕТЧЕРА

Особенно интересно и важно для истории СССР сочинение Джайльса Флетчера. В 1588 г. Флетчер был послан английской королевой Елизаветой к царю Федору Ивановичу. Его сочинение под названием «О государстве Русском» является в то же время и отчетом о посольстве. Книга Флетчера впервые напечатана в Лондоне в 1591 г. и является важнейшим источником по истории России XVI в. наряду с сочинением Герберштейна.

В первых главах сочинения Флетчера дается описание России, сведения о ее почве и климате, о естественных богатствах и главных городах. В 5—12 главах сообщается о роде русских царей и их короновании, об образе правления, о заседаниях земского собора, о дворянстве и средствах, употребляемых царской властью к ограничению дворянского влияния на самодержавное правительство, об управлении областями и княжествами, о царской думе, о податях и мерах к обогащению царской казны. В главе 13 говорится о простом народе в России; в главе 14 — об отправлении правосудия и судопроизводства по делам гражданским и уголовным. Главы 15—18 посвящены военной силе Российского государства; в них сообщается о вооружении и продовольствии в военное время, о походах и других военных действиях, а также о приобретении и способах удерживать в подчинении завоеванные области. В главах 19—20 сообщается о татарах и пограничных народах, с которыми русские имеют наибольшие сношения: о пермяках, самоедах (ненцах) и лопарях.

Главы 21—25 говорят о церковном управлении и духовных лицах, о церковных службах, догматах и обрядах русской церкви; в главах 26—27 описывается домашняя жизнь царя. Последние главы посвящены укладу домашней жизни у русских и характеристике русского народа.

Флетчер собирал по возможности точные сведения и не гнался за особо интересными для западноевропейской публики, но сказочными рассказами о «Московии». Поражает большая осведомленность и наблюдательность Флетчера, который предугадывал, что царевич Дмитрий может вскоре погибнуть; правление Грозного Флетчер характеризует как тираническое. Очень интересны сведения Флетчера о боярском и монастырском землевладении. Впрочем, следует отметить и фактические ошибки Флетчера. Наиболее неточны сообщения о русской церкви, носящие характер воинствующих выпадов против православия. Например, Флетчер сообщает, что московский патриарх считает себя повелителем всех церквей христианского мира, находившихся раньше под властью константинопольского патриарха, что совершенно не соответствовало истине.

Л и т е р а т у р а

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.

Перев. Ю. В. Готье [б.г.; б.м.].

Записки о Московии XVI века сара Джерома Горсея. Перев.

Н. А. Белозерской. Спб., 1909 (Россия в конце шестнадцатого столетия).

Флетчер. О государстве Русском. Спб., 1905.

§ 6. СОЧИНЕНИЯ ОБ ОПРИЧНИНЕ

Ряд иностранных сочинений посвящен опричнине. Из них наибольшую известность получило сочинение Александра Гваньини, которое имело широкое распространение в Западной Европе и в XVII столетии было переведено на русский язык. Автор его, уроженец Вероны, находился на службе у польского короля Сигизмунда III. «Описание всей страны, подчиненной царю Московии», написанное Гваньини, было напечатано в 1582 г. (вначале — на итальянском, позже — на латинском языке). В описании России Гваньини

следует за Герберштейном, но одновременно сообщает новые сведения. Известия Гваньини об опричнине получили широкую известность, но отличаются недостаточной достоверностью, так как главным стремлением Гваньини было очернить Ивана Грозного и «московитов».

Гваньини пользовался как одним из источников сказаниями Шлихтинга, находившегося в московском плену в 1564—1571 гг. Шлихтинг подробно говорит об убийствах и казнях при дворе Грозного, о разгроме Новгорода и т. д. Сочинение его носит характер памфлета.

Такой же характер имеют «послание» Таубе и Крузе, двух лифляндских дворян, взятых в плен в 1560 г. и поступивших на службу к Ивану IV. Они писали свои записки в 1572 г., после побега из России. Во многих случаях сведения Таубе и Крузе недостоверны, но тем не менее имеют значение для периода опричнины, источники по истории которой немногочисленны.

Особенно крупное значение для истории опричнины имеет сочинение, ставшее известным сравнительно недавно, уже в советское время, — записки Генриха Штадена. Биография его представляет собой настоящий роман. Штаден родился в 1542 г. в семье немецкого бюргера. Родители готовили юношу к духовной карьере, но угрожавшее Штадену уголовное преследование заставило его бежать из родного города и перебраться в Ливонию, где он служил в дворянских имениях. Убедившись, что в Ливонии трудно сделать карьеру, Штаден бежал в Москву. Здесь его «превознесли» большим почетом: ему были даны в поместье деревни из числа конфискованных у Владимира Андреевича Старицкого, двоюродного брата Ивана Грозного.

Штаден удобно устроился в Москве и нашел друзей среди бояр. Будучи типичным авантюристом, он заботился главным образом о своей личной карьере. Штаден беззастенчиво рассказывает о грабежах во владениях земских бояр, о кровавых эпизодах опричнины. Сам он также грабил своих крестьян, о чем говорит с похвалой. Штаден принимал участие в новгородском погроме 1570 г. и, по-видимому, отличился в опричнине при ограблении новгородцев. Однако в его карьере скоро

наступил невыгодный для него перелом. Тогда Штаден бежал на корабле в Голландию (в 1576 г.).

Штаден оставил записки о своем пребывании в России и проект военной оккупации русских земель западными государствами. Он с нескрываемым цинизмом говорит о своем участии в опричнине, давая своеобразные характеристики как опричникам, так и земским боярам. Его сочинение включает ценные материалы по географии России и по топографии Москвы.

Л и т е р а т у р а

Гваньини. Описание всей страны, подчиненной царю Московии. — «Чтения ОИДР». Кн. IV, 1896.

Послание Иоганна Таубе и Э. Крузе. — «Русский исторический журнал». Кн. VIII, 1922.

Новое известие о России времен Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Перевод, редакция и примечания А. И. Малеина. Л., 1934.

Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перев. и вступ. ст. И. И. Полосина. М., 1925.

§ 7. СОЧИНЕНИЯ О КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ И ИНТЕРВЕНЦИИ НАЧАЛА XVII в.

Большое количество иностранных сочинений рисует период крестьянской войны и интервенции начала XVII в. Особенный интерес представляют записки иностранцев, живших при московском дворе. В начале XVII в. личная охрана московского царя формировалась из иностранцев. Этот обычай был типичным не только для России, но и для других стран.

Среди лиц, служивших в личной гвардии царя Бориса, выделялся француз Жак Маржерет. После свержения династии Годуновых Маржерет перешел на службу к Лжедмитрию, а в июле 1606 г. уехал через Архангельск во Францию. Маржерет написал сочинение, изданное в Париже в 1607 г. под названием: «Состояние Российской державы в начале XVII века». Записки Маржерета являются богатейшим источником по истории начала XVII в. Он начинает изложение с общего описания России главным образом на основании записок Герберштейна. Дальше он рассказывает о царствованиях Ивана Грозного и Бориса Годунова,

нередко как непосредственный свидетель событий (таков рассказ о большом голоде в 1601 г. и др.). Особенно интересны записки Маржерета в части, относящейся ко времени Дмитрия Самозванца, в момент убийства которого сам Маржерет лежал больным и и спасся от гибели.

Другой писатель — современник крестьянской войны Конрад Буссов, по происхождению саксонец, жил в России больше 10 лет. Он плохо знал русский язык, вследствие чего в его сочинениях встречается масса ошибок в названиях местностей и имен. Буссов находился на службе у Бориса Годунова, потом у Лжедмитрия I, по смерти которого бежал к Тушинскому вору и вместе с ним был в Калуге и в Туле во время осады 1607 г. Сочинение Буссова называется «Состояние Русского государства при правлении царей Федора Ивановича, Бориса Годунова, обоих Дмитриев, Василия Шуйского и «ныне избранного» польского королевича Владислава с 1584 по 1613 год». В первых трех главах Буссов рассказывает о царствованиях Федора Ивановича, Бориса Федоровича и Федора Борисовича Годуновых. В главах 4 и 5 говорится о Лжедмитрии и его правлении. На этой теме Буссов останавливается подробно и дает любопытные сведения о царствовании Самозванца и положении интервентов в Москве. Главы 7 и 8 говорят о Лжедмитрии II (Тушинском воре), причем Буссов замечает, что «этот новый Димитрий не был сыном Ивана Васильевича Грозного, но каким-то чужеземцем». В главах 9—12 рассказывается о событиях времени Василия Шуйского. В главах 12—13 дается биография Ивана Исаевича Болотникова и рассказывается о его восстании. По словам Буссова, Болотников бежал из турецкого плена в Венецию. Эти главы представляют особенно большой интерес, так как Буссов уделяет Болотникову, вождю крестьянской войны, значительное место в книге. В главах 14—20 сообщается о дальнейших событиях, кончая избранием королевича Владислава.

Очевидцем крестьянской войны и интервенции был также Ганс Георг Паэрле, немецкий купец из города Аугсбурга, прибывший в 1606 г. в Москву на предполагаемую коронацию Лжедмитрия. «Описание Москов-

[illegible]

Лист из рукописи с «Казанским сказанием»

ского государства» Паэрле составлено в 1608 г. Особенно подробно он останавливается на событиях царствования Лжедмитрия. Свое сказание Паэрле доводит до 8 января 1608 г., когда он с польскими послами выехал из Москвы к себе на родину. Паэрле не был беспристрастным очевидцем, принадлежа к числу тех иностранцев, которые враждебно отзываются о русских.

Исаак Масса, посетивший Москву в 1601—1609 гг., написал замечательное сочинение о России. Это незаменимый источник для истории царствования Бориса Годунова и Лжедмитрия, которых он лично знал. Время правления царя Шуйского описано им очень кратко. В отличие от других иностранцев Масса интересовался не только тем, что непосредственно мог наблюдать, но старался собрать возможно больше сведений о России, в особенности о Сибири. Сам Масса указывает, что он получил описание Сибири от одного своего друга. Сочинение Массы называется «Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года». К нему приложена карта России.

На шведском языке было написано сочинение Петра Петрея (из Эрлезунда). Петрей четыре года служил в России, потом вернулся в Швецию и принимал участие в нескольких посольствах в Россию (в 1608 и 1611 гг.). Сочинение его носит название «История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, нравах, правлении, вере и обрядах, которые собрал и обнародовал Петр Петрей из Эрлезунда в Лейпциге в 1620 г.»

Сохранились и записки непосредственных участников интервенции и разорения Московского государства, принимавших участие в войнах с русскими и в экспедициях самозванцев. Таковы дневники Николая Олесницкого и Александра Гонсевского, относящиеся к 1606 г. Оба автора были послами от польского короля к Лжедмитрию. К более позднему времени относится так называемый дневник Марии Мнишек, который был составлен кем-то из ее приближенных и рассказывает о событиях 1606—1608 гг.

Оставили свои записки и два видных польских деятеля — Маскевич и Жолкевский. Жолкевский был

начальником польских войск в Кремле. Жолкевский и сам не скрывает насилий, чинимых войсками интервентов над русским населением.

Л и т е р а т у р а

Конрад Буссов, Московская хроника. 1584 — 1613. М.—Л., 1961 (со статьей И. И. Смирнова).

Исаак Масса. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.

Маржерет. Состояние Российской державы в начале XVII века. Спб., 1830.

Рукопись Жолкевского, изданная Павлом Мухановым. М., 1835.

Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1—2, Спб., 1859; ч. 3. Спб., 1832; ч. 4. Спб., 1834.

§ 8. ПУТЕШЕСТВИЕ АДАМА ОЛЕАРИЯ

Из всех сочинений, относящихся к истории России в первой половине XVII в., наибольшее значение имеет труд Адама Олеария. По точности, подробности и ясности изложения работа Олеария не имеет себе равных.

Олеарий был придворным математиком и библиотекарем при герцоге Гольштинском. В России он был дважды и оба раза с посольством из Гольштинии (в 1633 и 1635—1639 гг.). Посольства ставили задачей выяснить возможность торговли через Россию с Персией (Ираном). Во второй раз посольство выехало из Гамбурга в Персию в октябре 1635 г. и только в феврале 1639 г. вернулось в Гольштинию. Таким образом, путешествие продолжалось почти четыре года.

Сочинение Олеария составлено в виде записок и сообщает множество интересных сведений о России и соседних с ней странах. К сочинению приложены рисунки городов (например, крепость Ямы, крепость Копорье и т. д.). Подробно рассказано о путешествии из Нарвы через Новгород и Торжок в Москву. Попутно Олеарий описывает наиболее значительные населенные пункты, которые встретились ему по дороге. Очень подробно рассказывается у Олеария о самой Москве и об аудиенциях, данных посольству герцога Гольштинского. Олеарий приводит множество любопытных сведений бытового характера и рассказывает о том, как русские справляют праздники, обряды и т. д. В остальной

части своего сочинения Олеарий сообщает о втором посольстве и о путешествии в Персию. На этот раз автор уже менее подробно говорит о России, но отдельные страницы его сочинения все же для нас интересны. Большой интерес представляет глава 34, в которой говорится обо всей России в целом, о ее провинциях, реках и городах. К этой главе приложены рассказы о нерусских народах, живущих в России. Как и другие писатели XVII в., Олеарий дает историю московских царей, но начинает ее с Ивана Васильевича Грозного. Значительный интерес представляют рассказы Олеария о восстаниях 1648—1650 гг., написанные позже путешествия.

Олеарий описывает свой путь по Москве-реке, Оке и Волге к Каспийскому морю. Поездка совершалась на судах. Олеарий рассказывает о городах, которые встречались по пути, сопровождая их описание рисунками. Поволжские города XVII в. выступают перед нами с большим количеством деревянных домов и церквей, с крепостями из деревянных стен. Маршрут Олеария шел через Казань и Астрахань, откуда посольство добралось до Дербента и, далее, через Баку в Персию, которая описана очень подробно. Книга Олеария кончается рассказом об обратном путешествии гольштинского посольства.

Олеарий перечисляет, мимо каких сел и деревень на Оке проезжало посольство. Сравнивая описание Олеария с современным расположением селений по Оке, мы видим необыкновенную точность записей Олеария, которой можно только поражаться. Он сообщает, что за Коломной в трех верстах река Москва впадает в Оку; Голутвинский монастырь у Олеария находится вблизи впадения, а не на самом устье Москвы-реки, как это и есть в действительности. Деревня Дединово, современное село Дединово, действительно, тянется по обеим сторонам Оки, вдоль реки, как описывает ее Олеарий в XVII в. Названия, которые он дает, расшифровываются легко.

Л и т е р а т у р а

Адам Олеарий. Подробное описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Перев. А. Ловягина. Спб., 1906.

§ 9. СОЧИНЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Несколько особняком от других записок иностранцев стоит сочинение Павла Алеппского. В 1655 г. антиохийский патриарх Макарий прибыл в Россию для собирания «милостыни», т. е. подарков и денег, которые царское правительство щедро раздавало зарубежному православному духовенству. Архидиакон Павел Алеппский, племянник патриарха, сопровождал Макария и составил описание его путешествия. Павел, как православный церковник, мог ближе познакомиться с порядками России, чем иностранцы, приезжавшие из иноверного Запада. Совершенно естественно, что он особенно подробно останавливается на церковных церемониях, на посещении различных монастырей и церквей. Суровые обычаи, принятые русским православием, не нравились Павлу, как и постоянный строгий надзор за духовенством, даже наушничество, распространенное среди монахов. К тому же приезжим духовным лицам пришлось выстаивать на ногах многочасовые службы, а к такого рода духовным упражнениям они на родине не были привычны. Сочинение Павла представляет значительный интерес для бытовой истории и для истории искусства, так как содержит сведения о многих архитектурных памятниках России середины XVII в.

Павел Алеппский ярко рисует тяжелые порядки, установленные в России самодержавием. В то же время он в радужных чертах рисует всеобщий подъем, который охватывал в это время Украину, в годы освободительной борьбы украинского народа за свою независимость. Простое, иногда даже несколько наивное изложение Павла Алеппского придает большую прелесть его запискам, делая это сочинение сирийского автора замечательным мемуарным произведением.

Одним из ценнейших источников по истории России во второй половине XVII в. является сочинение Майерберга, который был послом от германского императора к царю Алексею Михайловичу в 1661—1662 гг. Майерберг дает много сведений о московском дворе, но особенно ценны рисунки, помещенные в альбоме, являю-

щемся как бы дополнением к сочинению Майерберга. В нем приводятся рисунки, изображающие Псков, Новгород, Москву и другие русские города. Рисунки очень выразительны и позволяют в некоторой мере восстановить вид многих архитектурных памятников, которые в наше время уже не существуют. Художник принадлежал к немецкой школе рисовальщиков, и это наложило свой отпечаток на альбом. Русская архитектура в его изображении получила отчасти готический, немецкий характер. В том же альбоме Майерберга мы встречаем изображения деревень, боярской усадьбы, типов жителей Российского государства: стрельцов, торговых людей, монахов, бояр и т. д., в их характерных одеяниях.

Любопытно сочинение Стрейса. Подобно многим голландцам своего времени, Стрейс участвовал в длительных путешествиях (был в Сиаме, на Формозе, в Японии и т. д.). В 1668 г. Стрейс перешел на русскую службу и занял должность парусного мастера. На построенном в Дединове корабле «Орел» он прибыл в Астрахань в разгар восстания Разина. Бежав из Астрахани, Стрейс попал в плен в Дагестане и был обращен в рабство. Только в 1671 г. ему удалось заплатить выкуп и возвратиться в Нидерланды. Стрейс написал сочинение «Три достопамятных и исполненных превратностей путешествия по Италии, Греции, Лифляндии, Московии, Татарии, Индии, Персии, Ост-Индии, Японии и различным другим странам» (издано в Амстердаме в 1676 г.). Стрейс писал по возвращении из плена и не стеснялся пользоваться, как и многие из иностранцев, чужими трудами (в частности, сочинением Олеария). Он кратко рассказывает о своем путешествии до Астрахани. Особенно интересен его рассказ о восстании и действиях Степана Разина в Астрахани с явной тенденцией, направленной против восставших.

В конце XVII в. написал свой «Дневник поездки в Московское государство в 1698 г.» Иоганн Георг Корб. Он был свидетелем стрелецких казней, знал Петра I и его приближенных. Еще ценнее дневник Патрика Гордона с записями с 1655 г. по 31 декабря 1698 г. Для первых лет правления Петра I сочинение

Гордона является особо выдающимся источником, так как Гордон занимал крупный военный пост. Дневник делится на пять частей. Для русской истории особенно большое значение имеют последние четыре части, в которых освещены шведско-польская война 1655—1667 гг., Чигиринский поход 1677—1678 гг., крымские походы 1687 и 1689 гг.; азовские походы Петра I, а также первые годы царствования Петра I. Дневник является важным пособием для изучения биографий современников Гордона, с которыми он сталкивался на жизненном пути.

К известиям иностранцев можно причислить те донесения, которые посылали из России своим правительствам иностранные резиденты. Ценным историческим источником являются донесения шведского резидента Поммеринга своему правительству. Он находился в Москве в 1647—1650 гг. В своем донесении от 6 июля 1648 г., например, Поммеринг говорит о восстании в Москве в июне 1648 г. К донесению приложена челобитная в переводе на шведский язык, которую подали в это время московские торговые люди своему правительству.

Любопытны донесения Поммеринга, относящиеся ко времени восстания в Пскове 1650 г., когда был захвачен агент шведского правительства Нумменс. Поммеринг сообщает королеве Христине о первых сведениях, какие он получил о восстании в Пскове: «23 марта некоторые начали распространение слухов, что русские на шведской границе, как в прошедшем году, в это ж время, когда я имел обещание, что шведские купцы могут покупать в России хлеб и вывозить его, сделались будто бы мятежными и никоим образом не хотят позволить вывозить хлеб». Поммеринг сообщает о вестях, которые приходят из Новгорода и Пскова и которые он получает непосредственно из приказных канцелярий Москвы. Интересна характеристика международного положения, какую услышал Поммеринг в московских приказах: «Государственный канцлер (думный дьяк Михаил Волошенинов) все дело передал в следующем виде: «в эти времена бог и более значительные мятежи попускает», и помянул об Англии и Турции».

Л и т е р а т у р а

Путешествие в Московию барона Августина Майерберга... в 1661 году. Перев. А. Н. Шемякина.—«Чтения ОИДР». Кн. III—IV, 1873; кн. I, 1874.

Альбом Майерберга. Виды и бытовые картины России XVII века [б.м.], 1903.

Я. Я. Стрейс. Три путешествия. М., 1935.

И. Г. Корб. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699). Перев. и прим. А. И. Малеина. Спб., 1906.

К. Якубов. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Сборник материалов. М., 1897 [в этой книге помещены донесения Поммеринга].

М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий. Т. 1. XIII—XVII вв. Иркутск, 1932.

Дневник генерала Патрика Гордона... Ч. 1. Перев. М. Н. Салтыковой.—«Чтения ОИДР». Кн. IV, 1891; ч. 2. Кн. IV, 1892.

Источники
по истории Украины,
Белоруссии, Литвы,
Прибалтики,
Кавказа
и Средней Азии
XIV–XVIII веков

АКТОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И СТАТУТЫ ЛИТОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Великое княжество Литовское в течение всего периода своего существования было государством многонациональным. Кроме собственно литовского населения в состав этого государства входили Белоруссия, Украина (за исключением Галиции и Закарпатья) и часть русских земель. Русская территория в начале XVI в. отошла обратно к России, Украина в 1569 г. была присоединена к Польше, Белоруссия же оставалась в составе Литовского великого княжества, ставшего в 1569 г. частью шляхетской республики — Речи Посполитой, до конца XVIII в.

Важнейшие источники по истории Украины до 1569 г., а Белоруссии и Литвы до конца XVIII в. сосредоточились преимущественно в столице Великого княжества Литовского Вильно (Вильнюс).

Литовское государство образовалось на землях древней Руси. Русские, украинцы и белорусы имели в то время свою богатую культуру. К тому же по численности населения и по обширности занятых ими территорий русские, украинцы и белорусы явно преобладали над собственно литовцами. В результате этого языком письменности Великого княжества на целые столетия стал «русский» язык, фактически же — белорусский и украинский.

Только на ранней стадии существования Литовского великого княжества государственные акты составлялись и на латинском языке, начиная же с XV в. подавляющее большинство документов как государ-

ственных, так и частных написано на «русском» (белорусском и украинском) языке. Однако после Люблинской унии не только на Украине, но также в Белоруссии и Литве все больше стал распространяться язык польский, который к середине XVII в. получил в письменности решительное преобладание во всех частях Речи Посполитой, а в 1697 г. был официально признан государственным языком Великого княжества Литовского.

§ 1. ЛИТОВСКАЯ МЕТРИКА

Письменный литовский язык стал развиваться с XVI в. Книга на литовском языке была напечатана в 1547 г.

Среди источников по истории Украины, Белоруссии и Литвы XIV—XVII вв. первое место занимают разного рода акты. Главное собрание их представляет «Литовская метрика» — книги государственной канцелярии Великого княжества Литовского. Большое количество разных актов сохранилось также в других архивах княжества и в собраниях главным образом крупных вельмож или магнатов. Литовская метрика имеет наибольшее значение для изучения политической и социально-экономической истории Литовского великого княжества в целом. Она содержит документы с конца XIV по конец XVIII в. Подавляющее большинство материалов Метрики представляет собой не подлинники документов, а лишь более или менее полное их изложение. В государственной канцелярии Литовского великого княжества существовало правило, по которому с документов, исходивших от великого князя, от «панов рады» (государственный совет, в котором заседали крупнейшие феодалы), от сейма, смотря по значимости документа, снимали копию или делали более или менее пространное изложение; то же делалось в отношении входящих документов. Таким образом, хотя в Метрике находятся в большинстве случаев не оригиналы документов и изложение иногда сделано слишком кратко, архив этот чрезвычайно обширен (содержит около 600 единиц хранения) и необычайно богат по содержанию. Являясь архивом государственной канцелярии

и отображая многогранную жизнь большого государства, Метрика содержит самые разнообразные материалы. Главное место среди них занимают документы, отражающие развитие социально-экономических отношений: законодательные акты, пожалования земельных владений, судебные приговоры, договоры на сдачу государством имений «в заставу», документы о сдаче в аренду таможи, корчмы и т. д. Значительное место среди документов Метрики занимают разного рода дипломатические материалы: «листы» к иноземным правительствам, «науки» или наставления послам и т. д.

Документы Метрики сброшюрованы и переплетены в книги, причем эти книги в зависимости от основной массы содержащихся в них документов разделены на несколько групп. Первое место среди них занимают так называемые «Книги дани», в которых главным образом находятся документы на земельные владения, а также разнообразные привилегии. «Книги справ судебных» содержат преимущественно дела о судебных процессах. «Книги аренд» заключают документы о сдаче в аренду частным лицам доходных статей государственного хозяйства. «Книги посольств» содержат материалы дипломатического характера. Порядок размещения документов по книгам выдерживался далеко не всегда, однако название книги в основном соответствует ее содержанию.

В конце XVI — начале XVII в. с имевшихся тогда книг Метрики были сняты копии, так как оригиналы сильно обветшали. Впоследствии почти все книги-оригиналы, содержавшие материалы до конца XVI в., сгорели, и в настоящее время имеются только их копии.

Начиная с середины XIX в. документы Метрики начали публиковаться как в виде отдельных изданий, так и в качестве приложений к монографиям разных авторов, но, несмотря на это, опубликованные документы представляют только незначительную часть общей массы материалов Метрики.

Л и т е р а т у р а

- С. Л. Пташицкий. Описание книг и актов Литовской метрики. Спб., 1887.
- В. И. Пичета. Введение в русскую историографию. М., 1923.

Н. Г. Бережков. Литовская метрика как исторический источник.
Ч. 1. О первоначальном составе книг Литовской метрики
по 1522 год. М., 1946.

§ 2. ПРИВИЛЕИ (ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ)

Среди документов по истории Литовского великого княжества выделяются привилеи, или «господарские» листы. Они представляют собой жалованные грамоты, согласно которым великий князь литовский «жалует» те или иные права: на земельное владение, на освобождение от уплаты налогов, на открытие ярмарок и торгов и т. д. Для характеристики внутренней истории великого княжества Литовского, а следовательно, и входивших в его состав земель Белоруссии, Украины и Литвы, особенно интересны привилеи, или уставы, данные дворянству-шляхте.

Привилеи позволяют установить постепенный рост католического влияния и одновременного с ним феодального права дворянства Литовского великого княжества. Так, привилей 1387 г. определял экономическое и юридическое положение католической церкви. В другом привилее того же года бояре-католики получали преимущества перед православными. Важнейшим политическим документом был Городельский привилей 1413 г. Он определял политические права литовских прелатов (высшего духовенства), панов и шляхты. Привилей освобождал католиков-феодалов от обязанности посылать своих людей на барщинные работы в великокняжеские хозяйства и устанавливал их участие в избрании польских королей и литовских великих князей, а также в совете (раде) литовского великого князя. Третий пункт Городельского привилея постановляет: «Паны и также бояре-шляхта земель наших, названных выше, дарениями, привилегиями, им нами дарованными, данными, уделенными, только католики и Римской церкви подвластные, и кому гербы пожалованы, наслаждаются, владеют и пользуются, как паны и шляхта королевства Польского своими владеют и пользуются».

Привилей 1447 г., выданный великим князем Казимиром, еще более расширял права католического духо-

венства и шляхты, освобождая шляхетских «кметей» (крестьян) от барщинных повинностей на великого князя и передавая суд над крестьянами их господам. Католическое духовенство по этому привилею получило право заполнять церковные должности уроженцами Литовского великого княжества.

Привилеи на земли получали и отдельные шляхтичи и магнаты.

Значительный интерес имеют привилеи, выданные отдельным землям и уездам (поветам), а также некоторым национальным группам, например евреям, литовским татарам и пр. Областные привилеи определяли правовое положение местных церковных и светских феодалов, организацию местного самоуправления, торговли и промышленности, а также нормировали местное гражданское и уголовное право. Привилеи Смоленской земли, данный великим князем Александром в 1505 г., был основан на более ранней грамоте короля Казимира. Известны привилеи земель: Киевской (1529 г.), Полоцкой (1547 г.), Волынской (1547 г.), Витебской (1561 г.) и др.

Существовали и городские привилеи, наделявшие города самоуправлением по магдебургскому («майборскому») праву. Такими правами пользовались крупные города (Киев, Вильно, Львов и др.). Одним из первых в 1387 г. был выдан городской привилеи литовским столицам: Вильнюсу (Вильне) и Трокам; Киев получил привилеи в 1516 г.

Политическая история княжества нашла отражение в актах об унии с Польшей. Акт унии 1385 г. обязывал великого князя Литовского Ягайло, женившегося на польской королеве Ядвиге, в числе других условий присоединить к Польскому королевству литовские и русские земли. Городельская уния 1413 г. утверждала за великим княжеством Литовским право иметь своего господаря.

Л и т е р а т у р а

- М. К. Любавский. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910 (в приложении изданы шляхетские привилеи).

И. Яковкин. Законодательные акты великого княжества Литовского XV—XVI вв. Л., 1936.

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1—5. Спб., 1846—1853.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1—15. Спб., 1863—1892 (жалованные грамоты великих князей, материалы об унии и пр.).

§ 3. ДНЕВНИКИ СЕЙМОВ И СЕЙМИКОВ

Ценный исторический материал имеется в дневниках сеймов Литовского великого княжества. «Дневник Люблинского сейма 1569 года» представляет собой запись переговоров между литовскими и польскими представителями в течение нескольких месяцев (с 10 января по 12 августа) по вопросу об унии Литовского великого княжества с Польшей. Переговоры привели к созданию Речи Посполитой (буквально Республики). Дневник показывает, что уния была заключена под давлением шляхты после упорного сопротивления литовских магнатов.

Текст Дневника известен в двух редакциях, восходящих к первоначальным записям о Люблинском сейме, но имеющих большие различия в тексте. Обе редакции составлены, по-видимому, в Польше, во всяком случае сторонниками унии. Так, под 24 января в Дневнике записано: «Польские сенаторы надеялись, что литовцы теперь уже сядут с ними на заседание, послы (делегаты на сейм) тоже дожидались этого. Литовцы же, прибыв в замок, пошли в свою залу, а не в Сенат». Из записи далее выясняется, что ее писал человек, рассматривавший польских послов как своих. В целом же Дневник Люблинского сейма дает систематическое описание прений и действий сейма, приведшего к образованию громадного государства — Речи Посполитой. В Дневнике записаны протоколы речей, которыми обменивались польские и литовские депутаты.

Более ограниченный материал заключают дела сеймиков, собиравшихся в поветах Литовского великого княжества, но и эти документы имеют большое значение для истории общественной жизни в Литовском великом

княжестве, в первую очередь для истории шляхетских вольностей, для изучения роста шляхты как основной политической силы в XVI—XVII вв.

Л и т е р а т у р а

Дневник Люблинского сейма 1569 года. Соединение великого княжества Литовского с королевством Польским. Спб., 1869.

Сеймовые постановления, определяющие права великого княжества Литовского и Южной Руси начала XVII века. «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России». Т. 2 (№ 146, 148, 150). Спб., 1863.

Акты для истории провинциальных сеймиков Юго-Западного края во второй половине XVII века. — «Архив Юго-Западной России». Ч. 2. Т. 2. Киев, 1888.

§ 4. КНИГИ ГРОДСКИХ, ЗЕМСКИХ И МАГИСТРАТСКИХ СУДОВ

Большой исторический материал заключают в себе книги судов гродских (городских) и земских. «В каждом повете были суды земские и гродские. В первых рассматривали гражданские дела шляхты с шляхтою собственного повета. Они составлены были из судии, подсудка и писаря. Эти чиновники избираемы были на всю жизнь и утверждаемы королем. В гродских судах председательствовал воевода или староста, прочие члены были гродский судья, подсудок и писарь. Последний был вместе с тем казначеем, которому вносили подати со всего повета. Обвиненный защищался перед судом или сам, или через адвоката. На решение этих двух судов апелляция была в Трибунал» — так рисуют издатели Виленских актов деятельность судов Литовского великого княжества. Гродские и земские суды рассматривали множество самых разнообразных дел, и документы их архивов сохранились в значительном количестве. В них имеются материалы о крестьянах и казаках; ценный материал те же архивы дают и о положении евреев.

Особую категорию составляют акты о «копе», крестьянском общинном суде, остатки которого сохранялись в Белоруссии. Акты о «копе» рисуют жизнь

крестьянства в восточных областях Речи Посполитой, т. е. в Белоруссии (в Великом княжестве Литовском) и на Украине (коронные земли Польши). Интересны также дела подкоморных судов. «Цель и значение подкоморного суда состояли в решении споров о поземельной собственности на спорной же земле, будет ли дело происходить между частными лицами или частными лицами с казной».

Очень ценны акты городских (магдебургских) судов. По словам их издателей, «акты городских судов в отличие от шляхетских документов поражают краткостью изложения и ясным языком. Читая эти документы, невольно убеждаешься, что они писались людьми, у которых не было ни лишнего времени, ни охоты заниматься бесплодным витийством».

По истории городского населения имеются материалы в актах магдебургий, т. е. городских единиц, имевших самоуправление по магдебургскому праву. Магистратские суды по магдебургскому праву разбирали гражданские и уголовные тяжбы «мещан». Дела магдебургий ярко рисуют социальные и бытовые условия жизни горожан. Киевские горожане («мещане») получили право торговать «сухим путем и водою» по всему Литовскому великому княжеству. Еще раньше такие же права получили горожане Львова.

Особенно интересны документы об устройстве или деятельности цехов. Так, в городе Берестье (Брест) существовало 16 цехов, в том числе цехи кузнецов, мясников, слесарей, золотых дел мастеров и т. д. Цехи имели свои уставы и вели цеховые книги и реестры, куда вносились различные документы. Привилеи короля Владислава IV, данные в 1640 г. цехам сапожников и кожевников в Берестье, являются цеховым уставом из 44 артикулов (пунктов). Ученики («хлопцы») состояли в зависимости от мастеров.

Высшим судебным органом Великого княжества Литовского с 1581 г. являлся Трибунал. Он состоял из двух отделений, гражданского и смешанного (с участием католического духовенства). О богатстве архива Трибунала говорит уже то, что в Виленском (Вильнюсском) архиве хранилось более шести тысяч книг Трибунала.

Старинная улица в Вильнюсе

Архивы центральных и областных учреждений Речи Посполитой дают колоссальный материал по истории Украины, Белоруссии и Литвы. При этом книги судов нередко содержат копии с документов не только XVI—XVII вв., но и более раннего времени, главным образом XV столетия.

Л и т е р а т у р а

А. И. Баранович. Украина накануне освободительной войны середины XVII в. (Социально-экономические предпосылки войны.) М., 1959 [в 1-й главе этой книги дана характеристика социально-экономической жизни Украины и сведения о цехах, привилегиях и т. д.].

Акты, издаваемые Комиссиею, учрежденною для разбора древних актов в Вильне. Т. 1—38. Вильно, 1865—1915 [в состав их входят акты земских, городских, копных и подкоморских судов, акты магдебургий, акты Литовского трибунала, инвентаря имений, акты о «боярах», акты о положении евреев, о литовских татарах].

Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1—4 (за 1340—1699 годы). Спб., 1846—1853.

Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси. Т. 1—10. Вильно, 1867—1874.

Беларускі Архіў. Т. 1—2. У Менскі, 1927—1928.

§ 5. УСТАВЫ НА ВОЛОКИ, ИНВЕНТАРИ И ПИСЦОВЫЕ КНИГИ

Для истории хозяйства и крестьянского населения Украины, Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. первостепенное значение имеют уставы, инвентари и ревизии. Уставы издавались для господарских (великокняжеских) имений. Так как порядки в западных и восточных частях княжества были неодинаковы, то уставы имеют областные отличия, очень ценные для характеристики феодального хозяйства. В 1514 г. появились устав для Виленского и Троцкого поветов, а затем и ряд других уставов. Наиболее известен устав 1557 г., дополненный в 1558 г. и являвшийся образцом для позднейших уставов. Устав 1557 г., данный королем Сигизмундом-Августом, получил название «Устава на волоки», или «Волочного устава». Он определяет для господарских имений основную земельную единицу — волоку (около 21 га). На волоки разбивались все дворовые и крестьянские земли, годные для пашни. Волока считалась нормальным наделом для крестьянского хозяйства. С нее устанавливались определенные повинности и оброки. Порядки в господарских имениях служили образцом и для крупных магнатских владений. По образцу Устава на волоки в господарских землях такую же систему стали вводить и частные землевладельцы на еще худших условиях для крестьян.

«Чинш» (оброк) устанавливался в различных размерах в зависимости от качества земли. Особенно интересны указания на повинности крестьян: «А становитися к работе подданным, як солнце восходит, и сойти з работы, як солнцу заходити».

Инвентари и ревизии Великого княжества Литовского дают описание земель; в инвентарях отражено состояние хозяйства в имениях великого князя и частных владельцев. «Ревизия пущ и переходов» 1559 г. и «ординация» 1631 г. дают сведения о лесных угодьях Литовского великого княжества.

Инвентари обычно начинаются с описания построек, далее следует перечень глав семейств и их повинностей. В инвентаре одного из имений Минского повета 1592 г. дано «описание инвентару двора Могиленьского»

с перечислением живущих в селениях людей: «Село Костешы: Минюк и з братьею, волока одна; Иван и Матюк Шунди, волока одна» и т. д. «Повинности того села: мають платити с каждое волоки за цинш (оброк) и за иншие повинности в каждый год о светом Мартине по петидесят грошей, жита бочку одну, овса бочки две; сена воз один, куров двое, яец двадцать. А три дни на недели служить, с чим укажут, сено кгвалтом покосить мають и поспратать у своем войтовстве; у подводы где потреба, сторожа колеею. А которые люди осадные межи ними есть, тые на работу не повинни, одно мают платити, з волоки по две копе грошей, толок дванадцать, а сено покосить и поспратать». Материал по истории экономики имеется и в писцовых книгах Литовского великого княжества. В книгах подробно описываются города и селения. Особенно интересны описания крестьянских повинностей, а также указания на изменения границ между селениями.

Л и т е р а т у р а

Уставы на волоки—«РИБ». Т. 30. Юрьев, 1914, стб. 541—585.
В. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в литовско-русском государстве. Ч. 1. М., 1917.

Писцовая книга Гродненской экономии с прибавлениями. (Текст на польском языке.) Ч. 1. Вильно, 1881; ч. 2, Вильно, 1882 (в ней помещены инвентарь Гродненского замка и другие документы).

Писцовая книга бывшего Пинского староства... Ч. 1. Вильно, 1874.

§ 6. ЛИТОВСКИЕ СТАТУТЫ

В XVI в. судебные учреждения Литовского великого княжества руководились сводом законов, или «Литовским статутом». «Первый статут» был издан в 1529 г. Он делился на 13 разделов, которые в свою очередь подразделялись на артикулы, или статьи. Источником статута 1529 г., или «старого» Литовского статута, являлись прежде всего различного рода привилегии. Одним из источников «Статута» был «Судебник Казимира 1468 г.» Работа над составлением Статута длилась долго. Окончательная его редакция вырабатывалась на сеймах 1528 и 1529 гг. Старый Статут отли-

чается неполнотой а иногда и противоречивостью отдельных статей.

Уже на Берестейском сейме 1544 г. был поднят вопрос о пересмотре и напечатании Статута, «абы через писанные статута не были люди омылены и справедливость ни пред ким не была закрыта». Пересмотр произошел в 1563 г. на Берестейском сейме, когда Статут был разделен на 14 разделов. Но этот Второй литовский статут быстро устарел в связи с новыми порядками, возникшими после Люблинской унии, оставшись действующим правом лишь в областях, отошедших по унии от великого княжества Литовского к Польше. На Люблинском сейме 1569 г. постановлено было сделать «поправу» к Статуту, которая заключалась в согласовании литовских законов с польскими. Таким образом, на основе Второго возник Третий литовский статут с дополнением из сеймовых постановлений, королевских привилеев и статей, составленных областными сеймами. Новый Статут был утвержден королем Сигизмундом в 1588 г. Третий литовский статут, отражающий обычное право великого княжества Литовского, сложился под сильным влиянием польского права. Уже в 1588 г. Литовский статут был напечатан, причем печатные буквы этого издания имеют начертания белорусской скорописи XVI в.

Третий литовский статут остался надолго действующим для Литовского великого княжества в его границах после Люблинской унии. Он носит заглавие: «Статут великого княжества Литовского от наяснейшего государя короля его милости Жигмонта III на коронации в Кракове, выданный року 1588».

Третий литовский статут делится на 14 разделов. Их содержание в кратких словах следующее. Раздел первый говорит «о парсоне господарской» и ограничивает власть великого князя, начинаясь общим постановлением: «Вси обыватели великого князства Литовского одним правом писаным и от нас данным сужоны быть мають». Во втором артикуле великий князь обещает: «Мы господар обецуем и шлюбуюем никога не карати на заочное поведанье, хотя бы се дотыкало и о ображенье моестату нашого господарского». Весь первый раздел крайне интересен для суждения о режиме господства

шляхты, установившемся в Речи Посполитой с XV—XVI вв. Раздел второй — «Об обороне земской» — устанавливает условия военной службы. Большой интерес представляет раздел третий — «О вольностях шляхетских». В нем великий князь литовский гарантирует права шляхты и обещает не возвышать над шляхтой простых людей. В следующих (4—14) разделах рассматривается гражданское и уголовное право: о судьях и о судах, о приданом и пр., об опеках, записях и продажах, о тестаментх (завещаниях), о правах земских (о земельных спорах, межах и т. д.). Раздел 11 говорит «о ктвалтех, о боех, о головщинах (убийствах) шляхетских». В нем особенно интересен 39-й артикул, устанавливающий смертную казнь для простых людей, убивших шляхтича или шляхтянку: «Если бы люди простого будь стану наши господарские або князьские, панские, земянские, бояре панцерные, путные, мещане, або люди тяглые забили шляхтича або, шляхтянку». О «головщинах и о навезках людей простых» говорится особо, в разделе 12. Последние два раздела рассматривают дела о грабежах и злодействах.

Литовский статут оказался долговечным и сохранял свое значение даже после падения Речи Посполитой вплоть до 1840 г. Статут устанавливал равноправие Литовского великого княжества и Польши («короны») и признавал «русский» язык официальным для княжества.

Л и т е р а т у р а

И. Яковкин. Законодательные акты великого княжества Литовского XV—XVI вв. Л., 1936 (приведены выдержки из всех трех Литовских статутов и указаны их издания).

Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Под ред. К. И. Яблонскиса. Минск, 1960.

§ 7. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Крупнейшее историческое событие — воссоединение Украины с Россией отражено в ряде источников. К их числу прежде всего принадлежат различного рода материалы, рисующие тяжелое положение украинского населения под властью польских панов (жалобы

крестьян, «протестации» польских шляхтичей), универсалы коронных польских гетманов и другие документы. «Ординация» Войска Запорожского 1638 г., утвержденная польским сеймом, ограничивала количество реестровых казаков шестью тысячами и отменяла казацкие суды и выборность старшин.

Громадное значение имеют документы, вышедшие из канцелярии гетмана Богдана Хмельницкого, в первую очередь его «листы» и «универсалы». В них сообщаются сведения о положении на Украине. Так, в 1652 г. Хмельницкий сообщает о разгроме польского обоза, когда «и Калиновского гетмана коронного, и сина его, и товариство все побито». Материалы канцелярии Богдана Хмельницкого крайне ценны и для истории народного движения на Украине.

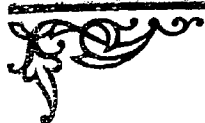
Большое количество документов по истории воссоединения Украины с Россией заключают дела Посольского и Разрядного приказов. Среди них особую ценность представляют расспросные речи, характеризующие положение на Украине и участие в освободительной войне широких народных масс. Дела Посольского приказа имеют крупное значение и для истории взаимоотношений России с Украиной и Речью Посполитой. Они дополняются документами польских архивов того же времени.

О хозяйстве Левобережной Украины дают понятие переписные книги 1666 г., хотя они и отличаются некоторой неполнотой.

Л и т е р а т у р а

Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Т. 1—3. М., 1953.
Переписні книги 1666 року. Київ, 1933.

УКРАИНСКО-БЕЛОРУССКИЕ ЛЕТОПИСИ, ЦЕРКОВНО-ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

§ 1. УКРАИНСКИЕ ЛЕТОПИСИ XV—XVI вв.

Для истории Украины XIV—XVI вв. наиболее интересны Густынская и Супрасльская летописи.

Густынская летопись получила название по одному из ее списков, принадлежавшему Густынскому монастырю на Полтавщине. Летопись озаглавлена: «Кройника, которая начинается от потоку первого мира ... и о великом княжении киевском». После краткой «предмовы до чителника» следует рассказ об основании Киева и других событиях в виде особых глав, под названием которых, впрочем, объединены различные известия. Летопись подробно рассказывает о южнорусских событиях X—XII вв. В основу этой летописи положен текст, близкий к Ипатьевскому. События XIII в. рассказываются гораздо короче, так как основной источник составителя летописи, видимо, не имел продолжения за это столетие.

Также кратко говорится и об истории Украины XIV—XV столетий. Однако как раз эта часть Густынской летописи имеет особенно большое значение ввиду малого количества источников по украинской истории этих столетий.

Составитель Густынской летописи пользуется разными византийскими, польскими и западноевропейскими хрониками, материалы которых он вставляет в свой текст. Самостоятельная часть летописи за 1300—1597 гг. очень коротка. Она заканчивается тремя статьями: о начале казаков (1516 г.), о введении нового кален-

даря (1582 г.), об унии (1588 г.). Статьи эти имеют характер приписок, первоначально же летопись, по-видимому, оканчивалась 1515 г. Краткие известия Густынской летописи тем не менее очень ценны для истории Украины; они говорят о войне с татарами (1489 г.), о восстании Мухи Волошина (1491 г.), о войне Ивана III с Александром Литовским и пр. Под 1471 г. сообщается о смерти последнего киевского князя Семиона Олельковича, после которого король Казимир посадил в Киеве воеводой поляка Мартина Гастолта, «его же не хотяху кияне принять, яко не токмо не князь бе, но более яко лях бе, но единаче принуждены бывше изволиша; и отселе на Киеве князи престаша быти, а вместо князей воеводы наставша».

Летописные заметки, составленные также где-то на Украине, дает Супрасльская летопись (Киевская). Название Супрасльской летописи получила потому, что рукопись ее принадлежала Супрасльскому монастырю, недалеко от Белостока, в Белоруссии. Летопись делится на две части: Новгородскую и собственно Киевскую. Киевская летопись охватывает события за 862—1515 гг. При всей краткости известий Супрасльской летописи они имеют большое значение для истории Украины XV—XVI вв. С 1491 по 1514 г. перед нами записи современника-очевидца (по предположению Багалея, может быть, какого-нибудь монаха). Так, говоря об одном походе на татар, автор пишет: «Нашие же не видевше яко множество их».

Можно предполагать, что сохранившиеся украинские летописи являются лишь остатками более обширной летописной деятельности, развитию которой на Украине мешало ее опасное пограничное положение. Многие украинские памятники раннего происхождения погибли во время многочисленных разорений и осад, которые претерпевали украинские города главным образом от татарских набегов из Крыма.

Л и т е р а т у р а

Густынская летопись. ПСРЛ. Т. 2, стр. 231—373.

Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. 1836.

Д. Багалій. Нарис української історіографії. Джерелознавство. Вип. 2. У Києві, 1925, стр. 113—132.

§ 2. БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИЕ ЛЕТОПИСИ

Летописание в значительно больших размерах, чем на Украине, развивалось в пределах Белоруссии и Литвы, а также Смоленской земли, вошедшей с начала XV в. в состав Литовского великого княжества. Под названием «западнорусских» эти летописи изданы в XVII томе Полного собрания русских летописей. Белорусские и литовские летописи по их содержанию делят на две группы: краткие и пространные, но это деление крайне условное и говорит не столько о содержании летописей, сколько об их размерах. Однако такое деление в известной мере совпадает с происхождением отдельных западнорусских летописей, так как краткие списки включили в свой состав сведения белорусского происхождения, а пространные — литовского.

Некоторые краткие летописи носят заглавие «Летописец великих князей Литовских». В них рассказывается о событиях в Литовском великом княжестве с конца XIV в.: о борьбе Кейстута и его сына Витовта с Ягайлом, о княжении Витовта, о войнах Свидригайла с Жигимонтом (Сигизмундом). В Уваровском и некоторых других списках летопись оканчивается известиями середины XV в.

Многие события, рассказанные в кратких летописях, описаны современниками. Таково повествование о смоленском восстании 1440 г., поднятом против Андрея Саковича, наместника великого князя Сигизмунда: «По Велице дни на святой недели в среду задумали смолняне черныи люди, кузнеци, кожомяки, шевники, мясники, котелники пана Андрея с власти силою з города, и целование переступали и нарядилися во изброи и с сулицами и со стрелами и с косами и с сокерами и зазвонили в колокол. Великий «мятеж» в Смоленске продолжался долгое время, пока литовское войско не взяло город, простояв под ним две с половиной недели. В некоторых списках красочно описана знаменитая битва при Грюнвальде и Танненберге в 1410 г., окончившаяся победой соединенных польских, русских и литовских войск над немецкими рыцарями.

Краткие «литовские» летописи в известных нам списках возникли не ранее конца XIV в., во всяком случае

не ранее 1392 г., так как летописец называет Кейстута отцом великого князя Витовта, получившего великое княжение только в 1392 г. В другом месте, говоря о смерти киевского князя Скиргайла, летописец замечает: «Азь же того не свемь, занеже бех тогды млад, но нецьи глаголють, иж бы тот Фома дал князю Скиргайлу зелие травное пити» (я же того не знаю, потому что был тогда молод, но некоторые говорят, будто тот Фома дал князю Скиргайлу выпить отраву).

Говоря о кратких белорусских летописях, В. Н. Перцев отмечает, что их авторами были жители белорусских земель, по большей части белорусы. Временем их возникновения он считает XV столетие. «Во многих из них центральной фигурой является литовский великий князь Витовт, изображавшийся в виде славного и могущественного государя».

Списки пространной редакции иногда носят заголовки «Кройника великого княжества Литовского и Жемойтского» (список Археологического общества). Эти списки с полным правом могут носить название литовских летописей, хотя и написаны на белорусском языке. Источником для них прежде всего были литовские народные предания, а также различного рода домыслы. Начальная часть литовской летописи состоит из рассказов о древнейшей истории Литвы, основанных на топографических названиях и различного рода легендах, а также на том факте, что в литовском языке имеются окончания, близкие к латинскому языку. Летопись начинается с рассказа о князе Палемоне, «который царю Нерону был кровный», бежал из Рима, боясь его жестокости, и поселился на реке Немане. От Палемона произошли литовские князья.

При всей сбивчивости и недостоверности отдельных известий древнейшая часть литовских летописей является ценным историческим источником, поясняющим некоторые неясные страницы в истории Литвы. Более подробным и более точным изложение становится с главы «о великом князе Гидимине». В рассказе же о событиях конца XIV—XV вв. уже чувствуется письменный источник. Литовские летописи заканчиваются краткими сведениями о событиях XVI в. Литовские летописи, по словам В. Н. Перцева, составлялись в то

время, когда Литовское княжество старалось отстаивать свою самостоятельность от Польши. Отсюда в них можно заметить нелюбовь ко всему польскому и восхваление литовских князей.

Материал, использованный литовскими летописями, разнообразный. Ряд исторических имен был произведен путем осмысливания названий рек и городов, вследствие чего в преданиях появились имена несуществовавших исторических деятелей. Сказания «литовских» летописей в их начальной части представляют собой сложный, любопытный источник. Характер повествования по преданиям и домыслам литовские летописи сохраняют до 1377 г. Вторая их часть (с 1377 по 1445 г.) основана на белорусских летописях. К ним присоединены заметки, относящиеся ко второй половине XV и к XVI в. (в Познанском списке — до 1548 г.).

Как литературный памятник литовские летописи изучены еще очень слабо. Между тем в них встречаем живописные описания прекрасной литовской природы: горы высокие и на тех горах равнины великие, дубравы роскошные, с различными животными — турами, зубрами, лосями, оленями, сернами, рысями, куницами, лисицами, белками, горностаями; тут же в реках множество разнообразных рыб и не только таких, которые в реках плодятся, но и таких различных и удивительных, какие приходят из моря, потому что там недалеко море, в которое впадает Неман. Автор литовских летописей хорошо знает Вильнюс и его топографию, что особенно чувствуется в рассказе о сне Гедимина и основании Вильнюса. Гедимин заложил два города: один — на Швинторозе, нижний, а другой — на Кривой горе, которую ныне зовут «Лысою».

Л и т е р а т у р а

- История Белорусской ССР. Т. 1. Минск, 1954.
Западнорусские летописи. ПСРЛ. Т. 17. Спб., 1907.
Т. Сушицкий. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури. Ч. 1. У Києві, 1921.
И. А. Тихомиров. О составе западнорусских так называемых литовских летописей. — «Журнал Министерства народного просвещения» № 3, 1901.

§ 3. БАРКУЛАБОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Замечательным источником по истории Белоруссии XVI — первой половины XVII в. является Баркулабовская летопись. По своему содержанию и по языку Баркулабовская летопись существенно отличается с летописей «западнорусских». Она написана живым белорусским языком с использованием народных оборотов речи, присказок, поговорок.

Баркулабовская летопись открывается пространным известием о Берестейском сейме 1544 г. (в летописи известие помещено под 1545 г.), затем после девятнадцатилетнего перерыва следует основной текст, освещающий события с 1563 по 1608 г., т. е. за 45 лет. В конце летописи имеется отдельная запись, относящаяся к 1633 г. Летописный материал излагается, как правило, с интервалом в один год или несколько лет. При освещении событий до конца XVI в. хронологическая последовательность изложения материала неоднократно нарушается. Часто встречаются вставки. Только с 1594 г. изложение материала идет последовательно.

Известия за вторую половину XVI в. в летописи немногочисленны, отрывочны, сухи, лишены яркости, присущей последующему материалу. Только с конца этого столетия записи становятся более пространными и напоминают мемуары. В повествовании о событиях последнего десятилетия XVI — начала XVII в. перед нами выступает современник описываемых событий, он пишет о себе в первом лице.

По-видимому, Баркулабовская летопись была составлена в середине XVII в.; а ее автором был человек, которому были близки интересы народных масс, вероятнее всего, он был членом церковного братства, судя по его враждебной настроенности против унии. При составлении летописи автор в качестве источников использовал народные предания (об основании города Могилева), летописные записки своих предшественников, рассказы старших современников и включил в летопись официальные документы (привилеи, листы), записи очевидцев (подробное описание собора в Бресте). Рассказывая о Лжедмитрии I и о восстании 1606 г. в Москве против интервентов и следуя при этом официальной

версии царского правительства, автор отмечает: «Трудно было выписать, якож история о нем есть написана по достатку у других летописцах». Используемые источники автор подверг редакторской обработке, в отдельных случаях стараясь критически подойти к сообщаемым фактам.

Баркулабовская летопись носит ярко выраженный местный характер. Внимание автора сосредоточено главным образом на Баркулабове, Могилеве, Полоцке и смежных районах. Автор прежде всего говорит о своей местности и лишь частично касается других территорий.

Наибольшую ценность в Баркулабовской летописи представляют известия о повседневной жизни простых людей Белоруссии, об их горе и радостях. В летописи подробно описываются хозяйственное положение и быт белорусских крестьян, голодовки и урожайные годы, сообщается о времени и условиях проведения полевых работ, о ценах на продукты сельского хозяйства. Описав голод 1583 г. в Белоруссии, автор говорит: «Люди убогия з хлеба на Русь давалися; молодцы, жонки, девки, много на Русь и на Украину понаходило». В летописи содержится много известий о ценах на рожь, пшеницу, ячмень, овес, гречиху, горох, коноплю, капусту, причем цены на хлеб даются на протяжении более чем 20 лет.

Баркулабовская летопись проникнута глубоким сочувствием к белорусским крестьянам, «людям убогим». Рассказывая об уборке урожая в ненастную погоду осенью 1601 г., автор пишет: «Иж было жалобно и страшно глядети и выповедати уздыханя и плачу людей убогих, пашников немаетных». Летописец рисует потрясающую по силе картину голода 1601—1602 гг. в Белоруссии. «А так потом много множества людей убогих з голоду на Низ з жонами и детками и з семею, што иж страшно было не толко видети, але трудно и выписать, то ест з верх волости Шкловское, з Друцка, з Дубровны, з Круглы, з Бобря, з Витебска, с под Полоцка, с под Менска, и с инших многих украин». В тот год была суровая зима. Голодающие обмораживались, пухли от голода: «Отец сына, сын отца, matka детки, детки матку, муж жену, жена мужа, покинувши детки свои

розно по местам, по селам розышлись, один другого покидали, не ведаючи один о другом, мало не вси померли». Когда во время голода просили кусочек хлеба, «тые слова мовили силне, слезне, горько, мовили так: «Матухно, зезулюхно, утухну, панюшко, сподараня, солнце, месяц, звездухно, дай крошку хлеба»». «А коли варева просили, тые слова молвили: «Сподарыня, перепелочко, зарухно, зернетко, солнушко, дай ложечку дитятку варевца сырого»».

Баркулабовская летопись содержит интересные сведения о действиях русских войск под начальством князя Серебряного под Могилевом в последний период Ливонской войны, о пребывании украинских казаков Голого, Матюши, Наливайко в Могилеве и других районах Белоруссии, о Лжедмитрии II.

Л и т е р а т у р а

М. В. Довнар-Запольский. Баркулабовская летопись. Киев, 1908.
А. Н. Мальцев. Баркулабовская летопись. Археографический Ежегодник за 1960 год. М., 1962.

§ 4. ПОЛЬСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Большое количество сведений по истории Литвы, Украины, Белоруссии и Молдавии имеется в сочинениях польских историков. Среди них по ценности и достоверности на первом месте стоит труд Яна Длугоша (XV в.), каноника в Кракове и воспитателя детей польского короля Казимира IV. Длугош (1415—1480 гг.) написал несколько сочинений по истории, в том числе повествование о Грюнвальдской битве 1410 г. Из его трудов наиболее ценна книга «Деяния польских князей», или «История Польши с древнейшего времени до 1480 г.», написанная на латинском языке и состоящая из 12 книг.

Автор начинает с географического описания Польши, в котором сообщаются сведения культурно-исторического характера об ее городах и жителях. В I книге рассказывается легендарная история Польши в дохристианские времена. Во II—VI книгах следует продолжение «Истории», доведенное до монгольского нашествия. В VII книге описывается монгольское нашествие.

Книги VIII—X доведены до битвы при Грюнвальде и Танненберге (1410 г.). Последние две книги описывают историю Польши до 1480 г. Большая часть труда Длугоша написана им в последние годы его жизни. Длугош сам указывает, что изучал русский язык, и, таким образом, он мог использовать русские летописи.

Длугош пользовался громадным количеством источников, среди которых находились древние киевские и галицко-волинские летописи, а также источники более поздние. В его распоряжении были украинские, белорусские, польские и прусские хроники и летописи. Он имел под руками русскую начальную летопись и ее продолжение. Кроме того, Длугошу была известна какая-то «литовская» летопись. История Длугоша является в некоторых случаях незаменимым источником по истории Галицкой Руси и Волыни. Так, Длугош рассказывает о захвате польским королем Казимиром украинских областей, указывая, что он поставил некоторых местных князей в зависимость от себя. Хронология событий древней Руси, впрочем, не всегда у Длугоша достаточно точна, что зависело от компилятивного характера его труда. Как литературное произведение хроника Яна Длугоша — явление выдающееся и обладает крупными достоинствами, хотя и отличается некоторой тенденциозностью, так как ее автор был представителем высших кругов католического духовенства.

Во второй половине XVI в. написал большую компиляцию **Матвей Стрыйковский**: «Хроника польская, литовская, жмудская и русская». Она доведена до 1572 г. Хроника Стрыйковского включила в свой состав громадное количество источников, многие из которых до сих пор не найдены. Особенно интересны сведения Стрыйковского о событиях XIV—XV вв., иногда, впрочем, и малодостоверные.

Из позднейших польских исторических трудов особый интерес имеют хроники **Матвея (Мацея) Меховского** (см. гл. XV, § 2.), **Мартина (Марцина) Кромера** и **Мартина Бельского**. **Мартин Кромер**, епископ Вармии (ум. в 1589 г.), написал сочинение «О происхождении и истории поляков», которое довел до начала XVI в. Эта книга особенно ценна для истории сношений Польши с дру-

гими странами. Мартин Бельский (1495—1575 гг.) составил «Хронику всего мира» — первый польский труд по всемирной истории. Хроника написана на польском языке и была непечатана в Кракове в 1551 г. В новом издании она продолжена сыном Кромера и в этом виде доведена до 1580 г. Хроники Бельского и Стрыйковского в XVII в. были переведены на русский язык.

§ 5. ЛЕТОНИСИ И СКАЗАНИЯ О ВОССОЕДИНЕНИИ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

В XVII в. на Украине появились произведения, рассказывающие о воссоединении Украины с Россией. Из них наибольшее значение имеет «Летопись Самовидца» (т. е. очевидца). Кем был автор летописи, неизвестно, но наиболее обоснованным считается предположение Н. Н. Петровского, согласно которому Летопись Самовидца написал генеральный подскарбий Ракушка Романовский, видный представитель украинской старшины. Во всяком случае, Самовидец жил на Левобережной Украине, так как про правый берег Днепра он говорит: «На том боку Днепра, на Волиню». Время возникновения Летописи Самовидца определяют по-разному. Багалей считает, что в дошедшем до нас виде Летопись Самовидца — произведение начала XVIII в., хотя основной костяк «Летописи» рассказывает о событиях XVII в.

Летопись Самовидца начинается с древнего времени, но о событиях до восстания под руководством Хмельницкого говорит очень кратко. Основное ее содержание составляют «Летописец о начале войны Хмельницкого» и его продолжение; эта часть имеет характер своего рода обзора событий. С 1672 г. записи становятся короче; с этого года, по мнению Багаля, Летопись Самовидца меняет свой характер и переходит из истории в диа-риуш (дневник). Летопись кончается 1702 г., а в некоторых списках продолжена до 1734 г. Ясно, что автор Летописца о восстании Хмельницкого и продолжатели его летописи — разные люди.

Восстание Хмельницкого описано очень ярко. Под 1649 г. читаем о сборах в казацкие войска; казачество

так быстро собиралось, что едва ли бы кто нашел в каком селе такого человека, который сам не пошел или не послал в войско своего сына. Самовидец так объясняет причины казацких восстаний против польского гнета: «Початок и причина войны Хмельницкого есть едино от ляхов на православие гонение и казакам отягощение, тогда бо оным не хотячи, чего не звикли были, панщины робити, на службу замковую обернено, которых з листами и в городе до хандожения коней старостове держали, в дворах грубу то есть печи палити, псов хандожити, дворе зметати и до иных незносных дел присталяли».

Автор стоит на позициях феодальных украинских верхов и целиком сочувствует стремлениям казацкой старшины. Казацкие низы, которые вместе с украинским крестьянством вынесли на своих плечах главную тяжесть борьбы за свержение панского гнета, сочувствием Самовидца не пользуются. Стремление казаков вступать в войско Хмельницкого он объясняет авантюристическими побуждениями: «А тое усе деялося за для тогож, же прошлого року збогатилися шарпаниною на службу добр шляхетских и жидовских и иных людей» (все это произошло из-за того, что они в прошлом году обогатились грабежом имущества шляхты и евреев и других людей).

Произведениями, написанными непосредственно во время освободительной борьбы Украины, являются Хмельницкая и Львовская летописи.

«Хмельницкая летопись» получила такое название по местечку Хмельник на Подолии, откуда, по предположению историков, происходил и сам автор летописи. В летописи рассказывается о событиях, совершавшихся в Подолии, на Волыни и отчасти в Киевщине в 1636—1650 гг. Автор летописи сочувственно относится к украинцам, восставшим против своих угнетателей.

Автором «Львовской летописи» считают Михаила Гунашевского, служившего в войсковой канцелярии при гетмане Богдане Хмельницком. По происхождению украинский православный шляхтич, Гунашевский учился в Замойской академии, жил во Львове и позже постригся в монахи. «Львовская летопись» состоит из двух частей. В первой кратко рассказывается о собы-

тиях за 1498—1626 гг., во второй рассказ кончается 1649 г. Записи, носящие характер личных наблюдений, начинаются с 1630 г. Они имеют большую ценность для истории Украины во время казацкого восстания 1630 г. и после него (так называемый «золотой покой» на Украине — время наибольшего ее угнетения).

Уже в начале XVIII в. возникли произведения Грабянки и Величко, но по своему содержанию и по включенному в них историческому материалу эти произведения связаны с историей Украины XVII столетия.

Летопись Грабянко называется «Действия презельной и от начала поляков кровавшей небывалой брани Богдана Хмельницкого гетмана Запорожского з поляки». Она разбита на 12 сказаний и закончена в Гадяче в 1710 г. Грабянко задался целью написать историю Украины с древнейших времен до избрания гетмана Скоропадского (1709 г.), однако для полного изложения украинской истории он не имел материала, хотя использовал «духовные и мирские летописцы», «диариуши» (дневники) и т. д. Особенно ценны сведения Грабянко о событиях 1648—1655 гг. от битвы на Желтых водах до похода Хмельницкого и Бутурлина в 1655 г.

Такого же компилятивного характера летопись **Самуила Величко**. Он принадлежал к составу войсковой украинской канцелярии и в 1702 г. находился при казачьем отряде, ходившем на помощь Польше против шведов. Величко был близок к Кочубею, врагу Мазепы, и, по-видимому, пострадал по его делу. В 1723 г. Величко был еще жив.

Первый том Летописи Величко доведен до 1659 г. В приложении помещен рассказ о войне Польши с Турцией, заимствованный «з кронечки рукописной казацкой, в Переяславле Малороссийском року 1636 написанной». Второй том охватывает 1660—1686 гг.; третий — 1687—1700 гг. Величко пользовался многими источниками, подчас без достаточного умения в них разобраться. Летопись его изобилует ошибками. Тем не менее мы находим в ней любопытные и важные сведения по истории XVII в. Нередко Величко ссылается на казацкие хроники, а также приводит целиком и в выдержках отдельные документы: мирные трактаты, инструкции, царские грамоты и королевские листы.

Л и т е р а т у р а

Сборник летописей, относящихся к истории южной и западной Руси. Киев, 1888.

Летопись Самовидца. Киев, 1878 (в приложении издана Хмельницкая летопись).

Львовская русская летопись.—«Русский исторический сборник». Т. 3. Кн. III. М., 1838.

Летопись Григория Грабянко. Киев, 1854.

Летопись событий в юго-западной России в XVII веке. Составил Самуил Величко. Т. 1. Киев, 1848; т. 2. Киев, 1851; т. 3. Киев, 1855; т. 4. Киев, 1864.

Д. Багалій. Нарис української історіографії. Джерелознавство. Вып. 2. У Києві, 1925.

История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1955 [см. главы о культуре].

§ 6. ЦЕРКОВНО-ПОЛЕМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Борьба украинского и белорусского народов за свою независимость тесно переплеталась в XVI—XVII вв. с церковным вопросом. Католическая церковь, опирающаяся на поддержку католических магнатов и шляхты, стремилась присоединить православных, живших в пределах Литовского великого княжества и в Польском королевстве, к католической церкви путем введения унии церквей под главенством папы. Уния была осуществлена на церковном соборе в Бресте (Берестыи) в 1595 г. Введение унии еще больше ухудшило положение белорусского и украинского населения, так как униаты получали особые привилегии за счет православного населения. Таким образом, гонения на православную церковь проводились не только в церковных целях, но и в целях еще большего угнетения украинцев и белорусов. Католические писатели XVI—XVII вв. не останавливались перед доказательствами того, что украинский и белорусский языки не годятся будто бы для ученой и литературной речи, осмеивали православную иерархию, зависевшую от константинопольского патриарха, «ставленника турок», и т. д.

Вскоре после заключения церковной унии появилось сочинение иезуита Петра Скарги «Берестейский собор и оборона его». Оно было напечатано в 1610 г. на польском языке (есть и перевод этого сочинения на белорусском языке XVII в.). Скарга доказывает, что констан-

тинопольские патриархи «от папа бога прокляты», так как они зависят от турок: «Кого турок просветить на нее кажет, тот оное мещце мае, а не кажет, аж добре заплатит». После рассказа о Берестейском соборе Скарга переходит к доказательствам «иже тот собор порядне и правне згромажоный был». Особое «упоминанье христианское до русских народов» призывает их к церковному единству, но этот призыв звучит у Скарги как требование, чтобы православные подчинились католической церкви и владычеству панов. Те же мысли высказываются в сочинениях униатского епископа Потей, ярого поборника церковной унии, причем **Ипатий Потей** стремится доказать, что уния не нарушила обрядов восточной церкви.

В ответ появился ряд замечательных сочинений на украинском и белорусском языках. В самом конце XVI в. (1597—1598 гг.) был написан «Апокрисис», т. е. «Отповедь». Автор скрыл свое имя под псевдонимом Христофора Филалета. Сочинение обращено к канцлеру Яну Замойскому. Апокрисис доказывает неправильность решений собора в Бресте, ссылаясь на привилеи польских королей и великих князей литовских. Многие из привилеев цитируются полностью, как и выписки из сеймовых книг. Автор отвергает претензии римского престола на всемирное главенство и осуждает отступничество униатов от православия: «А затем митрополит отступный и з своими товарищми владыками непотребне, неслухне, несправедливо и непобожне то учинил».

Не меньшее значение имеет полемический труд владимирского и берестейского (брестского) епископа Захария Копыстенского «Палинодия или Книга обороны кафолической святой апостольской восточной церкви и святых патриархов и о греках и о россах христианах». «Палинодия» имеет вид ученого сочинения, в котором указывается использованная литература. Автор обосновывает права восточной церкви на самостоятельное существование. Им перечисляются греческие, сербские, болгарские и русские «святые», жившие после разделения западной и восточной церкви, а также имена русских митрополитов, начиная с Леонтия Гречина и Илариона «з роду российского». Последняя (четвертая) часть Палинодии проникнута стремлением доказать общность

украинского и русского народов, говорит об их славной истории. Копыстенский упоминает о «запности и мужестве народу российскому» и рассматривает «россов» как единый народ: «Иоанн, царь Московский, две орде татарский, Казань и Астрахань взял и под свою мощ подбил. А другая часть Яфето-Роского поколения, з Малой России выходячи, а не за порогах живучи казаки, татары и места турецкий на моря чолном воюют, а на всех выправах военных кролей польских делне, мужне и переважне ся ставят, ач незычливый вере напой казаком того не признавают». В этих словах выразилась обида за положение украинского населения, которое обороняло Речь Посполитую от турецкой агрессии и набегов крымских татар. Казаки на своих челнах в это время совершали далекие морские походы на прибрежные крымские и татарские города. Они, говорит Копыстенский, смело и мужественно сражаются по распоряжению польских королей, а вера их подвергается преследованиям.

Л и т е р а т у р а

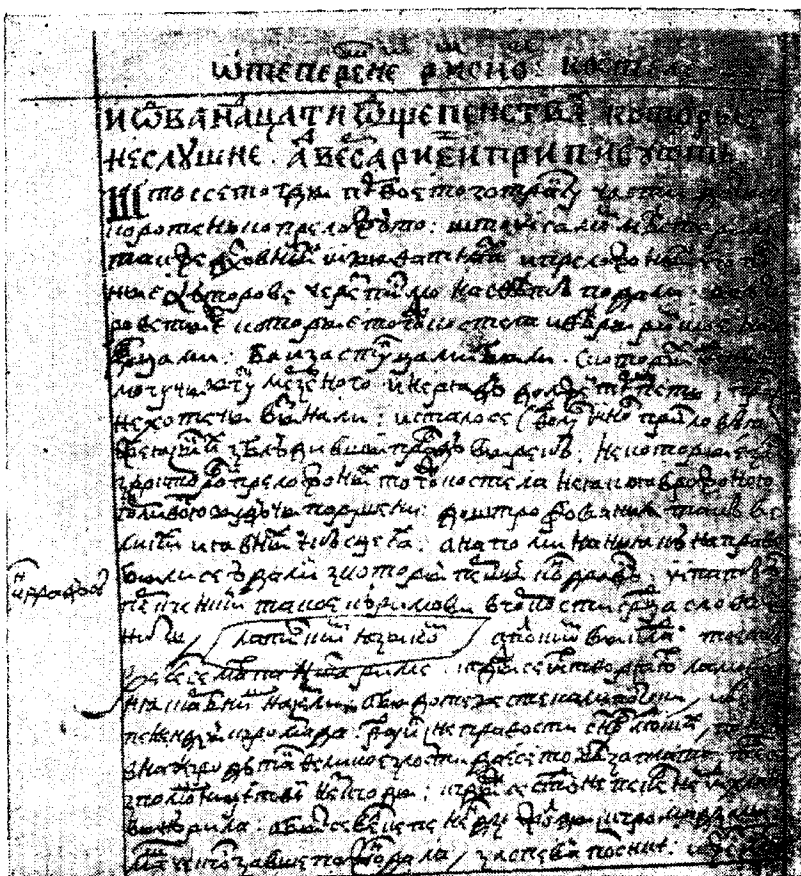
История украинской литературы в двух томах. Т. 1. Дооктябрьская литература. Киев, 1955 (см. «Полемиическая литература. Иван Вишенский», стр. 68—76).

Памятники полемиической литературы в Западной Руси. Кн. I—III.—«РИБ». Т. 7, 19.

§ 7. СОЧИНЕНИЯ ИВАНА ВИШЕНСКОГО

В непосредственной связи с церковно-полемиической литературой стоят труды Ивана (Иоанна) Вишенского. Крупнейшее сочинение Вишенского написано в опровержение унии. Однако значение трудов Вишенского не в его рассуждениях на церковные темы, а в их гуманистической окраске. Иван Вишенский прежде всего гуманист и его можно сопоставить с Максимом Греком. Он выступает перед нами со страстной защитой достоинств человека в ту эпоху, когда положение крестьян, и особенно холопов, было крайне тяжелым.

Иван Вишенский родился в середине XVI в., умер же после 1621 г., так как в этом году о нем упоминается еще как о живом. Сам Вишенский нередко называет

Страница из украинской рукописи XVII в.

себя «Иоанном иноком з Вишне». Под названием Вишни известен город поблизости от Львова. В конце XVI в. Вишенский жил на Афоне, крупнейшем центре православного монашества. Возвращение Вишенского на родину относят к 1604 г., но пробыл он на Украине недолго и вернулся на Афон уже в 1606 г.

Крупнейшее сочинение Ивана Вишенского — «Книжка Иоанна мниха Вишенского от святыя Афонские горы в напоминание всех православных христиан братствам и всем благочестивым в Малой России в короне Полской жительствующим». Сочинение состоит

из 10 глав и краткого введения «О чину прочтения сего писания», в котором рекомендуется читать сочинение Вишенского в школе рано утром «на мысль бодрую и здравую», причем не больше 30 листов зараз, чтобы «не обременять слухи немощных многочтением». Книжка написана в обличение католиков, «латинян», но в сущности перед нами не столько трактат о церковных вопросах, сколько сочинение о равенстве всех народов и о праве каждого человека исповедовать свою религию, в данном случае христианскую. Автор ссылается на Венецию и Крит, где католики «папезники» и православные, греки, арабы, сербы, болгары, венгры, румыны называют себя одним именем — «только христианин». Иван Вишенский ополчается против тех, кто делает еще более голодными своих «бедных подданных, той же образ божий, что и вы носячих».

В сочинениях Ивана Вишенского перед нами проходит целая галерея представителей различных общественных кругов тогдашнего общества. Вишенский осуждает панов, набивающих свои шкатулки деньгами, полученными за счет непосильного крестьянского труда. Паны наполняют «пропасть несытного чрева» кушаньями, горилкой и пивом, разъезжают в удобных и просторных экипажах. Они унижают крестьян и ремесленников и в качестве ругательства употребляют слова: кожевники, седельники, портные. «Добре,— восклицает Иван Вишенский,— нехай будет хлоп, але вспомянете, як брат вам ровный во всем есть».

Сочинения Ивана Вишенского являются замечательным источником для понимания классовой борьбы на Украине в период первых казацких восстаний.

Л и т е р а т у р а

Иван Вишенский. Сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.— Л., 1955.

§ 8. СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ ОБ УКРАИНЕ, БЕЛОРУССИИ И ЛИТВЕ

История Литвы, Украины и Белоруссии в XV—XVII вв. нашла отражение в ряде сочинений иностран-

цев. Ценное известие XV в. о Литве и Украине принадлежит Гильберу де Ланноа (см. гл. VIII, § 9).

В 1573 г. в Париже было напечатано «Описание королевства Польского». Автором его был Блез де Виженер. В этом сочинении помещено описание Галицкой Руси, Волыни и Подолии.

В конце XVI в. были составлены записки Эрика Ляссота, посланного в 1594 г. от германского императора к запорожским казакам с целью нанять их на императорскую службу. Ляссота делал заметки на протяжении всего маршрута своего путешествия — от Праги до Запорожской Сечи и обратно. Интересные сведения сообщаются им о Киеве и Печерском монастыре. Ляссота особенно полно говорит о своем пребывании в Запорожской Сечи: «9 июня прибыли на остров, называемый Базавлук, лежащий при одном из днепровских рукавов — Чортомлыке, или, как они называют, при Чортомлыцком Днеприще, 2 мили. Здесь находилась в то время казацкая сечь; они выслали навстречу нам несколько более знатных лиц, чтобы приветствовать нас от имени всего их товарищества, и при нашем приближении салютовали множеством пушечных выстрелов. Едва мы вышли на берег, как они тотчас же проводили нас в коло (круг)». Ляссота дает наиболее полное и достоверное описание запорожских порядков.

В половине XVII в. составил свое «Описание Украины» Боплан, находившийся в течение 18 лет (1630—1648 гг.) на службе у польского короля. В качестве опытного инженера Боплан строил крепости на границах Украины. Сочинение посвящено польскому королю Яну-Казимиру и начинается с обращения к читателям и описания Киева. Интересные сведения Боплан сообщает о Днепровских порогах. Далее кратко, но очень содержательно рассказывается о Крыме. Наиболее подробно описаны Украина и нравы украинских казаков. Сочинение Боплана для истории Украины XVII в. имеет большое значение.

Л и т е р а т у р а

Дневник Эрика Ляссоты из Стеблева (1588—1594). Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1. (XVI ст.). Под ред. В. Антоновича. Перев. К. Мельник. Киев, 1890.
Боплан. Описание Украины. Спб., 1836.

§ 9. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ПРИБАЛТИКИ

Источники по истории Прибалтики в XIV—XVII вв., в основном написанные на немецком языке, отличаются значительным разнообразием. На первом месте стоят различного рода **актовые материалы**, сохранившиеся в архивах Латвии и Эстонии. Тяжелое положение крестьян в Прибалтике ярко обрисовывается в судебных делах по взаимным тяжбам феодалов. В середине XVI столетия барщина в Латвии доходила до 300 дней в год, не считая «очереди», когда каждый крестьянский двор посылал людей для выполнения различного рода работ на барском дворе.

Значительное количество **актового материала** относится к торговле и городам, имевшим большое значение в Прибалтике, а также к цеховым организациям. Так, сохранилась книга членов братства разносчиков пива, основанного в 1386 г., которое объединяло латышей. В нем читаем такую запись: «Год 1561. Мартен Кайн будет олдерманом. Андрес Сарнингг заседателем. Ян Стенгис также заседателем. В это время вступили, уплатив за себя вступительные взносы, и стали новыми братьями следующие...» (перечисляются имена новых братчиков).

Крупнейшее значение для истории Прибалтики имеют различные хозяйственные документы. Например, хозяйственные книги имения Генриха фон Тизенгаузена, крупного феодала XVI в., рисуют будничную жизнь феодальной вотчины в Ливонии. Владелец имения проявляет большой интерес к рыночным ценам на сельскохозяйственные продукты и бережет каждую копейку.

Большой интерес представляют протоколы ландтагов и статуты, устанавливающие судебные порядки. Курляндский статут 1617 г., действовавший до 1865 г., был типичным памятником феодального законодательства и устанавливал крепостное право, фактически приравнивая крепостных крестьян к рабам.

История Прибалтики XIV—XV вв. освещена в нескольких сочинениях. В XIV столетии была написана «Новая Рифмованная хроника», сохранившаяся только

в отрывках в составе более поздних хроник. В ней описываются события с 1315 по 1348 г. Ее использовал в конце XIV в. Герман Вартберг, начальник канцелярии магистра Ливонского ордена. «Хроника» Вартберга имеет самостоятельное значение в качестве исторического источника при описании событий в Ливонии с 1358 по 1378 г. Записи Вартберга немногословны, но и они ярко рисуют войны ливонских феодалов с соседними литовскими областями. Один из немецких командоров совершил набег против литовцев, и рыцари «опустошили все огнем и мечом, захватили 40 человек обоого пола, а также 59 лошадей и 40 голов крупного скота, которых всех увели с собой, кроме того, множество перебили, хотя и пробыли там только одну ночь».

Крупнейшим историком Прибалтики был Балтасар Руссов (1542—1602 гг.), уроженец Таллина и лютеранский священник в этом городе. Его «Хроника Ливонии», написанная на немецком языке, была напечатана в 1578 г. и перепечатана снова в 1584 г.

В первой книге своего сочинения Руссов говорит о прошлом Ливонии на основании «Хроники Генриха Латвийского» и других сочинений. Во второй части рассказывается история Ливонии «от первого магистра Тевтонского ордена в Ливонии до последнего», т. е. до 1561 г. Эта часть «Хроники» основана на некоторых не дошедших до нашего времени источниках. Среди других известий в ней выделяется рассказ о крестьянской войне в Эстонии в 1343 г. Изложение Руссова становится особенно подробным для событий XVI в. Руссов дал интересную картину падения нравов Ливонии. Он не скрывает того, что вся жизнь дворян и духовных лиц «проходила не в чем-либо другом, как в травле и охоте, игре в кости и в других играх, в катанье верхом и разъездах с одного пира на другой». Большое место в Хронике занимает повествование о Ливонской войне начиная с ее подготовки в 1556 г. Руссов рисует разброд среди правящих ливонских кругов: «своя воля у каждого, исключая бедняков, стояла выше всего». Третья часть Хроники Руссова рассказывает о событиях с 1561 по 1577 г., в четвертой говорится о 1577—1583 гг.

Среди более поздних сочинений по Прибалтике выделяется «Хроника Ливонии» Франца Ниенштедта,

также написанная на немецком языке. Ниенштедт (1540—1622 гг.) принадлежал к купеческой верхушке и одно время был бургомистром в Риге. Свою Хронику он начинает с древнего времени и доводит до 1609 г. «Хотя первые двадцать три главы хроники посвящены средневековому периоду Ливонской истории, но по существу автор им мало интересуется, и, сосредоточив свое внимание на истории XVI в., он с большой обстоятельностью освещает современные ему события» (Я. Зутис).

Л и т е р а т у р а

- Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 1. Рига, 1876; т. 2. Рига, 1879; т. 3, Рига, 1880.
- Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949.
- История Латвийской ССР. Т. 1. С древнейших времен до 1860 года. Рига, 1952.
- История Эстонской ССР. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века. Под ред. А. Вассара и Г. Наана. Таллин, 1961.
-

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ

§ 1. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ГРУЗИИ

Наиболее ценным источником по истории Грузии XIV в. является «Хронография», автор которой неизвестен, но которого принято называть по заглавию его сочинения хронографом. В Хронографии рассказывается об истории Грузии в XIII — первой половине XIV в. (до начала царствования Георгия Блистательного в 1341 г.). «Труд Хронографа является глубоко содержательным произведением и отличается широким диапазоном повествования: в нем представлена не только политическая история Грузии, но в ярких красках переданы жизнь и государственный строй Грузии» («Очерки истории исторической науки»).

Феодальная раздробленность Грузии в XVI—XVII вв. наложила отпечаток на характер грузинских источников исторических трудов этого времени. Они связаны с отдельными грузинскими царствами и княжествами. Таким сочинением является «Памятник эриставов», составленный в начале XV столетия. В нем рассказывается об истории ксанских феодалов (эриставов), история же Грузии в целом оставлена без внимания. Подобный же характер имеет «Хроника Месхийской псалтыри», посвященная истории одного грузинского княжества (Месхети) 1559—1587 гг.

История отдельных царств Грузии, входящая в «Картлис-Цховреба», была собрана грузинским царевичем Вахушти (ум. в 1772 г.), который с 1724 г. жил в Москве и занимался составлением ученых трудов.

История Вахушти состоит из нескольких книг, посвященных истории Грузии с 1469 по 1744 г. В распоряжении Вахушти находились многие древние грузинские рукописи, в том числе Имеретинский судебник. Вахушти дает материал уже в обработке XVIII в., но на основании древних источников.

В первой половине XVIII в. была составлена «Хроника», приписываемая Чхеидзе, автор которой пишет, что он «будет рассказывать все, что знал, а порой даже то, чему он был очевидцем». Хроника впоследствии была продолжена Папуна Орбелиани до 1758 г. Орбелиани сообщает, что решил продолжать историю Чхеидзе, «чтобы передать нашим потомкам воспоминания о таких обстоятельствах, когда Грузия была подвергнута стольким несчастиям, быстрым сменам государей и правителей нашей страны, этим ужасным и жестоким действиям, которым я сам был очевидцем или о которых мне рассказали люди, достойные веры». Обе хроники рисуют нам картину разорения Закавказья турецкими и персидскими войсками.

В XVII в. написал свою «Историю Грузии» Парсадан Горгиджанидзе. История составлена из четырех частей, из которых особую ценность имеет последняя часть за 1636—1696 гг. Эту часть своей истории Горгиджанидзе писал как современник. Впрочем, на характере освещения событий отразились тенденциозные воззрения автора, занимавшего видное положение при дворе иранского шаха.

Ценнейшим источником по истории Грузии является грузинская География Вахушти, составление которой он окончил в 1745 г. В начале ее помещена глава «О нравах и обычаях грузин», затем следуют описания Картлии, Кахетии, Имеретии и других частей Грузии. К географии приложены шесть карт (по 10 верст в дюйме) и списки деревень Картлии и Кахетии. Карты Вахушти составлены без геодезических съемок, но отличаются значительной точностью. География имеет исключительно важное значение для изучения истории Грузии XVIII в.

К истории рассматриваемого периода относится значительное количество грузинских грамот, в которых, по выражению Броссе, «находится теперь настоящая

история Грузии». Эти акты дают ценнейший материал по экономической и социальной истории Грузии XVI—XVII вв., в особенности по истории крестьянства и его положения. В грамоте, относящейся к 1583 г., указываются иммунитетные права собора в Мцхети («какие там ни есть крестьяне.., предоставьте их собственным делоправителям, чтобы служили церкви, и ничего с них не требуйте следующего нам»). В так называемом «Бичвинтском акте», окончательно составленном в XVII в., находим перечисление пеней за различные преступления, в том числе «за вырубку виноградника, принадлежащего церкви», «за ловлю рыбы» без ведома церковных властей и т. д. В начале XVIII в. был составлен сборник царских постановлений и распоряжений по земельным вопросам, включивший в свой состав и постановления предшествующих грузинских царей. В нем особенно важны сведения о положении крестьян в царских имениях.

От XVIII в. сохранилась перепись «района передовой армии», составленная в 1721 г. Она «имела целью переписать только то население и владения, на которые были возложены царские подати и повинности. Поэтому из этой переписи исключены все слабые и несостоятельные, количество коих по тогдашнему состоянию должно было быть довольно значительным» (Лордкипанидзе).

В начале XVIII в. царь Вахтанг VI, прозванный Законодателем, приказал составить сборник грузинских законов. Источниками законов Вахтанга были сборники грузинских правовых норм. Законы Вахтанга основывались на более ранних юридических памятниках.

Ценный материал по истории Грузии и других стран Кавказа имеется в русских архивах, в частности в статейных списках русских посольств в Грузию и из Грузии в Москву (1608, 1624, 1635 и других годов). В статейных списках даются сведения о Грузии, ее селениях и городах. В состав грузинских дел, относящихся к московскому посольству в Грузию в 1649—1652 гг., входят, например, следующие документы: переводы писем (написанных по-гречески) кахетинского царя Теймураза I и имеретинского царя Александра III к царю Алек-

сею Михайловичу, записи о приеме кахетинских и имеретинских послов в Посольском приказе, указы московским послам в Имеретию, крестоцеловальная запись имеретинского царя Александра III в 1651 г., отписки русских послов к царю, прибытие в Москву имеретинского посольства, отчет о денежных расходах посольства в Имеретию.

Важны и ценны также **статейные списки** посольства Никифора Толочанова в Имеретию. Еще полнее в русских архивах представлена история Кавказа XVIII в.

Л и т е р а т у р а

- М. Brosset.* Histoire de la Géorgie. II partie. Histoire moderne. S. Petersburg, 1856 (изданы во французском переводе грузинские хроники со множеством дополнений и с комментарием).
- Я. Лордкипанидзе.* Нижняя Картлия. Т. 1—2. Тифлис, 1935 (глава «Источники», стр. 31—48).
- Сборник законов грузинского царя Вахтанга VI. Тифлис, 1887.
- С. А. Белокуров.* Сношения с Кавказом. Вып. 1 (1578—1613 гг.). М., 1889.
- М. Полиевктов.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640 гг.). Тбилиси, 1937.
- Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643. Тифлис, 1928.
- Международные сношения Грузии с иностранными странами. Т. 1. Посольство стольника Толочанова и дьяка Ивлева в Имеретию, 1650—1652. Тифлис, 1926.
- А. А. Цагарели.* Грамоты и другие исторические документы, относящиеся к Грузии. Т. 1 (с 1768 по 1774 г.). Спб., 1891.
- Акты Кавказской археографической экспедиции. Т. 1.

§ 2. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АРМЕНИИ

Тяжелое положение Армении в XIV—XVIII вв., разоряемой постоянными войнами, которые Турция и Персия вели на ее территории, задерживало развитие культурной жизни Армении. Общий упадок хозяйства и культуры в Армении в это время мало способствовал развитию армянской историографии. Новое оживление культурной жизни в Армении наблюдается только со второй половины XVII в., к этому времени относится появление нескольких трудов армянских писателей. Из их числа выделяется «История», написанная Аракемом Даврижеци (из Тавриза). Аракем описывает события,

совершившиеся в Армении в 1602—1662 гг. Свое сочинение он написал по просьбе армянского католикоса (патриарха). Автор лично побывал на местах описываемых событий и собирал сведения от очевидцев. Аракел говорит о владычестве турок, которые захватили большую часть Закавказья. Турецкие паши сидели в Ереване, Гандже, Шемахе и Дербенте. Грузия платила в это время дань турецкому султану. Правление турок, по словам Аракела, было невыносимым не только для христиан, но и для мусульман.

Известны и другие армянские исторические сочинения этого периода. В «Хронике» Захария Канакерци описаны события XVII в. Это один из наиболее ценных источников по истории Армении, рисующий тяжелое положение армянского народа, быт и верования армянских крестьян и духовенства.

История Закавказья XVII—XVIII вв. нашла свое отражение и в трудах турецких и персидских историков того периода. Турецкий историк Абдул-Азис-эффенди составил историю завоеваний Еревани. Любопытно также сочинение Евлия-эффенди в четырех частях («История путешественника»), описавшего провинции Турецкой империи в XVII в.

Для XVII в. ценны акты, собранные в русских архивах. Они показывают широкую и многостороннюю деятельность армянских купцов и политические сношения России с армянами, завязывавшиеся уже в это время и получившие еще большее развитие в XVIII в.

Л и т е р а т у р а

Армяно-русские отношения в XVII веке. Сборник документов. Подготовили к печати В. А. Парсамян, В. К. Восканян, С. А. Тер-Акимова. Под ред. В. А. Парсамяна. Ереван, 1953. Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа. Ч. 1. М., 1833.

§ 3. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА И ДАГЕСТАНА

Крупнейшим источником по истории Азербайджана начала XIV в., в ту эпоху, когда страна находилась под властью монгольских правителей Ирана (иль-ханов),

являются сочинения Рашид-ад-дина (см. гл. VI, § 13) и азербайджанского историка Мухаммеда Нахчевани. Нахчевани составил сборник разнообразных официальных документов, являющийся ценным историческим источником, в котором большое внимание обращено на положение феодалов, получавших земли на правах «икта». Крестьяне, жившие на землях «икта», становились крепостными.

В XV в. написал свое географическое сочинение **ал-Бакуви**. Оно называется «Отбор лучших памятников среди диковинок стран». В этом произведении, написанном на арабском языке, сообщается о городах Азербайджана: о Тебризе, Барде, Нахичевани. Особенно подробно говорится о Баку.

В XVI столетии появилось сочинение **Хасан-бек-Румлу** «Лучшая из историй». Она была составлена из 12 томов, из которых сохранились только два последних тома, рассказывающих о событиях 1405—1578 гг. В «Лучшей из историй» восхваляются иранские шахи, так как Румлу был придворным историографом шахов; имеются и ценные сведения о землевладении, сборании налогов и о народных движениях.

Источниками по истории Азербайджана являются и более поздние труды официальных историков при дворе иранского шаха. Из них выделяется сочинение **Искандера Мюнши**. Автор родился около 1560 г. в Азербайджане, служил в гвардии иранского шаха, а позже был секретарем при шахе («мюнши»), откуда происходит его прозвище. «Мироукрашительная Аббасова история», написанная Мюнши, рассказывает о царствовании шаха Аббаса I и доведена до 1629 г. Изложение событий в «Мироукрашительной истории» очень цветисто и высокопарно, так как автор поставил своей целью написать сочинение, восхваляющее деяния Аббаса.

Из источников по истории Дагестана надо отметить труд, написанный в начале XIV в. Из него **Мухаммед Рафи Ширвани** в конце XVI — начале XVII в. сделал извлечения. Мухаммед Рафи написал также «Повествование о династии Рустам-хана», правителя одного из дагестанских княжеств, у которого он находился на службе.

Л и т е р а т у р а

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955, стр. 147—152.

Дагестанские летописи. Извлечение из истории Дагестана, составленное Мухаммедом Рафи.—«Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. 5. Тифлис, 1871.

§ 4. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

История Средней Азии отражена в ряде исторических сочинений, которые написаны на персидском, таджикском и узбекском языках.

Из исторических произведений, рассказывающих о событиях XIV — начала XV в., наибольшее значение имеют сочинения историков, описавших походы Тимура (Тамерлана).

В 1401 г. была составлена на персидском языке «Книга побед» Низам-ад-дина из Шама, предместья Табриза. Автор писал по поручению Тимура. Книга побед основана на официальных записях и представляет собой важнейший источник по истории XIV в. Несколько позже появилось на персидском языке сочинение Шереф-ад-дина из иранского города Езда. Шереф-ад-дин назвал свое сочинение также «Книгой побед» (или «Книгой о победе»). Рассказывая о походах Тимура, автор использовал официальные материалы. У Шереф-ад-дина читаем подробный и интересный рассказ о походе Тимура против Тохтамыша. Войска Тимура шли степями до реки Тобол, после чего двинулись к Яику (река Урал). В приволжских степях произошел решительный бой, кончившийся разгромом Тохтамыша.

Во второй половине XV в. на персидском языке писал Абдар-раззак Ибн-Исхак. Он жил при дворе Тимуридов и получил прозвище Самарканди, потому что большую часть своей жизни провел в родном для него Самарканде. В его сочинении рассказывается история Средней Азии и соседних стран с 1304 по 1471 г. Автор пользуется некоторыми более ранними источниками, дополняя их собственными наблюдениями.

В последние годы правления Тимуридов обширную историческую компиляцию написал Мирхонд (1433—

1498 гг.) — «Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов». Этот труд является важнейшим источником для эпохи Тимура и его потомков. Последняя (VII) книга рассказывает о событиях, современных автору. Мирхонд говорит о втором походе Тимура против Тохтамыша, когда были разорены Сарай и Астрахань.

Значительный интерес для истории Средней Азии и Закавказья имеют сочинения двух западноевропейских авторов. Одно из них написал Ганс Шильбергер, попавший в плен к туркам в 1395 г. и долгое время находившийся при дворе турецкого султана Баязида, а позже (с 1402 г.) — при дворе Тимура. Шильбергер вернулся на родину только в 1427 г. Его книга «Удивительная история, как Шильбергер из Мюнхена был уведен в плен и вернулся обратно» является ценным источником по истории Турции, Средней Азии и Золотой Орды. В конце XIV — начале XV в. Шильбергер находился в ставке Едигея, хана Золотой Орды, который в это время собирался идти в поход в землю Ибиссибур (Сибирь). У Шильбергера находим также известия о Грузии, Крыме и т. д.

Для истории Средней Азии в начале XV в. интересно сочинение Руи Гонзалеса де Клавихо, одного из послов кастильского короля (в Испании) к Тимуру. Клавихо составил дневник, в котором подробно описал свое путешествие в 1403—1406 гг. через Черное море, Эрзерум, Тавриз в тогдашнюю столицу Тимура Самарканд. Клавихо описывает Самарканд как величайший город мира, куда Тимур перевел ремесленников из других городов.

Самарканд «изобилует разными товарами, которые привозятся в него из других стран: из Руси и Татарии приходят кожи и полотна, из Китая — шелковые ткани и т. д. В городе много площадей... Эти площади и днем и ночью полны, и на них идет постоянно большая торговля». Клавихо описывает нам двор «завоевателя мира», который в это время был уже дряхлым стариком: во время приема Тимур сидел на шитых шелковых пуховиках, слабо опираясь руками на подушки, он едва был в состоянии открыть глаза, чтобы взглянуть на послов.

В числе путешественников, посетивших Среднюю Азию, следует отметить сочинение Ибн-Батута (ум. в 1377 г.), уроженца Танжера. Он совершил длительное и опасное путешествие, объехав Северную Африку и значительную часть Азии. Высадившись в Кафе в Крыму, он добрался до Великих Болгар на Волге. Вернувшись в Константинополь с караваном, который провожал жену золотоордынского хана Узбека (ранее греческую царевну), Ибн-Батута опять вернулся в Причерноморье. Отсюда он направился к берегам Волги и далее в Хиву, Бухару и Индию. Интересен рассказ о путешествии по Кипчакским степям к берегам Волги, где находилась ставка хана Узбека.

Выдающихся трудов по истории Средней Азии в XVI—XVIII вв. значительно меньше по сравнению с более ранним временем, так как этот период был для Средней Азии временем экономического и политического упадка. Однако и в эту эпоху возникали труды по истории государств, образовавшихся в Средней Азии, повествующие о завоеваниях Шейбани-хана и его потомков. Придворный поэт при дворе Шейбани-хана таджик Бенаи (ум. в 1512 г.) написал историю ханских завоеваний, сохранившуюся в двух редакциях. Одна из них носит название «Шейбони-намэ» (книга о Шейбани-хане). В середине XVI в. Абул Хакк составил всеобщую историю, куда включил сведения об основании Узбекского государства при деде Шейбани-хана (в середине XV в.).

Во второй половине XVI в. при дворе Абдуллы-хана была написана «Книга шахского благородства», или «Книга об Абдулле-хане». Автором ее был придворный поэт и музыкант Хафиз Тониш-ал-Бухори. Автор этого труда происходил из Бухары. Он ярко рисует феодальную раздробленность страны, непрерывные походы Абдулла-хана и его войны.

Важное значение для истории Средней Азии и Кавказа, значительная часть которого находилась в подчинении у Ирана, имеют иранские источники. Внук упомянутого ранее Мирхонда — иранский историк Хондемир составил всеобщую историю, закончив ее в 1524 г. История Туркмении рассказана в «Лучшей из летописей» Хасан-бек-Румлу.

В XVI в. хивинским ханом Абуль-Гази было на узбекском языке написано сочинение под названием «Родословное древо тюрков», являющееся одним из важнейших источников по истории Средней Азии. По истории древнейшего времени Абуль-Гази собрал легенды, распространенные в его время в Средней Азии. События XVII столетия описаны Абуль-Гази как очевидцем (ум. в 1663 г.). «Родословное древо тюрков» дополнялось после смерти Абуль-Гази. Абуль-Гази дает материал для истории хивинских ханов и их завоеваний, рисует экономическую и социальную жизнь Средней Азии, а также картину порабощения туркмен хивинскими феодалами. Это сочинение — наиболее ценный источник по истории Средней Азии в XVI—XVII вв. Другое сочинение Абуль-Гази — «Родословная туркмен» рассказывает о происхождении и ранней истории туркмен.

В первой четверти и не позже первой половины XVIII в. была написана «Книга об Убайдулле», посвященная рассказу о бухарском эмире Убайдулле II.

Архивы Средней Азии известны мало. Наибольшее количество документов имеет отношение к вакуфам, т. е. земельным владениям, принадлежавшим мусульманскому духовенству. Эти документы ценны для экономической истории и положения крестьянства в Средней Азии XVI—XVIII вв.

Значительные материалы по истории Средней Азии сохранились в русских архивах. Среди них на первом месте стоят **статейные списки XVI—XVII вв.** В хивинских и бухарских делах имеются грамоты среднеазиатских ханов, отправленные с их посольствами в Россию. Некоторые из грамот переведены на русский язык. В **статейных списках о посольствах из Российского государства в Бухару, Хиву и другие ханства** и в дипломатических документах XVIII в. имеются сведения о Средней Азии.

Л и т е р а т у р а

Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955, стр. 153—169.

Жизнеописания древних, средневековых и нового времени путешественников, посещавших Россию или говоривших о ней. Перев. А. Н. Шемякина. М., 1865.

- Де Клавихо.* Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг.—«Сборник отделения русского языка и словесности» № 1. Т. 28. СПб., 1881.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.—Л., 1939; т. 2. М.—Л., 1938.
- История Татарии в материалах и документах. 1937 (выдержки из произведений восточных писателей).
- Материалы по истории народов СССР. Вып. 3. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932.
- Абуль-Гази.* Родословное древо тюрков. Перев. и предисл. Г. С. Саблукова.—«Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете». Т. 21. Вып. 5—6. Казань, 1905; т. 22. Вып. 6. Казань, 1906.
- Проблемы источниковедения. Т. 8. М., 1959
- П. П. Иванов.* Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.). М., 1958 (см. «Краткий обзор важнейших источников по истории Средней Азии XV — середины XIX в.»).
-

Источники
по истории России
XVIII ВЕКА

•

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

§ 1. ДОКУМЕНТЫ СЕНАТА, КАБИНЕТА
И ВЕРХОВНОГО ТАЙНОГО СОВЕТА

Источники по истории России XVIII в. охватывают не только Россию в собственном смысле этого слова, но и Украину, а также вновь присоединенные прибалтийские провинции Лифляндию и Эстляндию.

В то время как основная масса источников за предыдущие периоды в полном или отрывочном виде издана, подавляющее количество источников по истории России в XVIII в. до сих пор не опубликована ввиду их обилия и практической невозможности издать их полностью или даже в больших выдержках. Поэтому при обзоре источников по истории России в XVIII в. значительное внимание следует уделить архивным материалам.

Среди центральных учреждений России XVIII в. на первом месте, безусловно, должен быть поставлен Высший, или Правительствующий, Сенат. Он был учрежден 22 февраля 1711 г. и в течение почти всего XVIII в. оставался главным правительственным центром управления страной. Наибольшее значение Сенат имел при Петре I и Елизавете Петровне, значительно меньшее — в краткий период существования Верховного Тайного Совета и в царствование Екатерины II. В делах канцелярии Сената сосредоточены основные документы его деятельности. В протоколах Сената кратко отмечалась сущность решаемых дел, прения и постановления Сената по тому или иному вопросу. Запись протоколов обычно совершалась по определенной формуле. В начале сообщалось, что в Сенате

«слушали» такое-то дело, после чего записывалось постановление: «1713 года, июля в 22 день, правительствующий Сенат приказали»; в других случаях писали: «Слушав сей выписки приказали» и т. д. Так как через Сенат проходили важнейшие правительственные распоряжения, то в его протоколах отразилась политика царской власти. В Сенате же сосредоточивались дела по сношениям с губернаторами.

Для пользования делами Сената имеет значение знакомство с его внутренним делением в XVIII в. на экспедиции и департаменты.

В 1742 г. все дела, ведавшиеся в Сенате, были разделены между тремя экспедициями, или отделениями. В первой экспедиции, носившей название обер-секретарской, рассматривались дела трех важнейших коллегий: Иностранной, Военной и Адмиралтейской, а также Вотчинной и Юстиц-коллегии. К первой экспедиции относились также дела по управлению укрепленными линиями. Вторая экспедиция ведала делами Камер-коллегии, Штатс-контор и Ревизион-коллегий, а также Коммерц, Берг- и Мануфактур-коллегий. К ней же относились дела «Камчатской экспедиции». Третья экспедиция Сената рассматривала дела, относящиеся к деятельности Синода и Коллегии экономии. Этой же экспедицией ведались отдельные области, присоединенные к России в XVIII в. и управлявшиеся на особых началах: Лифляндия, Эстляндия, Выборг и Нарва, а также дела по управлению Украиной. Впрочем, украинские (малороссийские дела) перешли в третью экспедицию сравнительно поздно. Деление Сената на три экспедиции не было постоянным. Кроме того, само распределение дел по экспедициям по существу зависело не от каких-либо принципиальных соображений, а от желания разделить все дела между Сенатом и его экспедициями «по порции».

В 1763 г. Сенат был разделен на четыре департамента. Первый департамент ведал финансами (Камер-коллегия и Ревизион-коллегия), промышленностью (Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия), торговлей (Коммерц-коллегия). Во второй департамент отошли дела судебные и дела о земельных владениях (Вотчинная коллегия и Юстиц-коллегия). Третий департамент ведал

вновь присоединенными областями (Украиной, Лифляндией и Эстляндией, Выборгом), а также Академией наук и Московским университетом. Четвертый департамент занимался военными учреждениями.

Дополнительные материалы по сенатским делам находятся в бумагах Московской сенатской конторы, которая несколько раз начинала и прекращала свою деятельность, хотя надобность в Сенатской конторе в Москве чувствовалась постоянно, так как при отсутствии железных дорог местонахождение Петербурга на северной окраине России было очень неудобным для ведения дел. В департаментах Московской сенатской конторы сосредоточены примерно такие же материалы, как и в экспедиции Сената, но между Сенатом и его Московской конторой было и некоторое разграничение функций.

В состав Сенатского архива вошли и дела генерал-прокуроров, в руках которых был сосредоточен надзор за деятельностью Сената и администрации в провинции.

Основные документы Сената сосредоточены в Москве в Центральном архиве древних актов (ЦГАДА). По старому описанию, они состояли из 9 тысяч книг и ящик с 1711 по 1797 г.

Ценные материалы имеются также в делах «Кабинета его величества», как собственной канцелярии императоров. Сюда сходились различного рода бумаги и донесения, направляемые к Петру I. Поэтому кабинет-секретарь, известный А. В. Макаров, приобрел при Петре I большое влияние. Позже кабинет обратился в центральный дворцовый орган. Особенный интерес представляют дела кабинета, относящиеся к царствованию императора Петра I, прежде всего его личные письма и бумаги, а также дела о Булавинском восстании, материалы по составлению таблицы о рангах, Морского и Военного уставов и пр.

Большое значение имеют документы Верховного Тайного Совета, который в составе шести членов был учрежден в 1726 г. Уже на первых порах возникли некоторые конфликты между Советом и Сенатом. Однако фактически Верховный Тайный Совет держал в своих руках власть вплоть до своего упразднения в начале царствования Анны Ивановны (1730 г.). Протоколы Верховного Тайного Совета представляют собой

ценнейший источник по истории России за 1726—1730 гг. Через Верховный Тайный Совет проходили все наиболее крупные политические дела. Совет получал от коллегий и других учреждений различного рода донесения. В свою очередь он посылал указы в Сенат, что иногда вызывало протесты последнего.

Л и т е р а т у р а

- Государственные учреждения России в XVIII веке. (Законодательные материалы.) Справочное пособие. Подготовил к печати А. В. Чернов. М., 1960.
- ЦГАДА. Путеводитель. Ч. 2. Под ред. А. И. Яковлева. М., 1947.
- Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции.—«История Правительственного Сената за двести лет (за 1711—1911 гг.)». Т. 1—3. Спб., 1876.
- П. Баранов. Архив Правительствующего Сената. Т. 1. Спб., 1872; т. 2. Спб., 1875; т. 3. Спб., 1878.
- Бумаги Кабинета Министров императрицы Анны Иоанновны 1731—1740 гг.—«Сб. РИО». Т. 105, 111, 114, 117, 120, 130.
- Доклады и приговоры в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Под ред. Н. В. Калачова. Т. 1. Год 1711. Спб., 1880; т. 2. Год 1712. Кн. I. Спб., 1882; кн. II. Спб., 1883.
- Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета.—«Сб. РИО». Т. 101.
- Письма и бумаги Петра Великого. Т. 1—10. Спб., М., 1887—1956.

§ 2. ДОКУМЕНТЫ КОЛЛЕГИЙ И МАГИСТРАТОВ

Важнейшими центральными учреждениями XVIII в. были коллегии. По характеру своей деятельности они могут быть разделены на три группы. К первой относятся три коллегии, носившие иногда обозначение главных, или «первейших»: иностранная, военная, адмиралтейских дел.

В делах Коллегии иностранных дел имеется большое количество материалов, относящихся к дипломатическим сношениям России XVIII в. В основном это переписка и донесения русских послов и агентов за границей. В документах иностранной коллегии мы находим громадный материал не только по истории России, но и по истории тех стран, с которыми Россия поддерживала сношения, а к их числу принадлежали круп-

нейшие страны Европы и Азии. Среди материалов Коллегии особо следует отметить документы, рисующие положение славянских народностей за пределами России (сербские, болгарские, хорватские, черногорские дела). Материалы Коллегии иностранных дел важны и для истории народов СССР: дела грузинские, кабардинские, крымские, кумыцкие, молдавские, туркменские, хивинские и т. д.

Бумаги Коллегии иностранных дел касаются самых разнообразных вопросов и имеют большое значение для политической и военной истории XVIII столетия. В них нашли отражение крупнейшие войны (Семилетняя война, русско-турецкие войны и т. д.). Например, журнал похода русского галерного флота в 1719 г. во время Северной войны, сохранился в шведских делах, о захвате русских торговых кораблей в Средиземном море корсарами сообщается в делах по сношениям России с Тосканским герцогством (Флоренцией) и т. д.

Материалы Коллегии иностранных дел не ограничиваются только дипломатической и военной сферой. Они включают документы, касающиеся разных происшествий в странах, поддерживавших отношения с Россией. Тут и сведения о восстании в Льеже в Бельгии (1790 г.), о Французской буржуазной революции и пр. Очень любопытные сведения имеем также по истории культуры. В делах по сношениям России с римскими папами находим документы о живописцах и скульпторах (о работах Кановы и др.), об археологических находках. Интересны также сведения о русских учениках за границей, сообщаемые русскими резидентами из разных стран.

Большой интерес имеют дела **Военной коллегии**. В ее ведение входило не только устройство и управление армией, но и участие во внутреннем управлении Россией. Наибольшее значение имеют доклады и протоколы.

Не меньшее значение в XVIII в. имела **Коллегия адмиралтейских дел**, в особенности при Петре I. В бумагах Адмиралтейской коллегии находим материал о снаряжении научных экспедиций, о фабриках и заводах морского назначения и т. д.

Бумаги Военной коллегии расположены по ее экспедициям. К их числу принадлежали Генерал-аудиторская экспедиция, сосредоточившая материал о следствиях и судах по военным делам, Иностранная экспедиция об иностранцах на русской военной службе и т. д. Артиллерийскими делами заведовала Канцелярия главной артиллерии и фортификации. Военная коллегия ведала также казачьими войсками: Донским, Терским, Яицким (позднее Уральским).

Основные материалы Военной и Адмиралтейской коллегий сосредоточены теперь в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА).

Ценные и важные материалы имеются в делах остальных коллегий. Три коллегии заведовали финансовыми делами России XVIII в.: Камер-коллегия ведала сбором доходов; через Штатс-контор-коллегию шли сведения о расходах; Ревизион-коллегия надзидала расходование и приход государственных денег. В делах Камер-коллегии имеются также документы по доходным статьям от земледелия, скотоводства и рыбной ловли. В состав дел Ревизион-коллегии входят документы о взыскании недоимок и материалы по составлению переписей населения.

Делами торговли и промышленности ведали также три коллегии. В документах Коммерц-коллегии заключены данные о состоянии и развитии промышленности и торговли, сведения о деятельности заводов, фабрик и горных рудников, материалы, связанные с таможенной политикой. Мануфактур-коллегия имела в своем ведении фабрики, а Берг-коллегия — заводы. Документы этих коллегий весьма разнообразны и имеют исключительно важное значение для экономической истории России XVIII в.

Материалы Берг-коллегии за 1719—1825 гг. содержат значительное количество дел и книг, относящихся к казенным заводам на Урале, в Сибири и в Олонецком крае. В них содержатся также планы и чертежи заводов и приписных к ним земель, штаты заводов и пр. Особое место занимают сведения о волнениях рабочих и приписных крестьян, их челобитные и другие дела, показывающие тяжелое положение заводских рабочих и крестьян.

Дела о фабриках и других промышленных предприятиях XVIII в. представлены различными фондами, в том числе бумагами Мануфактур-коллегии и местными архивами. В основном это материалы такого же типа, как и дела о заводах. Среди них встречаем ведомости о текстильных и бумажных мануфактурах. Значительное количество документов по истории различного рода предприятий текстильной и других видов легкой промышленности сохранилось в дворянских архивах. Среди них выделяется архив Гончаровых — фабрикантов и заводчиков XVIII в. В нем сохранились бумаги о гончаровских заводах, в том числе об известной полотняной и бумажной фабрике в поселке «Полотняный завод» под Калугой.

Имеется также громадный фонд Коммерц-коллегии, остающийся пока почти неизученным.

Большой интерес имеют дела Юстиц-коллегии, действовавшей с 1718 по 1787 г. В ее бумагах находятся «судные и розыскные дела» как гражданского, так и уголовного характера, а также крепостные акты, заемные и жилые записи и т. д. В особенности интересны дела о должностных преступлениях. Они рисуют тяжкое положение населения, страдавшего от произвола царских чиновников.

Центральным учреждением особого типа была **Вотчинная коллегия**, образованная в 1725 г. Ведомству этой коллегии подлежала «записка по купчим и закладным, справка за детьми после отцов и других родственников по наследству», выдача по челобитным и рассмотрение спорных дел об имениях. Как видно из этого перечисления, Вотчинная коллегия заменила собой Поместный приказ. Ее документы заключают в себе громадный материал по истории крестьянства и дворянства в XVIII в.

По кругу своей деятельности к коллегиям относится и Синод. В XVIII в. Синод обладал широкими полномочиями по борьбе с различного рода отклонениями от учения господствующей церкви. Он проводил борьбу с расколом и многочисленными ересями (хлыстовство и пр.). Бумаги о деятельности церковных миссий за границей и на окраинах России рисуют роль православной церкви как проводника политики царизма.

К ведомству Синода относилась так называемая «Коллегия экономии», которая ведала делами церковных вотчин, а с 1764 г. управляла секуляризованными монастырскими и церковными владениями.

Наряду с коллегиями в XVIII в. существовали другие центральные учреждения с более узким кругом деятельности, носившие названия контор, ревизий, комиссий и т. д.

Среди архивных документов XVIII в. несомненный интерес представляют дела магистратов (1720—1785 гг.). Учрежденный в 1720 г. Главный магистрат просуществовал до введения городского положения в 1785 г. В деятельности Главного магистрата был перерыв в 1727—1743 гг., когда его функции выполняла Санкт-Петербургская ратуша.

Создание Главного и городских магистратов было одним из звеньев в политике правительства первой четверти XVIII в. Интересы развития государства, в котором господствовало дворянство, требовали принятия ряда мер к подъему экономики страны, к более широкому развитию торговли и промышленности. Магистраты были одной из форм использования купечества, когда путем привилегий, данных посадской верхушке, интересы города подчинялись интересам дворянского государства.

Материалы магистратов позволяют установить круг вопросов, интересовавших торгово-промышленное население России. Здесь и вопросы управления городом, взаимоотношения городской администрации и правительственных учреждений, вопросы организации и обеспечения казенных и гражданских служб, подушных и других сборов, благоустройства городов, судопроизводства, торгово-промышленной деятельности.

Сохранившиеся в Главном магистрате документы относятся главным образом к середине и второй половине XVIII в. Сохранность архивов местных (провинциальных и городских) магистратов различна. Так, хорошо сохранились материалы Дмитровского и Переяславль-Залесского магистратов Московской губернии, в то время как по самой Москве, особенно за первую половину века, документов осталось очень мало.

Среди документов, сохранившихся в магистратских архивах, можно указать указы (царские, сенатские), распоряжения коллегий и Главного магистрата, доношения, челобитные посадского населения и делопроизводство по ним, ревизские сказки, окладные книги по различным сборам, книги выдачи паспортов, земельные (межевые, отводные) и другие записи, магистратские и мирские приговоры, поручные записи, судебные дела, делопроизводственная переписка с другими учреждениями и т. д. Особенностью магистратских дел является наличие большого количества беловых документов. Черновые материалы, как правило, представляют собой доношения магистрата и пр.

Архивы некоторых «контор» и «комиссий» также имеют большое историческое значение. Таковы дела Герольдмейстерской конторы (ведавшей дворянскими списками, определением и увольнением от должности и т. д.), документы Канцелярии конфискаций (за 1729—1793 гг.), соляных и акцизных контор, рентерей, или казначейств, и т. д.

Л и т е р а т у р а

ЦГАДА. Путеводитель. Ч. 1. М., 1946 (обстоятельное описание материалов Сената, коллегий и других учреждений).

§ 3. ДОКУМЕНТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ЧАСТНЫХ АРХИВОВ

Для истории XVIII в. крупное значение имеют материалы провинциальных правительственных учреждений. Таковы дела губернских канцелярий (с 1708 г.), среди бумаг которых имеются сведения по статистике городов и областей, судные и следственные документы, дела о поимке беглых крестьян и т. д. Такой же состав имеют провинциальные канцелярии, ведавшие провинциями, учрежденными в 1715 г., а также воеводские канцелярии XVIII в., в которых сосредоточены документы по воеводскому управлению в городах и уездах, вновь учрежденному в 1727—1728 гг. Провинциальные и воеводские канцелярии были упразднены в 1775 г. в связи с учреждением губерний. Одни только материа-

лы воеводских канцелярий заключают 168 тысяч единиц хранения, сосредоточенных в ЦГАДА.

Интереснейшие материалы имеются в архивах судебных органов XVIII в., в частности в архивах уездных судов (с 1775 г., но с более ранними делами). Особенно крупное значение документы местных учреждений имеют для истории народов СССР. Уездные суды Казанской и позднее Оренбургской губерний и т. д. дают значительный материал по истории народов Поволжья и Приуралья, в частности о народных движениях в этих областях.

В центральных и местных архивах хранятся также дела епархиальных управлений при архиереях, иногда очень любопытные с бытовой точки зрения. Архивы монастырей и церквей сосредоточивают хозяйственные документы, ценные для истории землевладения и крестьянства, планы и чертежи зданий, сведения о библиотеках и ризницах и т. д. Например, в бумагах Юрьева монастыря под Новгородом имеется много документов о хозяйстве монастырских вотчин в Новгородском и Старорусском уездах со сведениями о монастырском и крестьянском хозяйстве, о повинностях крестьян, о выдаче крестьянам денежных и хлебных ссуд на кабальных условиях, о волнениях крестьян.

Крупное значение имеют частные архивы. От XVIII в. в значительном количестве сохранились дворянские архивы. На первом месте здесь должны быть поставлены документы видных политических деятелей и знатных фамилий: бумаги А. Д. Меншикова, Куракиных, Воронцовых, Шереметевых, Строгановых, Шуваловых и т. д. По содержанию документы дворянских архивов отличаются большой пестротой: тут и переписка, и некоторые официальные документы, и дела по управлению вотчинами и т. п. Вотчинные архивы являются незаменимыми пособиями для изучения положения крестьян. Архив Воронцовых, систематическое издание документов которого заняло 40 томов, включает самый разнообразный материал, в том числе письма крупных политических деятелей, фамильные документы, сведения о военных действиях (Итальянский поход Суворова и пр.). В Архиве А. Д. Меншикова

имеются письма крупнейших деятелей петровского времени.

Особый характер имеют архивы заводчиков XVIII в. Среди них выделяются бумаги Демидовых, которым принадлежали металлургические заводы на Урале (Невьянский, Нижне-Тагильский и др.). Сохранилось заводское делопроизводство со сведениями о производстве, о положении приписных крестьян и пр.

Значительно слабее изучены и приведены в известность архивы заводчиков недворянского происхождения. Из них особенно интересны бумаги Гончаровых, вначале купцов, позже пожалованных в дворянство. В них сохранились приходо-расходные книги, документы о снабжении гончаровских фабрик сырьем и пр.

К сожалению, до сих пор почти не выявлены материалы купеческих архивов, хотя такие существовали. Отдельные документы по купеческим и ремесленным предприятиям имеются в фондах магистратов и т. д.

Л и т е р а т у р а

ЦГАДА. Путеводитель. Ч. 2. М., 1947.

Архив князя Воронцова. Кн. I—XL. М., 1870—1895.

А. Барсуков. Род Шереметьевых. Кн. I—IV. Спб., 1831—1884; кн. V. Спб., 1882; кн. VI. Спб., 1892; кн. VII. Спб., 1899.

§ 4. ДОКУМЕНТЫ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ И СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА О ВОССТАНИЯХ И ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ЦАРИЗМА

Важнейшие политические дела в XVIII в. разбирались в особых учреждениях, созданных царским правительством. В начале XVIII в. это были Тайная канцелярия и одновременно существовавший с ней Преображенский приказ. Он назывался так по селу Преображенскому под Москвой, где находилась резиденция Петра I, и первоначально имел чисто дворцовые функции. В нем ведались Преображенский и Семеновский «потешные» полки. Новое значение «потешная изба» в Преображенском получила с приходом к вла-

сти Петра I, а в 1695 г. она была переименована в Преображенский приказ и с этого времени сделалась учреждением по сыску и расправе с политическими преступниками и по рассмотрению доносов о «слове и деле государеве».

Преображенский приказ (или канцелярия) действовал до 1729 г., когда он был упразднен. Одновременно с Преображенским приказом в 1718—1726 гг. существовала Тайная канцелярия, или Канцелярия тайных розыскных дел, упраздненная в 1726 г. Деятельность ее была возобновлена с 1731 г., а в царствование Екатерины II на ее основе возникла Тайная экспедиция, действовавшая в 1762—1801 гг.

Преображенский приказ, Тайная канцелярия, позже Тайная экспедиция ведали в XVIII в. тайной полицией. Эти органы расследовали политические дела. Здесь допрашивали и обычно пытали заподозренных, здесь же производилась расправа, которую трудно назвать судом.

Архивы Преображенского приказа, Тайной канцелярии и Тайной экспедиции включают дела большой ценности. Прежде всего надо отметить следственные дела о крестьянских восстаниях, в том числе следственное дело о Пугачеве и бумаги следственных секретных комиссий о крестьянской войне в 1773—1775 гг. В следственных делах сохранились допросы участников восстания и отчасти делопроизводство самих восставших, и в том числе манифесты Пугачева. Правительство жестоко преследовало участников крестьянской войны и тотчас же производило следствие и расправу над заподозренными лицами. Этим объясняется обилие дел об участниках пугачевского восстания, разбросанных в разных фондах. В делах Тайной канцелярии и Тайной экспедиции имеется также большое количество дел по крестьянским восстаниям и выступлениям, происходившим в течение всего XVIII столетия. Такого рода документы имеются и в архивах провинциальных учреждений, так как история России XVIII в. была временем ожесточенной борьбы крестьян против крепостников.

К политическим преступлениям причислялись и различного рода ереси, к которым относили старообряд-

Спешивший кнзь мой особанный Бато-
Алтай

Его Высочество Грѣ Царь прислалъ
хочу спешу Его Царскому величеству
до лошади съборю, аймашей съб-
тлосты матерей. и посылъ мнѣ онъ
привозивъ отъ него. я поспѣхъ
Его поспѣхъ, тѣ матерей зановъ
печать посылъ. съдѣвшихъ похв-
ченія, аймашей о бышшѣхъ стѣни
бож, и отъ станашей кнзя. и отъ
и отъ бышшѣхъ паша събтлосты
и отъ бышшѣхъ Его Царского величества.

Королю
Июль 1711

Артаваз

Р. С. отъ печати вѣдѣнъ, и отъ бышшѣхъ
и отъ бышшѣхъ вѣдѣнъ, и отъ бышшѣхъ

Письмо Головкина к Меншикову

чество со всеми его разветвлениями, как отклонение от господствующей православной церкви. Материалы о еретиках и раскольниках занимают немалое место в делах Преображенского приказа и Тайной канцелярии и экспедиции. Впрочем, большинство таких дел проходило через учреждения Синода.

Тайная полиция XVIII в. производила и расследование по делам, касавшимся царской фамилии. Таково обширное следственное дело о царевиче Алексее Петровиче, в котором имеется переписка царевича с его любовницей Евфросиньей Федоровной и с его духовником Яковом Игнатьевым. Большой интерес имеет также следственное дело о царице Евдокии Федоровне Лопухиной, первой, разведенной жене Петра I. В делах Тайной экспедиции хранится следственное дело о Елизавете Таракановой, выдававшей себя за княжну и дочь императрицы Елизаветы Петровны.

При каждом дворцовом перевороте происходила смена правительственных верхов, и вчерашние знатные «персоны» попадали в заключение и под следствие. Поэтому в бумагах Тайной канцелярии и Тайной экспедиции сохранились следственные дела о крупнейших из сверженных сановников: дела фельдмаршала Миниха, графа А. И. Остермана и др. Особое место занимают бумаги о «Брауншвейгской фамилии», т. е. о правительнице Анне Леопольдовне и ее сыне императоре Иване Антоновиче. После свержения младенца Ивана Антоновича с престола запрещено было даже о нем упоминать, а государственные бумаги с его именем были собраны и под названием дел «с известным титулом» запечатаны и хранились особо. Дела с известным титулом освещают события недолгого царствования Ивана Антоновича (1740—1741 гг.).

Некоторые следственные дела были связаны с большими политическими процессами. Например, суд над кабинет-министром Волюнским в 1740 г. закончился казнью обвиняемого и его «конфидентов». Следствия по обвинениям прогрессивных деятелей (А. Н. Радищева и др.) также производились в Тайной канцелярии и экспедиции.

Мелкие политические дела разрешались в стенах самой Тайной канцелярии или экспедиции. Таковы дела о самозванцах, выдававших себя за царевичей Петра и Алексея. В XVIII в. были очень распространены и дела о «продерзостных речах» о государе и его приближенных. Архивные дела Преображенского приказа, Тайной канцелярии и экспедиции важны как источник для суждения об общественном недовольстве широких

народных масс, которое в конечном итоге выливалось в грандиозные народные восстания XVIII в. Крупнейшим из них была крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, следствие о котором сохранилось в делах Тайной экспедиции.

При работе над следственными делами XVIII в. надо иметь в виду особенности этих документов, как исторического источника. Следствие в стенах тайных полицейских учреждений производилось в условиях непрерывного физического и морального давления на обвиняемых. Следователи одновременно были и судьями. Они в первую очередь старались вырвать от обвиняемого сознание в его вине и отыскать его соучастников. Пытка была обычным явлением и в Преображенском приказе и в Тайной канцелярии. Там широко применялись поднятие заподозренных на дыбу и еще более страшные пытки. При Екатерине II пытка была официально отменена, но фактически применялась под другими видами: заключение в темные и сырые казематы, уменьшение дневного пайка и пр. Шешковский, начальник Тайной экспедиции при Екатерине II, прославился как жестокий лицемер, перемежавший молитвы с допросами. В более раннее время своей жестокостью прославились боярин Ю. Ф. Ромодановский — глава Преображенского приказа и А. И. Ушаков — начальник Тайной канцелярии.

В следственных делах наряду с правдивыми показаниями попадаются явно вымученные свидетельства. Составители следственных дел старались очернить свои жертвы в самих следственных материалах. Об этой особенности следственных дел нельзя забывать. Например, в следственном деле об Астраханском восстании 1705 г., производившемся в Преображенском приказе, сообщается о попытках астраханцев привлечь на свою сторону донских казаков, которым астраханцы послали «проезжее письмо». Под письмом стояли подписи «заводчиков восстания», явно подложные.

Л и т е р а т у р а

Пугачевщина. Т. 1 и 3. Из архива Пугачева. М.— Л., 1926, 1931; т. 2. Из следственных материалов и официальной переписки. М.— Л., 1929.

- Н. Б. Голикова.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957.
- П. К. Алефиренко.* Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М., 1958.

§ 5. ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ И ПРИБАЛТИКИ

В XVIII столетии Украина еще сохраняла некоторые черты автономии. После упразднения гетманства (1733 г.) она управлялась генерал-губернаторами. Гетманство было возобновлено в 1747 г., когда вышел указ об учреждении в Малороссии гетманства «по прежним тамошним правам и обыкновениям». Окончательно оно было упразднено при Екатерине II в 1764 г.

Уже в 1747 г. при утверждении в гетманстве Разумовского было указано: «Понеже оные дела о гетманах прежде сего были в Коллегии иностранных дел, откуда и в Сенат взяты, велено как о выборе гетманов, так и все прочие малороссийские дела отдать из Сената в оную коллегия, по-прежнему, в которой Малую Россию по всему делать и ведать». Дела об Украине сосредоточены в бумагах Коллегии иностранных дел, а позже Сената, а также в украинских архивах. В 1794 г. дела об Украине были опять переданы в Иностранную коллегия.

Особая Малороссийская коллегия для управления Украиной существовала с перерывами с 1722 по 1727 г. и с 1764 по 1786 г. В делах Малороссийской коллегии сосредоточено большое количество материалов по истории Украины, относящихся к Левобережной, так называемой «гетманской», Украине; Слободская Украина (в основном Харьковщина) ведалась Сенатом и другими учреждениями Российской империи.

Документы об Украине, хранящиеся в Центральном Государственном архиве древних актов в Москве, выделены в особый фонд. В него входят наиболее значительные политические документы, в том числе правительственная переписка с Генеральной войсковой канцелярией на Украине (существовавшей до 1765 г.), донесения и прошения Запорожского войска и т. д. Большим дополнением к названным выше архивным

делам являются документы Малороссийской экспедиции Сената, в которых содержатся и переписные книги украинских полков.

Для изучения экономической истории Украины важное значение имеют ее описи. Наиболее полно состояние Украины представлено «Генеральной описью», которую обычно называют Румянцевской по имени малороссийского генерал-губернатора П. А. Румянцева-Задунайского. Опись начата была составлением в 1767 г., но осталась незаконченной.

Экономику Украины первой половины XVIII в. раскрывает «генеральное следствие о маестностях» украинских полков 1729—1730 гг. На основании данных старожилами «сказок» и представленных копий документов были составлены книги по каждому украинскому полку отдельно. Особенно важны в материалах генерального следствия показания о владельцах поселения и о времени возникновения поселения. В 1723 г. была составлена ревизская книга Стародубского полка главным образом для того, чтобы старшины не могли тянуть казаков в свое «подданство». Подлинная перепись Стародубского полка дает сведения о количестве дворов в той или другой населенной местности, отдельно показаны казачьи и крестьянские дворы.

В XVIII столетии на особом положении находились прибалтийские провинции Лифляндия и Эстляндия, присоединенные к России в 1721 г., тогда как Курляндия долгое время имела своих герцогов, хотя и находилась в зависимости от России.

Материалы по истории прибалтийских провинций в наибольшей полноте представлены в республиканских архивах Эстонии и Латвии, но значительное их количество имеется и в центральных архивах, прежде всего в делах Сената. Кроме того, существовала особая «Камер-контора лифляндских, эстляндских и финляндских дел» (1736—1799 гг.), в материалах которой хранятся сведения об имениях и повинностях крестьян, о городах, крепостные акты и т. д. Большинство документов «Камер-конторы лифляндских, эстляндских и финляндских дел» написаны на немецком, шведском и латинском языках.

В делах Коллегии иностранных дел имеются ценные материалы по истории Курляндии, главным образом донесения русских резидентов.

Л и т е р а т у р а

А. Лазаревский. Обзорение Румянцевской описи Малороссии. Вып. 1. Полк Черниговский. Чернигов, 1866; вып. 2. Полк Киевский и Нежинский. Чернигов, 1867.

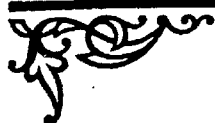
Генеральне слідство про маєтності Стародубського полку.— «Український архів». Т. 1, 1929.

Генеральне слідство про маєтності Лубенського полку.— «Український архів». Т. 4, 1931.

Государственные учреждения России в XVIII веке. (Законодательные материалы.) Справочное пособие. Подготовил к печати А. В. Чернов. М., 1960, стр. 499—515.

ВАЖНЕЙШИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ АКТЫ XVIII в.

§ 1. ВИДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ АКТОВ

При изучении архивных материалов XVIII в. не следует упускать из виду, что отсутствие четкого разграничения функций между учреждениями являлось характерной чертой бюрократического аппарата того времени. Поэтому не всегда легко установить, где ведалось то или иное дело. Так, документы по экспедиции Беринга, окончательно установившей существование пролива между Азией и Америкой, разбросаны в архивах разных учреждений, в том числе даже Тайной канцелярии, как будто не имевшей прямого отношения к такому предприятию. Дела казачьих войск ведались Военной коллегией, хотя следовало бы думать, что области казачьих войск будут вестись в Сенате, как и другие окраинные области России. Наоборот, дела по Оренбургской экспедиции сосредоточены в третьей экспедиции Сената, хотя Оренбургская экспедиция представляла собой предприятие полувоенного характера и ведала крепостями Оренбургской укрепленной линии.

Документы XVIII в. отличаются от актов более раннего времени как по внешнему виду, так и по своему построению. Столбцы употреблялись только в начале столетия, а документы более позднего времени написаны на листах писчей бумаги. Для удобства их складывали в связки или иногда переплетали в книги.

Виды правительственных актов XVIII в. многочисленны. К ним относятся прежде всего манифесты и указы, которые составлялись по определенной форме.

Материал этот имеет крупное значение и послужил основой для составления Полного собрания законов Российской империи (сокращенно — ПСЗ). Это много-томное издание и до сих пор остается наиболее полным сводом правительственных распоряжений XVIII столетия.

В указах и манифестах политика царизма получила наибольшее выражение. Указы составлялись на основании донесений с мест и других материалов, причем их содержание порой неправильно отображает действительность и излагает события в извращенном виде.

Особенно это относится к манифестам, сообщающим о тех или иных крупных событиях. Так, при восшествии на престол Екатерины II было издано три манифеста, причем ни один из них не давал правдивого объяснения смерти Петра III, который был задушен Орловым и его товарищами в Ропше. Один из манифестов Екатерины, например, говорил, что Петр III скоропостижно скончался от «геморроидальной колики». То же самое надо сказать о царских указах, относящихся к крестьянской войне под водительством Пугачева. Тщетно в них искать каких-либо правдивых указаний на причины восстания или правильного отображения событий.

В XVIII в. различали указы «именные», данные Сенату, и «именные», объявленные из Сената. Именные указы представляли собой распоряжения, о которых императорская власть сообщала Сенату. Через указ «именной, объявленный из Сената», опубликовывалось то или иное постановление царской власти. Под сенатскими указами понимались указы, посылаемые от имени Сената. Указы, объявленные из Сената, а также непосредственно от императорского имени, представляли собой законы, которыми руководствовались в центре и в провинции. Обилие указов создавало трудности для пользования ими. Этим пользовались многие дельцы для затягивания какой-либо большой тяжбы, тянувшейся иногда по нескольку лет.

В XVIII столетии появились новые виды документов, носящие по преимуществу иностранные названия, утвердившиеся с царствования Петра I. Это заставило приложить к Генеральному регламенту «толкование

иностранных речей». Приведем извлечение из этого толкования: «прерогативы — преимущества, интерес — прибыль и польза, публичные — всенародные, резолюция — решение, баллотировать — избирать» и пр. Некоторые из нововведенных терминов были практически ненужными, имея полную аналогию в русском языке, другие — утвердились. Среди таких терминов необходимо прежде всего отметить протоколы, вошедшие в практику деятельности российских учреждений XVIII в.

В числе особенно распространенных деловых бумаг XVIII столетия необходимо отметить промемории и экстракты. **Промемории** представляли собою прежние «памяти» с сообщением по тому или иному делу. **Экстракт** обычно заключал своего рода докладную записку, выдержку из бумаг по данному делу. Такие экстракты имели место в делопроизводстве различных государственных учреждений России в первой половине XVIII в. Исследователь может пользоваться экстрактом только в случае отсутствия самого дела, так как изложение дела и выводы экстрактов часто неправильно толкуют материалы, которыми пользовались при их составлении. Кроме того, появились инструкции (вместо наказов), табели, регламенты и т. д. К сожалению, сколько-нибудь сводных работ по делопроизводственной терминологии XVIII в. мы пока не имеем.

§ 2. РЕГЛАМЕНТЫ И ТАБЕЛИ

К числу важнейших документов по истории государственного управления России, которыми руководились в XVIII столетии, принадлежат регламенты и табель о рангах.

«Генеральный регламент, или устав, по которому государственные коллегии, тако ж и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют», утвержден в 1720 г. Он является руководством для работы коллегий и других учреждений XVIII в., устанавливавшим штаты и внутренний распорядок деятельности коллегий.

«Регламент» состоит из 56 небольших глав. В первой же главе устанавливается, что «каждый высокий и нижний служитель» обязывается принести присягу перед евангелием «послушным рабом и подданным быть». В следующих за этим главах идет речь «о преимуществе коллегий» по сравнению с единоначалием (штат коллегии состоял из президента, вице-президента, четырех советников и четырех ассессоров). Регламент далее говорит о назначенных для заседаний («к сидению») днях, о порядке рассмотрения дел в коллегиях, о должностях чиновников коллегий (секретарь, канцелярист и пр.).

Генеральный регламент дает материал главным образом для суждения об устройстве и делопроизводстве коллегий, а также о сфере их деятельности. По Регламенту члены коллегии должны свои суждения «свободно и явственно объявлять, не взирая на персону». В действительности же коллегии были бюрократическими учреждениями, причем даже их функции, несмотря на их определение в Регламенте, не были точно установлены.

По типу гражданских учреждений было организовано и управление русской православной церковью. Духовный регламент ставил своей задачей дать руководство для духовного «коллегиума», или Синода, так как в области церковного управления правительство Петра I особенно резко порвало с традициями прошлого, упразднив патриаршество. Ярым противником патриаршества и защитником Синодального управления выступил новгородский архиепископ Феофан Прокопович. Poleмика с защитниками патриаршества нашла отражение и в самом Регламенте. Духовный регламент не только устанавливал распорядок работы Синода, но и пояснял выгоды духовного коллегиального управления: «Известнее взыскуется истина соборным сословием, нежели единым лицом». По указанию Регламента «в таковом правительстве Соборном будет аки некая школа правления духовного».

Крупнейшим законодательным актом первой половины XVIII в. явилась Табель о рангах 1722 г. Она определяет положение морских и сухопутных чинов, «кто с кем одного ранга, хотя и старее в чине, на море

командовать морскому над сухопутным, а на земле сухопутному над морским».

Табель устанавливает 14 параллельных рангов для сухопутного (военного), морского и статского (гражданского) ведомств, начиная с 1-го чина (генерал-фельдмаршал, генерал-адмирал, канцлер), кончая 14-м (фендрик, корабельный комиссар, комиссар при коллегии). Впоследствии Табель о рангах менялась, особенно в названиях низших чинов, но в основном деление на «классы», как обычно стали называть петровские ранги, додержалось до падения царского режима.

Таким образом, табель оказалась очень долговечной, несмотря на то что многие названия чинов вызывали только насмешку у людей XX в. Так, о низшем гражданском чине коллежского регистратора сложилась поговорка — «Коллежский регистратор—чуть-чуть не император». В этой поговорке выражалось, впрочем, и невольное сознание власти царской бюрократии, когда самый мелкий чин мог принести много огорчений просителям в учреждениях.

Табель о рангах сделалась прочной основой для бюрократической системы царской России.

Общие положения, определявшие деятельность Главного и подчиненных ему городских магистратов, дает «Регламент, или устав Главного магистрата» 1721 г.

Регламент состоит из 25 глав. Глава 1 «О присяжной должности» говорит о порядке приведения к присяге магистратских чинов. Глава 2 «О главных магистрата делах» определяет круг вопросов, которыми должен заниматься Главный магистрат: 1) «во всех городах порядочной магистрат учредить», 2) «оной добрыми уставами и ограждениями снабдить», 3) «того смотреть, чтобы было правосудие», 4) «добрую полицию учредить», 5) «купечество и мануфактуры размножить». Глава 3 «О состоянии городов» содержит предписание губернаторам, вице-губернаторам, воеводам, «дабы об определении магистрата ведали и по посланным из оного исполняли». Эта же глава говорит о необходимости сбора чертежей, описаний городов с перечислением посадского населения, торгов, промыслов.

Глава 4 «О собрании выбылых из слобод» особое внимание обращает на необходимость усиления тяглой

способности посадской общины, поэтому предписывается под предлогом собирания «разсыпанной храмины всероссийского купечества» «всех тех купеческих и ремесленных людей, которые не похотя с посадскими служить и податей платить, вышли из слобод, какими нибудь образы и подлоги в разные чины, и в крестьянство и в закладчики и якобы за долги отданы, из тех мест собрать и в теж слободы и в тягло, из которых они отбыли, по-прежнему, кроме тех, которые обретаются действительно в его царского величества в военной и в гражданской службах, бесподложно». Можно заметить, что устав в этом вопросе в значительной степени перекликается с главой о посадских людях Соборного уложения 1649 г.

Главы 5 и 6 «О разделении городов» и «О определении магистратов и в них президентов» устанавливают, исходя из количества дворового числа, пять групп городов, в которых создаются магистраты. Выборы членов магистрата, бургомистров и ратманов должны проводиться «из гостей и из гостиной сотни и из гостиных детей и из горожан первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей». Количество магистратских чинов зависело от дворового числа города. Мирские выборные приговоры подлежали утверждению Главным магистратом.

Глава 7 «О разделении гражданства» устанавливает и регламентирует гражданское состояние посадского населения городов. Регламент предусматривает создание на посаде двух гильдий. К первой относятся те, кто «привелегиями и преимуществами суть отменны; яко банкиры, знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги, и которые разными товарами в рядах торгуют, городские доктора, аптекари, лекари, шиперы (т. е. шкиперы) купеческих кораблей, золотари, серебрянники, иконники, живописцы». Ко второй гильдии отнесены торговцы «мелочными товарами и харчевыми всякими припасы... также ремесленные рещики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные». Особую группу составляли «прочие же все подлые люди, обретающиеся в наймах и в черных работах, которые нигде между знатными и регулярными гражданами не счисляются». Таким образом, устанавливается

деление посадского населения на «регулярных» и «нерегулярных» граждан, причем первые делятся по своему имущественному положению на две гильдии с правом выбора городского управления — магистратов. «Подлые» же люди выборных прав по существу были лишены. Одновременно в этой главе ставится вопрос о создании в городах специальных ремесленных цеховых организаций с особыми уставами, определяющими права и привилегии ремесленных людей.

Главою 8 определяется необходимость составления различных «регул и уставов» для городов в зависимости от их местоположения, численности населения, экономического значения.

Глава 9 «О судах гражданских» и глава 10 «О полицейских делах» определяют функции магистратского суда и полицейские обязанности посадской администрации. Особое внимание 9-я глава обращает на организацию сословного посадского суда.

Главы 11, 17, 18, 19 рассматривают вопросы развития торговли и мануфактур, организации ярмарок, бирж, маклеров.

Большинство остальных глав носит специальный характер и говорит о делах, связанных с деятельностью магистратов по определенным вопросам. Так, в 12-й главе говорится о поборах, в главе 13-й — о квартирмейстерах, их правах и обязанностях, в 16-й — о корреспонденции. Организация госпиталей и смиренных домов отражена в 20-й главе, а глава 21-я посвящена организации школ.

Главы 14, 15, 22—25 связаны непосредственно с организацией работы магистратов и ратуш. Здесь рассматриваются вопросы магистратской власти, спорные дела между магистратами и гражданами города, говорится о магистратских служителях, о членах магистратов, о составлении городских рапортов и доношений.

Л и т е р а т у р а

Реформы Петра I. Сборник документов. Составил В. И. Лебедев. М., 1937.

Памятники русского права. Вып. 8. Законодательные акты Петра I (первая четверть XVIII века). Под ред. проф. К.А. Софроненко. М., 1961.

§ 3. ВОЕННЫЕ И МОРСКИЕ УСТАВЫ

В непосредственной связи с регламентами стоят военные и морские уставы, на составление которых было обращено особое внимание при Петре I, принимавшем личное участие в их разработке.

«Книга устав воинский о должности генералов, фельдмаршалов и всего генералитета и протчих чинов, которые при войске надлежат быть, и иных воинских делах и поведениях, что каждому человеку чинить должно» была напечатана в Петербурге. Воинский устав 1716 г. делится на три части. Первая часть носит название «Устав воинский» и посвящена устройству армии, командующим чинам и их значению. Вторую часть устава составляет «Воинский артикул с процессами», представляющий собой устав о дисциплине и военном судопроизводстве. Третий раздел устава называется «Книга экзерциций». В ней говорится о строевой и боевой подготовке солдат, а также разведывательной службе.

Устав тщательно разрабатывает порядок движения войск. Когда марширует батальон, впереди идет майор и 12 солдат, «потом пушки и с ящики своими того батальона, потом музыка гобоисты, затем господин полковник, за полковником капитаны и капитан-поручики и подпоручики в одной шеренге, всякий перед своею ротою, потом прапорщики с знаменами и подпрапорщики».

Воинский устав 1716 г. подвергся в дальнейшем решительной переработке в непосредственной связи с изменениями военного дела на протяжении столетия. Новый устав появился в 1755 г. («Описание пехотного полкового строя»). В 1763 г. появился «Пехотный строевой устав», вновь существенно изменивший более ранние уставы. В 1796 г. при Павле I был опубликован «Войсковой устав о полевой пехотной службе». В нем проводился взгляд на армию как на машину и особенное внимание обращалось на парадную сторону. Во время маршировки на парадах предлагалось шествовать, «вытянувши колено, ногу опускать не сгибая, не на каблук оной, а на носок». Этот прусский шаг зло высмеян в стихах: «нет, он в битвах не бывал, шар-

кал по гостиным, и на плаце выступал шагом журавлиным».

При Петре I появился и первый Морской устав, напечатанный в 1720 г. («Книга устав морской в бытности флота в море»). Устав особое внимание обращал на распорядок во флоте, а также устанавливал правила вывешивания флагов, производства салютов и т. д.

Л и т е р а т у р а

Военные уставы Петра Великого. Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М., 1946.

Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

§ 4. УЧРЕЖДЕНИЕ О ГУБЕРНИЯХ

Важнейшими законодательными актами второй половины XVIII в. являются «Учреждение для управления губерний» и жалованные грамоты дворянству и городам.

«Учреждение о губерниях» 1775 г. состоит из 31 главы, разделенных на 491 статью. В 1-й главе указывается примерный штат губернских учреждений, причем устанавливается примерное количество жителей в губернии: «Дабы губерния могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырех сот тысяч душ». Главы 2 и 4 говорят о губернских чинах и порядке их назначения в должности. Следующие за этим главы устанавливают основные учреждения в губернии и уездах. В губернии учреждаются: губернское правление, палата уголовного суда, палата гражданского суда, казенная палата (для денежных расчетов). Дополнительная 10-я глава определяет общие права палат, вводя порядок гласного оповещения об их постановлениях: «Палатские решения не иначе объявляются, как прочтением при открытых дверях решительного определения той палаты». В главах 11—13 говорится о должности уездного казначея, о сборе и хранении казенных сумм. Следующие за этим главы рассматривают компетенцию судов: верхнего земского, уездного суда, дворянской опеки, нижнего земского суда. Главы 18—19

говорят о губернской и уездной администрациях, к числу которых принадлежат: земский исправник, или капитан, и городничий. Главы 20—22 трактуют о городских учреждениях и их компетенции, о городских магистратах, или ратушах, о городских сиротских судах и губернских магистратах. В главах 23—24 постановляется о судах для государственных крестьян (нижняя и верхняя расправа). Остальные главы рассматривают компетенцию приказа общественного призрения, совестного суда, прокурорской и стряпческой должностей, устанавливают некоторые общие правила порядка: о пребывании учреждений, о взаимоотношении учреждений между собой, о верхнем надворном и о нижнем надворном суде. Таким образом, Учреждение о губерниях имеет большое значение для понимания структуры порядков России до реформ второй половины XIX в.

Учреждение для управления губерний заключает материал главным образом относительно губернских учреждений. Но этот памятник крайне интересен и для характеристики порядков Российской империи XVIII в., классового значения губернской реформы при Екатерине II и дальнейшего действия губернских учреждений. Внимание законодателя обращено в первую очередь на охрану интересов дворянства и купечества. Целые главы отведены вопросам дворянской опеки, в которой «председает уездный дворянский предводитель по выбору дворянскому через всякие три года», также городскому сиротскому суду, под председательством городского головы. Наоборот, основная масса населения России XVIII в. — крепостные крестьяне как будто отсутствуют. Впрочем, в главе о Приказе общественного призрения упоминаются «рабы непотребные, которых никто в службу не принимает, рабы ленивые и гуляки». Помещик мог отсылать таких людей в смиренный дом, оплачивая их содержание. Самые же смиренные дома учреждаются якобы по той причине, что «доброучрежденный смиренный дом ограждает от многих продерзостей, добронравие порождающих». Учреждению о губерниях предпослано введение, в котором в кратких, но напыщенных выражениях объясняется значение нового закона.

Л и т е р а т у р а

Дворянская империя XVIII века (основные законодательные акты). Сборник документов. Составил М. Т. Белявский. М., 1960.

Акты царствования Екатерины II. Учреждения для управления губерний и жалованные грамоты дворянству и городам. Под ред. Г. Н. Шмелева. М., 1907.

§ 5. ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ ДВОРЯНСТВУ И ГОРОДАМ

Обе жалованные грамоты являются памятниками классовой политики царизма, направленной на укрепление господства дворянства и купечества.

Жалованная грамота дворянству 1785 г. делится на четыре раздела. В первом разделе говорится «о личных преимуществах дворян» и устанавливается, что «дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное». Во втором разделе устанавливается «дворянское общество», выборные дворянские должности и учреждения, в третьем разделе дается инструкция к составлению родословных книг и о том, как требовать доказательства дворянского происхождения.

Жалованная грамота дворянству утвердила господство дворян в провинциальных учреждениях, создав привилегированное положение «дворянских обществ» с губернскими и уездными предводителями дворянства во главе. Провинциальные дворяне вплоть до падения царского режима даже носили особую «дворянскую» фуражку с красным околышем, чтобы выделяться от остального населения.

Жалованная грамота городам 1785 г. устанавливает городское положение, т. е. права городов и их жителей, после чего говорится о городских выборных учреждениях, книгах для записи городских обывателей, о купеческих гильдиях и цехах для ремесленников. В грамоте устанавливаются права купцов трех гильдий. Купцы первой гильдии получают преимущества: «Первой гильдии не токмо дозволяется, но и поощ-

ряется производить всякие внутри и вне империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать и покупать оптом или по мелко, на основании законов». Первой гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и морские всякие суда, купцам этой гильдии дозволяется ездить по городу в карете парой. Первая гильдия освобождается от телесного наказания.

Особая глава устанавливает выгоды именитых граждан, а инструкция о выборах в городскую Шестигласную думу составлена с таким расчетом, чтобы всегда давать перевес богатейшей верхушке городского общества.

Л и т е р а т у р а

Дворянская империя XVIII века (основные законодательные акты). Сборник документов. Составил М. Т. Белявский. М., 1960.

Акты царствования Екатерины II. Под ред. Г. Н. Шмелева. М., 1907.

§ 6. ТРАКТАТЫ И КОНВЕНЦИИ

Крупный исторический интерес имеют «трактаты» России с другими государствами, заключенные в XVIII в. В отличие от более ранних договоров с иностранными державами трактаты и конвенции XVIII в. имеют вид тщательно разработанных документов с подразделениями на статьи и ссылками на дополнительные документы (карты и пр.). Из подобных трактатов XVIII столетия отметим только некоторые, содержание которых определяло границы России или ее внешнюю политику.

Крупнейшим событием в истории России этого века был Ништадтский мир, завершивший длительную Северную войну.

Ништадтский договор 1721 г. устанавливал новые границы между Швецией и Россией с включением в состав последней Лифляндии, Эстляндии и Выборга с уездом. Договор состоит из 24 статей, из которых три первые статьи устанавливали «истинное согласие и неразрешаемое вечное обязательство дружбы» России и Швеции, а также сроки для прекращения военных

действий. В четвертой и пятой статьях перечислялись земли, уступленные Швецией «в совершенное непрекословное вечное владение» России. Остальные статьи уточняют взаимные обязательства сторон.

Белградский мирный договор 1739 г. закончил войну России с Турцией, в которой совместно с Россией принимала участие и Австрия. По этому миру Россия возвратила Азов, но с обязательством разрушить его укрепления. Однако Россия должна была отказаться от права держать свои корабли на Черном море.

В 1760 г. была заключена «Конвенция, учиненная в Санкт-Петербурге между Российским и Венским дворами, о продолжении против прусского короля войны», определившая союз Австрии и России против Пруссии в Семилетнюю войну.

Крупное значение имеют договоры России с Турцией, закончившие длительные русско-турецкие войны второй половины XVIII в.

Кучук-Кайнарджийский договор 1774 г. (по названию болгарской деревни, где он был подписан) передавал во владение России города на Черном море (Керчь и др.) и определял право России держать свой флот на Черном море. По этому договору Крымское ханство делалось независимым от Турции, что в скором времени привело к включению Крыма в состав России.

Новый договор был подписан в Яссах и закончил вторую русско-турецкую войну в 1791 г. **Ясский договор** устанавливал границу России с Турцией по Днестру; таким образом, причерноморские степи вплоть до Черного моря были присоединены к России.

В XVIII в. заключены были и другие договоры и трактаты с разными странами. Например, договор России с Персией 1735 г. устанавливал свободу русской торговли через Персию с Бухарой и Индией. В 1747 г. в Петербурге была заключена «субсидная конвенция» с Англией, определявшая выступление русских войск в помощь Англии и денежную английскую субсидию и т. д.

Для понимания условий, в которых составлялись договоры и конвенции России с другими державами, важное значение имеют дипломатические бумаги.

Большинство дипломатических документов XVIII в. не изданы. Количество их настолько велико, что для издания выбираются обыкновенно лишь наиболее важные и выдающиеся акты. Особенно интересны для понимания международного положения России в XVIII в. донесения русских послов, находившихся при иностранных дворах. Таковы, например, донесения князя Репнина о положении в Польше, рисующие жизнь Речи Посполитой последних лет ее существования. Эти донесения освещают дипломатическую и военную подготовку царского правительства к разделу Речи Посполитой. Донесения Симолина, русского посла во Франции, рисуют нам события Французской революции в освещении враждебного им представителя русской знати и содержат ценный материал по истории Франции этого времени.

В свою очередь, для истории России немалое значение имеют донесения иностранных послов в России. Дипломатические представители других стран принимали участие в политической жизни России и даже в дворцовых переворотах XVIII в. Некоторые группировки при русском дворе субсидировались иностранными послами. Так, французский посол маркиз Шетарди активно участвовал в свержении Ивана Антоновича и воцарении Елизаветы Петровны. Восшествие на престол Екатерины II было обеспечено в значительной мере помощью английского посла, который получал от цесаревны Екатерины, впоследствии императрицы, сведения секретного характера.

В донесениях английского посла, например, мы находим массу указаний различного характера. Возьмем для примера донесения посла в конце 1741 г. 7 октября посол пишет, что «ходит известие о возобновлении оборонительного союза с Пруссией»; 11 октября он сообщает о болезни старого князя Черкасского и о том, что стараются отклонить царицу от совместного с Англией участия в делах Швеции; 14 октября он говорит о старании Швеции и Франции возбудить Турцию против России; 25 октября — о намерении императрицы переехать из Москвы в Петербург; 30 октября — о намерении России заручиться содействием Англии для поддержки своего кандидата на шведский престол

и т. д. Встречаются указания и на внутренние политические события. Так, 7 ноября 1742 г. сообщается о миропомазании герцога Гольштинского по обрядам греческой церкви и о наречении его наследником русского престола (речь идет о будущем императоре Петре III). Многие дипломатические материалы напечатаны в сборниках Русского исторического общества.

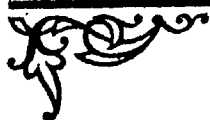
Дипломатическая переписка велась на языке тех стран, которые были представлены при петербургском дворе.

Л и т е р а т у р а

Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составил Ф. Мартенс. Т. 1—6. Спб., 1874—1878.

История дипломатии. Т. 1. М., 1959 (в этом издании дана и литература вопроса).

ИСТОЧНИКИ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

§ 1. МАТЕРИАЛЫ РЕВИЗИЙ

Основным источником для изучения количества и движения народонаселения России XVIII в. являются материалы ревизий. Ревизиями назывался учет податного населения, подлежащего подушному обложению и воинской повинности. Одновременно ими учитывалась и значительная часть неподатных категорий населения (духовенство, ямщики, отставные воинские чины и т. д.), которые переписывались «для одного токмо счета».

Ревизский учет никогда не охватывал всего населения России. Одни категории неподатного населения (дворянство, приказные чины) были освобождены от большинства ревизий, другие же (регулярная армия и флот, иностранцы и др.) — вообще от всех ревизий. На территории, охваченной ревизиями, существовали и другие виды демографического учета (например, церковный учет с 1722 г.). Эти виды учета населения по полноте и достоверности своих данных значительно уступали ревизскому учету, однако они позволяют отчасти исчислить население, не охваченное ревизиями.

Всего в России XVIII в. было проведено пять ревизий.

Ревизские и иные материалы по учету численности и состава населения изучены весьма слабо. В связи с этим до настоящего времени не выяснены даже полностью годы проведения ревизий и территории, на которую они распространялись. Не установлено точно, какие неподатные сословия охватывались ревизиями.

Ревизские и иные материалы по учету численности и состава населения России хорошо сохранились в центральных государственных архивах Москвы и Ленинграда. Основная масса ревизских материалов находится в фондах Сената и некоторых коллегий, так как именно эти учреждения осуществляли контроль за проведением ревизий. Материалы церковного учета (клировые ведомости и метрические книги) хранятся в фондах Синода.

В ревизские материалы входят: 1) ревизские сказки — первичная разновидность материалов ревизского учета населения, каждая сказка касалась одного лица или ряда лиц, составляющих отдельную семью; 2) перечневые ведомости — результат последующего суммирования основных данных ревизских сказок по уездам и губерниям; 3) окладные книги и генеральные таблицы — суммирование в общероссийском масштабе сведений перечневых ведомостей о численности и сословном составе населения всех уездов и губерний России, охваченных ревизиями; 4) законодательные материалы и обширная ведомственная переписка, раскрывающая методы проведения и ход ревизий, отношение правительства и различных категорий податного населения к ревизиям, и целый ряд других вопросов.

Ревизские сказки могут быть одновременно и вспомогательным поверочным, и совершенно самостоятельным историческим источником. В первом случае они позволяют уточнить правильность составления сводных ревизских материалов: перечневых ведомостей, окладных книг и генеральных таблиц. Во втором случае они дают возможность установить: 1) сословную принадлежность подающего сказку; 2) его возраст, фамилию, имя, отчество и место рождения; 3) постоянное место жительства; 4) наличие детей мужского и женского пола (кроме 1-й, 2-й и 6-й ревизий, когда женский пол не учитывался); 5) размеры податей, уплачиваемых казне; 6) имущественное положение (не всегда); 7) в ряде случаев по 1—5-й ревизиям — национальность; 8) среднюю продолжительность жизни различных категорий населения по отдельным районам страны; 9) по 1-й ревизии — физические недостатки (слеп, увечен, глух и др.); 10) размеры дворянского землеполь-

зования, численность крепостных крестьян и дворовых людей у различных категорий помещиков, процесс дробления помещичьих имений по ревизиям и т. д.

Перечневые ведомости, окладные книги и генеральные табели являются результатом последующей обработки основных данных ревизских сказок. При этом большинство вопросов, содержащихся в сказках, не находит отражения в сводных ревизских материалах (возраст, место рождения, состав семьи и др.). В целом они дают в руки исследователей богатый материал обобщенного порядка; об общей численности податного мужского населения России с первой ревизии (1719 г.); об общей численности женского податного населения на той же территории, кроме 1—2-й ревизий, когда женский пол не учитывался; о численности большинства неподатных категорий населения, учитываемых «для одного токмо счета»; о численности отдельных сословий и их динамике по ревизиям; о географическом размещении различных групп податного и части неподатного населения; об общих размерах колонизации в таких областях России, как Новороссия, Поволжье, Приуралье и Сибирь.

Обобщенные данные о численности и составе населения России содержатся в «Клировых ведомостях о исповедующихся и причащающихся» церковного учета.

Для освещения истории и методов проведения ревизий большое значение имеют законодательные акты и текущая переписка, так как только с помощью этих материалов можно изучить ход и условия проведения ревизий, категории населения, подлежащие и неподлежащие ревизскому учету, территории, охваченные ревизиями, и т. д. Использование материалов законодательных актов и цифровых данных ревизского учета в ходе проведения ревизий позволяет определить «основные годы» всех ревизий. «Основным годом» 1-й ревизии можно считать 1719, 2-й ревизии — 1744—1745 гг., 3-й ревизии — 1762—1763 гг., 4-й ревизии — 1782 г., 5-й ревизии — 1795 г.

Законодательные акты и архивные материалы дают возможность по всем ревизиям установить территорию, на которую распространялись ревизии, и определить

полноту охвата ревизиями всех категорий населения. Использование этих материалов представляет особый интерес, ввиду того что ни одна ревизия так и не охватила всей территории и всего населения России.

По 1-й ревизии значительные территории страны были учтены переписью лишь через некоторое время после завершения общей ревизии (Слободская Украина, Ингерманландия, земли «ясачного населения» Сибири — в 1731 г.), другие же (Украина, Прибалтика) вообще не были охвачены «подушной переписью, и численность их населения может быть приблизительно определена подворными и «гаковыми» (земельных участков) переписями. Та же картина наблюдалась и по 2-й ревизии. Лишь с 3-й ревизии население этих окраин начало учитываться подушно.

По 1—3-й ревизиям даже на территории, охваченной общими ревизиями, не учитывались отдельные народы Поволжья (астраханские и уфимские татары, башкиры) и лопари (саами) Архангельской губернии. Кроме того, материалы 1-й и 2-й ревизий не включили регулярную армию и флот, а 3-я — духовенство, дворянство, иностранцев и чиновничество. С 4-й ревизии не учитывались дворяне, иностранцы, чиновничество и регулярная армия и флот.

Выяснение вопроса степени достоверности или точности данных ревизского учета населения в настоящее время может быть проведено лишь приблизительно, так как теперь и невозможно учесть численность населения, уклонившегося в свое время от переписи.

Известное представление о точности ревизского учета населения по отношению к населению, охваченному ревизиями, дает сравнение результатов этого учета с цифровыми итогами других одновременных самостоятельных видов учета населения. Это сравнение показывает, что церковный учет населения весьма неполно учитывал население и его итоги не идут ни в какое сравнение с ревизскими данными. Церковный учет учитывал только одно православное население. При этом беглые люди оставались вне поля зрения этого учета.

Это сопоставление даст основание считать ревизии довольно полным и точным источником по учету общей

численности и состава всего населения России. Можно предполагать, что общая численность всего неучтенного ревизиями населения, включая и неподатные сословия, не превышала нескольких процентов всего населения страны. Все это делает ревизии незаменимым источником для изучения социально-экономической истории России XVIII в.

Изучение материалов общих и частных ревизий, сведений о численности прописных и утаенных душ, обнаруженных после завершения ревизии, и, наконец, неревизских данных позволяет значительно уточнить данные о численности населения России. При таком способе исчисления все население России без территории Польши, Финляндии и Закавказья (если численность женщин считать равной численности мужчин) будет достигать по 1-й ревизии 15 млн. человек, по 2-й — 18 млн., по 3-й — 23 млн., по 4-й — 28 млн., по 5-й — 37 млн. человек.

§ 2. МАТЕРИАЛЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ

Крупнейшим мероприятием дворянской земельной политики правительства Екатерины II было **Генеральное межевание**. Материалы Генерального межевания составляют целый архив, документы которого имеют немалое научное значение. Межевая документация делится на две группы материалов: графическую («чертежный архив») и письменную («писцовый архив»).

Первую группу образует уникальная коллекция различных карт и планов Генерального межевания. В первую очередь сюда относится огромный фонд так называемых «специальных планов на отдельные дачи межевания», которые выполнены в очень крупном масштабе (в англ. дюйме 100 сажен).

На основе специальных планов составлялись генеральные уездные планы. Генеральные планы — это огромные геометрические карты уездов, выполненные в меньшем масштабе (в англ. дюйме 1 верста, с 80-х годов XVIII в. масштаб их был увеличен: в англ. дюйме 500 сажен). Как специальные, так и генеральные

планы весьма богаты своеобразной географической, правда, еще несовершенной, характеристикой местности. На них отмечались леса, густые и мелкорослые, луга, болота, реки, дороги и т. п. По ним можно примерно определить расположение пашенных угодий и т. п. Генеральные и специальные планы, составленные на большом протяжении европейской территории России, являются ценнейшим и до сих пор малоизученным историко-географическим источником.

Из других разновидностей картографического материала Генерального межевания представляют интерес Атласы (генеральные планы масштаба в англ. дюйме 8 верст, разрезанные на части и сброшюрованные в атлас для удобства пользования), генеральные губернские карты (также восьмиверстного масштаба) и, наконец, планы городов (городовые планы), делящиеся на «проектированные планы» (планы екатерининских проектов перепланировки городов) и планы «прежнего положения».

Из письменных материалов Генерального межевания особенный интерес для исследователя представляют «спорные дела» о межевых спорах, содержащие много сведений о борьбе крестьян за землю, о подкупах, взяточничестве межевых чинов, хищнической деятельности крупных представителей господствующего класса дворян-крепостников, деятельно округлявших свои земельные владения.

Генеральное межевание сопровождалось своего рода хозяйственно-экономическим изучением страны, и некоторые виды документации межевания содержат элементы научного описания. Это — «Экономические примечания», являющиеся важнейшим приложением к генеральным планам и атласам. В Экономическом примечании в соответствии с нумерацией дач в генеральном плане, или атласе, дается краткое географическое и экономическое описание каждой дачи с указанием точных размеров по межеванию ее угодий (пашни, лугов, леса и т. д.).

В XVIII в. сложилось несколько вариантов, или разновидностей, Экономических примечаний, отличающихся как своим внешним видом, так и объемом содержащихся в них сведений. Основным вариантом Экономических

ческих примечаний являются «Экономические примечания к Генеральным планам». С 1782 г. они стали называться «Полными экономическими примечаниями», так как этот вариант примечаний содержит наибольший объем сведений по экономико-географическому описанию дач. Особенно богаты сведениями Полные примечания 80—90-х годов XVIII в. В них довольно последовательно освещаются промысловые занятия крестьянства. Полные экономические примечания являются единственным источником второй половины XVIII в., где в массовом количестве собраны ценнейшие сведения по размерам оброка, уплачиваемого крестьянами помещику (в условном пересчете на мужскую душу), а также по величине барской запашки (в некоторых случаях даются и размеры крестьянской пашни). Помимо этого, Полные примечания касаются таких вопросов, как качество лугов и пашни, основные растения, сеющиеся в крестьянском хозяйстве, разновидности древесных пород, зверей, птиц и т. д.

С 80-х годов XVIII в. одновременно с Полными экономическими примечаниями межевые органы составляли «Краткие экономические примечания», или Примечания к атласам. Ценность этого варианта Экономических примечаний как источника гораздо ниже ценности Полных примечаний, так как они дают лишь минимальный объем сведений, характеризующих ту или иную дачу: количество дворов, мужского и женского населения, число десятин земли в целом и по угодьям. Что же касается описания, то оно очень кратко. Обычная формула описания имела следующий вид: «Селение лежит на суходоле, при копаном пруде. Дом господской, деревянный. Земля иловатая. Хлеб и трава средственны. Лес дровяной. Крестьяне на оброке».

Даже в описании уездного города, обычно наиболее подробном в Кратких примечаниях, этот вариант не может сравниться с Полными примечаниями.

Такой сжатый, сведенный до минимума, объем Кратких примечаний вполне отвечал их служебному назначению быть кратким указателем к атласам, вместе с которыми они составляли краткий свод географических и статистических сведений о европейских губер-

ниях, служивший для различных правительственных нужд.

Однако, несмотря на всю лаконичность сведений Кратких примечаний, они являются ценным источником. К тому же в наших архивах Краткие примечания сохранились в полных комплектах беловых экземпляров, чего нельзя сказать о Полных экономических примечаниях. Полные примечания в силу целого ряда обстоятельств сохранились лишь по очень немногим губерниям. Следует иметь в виду, что названия «Полные» и «Краткие» примечания, данные им межевыми органами, как правило, отсутствуют на титульных листах подлинников.

Из Экономических примечаний, составлявшихся в конце XVIII — первой четверти XIX в., следует упомянуть так называемые «Экономические примечания к атласам 1797 г.», или «Павловские» примечания, так как составление их началось после указа Павла I об изменении штата губерний. «Павловские» примечания являются сложным компилятивным источником, включившим в себя много материалов из Полных примечаний 80—90-х годов XVIII в. Помимо беловых экземпляров наши архивы хранят массу различного рода подготовительных, черновых экземпляров Полных примечаний и т. п.

Необходимо отметить также, что частично уцелели подготовительные материалы Экономических примечаний. Наиболее интересными являются «сказки» поверенных крестьян, участвовавших при межевании земли в качестве заинтересованных сторон. «Сказки к Экономическому примечанию» — это по существу первоначальный набросок текста Экономических примечаний, написанный либо самим крестьянином, либо с его слов. Сказки крестьян представляют большой интерес и как самостоятельный источник. Они содержат порой гораздо больший по содержанию материал, чем готовые тома Экономических примечаний.

Л и т е р а т у р а

- М. А. Цветков. Картографические материалы Генерального межевания.—«Вопросы географии» № 31, 1953.
Л. В. Милов. О вариантах «Экономических примечаний» второй половины XVIII в.—«История СССР» № 2, 1957.

Л. В. Милов. «Сказки» крестьян как исходный материал для экономических примечаний Генерального межевания. — «Археографический Ежегодник за 1959 год». М., 1960.

§ 3. ВОТЧИННАЯ ПЕРЕПИСКА И НАКАЗЫ УПРАВИТЕЛЯМ

История сельского хозяйства, неразрывно связанная с положением крестьян, отражена большим количеством источников, которые, однако, не представляют собой что-либо целостное, а имеются в различных фондах. Громадный материал заключается в архивах тех учреждений, которые ведали государственными и дворцовыми крестьянами, но в основном этот материал сухой, не дающий подчас возможности достаточно ясно представить себе крепостные порядки. Поэтому большое значение имеет деловая переписка между господами и их приказчиками, связанная с управлением поместьями.

Богатейший материал для суждения о крепостных порядках России XVIII в. дает, например, архив крупнейших землевладельцев графов Шереметевых. В нем мы находим и жалобы крестьян и распоряжения помещика и его приказчиков.

Шереметевы не стеснялись вызывать на работы в Останкинском парке под Москвой, где стоял их дворец, крестьян из отдаленных деревень. И даже ко всему привычные крепостные крестьяне жаловались на то, что им исполнять все повинности «никак невозможно» потому, что «за отлучкою в село Останкино с женами к работе у одиноких многие дома остаются всегда впусе».

Крепостное хозяйство часто велось со строгим учетом, отчетностью, ведением специальных книг и документов. Посев и сбор хлебов, крестьянские платежи, продажа продуктов отмечались в особых хозяйственных книгах. В больших вотчинах тщательно регистрировались даже крестьянские проступки против барских предписаний и составлялись книги с отметками о наказаниях крестьян.

Большой интерес представляют собой наказы управителям имений и донесения приказчиков, сообщавшие господам о событиях в их вотчинах, о посеве

и уборке хлебов, о падеже скота, о происшествийх в усадьбе, и тому подобный материал.

В инструкции барона Строганова, адресованной вотчинным приказчикам села Рождественского в 1725 г., содержатся четыре раздела с подразделением каждого на пункты. Заботы о посеянных хлебах, о хорошем содержании скота и пр. перемежаются в инструкции со строгими предписаниями по отношению к крестьянам и работным людям: «И как со всех дворов навозы на поля вывозят, в те числа не упуская время посылать баб, у которых бы были у всякой вилы, и те кучи велеть разбивать и розстилать тот навоз по полю, чтобы нигде простого места посылать, а те места, где навоз разбивают, с сохами пахать, чтоб из того навозу, где скоро незапахано будет, напрасно от солянишного жару и от ветру влаги не вытянуло».

Инструкция, разработанная А. П. Волынским в 1724 г., представляет собой тщательно составленный документ из 27 пунктов. Полное ее название такое: «Инструкция дворецкому Ивану Немчинову о управлении дому и деревень и регула об лошадях, как содержать, и при том прилежно смотреть надлежит, чтоб в добром здравии были».

В Инструкции предусматривается тщательное наблюдение за работой крепостных крестьян и рекомендуется составление переписных книг с отметкой о крестьянах, «сколько какого хлеба он себе посеял и что моей вспахал пашни и только ли одною пашнею кормится или какое имеет ремесло или под какой извоз в прошлом году или в работу наймывался и где также».

Такие же инструкции составлялись и для дворцовых крестьян, а также для крестьян на монастырских землях. В 1740 г. появилась инструкция «Об осмотре архиерейских и монастырских вотчин». Составленные на основании таких инструкций, материалы заключают ценные сведения о положении крепостных крестьян.

Л и т е р а т у р а

Р. В. Сивков. Источники по истории сельского хозяйства Европейской России во второй половине XVIII века.— «Проблемы источниковедения». VIII. М., 1959.

М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР. Т. 1. М., 1955 (стр. 136 и далее «Вотчинно-помещичья статистика»).

Божие милостию

мы пастръ претпий і мѣтѣхъ
самодѣльнѣ вѣрованія.

Устроган Устроган Устроган

Оячлалъ болъсиналовъ язхеттхъ.

[illegible]

К. П. Щенетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. (1708—1885). М., 1947.

Инструкция дворцовому Ивану Немчинову... Спб., 1881.

Н. В. Устюгов. Инструкция вотчинному приказчику первой четверти XVIII в.—«Исторический архив» № 4, 1949.

А. И. Андреев. Наказ вотчинника крестьянам 1709 г., *И. Ф. Петровская.* Наказы...—«Исторический архив» № 8, 1953.

§ 4. ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

В XVIII столетии появились новые виды исторических источников и различного рода материалов, связанных с заводами и мануфактурами. Среди них выделяются переписные книги заводов, мастеровых, работных людей, приписных заводских крестьян. Документы эти дают сведения о заводах и их продукции. Статистика XVIII в. при всем ее несовершенстве уже позволяет сделать сводные таблицы выпуска различных изделий промышленности по годам.

Крупное историческое значение имеют ведомости, или «ведения», о различных заводах. В одном документе, изданном С. Г. Струмилиным, содержатся, например, сообщения о Каменных железных заводах в Сибири за 1700—1720 гг. «Ведение Каменных железных заводов» дает описание строений и оборудования заводов («плотина рубленая чрез Каменку реку мерою пятьдесят сажен, широтою двадцать сажен; при той плотине доменная печь» и пр.). О выпуске продукции записывается так: «Из доменной печи выплавлено чугуна на дело железа четыре тысячи шестьсот пуд, тридцать фунтов, ценою в деле стало со всякими расходы в литье по два алтына, по три деньги пуд» (1719 г.).

В 1723 г. в Екатеринбурге (Свердловске), где находилось управление уральскими и сибирскими заводами, была составлена Табель медных и железных заводов и мануфактур Сибирского Горного начальства, создателем которой был Вилим Геннин. Этот документ «не только детально нормирует всю отчетность по выполненному производству, но и содержит плановые задания, которые давались каждому предприятию» (М. В. Птуха). Табель давала необходимое руководство для составления отчетности по заводам.

Состав ведомостей о заводах и мануфактурах был довольно разнообразным. Например, в «Ведомости» за 1795 г., составленной Нижне-Тагильской заводской конторой, сообщается о распределении по производствам всего приписного населения от 15 до 60 лет. В той же ведомости помещены материалы о мелких мануфактурных предприятиях (лакировочной фабрике, столярной мастерской), созданных в связи с металлургическим производством.

Кроме ведомостей и «ведений» большое значение для историка имеет делопроизводство по заводам и мануфактурам, а также переписка, связанная с управлениями предприятий, жалобы рабочих людей и т. д. Таковы материалы Московского суконного двора. В 1741 г. был выработан «Суконный регламент», определявший нормы выработки рабочего. Нормы были очень тяжелые и их могли выполнить лишь «умеющие и рачительные».

Значительный интерес представляют таможенные тарифы, устанавливающие размеры пошлин на различные товары. Первый такой таможенный тариф был издан в 1724 г. Он отличался протекционистским характером, защищая отечественную промышленность от иностранной конкуренции высокими пошлинами на ввозимые товары. Особенно высокой пошлиной были обложены предметы роскоши — дорогие ткани (бархат, тонкое голландское полотно) и пр. В 1753 г. были отменены внутренние таможи, а в 1755 г. издан Таможенный устав с определением права русских купцов торговать внутри страны беспошлинно. Тарифы несколько раз менялись во второй половине XVIII в. Новые тарифы появлялись в 1766, 1782 и 1793 гг. Тарифы имеют большое историческое значение, показывая какие товары ввозились и вывозились из страны, а также таможенную политику правительства, его поощрительные меры по отношению к производству различного рода товаров и пр.

В XVIII в. большое развитие получили ярмарки, из которых особенно выдавалась Макарьевская ярмарка, собиравшаяся у Макарьева монастыря на Волге, поблизости от Нижнего Новгорода (позже ярмарка была перенесена в Нижний Новгород). В XVIII столе-

тии в России насчитывалось 1627 ярмарок. Ярмарочные материалы крайне интересны для характеристики торговли в России XVIII в.

Л и т е р а т у р а

С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. 1. Феодальный период (1500—1860 гг.). М., 1954.

Е. И. Заозерская. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953.

Крепостная мануфактура в России. Ч. 5. Московский Суконный Двор. Л., 1934.

С. Г. Струмилин. Очерки экономической истории России. М., 1960 (в этой книге даны необходимые сведения об источниках и трудах о промышленности XVIII в.).

Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен). М., 1958.

Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII века. М., 1954; Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957; Россия во второй половине XVIII в., М., 1956.

§ 5. НАКАЗЫ В КОМИССИЮ ПО СОСТАВЛЕНИЮ НОВОГО УЛОЖЕНИЯ

Ценный материал заключают бумаги законодательных комиссий XVIII в. Устарелость Соборного уложения, как основного закона государства, ясно чувствовалась в XVIII столетии. Соборное уложение дополнялось отдельными указами и постановлениями. Уже в 1741 г. был выпущен указ о ревизии всех указов, вышедших после Петра I, т. е. был произведен пересмотр правительственных постановлений, изданных за 16 лет (1725—1741 гг.). В конце царствования Елизаветы Петровны была организована специальная комиссия по составлению нового Уложения. Отдельные части Уложения, судная и криминальная, были составлены в 1756 г. Предполагалось все Уложение провести через обсуждение собраний депутатов от дворянства и купечества. Но эти выработанные части так и остались только проектами.

Особенное значение имела деятельность комиссии 1767—1768 гг. В Комиссию было избрано несколько сот депутатов: от учреждений—28, от дворян—161, от городов—208, от крестьян и прочих—167. К числу этой по-

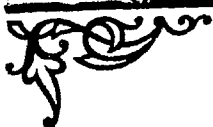
следней категории относились казаки, башкиры и другие нерусские народы, а также представители таких групп населения, как однодворцы. Из общего числа 1465 наказов на долю крестьян, нерусских народностей и прочих приходится подавляющее число наказов—1066.

В наказах сообщаются пожелания отдельных сословных и общественных групп. Так, например, имеются наказы от украинских городов — Переяславля, Полтавы, Нежина, Новгорода Северского, Почеп, Стародуба, Козельца, Чернигова, Глухова. Кроме городских наказов имеются наказы представителей отдельных слобод, например Стрелецкой слободы города Шацка. В наказе от жителей города Белгорода мы встречаем пункты от приказных служилых, от купечества, от однодворцев. Поданы были особые наказы от разных групп астраханских жителей: от купечества, от мещан-армян католического вероисповедания и т. д. Наказ от города Тобольска включает в себе наказы от приказных, дворян и купечества.

Ценность наказов, как исторического источника, заключается в том, что в них нашли отражение запросы населения, о которых официальные источники дают лишь слабое представление. Наказы интересны и как материал для суждения о социальном положении различных слоев населения России XVIII в., а также как политические документы. На заседаниях разворачивались горячие прения, высказывались прогрессивные взгляды (Коробьин) о нормировании барщины и оброка, вызвавшие ярый отпор большинства дворянских депутатов.

Л и т е р а т у р а

- Сб. РИО. Т. 4, 8, 14, 32, 36, 93, 134. Спб., 1869—1893.
* (Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета в Комиссию по составлению нового Уложения.)
А. В. Флоровский. Состав законодательной комиссии 1764—1774 годов. Одесса, 1915.
-

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОПИСАНИЯ И КАРТЫ

§ 1. ОПИСАНИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ

К числу ценных источников по изучению социально-экономической истории России относятся географические описания. Это новый тип источника, появившийся в первой половине XVIII в. и получивший распространение во второй его половине. Его появление вызвано ускорением экономического развития страны, созданием собственной крупной промышленности и стремлением более полно изучить и использовать природные ресурсы.

К началу XVIII в. территория России была изучена крайне слабо. Более или менее точные сведения о природных условиях и населении имелись лишь относительно центрального района страны. Даже Среднее Поволжье и Европейский Север были малоизвестны. Что же касается Северного Кавказа, Урала и тем более Сибири, то сведения о них были не только крайне скудными, но и весьма недостоверными, а порой просто фантастическими. В связи с этим уже в начале XVIII в. было положено начало научным географическим экспедициям. Их программа была весьма обширна и помимо производства геодезических и картографических работ предусматривала сбор материалов о природных условиях, путях сообщения, полезных ископаемых, о количестве, составе, занятиях и быте населения, о письменных и материальных исторических памятниках, о состоянии торговли и ремесла и пр.

Первой такой экспедицией была Камчатская экспедиция Беринга, направленная Петром I для выяснения

вопроса о том, соединяется ли Северная Азия с Америкой или между ними существует пролив. Тогда этот вопрос вызывал большие споры.

Неудача Первой камчатской экспедиции не прекратила начатые работы. В 1733—1743 гг. была проведена Вторая камчатская, или Великая северная экспедиция, невиданная дотоле в истории России по объему работ и собранному материалу. Отряды экспедиции, возглавляемые В. Берингом, Ф. Малыгиным, Х. Лаптевым, В. Прончищевым и другими русскими офицерами, описали и нанесли на карту все побережье Ледовитого океана от Архангельска до Чукотки. Одновременно с этим они собрали огромное количество географического, естественноисторического и этнографического материала. Материалы этих экспедиций большей частью не изданы и хранятся в архивах Ленинграда и Москвы.

Одновременно с этим некоторые отряды работали в Сибири. Наибольшую ценность имеют результаты четырехлетней работы Камчатского отряда, который возглавлял С. Крашенинников. Двухтомная работа С. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (вышла в 1756 г.) представляет собой образец комплексного всестороннего описания малоизвестной территории. Том I дает обстоятельное описание природы Камчатки. Для историка же наиболее важен II том, посвященный населению, его занятиям, описанию орудий труда, постройкам, обычаям, социальным отношениям, быту, языку. Содержащийся в книге Крашенинникова богатый этнографический материал является ценным источником для изучения первобытнообщинного строя вообще и особенно у народов Сибири.

Огромное количество исторических документов, этнографических и лингвистических материалов было собрано в Сибири участником северной экспедиции Г. Ф. Миллером. Часть его Миллер использовал в своем «Описании Сибирского царства» (1750 г.), а большая часть сохранилась в так называемых «портфелях Миллера» в ЦГАДА.

О Сибири пишет и другой член экспедиции — естествоиспытатель И. Г. Гмелин. Работа его издана в Германии на немецком языке (1751—1752 гг.). В ней

преимущественное внимание уделяется естественноисторическим сообщениям и материалам.

Большой, но оставшийся необработанным и до сих пор малоиспользованный материал содержат **ответы на анкеты**, разосланные в начале 60-х годов XVIII в. Академией наук, Шляхетским корпусом и Вольным экономическим обществом. Инициатором их являлся **М. В. Ломоносов**, намеревавшийся составить подробное экономико-географическое описание России. Анкеты включали несколько десятков вопросов, охватывавших самые различные стороны природы, экономики, быта. Ответы на них являются важным источником для изучения русской экономики того времени.

Во второй половине XVIII в. Академия наук организует новый цикл научных экспедиций для изучения страны. Обширные записки руководителей этих экспедиций были изданы на русском или немецком языках. Наибольшее значение из них имеют работы **П. С. Палласа** и **И. И. Лепехина**.

Один из крупнейших ученых-естествоиспытателей своего времени, член ряда академий и научных обществ, **П. С. Паллас** охватил своими путешествиями (1768—1773 гг.) значительную часть России. Маршрут путешествия Палласа проходил через города: Петербург, Владимир, Симбирск, Самару, Уфу, Красноярск, Селенгинск, Иркутск. Отсюда Паллас возвратился в Европейскую часть России. Далее маршрут его путешествия шел вниз по Волге до Астрахани и оттуда вверх по Дону к Москве.

И. И. Лепехин путешествовал (1768—1774 гг.) по Среднему и Нижнему Поволжью, в Оренбургском крае, по Среднему и Южному Уралу, Предуралью, Зауралью, по Северу Европейской России.

— Хотя Паллас и Лепехин были естествоиспытателями, их записки о путешествиях содержат богатейший материал социально-экономического характера. Так, в записках Лепехина содержится описание всех уральских заводов, указываются размеры производства, объем годовой продукции, число рабочих и приписных крестьян, размеры их повинностей, описывается техника производства и орудия труда.

Большие главы записок Палласа и Лепехина посвящены подробнейшему экономическому и этнографиче-

скому описанию татар, башкир, удмуртов, калмыков, народов Сибири и Европейского Севера. В этих главах сообщаются ценнейшие сведения об их расселении, занятиях, орудиях труда, общественных отношениях, обычаях, обрядах, быте, одежде, жилищах, языке, историческом прошлом. Много внимания записки уделяют городам, через которые проезжали путешественники. Они рассказывают об их расположении, внешнем виде, количестве деревянных и каменных домов, церквей, мануфактур, о том, сколько и какие продукты они производят, сколько купцов и ремесленников в городах, чем и когда там торгуют и т. д. Записки Лепехина, вышедшего из низов народа, характеризуются большим вниманием к социальным вопросам, чем у других академиков-путешественников. В них много сведений о положении приписных крестьян и работных людей, о закабалении и ограблении башкир заводчиками Урала, о невнимании правительства и местных властей к вопросам здравоохранения и т. д.

Из других академических описаний этого времени следует отметить записки С. Гмелина, путешествовавшего по Закавказью, и П. Гильденштедта, побывавшего на Северном Кавказе и в Поволжье.

Из описаний, относящихся к концу XVIII в., наибольший интерес представляют записки о путешествиях А. Н. Радищева, В. Ф. Зуева и П. И. Челищева.

А. Н. Радищев придавал большое значение изучению и описанию страны. Отмечая неспособность царской администрации выполнить эту работу, он писал: «К сочинению такой карты не исправниково искусство нужно, но голова и глаза Палласа, Георги, Лепехина, да без очков, и внимание не на одне цветки и травы». Его «Записки путешествия в Сибирь» и «Дневник путешествия из Сибири» по своему содержанию близки к типу академических записок, но имеют конспективный характер и отличаются от них большей политической заостренностью. Работы Радищева «Описание моего имения» и «Записка о китайском торге» являются не только памятниками общественно-политической мысли своего времени, но и социально-экономическими источниками.

«Путешественные записки» В. Ф. Зуева интересны тем, что большую их часть занимает описание Харьковщины и районов, которые незадолго до этого вошли в состав России, — Новороссии и Крыма.

П. И. Челищев, товарищ Радищева по Лейпцигскому университету и его друг, совершил путешествие по Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниям. Его записки о «Путешествии по Северу России» отличаются большим вниманием к положению государственных крестьян, составлявших основную массу населения этого района: Челищев дает яркую картину произвола царской администрации, ее хищнического отношения к природным богатствам этого района, невнимания к нуждам населения и возможностям экономического развития Севера, показывает невежество и паразитизм духовенства. Описание Челищева в силу своего характера смогло быть опубликовано только в 1886 г.

Л и т е р а т у р а

- Л. С. Берг.* Очерки по истории русских географических открытий. Изд. 2. М. — Л., 1949 (в книге дана и литература).
- Л. С. Берг.* Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга. Пг., 1924.
- С. Крашенинников.* Описание земли Камчатки. Т. 1—2. Спб., 1755.
- П. С. Паллас.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1—5. Спб., 1773; ч. 2. Спб., 1786; ч. 3. Спб., 1788.
- И. Лепехин.* Дневные записки путешествия... по разным провинциям Российского государства. Т. 1. Спб., 1771; т. 2. Спб., 1772; т. 3. Спб., 1780; т. 4. Спб., 1805.
- С. Г. Гмелин.* Путешествие по России для исследования трех царств естества. Ч. 1. Спб., 1771; ч. 2. Спб., 1777; ч. 3. Спб., 1785.
- А. Н. Радищев.* Полн. собр. соч. Т. 2. М. — Л., 1941.
- Отечественные экономико-географы XVIII—XX вв. Под ред. Н. Н. Баранского, Н. П. Никитина, Ю. Г. Саушкина. М., 1957.

§ 2. ОПИСАНИЕ ОБЛАСТЕЙ И ГОРОДОВ

В XVIII столетии появились рукописные и печатные описания России, ее областей и городов.

Ценнейшим источником является книга **Ивана Кирилловича Кириллова** (ум. в 1739 г.) под названием

«Цветущее состояние Российского государства». В первой книге этого сочинения приведены сведения о северных губерниях России (Санкт-Петербургская, Московская, Смоленская и пр.), во второй — описания областей и городов в более отдаленных губерниях (Астраханская, Сибирская и пр.). Труд Кириллова, написанный в 1727 г., основан на официальных источниках и включает материалы об армии и флоте, о казенных заводах, о школах, госпиталях, почтовых станциях и т. д.

Во второй половине века начинают появляться описания отдельных областей, большую часть которых занимают материалы, характеризующие их экономику. Первым таким описанием является «Топография Оренбургская», напечатанная в 1762 г. в академическом журнале «Ежемесячные сочинения». Автор ее П. И. Рычков написал «Топографию» как развернутое объяснение к составленной карте Оренбургского края. «Топография» давала подробное описание природы, хозяйства, а также историю этой сравнительно новой в составе России области. Большой интерес представляют те главы, в которых описываются отдельные районы Оренбургского края, сообщаются сведения о Самарской укрепленной линии и яицких казаках, башкирах и народах Средней Азии.

В конце века, особенно после учреждения наместничества, составляются и частично издаются описания отдельных наместничеств и городов России (Калужского наместничества и др.). Некоторые из этих описаний снабжены картами. Историческая часть этих описаний, как правило, никакого значения не имеет, но сведения о социальном составе городского населения, экономической жизни города [представляют большую ценность для историка.

Из описаний наместничеств особую ценность имеет труд А. Шафонского, посвященный Черниговскому наместничеству. Несомненный интерес имеет описание путешествия Екатерины II по Волге с планами поволжских городов от Твери до Саратова и кратких сведений о них.

[Новым типом источника, появившимся в XVIII в., являются географические словари. Первым из них был

«Лексикон географический», составленный В. Н. Татищевым, но изданный, и то только частично, в XIX в. Особенно важны сведения «Лексикона», относящиеся к Башкирии, Поволжью, Уралу, а также к характеристике некоторых исторических памятников, часть которых до нас не дошла.

В середине века Ф. А. Полуниным был составлен «Географический лексикон Российского государства» (издан в 1773 г.), содержащий много сведений по экономической географии и экономике страны и выдержавший несколько изданий.

В самом конце XVIII в. был издан пятитомный «Большой географический словарь Российского государства» А. Щекатова. Словарь Щекатова отличался большой полнотой и систематичностью по сравнению со словарями Татищева и Полунина. В нем содержатся сведения не только о городах, но и о крупных селах. При этом материал расположен по определенному принципу: сначала дается название местности, затем сообщаются исторические сведения о данном городе или селении, после чего дается характеристика современного состояния города, сообщаются данные об его экономике. Словарь использовал материалы Генерального межевания.

Л и т е р а т у р а

- П. Рычков. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. Ч. 1. Изд. 2. Спб., 1887.
- А. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание... Киев, 1851.

§ 3. АТЛАСЫ И КАРТЫ

Первые русские карты, составлявшиеся в XVI—XVII вв., представляли собой, строго говоря, схематические чертежи. Они составлялись без градусной сетки, не были выдержаны в масштабе и не основывались на геодезических измерениях. «Большой чертеж Московского государства» конца XVI в. до нас не дошел. Сохранилась лишь составленная в XVII в. «Книга

большой чертеж», представляющая собой описание к указанной карте и содержащая сведения о расстояниях между городами и другими пунктами России.

Геодезические работы и составление современных карт начались в России при Петре I. Одной из первых была составлена карта Каспийского моря, а с 1724 г. в Сибирь и различные районы европейской части России были направлены для производства съемок геодезические партии. Их работы послужили основой для составления первого русского географического атласа из 14 карт, изданного И. Кирилловым в 1731 г. по плану академика Делиля.

Крупным событием не только в русской, но и мировой географии явилось издание в 1745 г. «Атласа Российского» Академией наук. Несмотря на огромные пространства России, слабую изученность ее территории и невозможность охватить всю территорию страны геодезическими съемками, Атлас Российский был составлен в сравнительно короткий срок и отличался полнотой и надежностью содержащихся в нем сведений. Его составители преодолели огромные трудности и создали атлас, равного которому не имела в то время ни одна страна Европы, за исключением Франции. Атлас был издан параллельно в двух изданиях: русском и латинском и привлек внимание ученых всего мира. Знаменитый математик Леонард Эйлер, принимавший участие в его издании, с гордостью отмечал, что с изданием атласа «география российская приведена гораздо в исправнейшее состояние, нежели география немецких земель». Атлас 1745 г. является первым обстоятельным и надежным источником для восстановления исторической географии России.

После издания атласа 1745 г. Географический департамент Академии продолжал большую работу по геодезическим измерениям и наблюдениям и составлению новых, более подробных и точных карт.

Л и т е р а т у р а

Л. А. Гольденберг. Картографические материалы, как исторический источник, и их классификация (XVII—XVIII вв.). — «Проблемы источниковедения». М., 1959.

§ 4. ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ЭКОНОМИКЕ XVIII в.

В XVIII столетии появились печатные источники, содержащие материалы о состоянии и развитии русской промышленности и торговли, о сельском хозяйстве страны, об исторических событиях и т. д. Эти источники обладают тем преимуществом, что они более доступны и удобны для пользования, чем архивные материалы, тем более, что в них сконцентрированы материалы по определенному вопросу.

Одним из наиболее важных печатных источников по истории русской экономики XVIII в. является многотомное «Историческое описание Российской коммерции» М. Д. Чулкова, изданное в 80-х годах XVIII в. Состав книги Чулкова крайне разнообразен. Книга включает правительственные указы по вопросам торговли и промышленности, таможенные тарифы, сведения о размерах и составе русской внешней торговли, о характере и размерах ярмарок и торгов в городах, о количестве и размерах мануфактур, обороте отдельных портов, о кредитной системе, водных путях сообщения, городах и т. д.

В отношении сельского хозяйства большое количество разнообразного материала содержат издававшиеся с 1765 г. «Труды Вольного экономического общества». Созданное придворными кругами, Вольное экономическое общество ставило своей целью отыскание путей повышения доходности помещичьих имений. В Трудах печатались материалы по сельскому хозяйству: описание орудий труда, агротехнических опытов, попыток рационализации хозяйства, описание отдельных имений с доказательствами выгоды барщины или оброка, инструкции для приказчиков, материалы и рекомендации о разведении и обработке технических культур, о состоянии урожайности, севооборотах, удобрениях, о скотоводстве, пчеловодстве, о начале разведения в России картофеля. Общество периодически проводило конкурсы на различные темы, главным образом связанные с попытками помещичьей рационализации сельского хозяйства, и печатало лучшие ответы. Гораздо меньше места в Трудах занимают

статьи, связанные с социальными проблемами сельского хозяйства.

Значительное число экономических материалов имеется и в журнале «Академические известия», издававшемся Академией наук с 1779 г.

Из печатных источников на иностранных языках в первую очередь следует назвать работу И. И. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, обыкновений, жилищ, украшений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей» (издано в 1776 г., русский перевод — 1799 г.).

Г. Шторх написал «Историко-статистическое описание Российской империи к концу XVIII века». Многотомная работа Шторха, вышедшая в Риге в самом конце XVIII в., сохраняет и до настоящего времени значение одного из основных источников по экономической истории России XVIII в.

§ 5. ПЕЧАТНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО ИСТОРИИ XVIII в.

В XVIII столетии появилось значительное количество изданий по истории этого века. Крупнейшей печатной работой такого характера является многотомный труд «Деяния Петра Великого», составленный Ив. Ив. Голиковым. Сам Голиков говорит о себе, что он только «собиратель воедино дел Петровых». Действительно, в «Деяния» включены самые различные материалы, порой анекдотического характера. Тем не менее труд Голикова представляет собой большую ценность, так как в него вошли многие, исчезнувшие позже источники по истории царствования Петра I.

Некоторый интерес представляет перевод с итальянского книги Катифоро «Житие Петра Великого». Это сочинение было напечатано в 1772 г., но распространялось и во множестве рукописных копий.

Большой исторический интерес представляют собой и такие издания, как «История Российская» В. Н. Татищева, а также напечатанные им тексты Русской Правды и Судебника, хотя названные издания и

посвящены более раннему времени. Татищев снабдил их любопытными примечаниями, в которых касается современных ему событий. К сожалению, эти примечания, как и примечания других историков XVIII в. (Болтина, Крестинина), почти не изучены как исторический источник.

Печатные издания XVIII в. подробно описаны Н. В. Губерти. Среди них имеется и такая книга, как «Описание происхождения дел и сокрушения злодея и самозванца Емельки Пугачева», изданная в 1775 г. «Это сочинение состоит из нелепых басен и небылиц о Пугачеве, с приложением портрета Пугачева вполне фантастического» (Н. В. Губерти), но очень показательна для оценки мероприятий царского правительства, стремившегося очернить восставших.

Своеобразный материал дают различного рода календари XVIII столетия. В них помимо общих календарных сведений сообщается о торжественных днях, «в которые от публичных работ дается свобода», о времени прихода и отхода почты и пр.

Л и т е р а т у р а

- Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом. 1725—1800. Вып. 1—«Чтения ОИДР». Кн. I, III, 1878.
- История русской экономической мысли. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX—XVIII вв. Под ред. А. И. Пашкова. М., 1955 [в этой книге дана и обширная литература].
-

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
XVIII в.

§ 1. СОЧИНЕНИЯ НАЧАЛА XVIII в.

Многочисленные политические сочинения, появившиеся в первой четверти XVIII в., были проявлением той острой идеологической борьбы, которая развернулась вокруг реформ петровского времени и вокруг внешней и внутренней политики правительства. Значительная часть этих сочинений ставила своей целью обоснование и защиту петровских преобразований. Ярким примером этого являются работы Феофана Прокоповича.

Новгородский митрополит, а затем один из руководителей Синода **Феофан Прокопович** был автором многочисленных «слов» и проповедей. Наиболее известными из них являются «торжественная проповедь по случаю победы при Полтаве», «Слово на день Александра Невского», «Слово о власти и чести царской», «Проповедь при погребении Петра I». Восхваляя победы и успехи России в создании промышленности, Прокопович старался доказать, что они являются результатом реформ и укрепления самодержавной власти царя. Пропаганда петровских преобразований и обоснование самодержавия составляют содержание двух основных работ Прокоповича — «Духовного регламента» и «Правды воли монаршей», написанных им по поручению Петра I и изданных в качестве законодательных документов. В «Духовном регламенте» обосновывается упразднение патриаршества, учреждение Синода и подчинение церкви светской власти. «Правда воли монаршей» написана для разъяснения петровского указа

о престолонаследии. Она является теоретическим обоснованием абсолютизма. При этом Прокопович использует не только религиозные концепции, но и прогрессивные теории того времени: естественное право, теорию «общего блага», договорного происхождения государства и др. Само собой разумеется, что в трактовке Прокоповича эти теории лишались антифеодальной направленности. Сильные рационалистические тенденции сочетались в его работах с системой средневековой религиозной схоластики.

В качестве политических сочинений, отражающих позиции дворянства, интересны проекты Ф. С. Салтыкова. Представитель древнего боярского рода, он изучал за границей кораблестроение. В 1711 г. Салтыков был снова направлен за границу, на этот раз с секретной миссией покупать там различные корабли для России. Салтыков умер за границей в 1715 г. Из-за границы Салтыков прислал два своих сочинения — «Пропозиции» и «Изъявления прибыточныя государству». В этих сочинениях, ссылаясь на опыт европейских стран, в особенности на пример Англии, Салтыков настаивал на необходимости развития в России просвещения, устройства гимназий и академий. «Мы по сему образцу сравниваемся в краткое время во всех свободных науках со всеми лучшими европейскими государствами, а без наук и без добрых рукоделий не может государство стяжать себе умением имение», — писал он. Салтыков предлагал использовать монастыри для устройства библиотек по образцу Оксфордской и Кембриджской, собирая в них как древние рукописи, так и вновь изданные печатные книги.

Выдвигая проекты реформ, Салтыков стоит на дворянских позициях и настаивает на сохранении дворянских привилегий и на обособлении дворян от купечества: «Ежели кто, будучи из простых чинов, придут в богатство, и тем не покупать дворянских стяжательств, сиречь вотчин, понеже сие надлежит дворянам», — утверждает он. Этими же целями продиктовано и его предложение об учреждении в России титулов ландграфов, маркизов, графов, баронов в соответствии с количеством крестьян, принадлежащих дворянам.

Как показывает само название, проект Салтыкова «Изъявления прибыточныя государству» посвящен вопросу об отыскании новых дополнительных источников государственных доходов. Не отличаясь последовательностью в постановке и рассмотрении вопросов, проект говорит о развитии торговли и промышленности, учреждении ярмарок, производстве льна и пеньки, о введении новых отраслей сельского хозяйства и промышленности, перестройке управления Украиной и Прибалтикой, отыскании руд, о звероловстве, содержании нищих и сирот, заведении госпиталей, в которых должны обучаться разным наукам сироты мужского пола, и т. д.

К указанной работе Салтыкова примыкают записки и проекты прибыльщиков петровского времени. Среди них выделяется записка А. А. Курбатова. Крепостной графа Шереметева **Курбатов** в качестве дворецкого сопровождал своего владельца во время его поездки по Европе. В представленной царю записке Курбатов предложил, чтобы все официальные документы, в том числе челобитные, доношения, исковые документы, писались на «орленой», или гербовой, бумаге, за которую государство взимало бы определенную плату. Проект Курбатова был принят в 1699 г., а сам он произведен в «первые прибыльщики государства». Курбатов занимал ряд высоких постов в правительственном аппарате и незадолго до своей смерти в 1721 г. представил проект под названием «Пункты о кабинет-коллегиуме». Курбатов предлагал учредить «кабинет-коллегиум», который должен был быть законодательным учреждением и высшей судебной инстанцией. При «кабинет-коллегиуме» предусматривался особый штат чиновников, посылаемых для ревизии действий губернаторов, воевод, судей и других должностных лиц. «Пункты» Курбатова являются важным источником для изучения административных порядков начала XVIII в.

Обоснованию активной внешней политики России и рассмотрению ряда вопросов международных отношений и международного права посвящено «Рассуждение, какие законные причины его величество Пётр Великий ... к начатию войны против короля Кароля XII

шведского 1700 году имел», написанное вице-канцлером П. П. Шафировым при участии самого Петра. В «Рассуждении» П. П. Шафирова доказывается законность прав России на Балтийское побережье, агрессивность Швеции и миролюбие России, подчеркивается связь между военными победами России и осуществлением реформ, и особенно созданием регулярной армии и флота.

Острая борьба, которая шла в это время по религиозным вопросам, и отношение церкви к петровским реформам нашли отражение в ряде сочинений.

Рязанский митрополит, местоблюститель патриаршего престола С. Яворский в своих проповедях выступал против упразднения патриаршества и учреждения Синода, против передачи хозяйства церковных имений в ведение Монастырского приказа, против действий фискалов в отношении духовенства и в защиту его прав.

Обширное сочинение С. Яворского «Камень веры» было направлено против лютеранства и того своеобразного отражения, которое оно получило в «ереси» лекаря Д. Е. Тверитинова. Выступая против основных идей и положений лютеранства, Яворский противопоставлял ему православие как единственную истинную богооткровенную религию.

Оппозиция церковников нашла отражение и в «тетрадах» старца Авраамия, поданных им Петру I в конце 1696 г. Осуждая поведение самого Петра и его первые мероприятия, Авраамий выдвигал предложения об улучшении и удешевлении административного аппарата, уничтожении взяточничества, поднятии культурного уровня духовенства и др.

Л и т е р а т у р а

Н. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Спб., 1897 [изданы проекты Салтыкова].

История политических учений. Под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. М., 1955.

История русской экономической мысли. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX—XVIII вв. Под ред. А. И. Пашкова. М., 1955. [Две последних книги являются пособием для других параграфов этой главы.]

§ 2. ПОСОШКОВ

Среди публицистов, выражавших интересы купечества, на первое место следует поставить Ивана Тихоновича Посошкова. Сын подмосковного ремесленника-серебряника, он в конце XVII в. поселился в Москве. Вскоре после этого он был привлечен к делу о «тетрадах» Авраамия, поданных Петру I, но благополучно выпутался из него. Посошков был «денежным и водочным» мастером, предпринимал попытки организовать производство серы, красок, игральных карт, занимался всевозможными коммерческими операциями. К концу царствования Петра он уже являлся владельцем небольшой деревни, в которой устроил винокуренный завод. В 1725 г. он был арестован и умер в стенах Тайного приказа.

В 1708 г. Посошков написал сочинение «Зерцало очевидное», направленное против лютеран и раскольников. В 1718—1719 гг. он пишет большую работу «Завещание отеческое». Написанная в форме наставления сыну, эта книга представляет собой яркое обличение недостатков современного ему общества. Обличение прикрито большим налетом церковности и ханжества, но это не мешает читателю увидеть неприглядную картину русского крепостнического общества XVIII в., нарисованную Посошковым. Особенностью «Завещания» является то, что, рисуя недостатки и пороки общества, Посошков противопоставляет им идеальные, с его точки зрения, образы людей, принадлежащих к различным социальным группам.

«Завещание отеческое к сыну своему» состоит из девяти глав и небольшого «предречения». В первых четырех главах излагаются правила общежития. Эта часть «завещания» любопытна прежде всего как источник, рисующий нравы и пороки некоторых общественных кругов начала XVIII в. В интересной главе «О гражданском житии» Посошков как бы рисует сыну различные жизненные пути. Наиболее тяжелой и бесперспективной он считает работу поденщика-земледельца; поэтому он рекомендует браться за нее лишь в самом крайнем случае и указывает, что за такую даже усердную работу награды можно ждать только от бога.

Подобным же образом Посошков рисует жизнь раба, ремесленника, купца, солдата, крестьянина и нищего.

Пожалуй, самой интересной является глава «О приказных порядках», в которой Посошков с большим знанием дела описывает жизнь подьячего и дает яркий конкретный материал о чиновничьих порядках и нравах конца XVII — начала XVIII в. Последние три главы «Завещания» посвящены жизни различных категорий духовенства (белого духовенства, монахов, архиепеев).

Особую ценность имеет сочинение Посошкова «Книга о скудости и богатстве». Попытки опубликования ее Посошковым не только не увенчались успехом, но и, по всей вероятности, были одной из причин его ареста. В XVIII в. книга распространялась лишь в списках. Так, известен список, сделанный для М. В. Ломоносова. Даже в XIX в. попытки издать эту книгу полностью вызвали сопротивление царской цензуры. В посвящении своей книги Петру I Посошков говорит, что он предлагает свое мнение для того, чтобы «елико о собирании казны стараться», чтобы «собранное туне не погибало», «дабы даром ничто нигде не лежало и не погибало». На первый взгляд это может показаться обычными задачами петровских «прибыльщиков». Но в действительности «Книга о скудости и богатстве» представляет собой проект целой системы реформ, касающихся ряда важных сторон жизни русского общества того времени. Осуществление этих реформ должно было, по мысли Посошкова, превратить Россию в независимую, сильную и богатую страну. Однако, выдвигая свой проект реформ, Посошков не предусматривал таких изменений, которые бы разрушили основы крепостнической империи.

«Книга о скудости и богатстве» состоит из девяти глав. Глава 1 посвящена духовенству. Требуя от правительства внимания к духовенству, которое, по его мнению, является «столпом и утверждением всему благочестию», Посошков очень резко о нем отзывается и приводит ряд примеров, основанных на собственных наблюдениях. Он упоминает о священнике, жившем в доме Нарышкиных, который и «татарке против ее задания ответу здравого дать не умел». Он требует

заведения училищ для обучения духовенства, рекомендует обратить внимание и на внешний вид духовенства, с тем чтобы духовные лица «лаптей отнюдь ни в каковых местах не носили».

Глава 2 «О воинских делах» указывает, что войско нужно хорошо содержать. Солдат должен получать исправную амуницию и хорошую пищу, тогда у него не будет побуждений заниматься грабежом. Картина жизни русского солдата, нарисованная Посошковым, малопривлекательна. Он пишет, что «иным солдатам и по десяти алтын на месяц денежного жалования не приходит», что он сам видел, как в Петербурге солдат купил мяса на грош на последней неделе рождественского мясоеда, и говорит: «Хотя бы де для заговенья оскоромиться. И сие не самая ли нужда, что весь мясоед ел сухой хлеб».

Особенно подробно Посошков говорит о «правосудии», которому посвящена 3-я глава. Это, конечно, не случайно. Состояние судебных учреждений возбуждало справедливое недовольство населения, да и самому Посошкову не раз приходилось сталкиваться с приказными порядками и страдать от них. Поэтому он хотя и начинает с того, что «бог правда, правду он и любит», но отнюдь не уверен в возможности добиться правосудия. «Мой ум не постигает сего, како бы прямое правосудие устроить, но елико ми бог дарует, готов написав предложить», — пишет он. Без судебного рассмотрения в тюрьмах гибнет множество людей. Посошков в подтверждение этого положения ссылается на то, что он сам, «кажетца, и не последний человек», по распоряжению князя Д. М. Голицына за просьбу о разрешении на построение винокуренного завода «просидел целую неделю ни за что, кольми же паче коего мизирного посадят, да и забудут. И тако многое множество безвинно сидят и помирают безвременно».

Глава 4 посвящена купечеству. Купеческой торговле Посошков придает особое значение: «А торг дело великое! Купечеством всякое государство богатитца, а без купечества и малое государство быть не может, и того ради под великим охранением блюсти их надлежит и от обид их оберегати». Он считает необходимым обеспечить развитие купеческой инициативы и свободы

торговли, но понимает эту свободу как купеческую монополию на право торговли и устранение конкуренции иностранного купечества. Защищая русское купечество и его интересы, Посошков указывает и на его недостатки, и особенно на постоянные торговые обманы. В связи с этим он предусматривает строгую регламентацию торговли и установление единых цен. Пороком купечества он считает его стремление укрыть доходы от обложения царскими податями и заявляет, что «сей древней купецких людей обычай вельми есть неправ».

Для Посошкова характерно стремление не только к сохранению и обособлению сословий, но и к установлению особой формы одежды для каждого сословия. Предлагая установить для купечества, как и для духовенства, определенную форму одежды, Посошков пишет: «А кто выше своей меры платье себе зделает, и по доношению то платье снять с него и отдать тому, кто о том непристойном платье обличит его».

Глава 5 «О художестве» представляет особый интерес. Рассматривая вопрос о развитии в стране ремесла и промышленности, Посошков развивает меркантилистские теории и требует проведения протекционистской политики. Он указывает на наличие в России благоприятных предпосылок для создания собственной промышленности, собственных фабрик и заводов: «О сем же всячески надлежит потщатися, чтобы завести в Руси делать те дела, кои делаются изюльну и ис пенки». В этой же главе Посошков выдвигает предложения об улучшении положения ремесленников. Рассматривая вопрос об источниках пополнения царской казны, он снова выдвигает предложения о заведении собственных фабрик и заводов и развитии торговли.

Глава 6 «О разбойниках» выдвигает предложения об усилении борьбы с разбойничеством.

В главе 7 рассматривается вопрос о крестьянстве, но это рассмотрение ведется в плане казенной выгоды. Показательно, как Посошков рассматривает причины бедности крестьян: «Крестьянское житие скудно ни от чего иного, токмо от своей их лености, а потом от неразматривания правителей и от помещичья насилия и от небрежения их». Не являясь сторонником освобождения крестьян от крепостной неволи, Посошков,

однако, считал необходимым регламентацию крестьянских повинностей в пользу помещиков: «А о крестьянах, мнитца мне, лутче так учинить: егда кой крестьянин пожиток свой сполна помещику своему заплатит, то уже бы никакой помещик сверх уреченного числа ни малого чего не требовал с него и ничем бы таковых не теснил».

Глава 8 посвящена вопросу о размежевании земель, а глава 9 — «О царском интересе» — развивает положения 5-й главы.

Как видно из содержания, «Книга о скудости и богатстве» является одним из самых важных и интересных источников для изучения общественно-политической и экономической мысли начала XVIII в.

Л и т е р а т у р а

И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. Редакция, вступительные статьи и примечания Б. Б. Кафенгауза. М., 1937.
Б. Б. Кафенгауз, И. Т. Посошков. Жизнь и деятельность. Изд. 2. М., 1951.

§ 3. СОЧИНЕНИЯ ВОЛЫНСКОГО И ТАТИЩЕВА

Наиболее важные сочинения второй четверти века связаны с именами А. П. Волынского и В. Н. Татищева.

Астраханский губернатор, а затем один из министров в правительстве Анны Иоанновны А. П. Волынский являлся автором «Мнения», представленного им императрице, «Инструкции дворецкому» и ряда проектов записок. В них он выступает как сторонник абсолютизма. Источник могущества и богатства страны Волынский видит в сельском хозяйстве, а не в развитии промышленности, которой он не придавал особого значения. В связи с этим он уделяет большое внимание торговле, обеспечивающей сбыт сельскохозяйственных продуктов и являющейся одним из важнейших источников доходов казны. Основу развития сельского хозяйства Волынский видит в установлении неограниченной власти помещика над крепостным крестьянством, «склонным к пьянству и безделию».

Другую точку зрения выражают многочисленные сочинения В. Н. Татищева. Признавая большое значение сельского хозяйства, Татищев отводит первое место развитию промышленности и торговле. Он предлагает правительству ряд мер, которые должны обеспечить развитие промышленности: протекционизм, внедрение технических усовершенствований, создание школ для подготовки специалистов, обеспечение системы купеческого кредита. Особое значение Татищев придавал распространению светского просвещения и развитию науки. В специальном сочинении «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» Татищев выступает как сторонник гражданского образования. Считая, что религия мешает развитию науки, он призывает к созданию системы школ и академий, рассчитанных на обучение детей разных сословий. Одновременно с этим Татищев стремился теоретически обосновать необходимость крепостного права и самодержавного строя. Политические и социально-экономические сочинения Татищева в своем огромном большинстве остались в XVIII в. неопубликованными и увидели свет только в XIX и XX вв. Они являются одним из наиболее важных источников для изучения позиций русского дворянства и истории развития русской общественно-политической мысли, которая сделала в работах Татищева значительный шаг вперед по сравнению с петровским временем.

§ 4. НАКАЗ ЕКАТЕРИНЫ II И СОЧИНЕНИЯ КН. ЩЕРБАТОВА

Крупный исторический интерес имеет наказ Екатерины II, «данный Комиссии по сочинению проекта нового Уложения». Наказ был издан в XVIII в. несколько раз. Первое его издание на русском языке было выпущено в Москве в 1767 г. Оно состоит из 20 глав. В том же году вышло другое издание на русском и немецком языках.

Наказ Екатерины II представляет собой изложение ее взглядов на государственные порядки. Прогрессивные с первого взгляда замечания императрицы на деле приправлены большой дозой лицемерия, так как она

сама придерживалась крепостнических методов правления.

Наиболее яркие политические сочинения второй половины века, выражающие идеологию реакционной части дворянства, принадлежат князю Михаилу Михайловичу Щербатову. Требования о сохранении и расширении прав и привилегий дворянства, о дальнейшем распространении крепостничества составляют лейтмотив всех его выступлений в «Комиссии по составлению нового Уложения». В «Примечаниях верного сына отечества на дворянские права на манифест», в «Замечаниях» на «Наказ» Екатерины II и в других своих сочинениях Щербатов подвергает резкой критике Жалованную грамоту дворянству, екатерининский «Наказ» и политику правительства Екатерины, так как даже эти меры в поддержку дворянства кажутся ему недостаточными. Выступая с апологетикой крепостничества, Щербатов в работе «Размышление о неудобствах в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственной имений» возражает против какого-либо смягчения или ограничения крепостного права и утверждает, что даже всякие разговоры об этом вредны, так как они неминуемо приведут к усилению крестьянских бунтов. В других сочинениях он выдвигает предложения о создании военных поселений, о передаче дворянам бывших монастырских имений и др.

Свои политические идеалы Щербатов наиболее полно выразил в утопическом сочинении «Путешествие в землю Офирскую», нарисовав вымышленное, основанное на строгой сословности государство, в котором дворянство или, точнее, его родовитая часть безраздельно господствует как в экономике, так и в управлении страной.

Огромный интерес для историка представляет сочинение Щербатова «О повреждении нравов в России». Вначале Щербатов рисует быт и нравы в России до Петра I, когда якобы «почти всякой по состоянию своему без нужды мог своими доходами проживать и иметь все нужное, не простирая к лучшему своего желания, ибо лучшее никто и не знал». Далее описывается «нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром

Беликим». Во второй части сочинения Щербатов дает яркие и, как правило, резко отрицательные характеристики политическим деятелям второй половины века. С особым раздражением и нескрываемым недоброжелательством пишет Щербатов о Екатерине II и ее фаворитах: «Дружба чистая никогда не вселялась в сердце ее, и она готова лучшего своего друга и слугу предать в угодность любовника своего. Не имеет она материнских чувств к сыну своему и обо всех за правило в себе имеет ласкать безмерно и уважать человека, пока в нем нужда состоит, а потом по пословице своей выжатый лимон кидать». «Повреждение нравов в России» является неоценимым источником для изучения быта дворянства, придворной жизни и нравов, царивших при дворе Екатерины II. Большая часть политических сочинений Щербатова была опубликована лишь много десятилетий спустя после его смерти, а до этого распространялась лишь в списках.

Л и т е р а т у р а

Сочинения кн. М. М. Щербатова. Т. 1. Спб., 1896; т. 2. Спб., 1898.

§ 5. СОЧИНЕНИЯ ДЕСНИЦКОГО И ПОЛЕНОВА

Наряду с политическими сочинениями идеологов дворянства во второй половине века резко возрастает количество сочинений, отражающих прогрессивные идеи, требовавшие ограничения и смягчения крепостного права.

Значительный интерес представляют политические сочинения С. Е. Десницкого, профессора права Московского университета, представляющие собой речи, которые он произносил на университетских праздниках. В этих речах Десницкий ставит вопросы о происхождении семьи и государства, связывая возникновение государства с развитием имущественного неравенства и частной собственности. «Превосходное богатство есть первый источник всех достоинств, чинов и преимуществ над другими. Превосходное богатство також действительное есть начало и основание всех чиновположений и оно

разделения властей, которые столько ныне вошли в употребление во всех государствах», — писал Десницкий. Именно с помощью «превосходного богатства» начальники варварских народов «делаются повелителями над своими согражданами и удерживают свое достоинство и власть над всеми». Но так было не только в прошлом. «Единственно також посредством превосходного богатства и в нынешних народных правлениях правительствующие удерживают свое достоинство, величество и власть, соединенные с уважением и всеподданнейшим повиновением». Особенно подчеркивал Десницкий значение собственности на землю и утверждал, что между феодальным землевладением на Западе и в России нет принципиальной разницы.

Большой интерес для историка имеет «Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи», поданное Десницким в Комиссию для составления нового Уложения. Оно является, по сути дела, проектом превращения самодержавной России в конституционную монархию буржуазного типа.

«Представление» состоит из четырех разделов и имеет четыре приложения. Первый раздел рассматривает вопрос о законодательной власти. Ею, по проекту Десницкого, должны пользоваться монарх и выборный Сенат, состоящий из 600—800 депутатов. Выборы в Сенат должны были происходить на основе имущественного ценза, и все депутаты, независимо от их сословной принадлежности, должны пользоваться одинаковыми правами.

Раздел второй «Судительная власть» предусматривал отделение судебных учреждений от административных, независимость и несменяемость судей, публичность и гласность суда, введение адвокатуры и присяжных заседателей, абсолютное равенство перед законом всех граждан, независимо от их сословной принадлежности, уничтожение всех привилегий дворянства в отношении наказаний.

Третий раздел, посвященный организации административной власти, интересен предложениями о создании специального суда, который должен был рассматривать жалобы на действия воевод и ограждать население

от их произвола. Раздел четвертый «Гражданская власть» выдвигает проект организации власти в городе, которая фактически передается верхушке купечества. Из приложений наиболее интересно первое — «О нижнем роде», где Десницкий говорит о мерах, направленных на ограничение крепостного права и «прекращение некоторых злоупотреблений в рассуждении крестьянства».

Защиту крестьян от «наглостей их помещиков, которые их без всякой пощады и милосердия мучат, отнимая все то, что им в глаза попадает, и через то приводят в несказанную бедность, от которой они никогда не в состоянии избавиться», имело своей целью и сочинение А. Я. Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России». Это сочинение Поленов подал в 1768 г. на конкурс, организованный Вольным экономическим обществом на тему: «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности землю или токмо движимое имущество, и сколь далеко его права на то или другое простираться должны?»

В своем сочинении Поленов показал ужасное положение русских крестьян под властью помещиков, экономическую невыгодность крепостного труда и разлагающее влияние крепостничества на крестьянство, вред и опасность «рабства» для государства. Тем не менее он не выдвигал предложения об уничтожении крепостного права и ограничился требованием о предоставлении крестьянам собственности на движимое имущество, о строгой регламентации крестьянских повинностей и ограничении барщины одним днем в неделю, о создании в деревнях школ и больниц, а также об учреждении судов, которые должны были разбирать споры между помещиками и крестьянами. Сочинение Поленова оказалось неприемлемым для аристократов, возглавлявших Вольное экономическое общество, и ему было велено «немедленно оное переделать». Поленов был вынужден выполнить это требование. Так возникли две редакции его сочинения, очень сильно отличающиеся друг от друга. Но и в исправленном виде сочинение Поленова не было напечатано.

В архиве Вольного экономического общества сохранились и другие неопубликованные работы на эту

тому. Опубликованные же работы доказывали «несвоевременность и вредность» освобождения крестьян.

Л и т е р а т у р а

В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX века. Т. 1. Спб., 1888.

М. Т. Беляеский. Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766—1768 годах.—«Археографический Ежегодник за 1958 год». М., 1960.

§ 6. РАДИЩЕВ

Наиболее выдающимся политическим писателем XVIII в., оказавшим огромное влияние на последующие поколения и в то же время оставившим правдивое и яркое изображение крепостной России, был Александр Николаевич Радищев. В своих статьях («О самодержавстве», «Письмо другу, жительствоющему в Тобольске», «Беседа о том, что есть сын отечества») он называет самодержавие «наипротивнейшим человеческому естеству состоянием». Радищев считает, что не было и не будет в истории монархов, которые добровольно откажутся от власти, и утверждает, что истинным патриотом является только тот, кто борется за освобождение народа и не жалеет своей жизни для достижения этой цели.

Главным произведением Радищева является его знаменитая книга «Путешествие из Петербурга в Москву», изданная им в домашней типографии в 1790 г. Выход в свет этой книги вызвал негодование придворных кругов и Екатерины II, тем более что ее появление произошло в период разворачивания революционных событий во Франции, к которым царское правительство относилось крайне враждебно. Екатерина сама прочла книгу Радищева и написала большие и злобные замечания на нее, в которых называла Радищева «бунтовщиком хуже Пугачева». По ее приказу Радищев был арестован и передан в Тайную канцелярию, где следствие вел известный Пешковский. Приговоренный к смертной казни, Радищев был «помилован» Екатериной, которая заменила смертную казнь ссылкой на 10 лет в Сибирь, в Илимский острог. Документы про-

цесса Радищева имеют большое значение для изучения политики Екатерины II и истории возникновения революционной идеологии в России.

Позже, при Павле I, Радищев был переведен из Сибири в деревню Немцово Калужской губернии и лишь в начале XIX в. освобожден и привлечен для работы в комиссии по составлению законов. Эта работа навлекла на него новые преследования; 12 сентября 1802 г. Радищев покончил жизнь самоубийством.

Радищев взял эпиграфом к своей книге то место поэмы Тредьяковского «Телемахида», где описываются мучения порочных людей в загробном мире: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй». Этим чудищем для Радищева было крепостничество со всеми его порождениями. Избрав форму путевых очерков, озаглавленных названиями почтовых станций, Радищев показал все стороны русской крепостнической действительности того времени. В состав «Путешествия» он включил и два других своих произведения: известную оду «Вольность» (здесь она приведена не полностью) и «Слово о Ломоносове». Политическое значение книги Радищева огромно. В. И. Ленин назвал Радищева первым в числе тех людей, которых выдвинул русский народ на борьбу против самодержавия и крепостничества.

Книга написана в виде путевых очерков; каждая глава обозначена названием почтовой станции на дороге из Петербурга в Москву, где останавливался Радищев (София, Тосна, Любань и другие). Радищев записывает мелкие детали, типичные для XVIII в., о переговорах с ямщиком, о плохих дорогах, о ночлегах и т. д. Но не это составляет главное содержание его книги, а глубокое возмущение бездушием и бесчеловечием царских порядков.

В главе под названием «Зайцево» рассказывается о некоем коллежском асессоре, который был человеком «низкого состояния», но добился знатности, и это вскружило ему голову: «Он себя почел наивысшего чина, крестьян почитал скотами». Радищев рассказывает о бесчинствах помещика и его сыновей, совершаемых над крестьянами. И в других главах Путешествия перед нами рисуются карти-

ны тяжкого положения крепостных крестьян, потому что «крестьянин в законе мертв».

Сочинения Радищева — замечательный исторический источник для изучения общественного строя царской России XVIII в. и в то же время памятник высокой человеческой мысли.

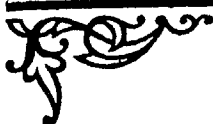
Л и т е р а т у р а

А. Н. Радищев. Полн. собр. соч. Т. 1. М.—Л., 1938.

История политических учений. Под ред. Ю. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. М., 1955, стр. 314—323.

История русской экономической мысли. Под ред. А. И. Пашкова. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX—XVIII вв. М., 1955, стр. 606—699.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

§ 1. ГАЗЕТЫ

В связи с теми крупными изменениями, которые происходили в социально-экономической и политической жизни страны начала XVIII в. в России, в ней возникает периодическая печать, являющаяся важным историческим источником.

Первая русская газета «Ведомости» начала издаваться по прямому указанию Петра I с декабря 1702 г. Издание информационной по своему содержанию газеты имело своей целью обоснование внутренней и внешней политики, проводимой правительством. Не случайно сам Петр I, особенно в первые годы существования газеты, уделял ей большое внимание, следил за ее содержанием, давал указания о помещении тех или иных материалов и т. д. Центральное место в петровских Ведомостях занимали материалы, связанные с Северной войной. В них печатались репортажи о ходе военных действий и сражений, письма и распоряжения Петра I, донесения его соратников, отклики иностранной прессы на эти события, сообщения о действиях других государств. Так, в 11 и 12-м номерах за 1709 г. было помещено большое письмо Петра I о Полтавской битве, в номере 3 за 1711 г. — о Прутском походе и т. д.

Наряду с этим Ведомости уделяли большое внимание материалам, связанным с развитием русской промышленности и торговли. Они сообщали о строительстве новых фабрик и заводов, о строительстве флота и спуске кораблей, о прибытии в русские порты иностранных кораблей и развитии внешней торговли, об открытии полезных ископаемых. Материалы подби-

рались и сообщались так, что из них удалялось все, что могло изобразить положение России в невыгодном свете.

Как пример сообщений Ведомостей можно привести любопытную информацию о прибытии в только что основанную новую столицу России первого иностранного торгового корабля. 15 декабря 1703 г. Ведомости сообщали: «В ноябре месяце пришел к Санктпитебурху карабль галанской с товары, с питьями и с солью, на котором был шкипер и несколько матросов, и тот карабль по повелению господина губернатора принят по обыкновению, и за приход подарено вышеупомянутому шкиперу за столом в дому его губернаторском пятьсот золотых, а матросам, кои с ним были, по тридцати ефимков коемуждо».

Естественно, что газета, являвшаяся сама свидетельством сдвигов в области культуры, помещала материалы и сообщения о строительстве школ, изданиях книг, составлении географических карт, создании кунсткамеры. Гораздо беднее сообщаются сведения о классовой борьбе, только скупо говорится о Булавинском и Астраханском восстаниях, о массовом бегстве рекрутов и их наказании. Эти события освещаются с официальных, дворянских позиций.

Кроме того, газета отводила много места всевозможным официальным материалам: указам, сообщениям о событиях придворной жизни (приемах, празднествах, ассамблеях, наградах).

До 1710 г. Ведомости печатались старым церковнославянским шрифтом, а с 1710 г. — гражданским. Лишь отдельные номера с наиболее важными сообщениями печатались двумя шрифтами. В 1727 г. издание Ведомостей прекратилось.

Непосредственным продолжением Ведомостей, как по содержанию, так и по их характеру официального издания, явились «Санкт-Петербургские ведомости», которые начала издавать Академия наук с 1728 г. Особенностью газеты было то, что она сохранила характер информационного издания, статей в подлинном смысле этого слова она не печатала. Основными отделами газеты являлись внешнеполитический, в котором перепечатывались сообщения иностранных газет о собы-

тиях за рубежом, и официальный, заполненный указами, сведениями о награждениях орденами и чинами, о придворных праздниках, приемах.

Своеобразный и интересный для историка материал представляют всевозможные объявления, которые занимали в газете много места и часто выделялись в специальные «Прибавления», значительно превышавшие размеры газеты. Объявления сообщали о продаже имений, крепостных, о выходе книг, о вексельном курсе, подрядах, торгах и других событиях. В целом же отдел о внутренней жизни России оставался в «Санкт-Петербургских ведомостях» наиболее бледным.

В этом отношении от них выгодно отличались «Московские ведомости», издававшиеся с 1756 г. Московским университетом. Официальные сообщения занимали в них сравнительно немного места. Зато материал о культурной жизни в России и за границей был богаче, чем в «Петербургских ведомостях». Подбор и содержание материала говорят о наличии в «Московских ведомостях» некоторой «просветительной» линии. С особой силой эта линия выступает в 1779—1789 гг., когда ее редактором-издателем сделался Н. И. Новиков.

При Новикове значительно расширяется внешнеполитический отдел и центральное место в нем отводится освещению событий, связанных с борьбой английских колоний Америки за независимость. Одним из наиболее интересных и важных отделов газеты становится отдел «Провинциальная жизнь». Не случайно конференция Академии наук выписывала «Московские ведомости», так как они «чрезвычайно интересны своими внутренними известиями». Подбор и содержание материалов газеты во время редакторства Новикова (об американской борьбе за независимость, о парламентских дебатах в Англии, о состоянии торговли в странах Европы и пр.) выглядели как прямое противопоставление крепостнической действительности и были своего рода пропагандой буржуазного строя.

Ориентация газеты на демократические круги читателей, богатство и разнообразие помещаемого в ней материала привели к тому, что тираж газеты резко вырос — с 600 до 4 тысяч 500 экземпляров. После отстранения Новикова от издания газеты «Московские ведомо-

сти» делаются бледнее и разница между ними и «Санкт-Петербургскими ведомостями» постепенно стирается.

§ 2. ЖУРНАЛЫ

Если газет в России в XVIII в. было только две, то число журналов составляло несколько десятков. В отличие от газет они издавались главным образом частными лицами или научными и литературными обществами. Большая часть из них существовала очень короткий срок: один-два года, а иногда и того меньше.

Так как нет возможности охарактеризовать все журналы, да в этом нет и необходимости, то ограничимся характеристикой наиболее важных из них. Таковы «Труды Вольного экономического общества», «Ежемесячные сочинения», издававшиеся Академией наук по предложению Ломоносова (1755—1764 гг.), журналы Болотова «Сельский житель» (1778—1779 гг.) и «Экономический магазин» (1780—1789 гг.). Эти журналы содержат большой и ценный материал о состоянии сельского хозяйства России, об орудиях труда, севооборотах, урожайности, агротехнических опытах, размерах барщины, оброка и других крестьянских повинностей, о крестьянских промыслах, попытках рационализации помещичьего хозяйства. Статьи в этих журналах важны и для характеристики направления и уровня развития русской экономической мысли того времени.

Научные и научно-популярные журналы Академии наук (названия их несколько раз менялись: «Комментарии», «Новые комментарии», «Труды», «Новые труды», «Академические известия» и др.), Российской академии, Вольного Российского собрания при Московском университете являются важными источниками для изучения истории русской науки и культуры. В этих изданиях печатались научные исследования ученых по всем отраслям науки, а также исторические и литературные памятники, относящиеся к истории России XIV—XVII вв.

Л и т е р а т у р а

Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959.

§ 3. САТИРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ

Большую часть журналов XVIII в. составляют литературные журналы, выходившие в Москве и Петербурге. В конце века возникают первые журналы в провинции, в Тобольске, в Пошехонье, но усиление реакции в России в конце XVIII в. приводит к их закрытию.

Наибольшую ценность имеют для историка сатирические журналы: Н. И. Новикова — «Трутенъ» (1769—1770 гг.) и «Живописецъ» (1772—1773 гг.), Ф. Эмина — «Адская почта» (1769 г.), И. А. Крылова — «Почта духов» (1789 г.) и «Зритель» (1792 г.).

Несмотря на сатирически заостренную форму изложения, журналы в сущности дают яркую и реальную картину крепостнической действительности того времени. Сатирические журналы подвергали резкой критике социальный строй России, показывали продажность, казнокрадство и произвол, царившие в царских учреждениях, разоблачали реакционный характер политики Екатерины II, выступали против основ крепостнической морали. Показывая тяжелое и несправное положение крепостного крестьянства, они требовали ограничения, смягчения и постепенного уничтожения крепостного права. Сатирические журналы имеют первостепенное значение как источник для изучения формирования в России антикрепостнической и антимонархической мысли и выяснения ее сильных и слабых сторон.

Особенно важны в этом плане знаменитый «Отрывок из путешествия» (в страну, скрытую под инициалами), являющийся как бы прообразом радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву»; «Копии с отписок» и «Копия с помещичьего указа», ряд писем из крыловской «Почты духов» и его «Похвальная речь в память моему дедушке».

Как уже говорилось выше, большинство журналов существовало лишь в течение не более двух лет. Прекращение издания передовых журналов вызывалось цензурными и иными репрессиями. Некоторые же авторы, например Д. И. Фонвизин, не получили разрешения на издание своего журнала, и его «Стародум» распространялся в рукописном виде.

При пользовании сатирическими журналами как историческими источниками необходимо иметь в виду, что их авторы и издатели не имели возможности говорить с читателями откровенно по всем вопросам и не могли сказать все то, что они хотели. В журналах этого времени начинается применение литературного приема, который получил название эзоповского языка. С особым мастерством и блеском пользовался эзоповским языком И. А. Крылов. Только благодаря этому в условиях крайней реакции и всевозможных репрессий конца XVIII в. он мог выступать со своими антикрепостническими и антимонархическими произведениями.

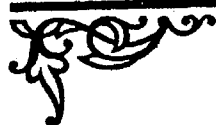
Для изучения консервативного направления общественно-политической мысли источниками являются «Всякая всячина» (1769), издававшаяся Екатериной II, и масонские журналы, выходившие в последней четверти XVIII в. Консервативными общественно-политическими идеями проникнуты и журналы Н. М. Карамзина, издававшиеся в конце XVIII в.

Хотя пресса XVIII в. представляла собой ценный исторический источник, она изучена весьма недостаточно, да и то лишь в плане истории литературы.

Л и т е р а т у р а

Русская периодическая печать (1702—1894). Справочник. Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепанова. М., 1959.

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

§ 1. ОСОБЕННОСТИ
МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В XVIII в. получает большое развитие мемуарная литература — различного рода дневники, записки и воспоминания. Отличительной особенностью мемуарной литературы является ее субъективность, которая резко бросается в глаза при сравнении рассказов различных авторов об одном и том же событии. В этом смысле интересны мемуары о перевороте 1762 г., в результате которого Петр III был свергнут с престола. Екатерина II — главное действующее лицо в перевороте — описывает его в несколько туманных выражениях. Она готова объяснить переворот случайными обстоятельствами. Другой участник переворота 1762 г., княгиня Дашкова, впоследствии рассорившаяся с Екатериной II, описывает события таким образом, что читатель невольно должен прийти к мысли о крупнейшей роли, какую в перевороте играла сама Дашкова. Иную оценку событий найдем в записках Державина, ювелира Позье и других свидетелей или участников событий 1762 г.

Субъективизм мемуарной литературы нередко затрудняет исторические оценки. Автор воспоминаний или дневника находится под непосредственным влиянием личных симпатий и антипатий. Поэтому один и тот же деятель в различных записках получает порой совершенно противоположные характеристики. Например, одни современники рисуют Потемкина как типичного самодура, другие говорят о нем как о великом деятеле второй половины XVIII в. Этот субъективизм оценок мемуариста всегда должен приниматься во внимание.

Кроме того, не надо забывать, что многие мемуары писались в расчете на позднейшее опубликование. Так как не обо всем было удобно писать, авторы воспоминаний многое описывали в искаженном виде, а о многом совершенно умалчивали.

В мемуарной литературе можно установить два основных вида: 1) дневники и 2) воспоминания. Наибольшей точностью отличаются дневники, так как они велись изо дня в день. Записи в них делались под непосредственным впечатлением от только что происшедших событий. Однако и в дневниках мы не всегда найдем правдивый и искренний рассказ о случившемся. Многие авторы дневников говорят своего рода эзоповским языком, скрывая под ничего не значащими с виду фразами свое действительное отношение к царствующим особам и их приближенным. Тем не менее дневники всегда отличаются значительно большей точностью по сравнению с воспоминаниями. Лица, пишущие воспоминания (чаще всего на склоне лет), очень многое забывают из того, что происходило раньше.

Некоторые мемуаристы откровенно замечают, что о том или ином событии они рассказывают только по памяти, память же имеет способность изменять автору и видоизменяться под влиянием позднейших событий. Каждый знает, что разговоры, чтение газет и журналов оказывают определенное влияние на читателя. Через некоторое количество лет иногда невозможно отделить впечатление, сложившееся на основании рассказов и различных литературных источников, от непосредственных личных впечатлений. Кроме того, с годами меняются взгляды самого автора воспоминаний. Молодые либералы, например, нередко превращались в ярых консерваторов в старости. Поэтому даже свидетельство очевидца о том или ином событии, заключенное в записках, не всегда является гарантией правильности изложенного. Тем не менее при всей своей субъективности мемуарная литература имеет громадное значение для историка. Она вводит нас в круг общественной жизни и быта. Красочный рассказ о быте дворян XVIII в. представляют, например, знаменитые записки Болотова. Дневник Беркгольца ярче рисует личность Петра I, чем груда архивных материалов.

§ 2. ЗАПИСКИ И ДНЕВНИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Почти все значительные по содержанию воспоминания и дневники XVIII в. были составлены представителями господствующего помещичьего класса, главным образом дворянами. Лишь в конце XVIII в. появляются записки людей из мелкого чиновничьего круга.

К эпохе Петра I относятся записки Желябужского, который принадлежал к кругу московского дворянства средней руки. При царях Петре и Иоанне Желябужский дослужился до окольного. В своих «Дневных записках» он дает краткий обзор событий за 1682—1709 гг.—от смерти царя Федора Алексеевича и до Полтавской битвы включительно. Правление Софьи описано Желябужским очень кратко, однако с привлечением некоторых документов. Более подробным становится рассказ с 1694 г., оставаясь таким вплоть до 1700 г. Эта часть записок Желябужского особенно интересна. Он записал многочисленные случаи казней, расправы и сыска, связанные с заговорами против Петра I. Таково повествование о стрелецком восстании 1698 г. По словам Желябужского, «в Преображенском те стрельцы расспрашиваны порознь... А всех было 20 застенков, и в тех разных застенках были у всякого застенку бояре, и окольные, и думные дворяне». Некоторые заметки ясно указывают на большую осведомленность Желябужского в делах. Например, он пишет, что в 1698 г. пытали Никифора Ширнова из Рыльска «в государственном великом доводном деле, а то дело в Розряду у подъячего Василья Юдина». Желябужский пишет бесстрастным эпическим слогом, перемежая рассказ о казнях чисто бытовыми заметками: «И на тот богоявленев день был дождь, и капли великия, и лужи». Менее интересны записки Желябужского за 1700—1709 гг. Это главным образом краткие заметки о военных действиях против шведов.

Младшим современником Желябужского был Ив. Ив. Неплюев. В 1716 г. он был послан за границу для ученья и, по-видимому, вел краткий дневник своего пребывания в Западной Европе (за 1716—1720 гг.), вошедший в состав его записок. По возвращении на родину

Неплюев должен был выдержать экзамен у самого Петра. В 1748 г. Неплюев сделался начальником Оренбургской экспедиции. Его краткие записки об управлении Оренбургским краем во многом интересны, в особенности рассказ о башкирском восстании Батырши в 1755 г., которое Неплюев подавлял. Неплюев сумел поссорить башкир с казаками и натравить последних на восставших башкир. Царская грамота киргизскому (казахскому) хану жаловала этого феодала «женами, и дочерьми и имением» перебежавших к ним башкирцев. Нападения казахских феодалов вызвали вооруженный отпор со стороны башкир. «Сие происшествие положило таковую вражду между теми народами, что Россия навсегда от согласия их может быть безопасна», — самодовольно утверждает Неплюев. Остальная часть записок Неплюева, доведенная до его смерти в 1773 г., уже менее интересна.

Для истории Украины ценны дневники **Николая Денисовича Ханенко**. Он был участником украинской депутации, посланной просить Разумовского стать гетманом Украины. Ханенко принадлежал к украинской старшине и уже в 1722 г. был в Москве вместе с гетманом Скоропадским.

От второй четверти XVIII в. осталось незначительное количество записок. Однако и для этого времени, непосредственно следовавшего за временем Петра I, мы имеем ряд ценных мемуарных сочинений. К их числу принадлежат записки **Манштейна**. Бестужев-Рюмин называет их «драгоценнейшим» источником, но почему-то относит к запискам иностранцев. **Манштейн** (1711—1757 гг.) был сыном одного из иностранцев, приехавших в Россию при Петре I. «Пробыв большую часть моей жизни в России, — говорит он, — я успел достаточно познакомиться с обычаями этой страны, выучиться русскому языку и быть свидетелем многих необыкновенных событий». Свои записки на французском языке Манштейн начал писать в конце 1740 г. Воспоминания охватывают время с 1727 по 1744 г. Свой рассказ он ведет с царствования Петра II и падения Меншикова, особенно подробно говорится о времени **Анны Ивановны**. Для истории ее царствования, регентства **Бирона** и позже регентства **Анны Леопольдовны** записки

Манштейна являются особенно ценными. Манштейн принимал личное участие в свержении Бирона. Большую часть его записок занимают описания войны с турками в 1735—1739 гг. и шведами в 1741—1743 гг. Значительный интерес представляют также приводимые им биографические сведения о русских деятелях того времени и их характеристики (Меншиков, Долгорукие, Остерман и пр.). Образ правления в России представляется Манштейну деспотическим, но о самом народе и особенно о русских солдатах он отзывается с большой похвалой.

Интереснейшим памятником мемуарной литературы XVIII в. являются записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой (род. в 1714 г.), дочери фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметьева. В начале 1730 г. Наталья Долгорукая вышла замуж за князя Ивана Алексеевича Долгорукого, фаворита Петра II, несмотря на возражения родных, предвидевших скорую опалу Долгоруких. Действительно, новобрачных вскоре после смерти Петра II сослали в Березов, а в 1739 г. Иван Долгорукий был мучительно казнен (колесован). После смерти мужа Долгорукая воспитывала своих детей, а потом постриглась в одном из киевских монастырей (ум. в 1771 г.). Краткие записки Долгорукой написаны в 1767 г. Она вначале рассказывает о своем детстве, о встрече с женихом, обручении и браке. Далее следует рассказ о ссылке в деревню под Касимов, а оттуда в Березов. Записки Долгорукой привлекают задушевностью тона, но отличаются крайним пристрастием. Так, она восхваляет своего мужа («я не постыжусь описать его добродетели, потому что я не лгу»). Между тем Иван Долгорукий был одной из отвратительнейших фигур даже среди фаворитов XVIII в. Ссылка и гонение на фамилию Долгоруких рассматриваются в записках как личная месть Анны Ивановны и ее фаворита Бирона: «Он старался наш род истребить, чтобы его на свете не было, по той злобе, что когда ее (Анну Ивановну) выбирали на престол, то между прочими пунктами написано было, что онаго фаворита... в наше государство не ввозить».

Дополнением к указанным выше сочинениям являются записки графа Эрнста Миниха-сына, которые он

написал во время ссылки. Миних-сын не играл большой политической роли, но был осведомлен в политических делах своего времени. В его записках имеются интересные подробности о дворе Анны Ивановны и времени регентства Анны Леопольдовны. Миних-отец, фельдмаршал, также оставил краткую записку, или очерк, дающий понятие об образе правления в России, на французском языке. Записка была написана Минихом уже в старости (1763 г.), но при всей своей краткости ценна как отзыв современника и крупного политического деятеля. Она начинается с краткого обзора царствования Петра I и кончается 1762 г.

Для истории Украины особенно ценны записки Марковича. Яков Маркович (1696—1770 гг.) принадлежал к украинской старшине и с 18 лет сделался Лубенским полковником. По родству он был связан со Скоропадским и Полуботко. Записки охватывают время за 1716—1767 гг. Круг интересов Марковича очень ограничен, записки обычно кратки, но особый их интерес заключается в том, что Маркович принимал участие в тех событиях, о которых говорит.

Л и т е р а т у р а

- Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709 г. Спб., 1840.
Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). Спб., 1893.
Записки русских людей. Спб., 1841.
Диариуш, или журнал Николая Даниловича Ханенка...—
«Чтения ОИДР». Кн. I, 1858.
Дневные записки Якова Марковича. Ч. 1—2. М., 1859.
Записки Манштейна о России 1727—1744.—«Русская старина»
(приложение). Спб., 1875.
Записки, оставшиеся по смерти княгини Натальи Борисовны
Долгорукой. Спб., 1912.
Записки графа Миниха, сына фельдмаршала, писаны им для
детей своих. Спб., 1817.
Записки фельдмаршала графа Миниха. Спб., 1874.

§ 3. ЗАПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II И КН. ДАШКОВОЙ

Во второй половине XVIII в. мемуарная литература начинает быстро увеличиваться, но по-прежнему ценность отдельных ее произведений неодинакова. На

первом месте по политическому значению стоят записки Екатерины II.

Воспоминания Екатерины II были закончены, по-видимому, уже в конце ее царствования, во всяком случае не ранее 1783 г., так как Екатерина говорит о графе Никите Панине, умершем в марте 1783 г., как о покойнике. Мемуары написаны на французском языке и рассказывают главным образом о юных годах императрицы, бывшей еще цесаревной в царствование Елизаветы Петровны. Екатерина II останавливается как раз там, где историк ждет рассказа об ее царствовании.

Главный герой воспоминаний Екатерины II — ее несчастный муж Петр III. Трудно найти более яркую и в то же время более пристрастную характеристику Петра III, чем в мемуарах Екатерины II. Как известно, супруги никогда друг друга не любили, но к неприязни нелюбимой супруги примешивались еще обстоятельства чисто политического свойства. Петр III стал жертвой переворота, совершенного Екатериной. В воспоминаниях говорится о жизни в летнем дворце при Елизавете Петровне. Любопытны указания на пестроту дворцового уклада жизни: с одной стороны, богатство и пышная обстановка в комнатах, с другой — отсутствие самых простейших удобств и комфорта. В дворцовых покоях постоянно дуло из окон и дверей, уборные находились в безобразном состоянии, и придворные вместо них пользовались цветниками в садах. Екатерина рисует свое положение при дворе, говорит о врагах, которые были приставлены к ней для постоянной слежки. Екатерина тщательно выставляет на первый план свою пресловутую набожность. Она прекрасно учитывала влияние духовенства и с первых же шагов при русском дворе очаровала своих духовных наставников соблюдением всех правил православной церкви. Попутно она передает различные придворные сплетни.

Для характеристики царствования Елизаветы записки Екатерины являются ценнейшим историческим источником. Однако не следует забывать и о субъективности высказываний Екатерины, которая старалась защитить себя от возможных обвинений. Так, она совершенно умалчивает о своих взаимоотношениях

с английским послом, от которого получала субсидии, молчит и о своих любовных авантюрах с придворными. И все-таки некоторые страницы воспоминаний Екатерины II дают яркие картины политической и придворной жизни середины XVIII в.

С воспоминаниями Екатерины II любопытно сравнить записки Екатерины Романовны Дашковой, дочери канцлера Воронцова. Дашкова была очень энергичным и в то же время честолюбивым человеком. Она принимала участие в перевороте 1762 г. на стороне Екатерины II и приписывала себе значительную долю в успехе этого предприятия. Впоследствии между Дашковой и Екатериной II начался разлад. Екатерина поспешила отстранить Дашкову от участия в политических делах. Особенный интерес представляют записки Дашковой для времени Петра III и переворота 1762 г. Воспоминания, относящиеся к продолжению царствования Екатерины II, значительно менее интересны.

Л и т е р а т у р а

Записки императрицы Екатерины Второй. Спб., 1907.

Записки княгини Дашковой, под редакцией и с предисловием Н. Д. Чечулина. Спб., 1907.

§ 4. ЗАПИСКИ БОЛОТОВА

Из всех мемуарных сочинений XVIII в. наиболее обширны и важны знаменитые записки Андрея Тимофеевича Болотова. Он родился в 1738 г., а восемнадцати лет от роду поступил на действительную военную службу сержантом, приняв участие в Семилетней войне. На основании грамоты о вольности российского дворянства, разрешавшей дворянам по их желанию не служить в войсках (1761 г.), Болотов поселился в Тульской губернии в своем поместье и, прожив 96 лет, умер в 1833 г. В 50-летнем возрасте Болотов начал свой труд и писал его около 30 лет, закончив примерно в 1816 г.

Болотов не принадлежал к разряду высшего дворянства и не принимал большого участия в политических событиях, но прекрасно знал быт и общественную

жизнь XVIII в. Он начинает рассказ с истории своих предков и своих детских лет; дальше описывается жизнь в пансионе, где учился Болотов. Немало внимания уделяет автор рассказу о Семилетней войне и о походе в Пруссию; он принимал участие в переправе через реку Прегель и в Цорндорфской битве, решившей исход кампании. Интересны сообщения Болотова о царствовании Петра III, так как Болотов состоял при Корфе, полицмейстере Петербурга, а также о чумном бунте в Москве, о влиянии Пугачевского восстания на население в центральных губерниях, о казни Пугачева. Болотов по своим взглядам целиком стоял на позициях мелкого дворянства, но с некоторыми тенденциями смягчения крепостничества.

Болотов подробно и интересно пишет о мелочах жизни небогатого провинциального дворянина XVIII в. Нередко автор не может скрыть иронии, описывая празднества провинциальных дворян, своих знакомых и приятелей. Склонность к критицизму и легкой иронии заметна на многих страницах записок Болотова.

Л и т е р а т у р а

- А. Болотов. Жизнь и приключения, описанные им для своих потомков. М.—Л., 1930.

§ 5. ЗАПИСКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Денис Иванович Фонвизин, автор «Недоросля» и «Бригадира», написал «Чистосердечные признания в делах моих и помышлениях». Особенно любопытен у Фонвизина рассказ о Московском университете; в котором он учился. Забавны анекдотические описания экзаменов, показывающих уровень знаний и обучения в лучшем из учебных заведений России XVIII в.

Семен Андреевич Порошин, бывший воспитателем цесаревича Павла, записывал изо дня в день все крупные и мелкие события, случавшиеся при дворе. Его дневник дает интересный материал для личной характеристики Павла I. Записки Порошина обнимают период с сентября 1764 по декабрь 1766 г.

Ко второй половине XVIII в. относятся замечательные записки Гавриила Романовича Державина, игравшего заметную роль в политической и несравненно большую в литературной жизни второй половины XVIII в. Державин начал свою карьеру офицером и принимал участие в перевороте 1762 г., хотя никаких выгод от этого не получил. В записках Державина помещены рассказы о начале царствования Екатерины II, очень подробные сообщения о крестьянской войне под предводительством Пугачева, в подавлении которой Державин принимал участие, о службе в провинции и в Петербурге.

В конце царствования Екатерины II в числе ее приближенных были Грибовский и Храповицкий, оставившие любопытные записки. Записки А. М. Грибовского, бывшего креатурой фаворита Платона Зубова, начинаются с 1792 г. Он дает портреты деятелей конца екатерининского царствования (вице-канцлера Остермана, графа Безбородко, графа Моркова, Попова — секретаря Потемкина). Любопытно описание личной жизни Екатерины II. Особый панегирический характер имеет его «Изображение Екатерины II».

Еще интереснее записки Александра Васильевича Храповицкого, охватывающие 1782—1793 гг. Храповицкий записывал отдельные замечания Екатерины II по важным политическим вопросам. Его записки дают большое количество материала для суждения о политике петербургского двора в конце XVIII в. и об отношении Екатерины II к французской буржуазной революции.

Для времени Павла I особенно важны записки Николая Александровича Саблукова. Саблуков не был враждебен Павлу, однако прекрасно чувствовал тягость его царствования для придворных и вообще для всех подданных. Саблуков рассказывает историю высылки его отца, который был директором одного из департаментов. Император приказал выработать на русских фабриках сукно определенного цвета и образца для гвардейских полков. Однако в силу технических причин добиться полностью требуемого цвета было чрезвычайно трудно. Сукно выпустили с некоторым отступлением от предписанных правил. На параде император обратил внимание на цвет мундиров и спросил, кому

было поручено выполнить его приказание? Ответили — Саблукову. Павел I приказал немедленно выслать Саблукова из Петербурга. Тот в это время был тяжело болен, лежал в жару и в бреду, почти без сознания. От генерал-полицмейстера Палена, славившегося беспощадностью в выполнении приказов Павла, явился офицер. Больной Саблуков зимой был посажен в повозку и вывезен из Петербурга в пригородную усадьбу.

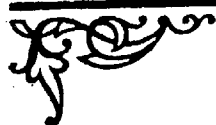
Саблуков рисует картину постоянной тревоги, в которой при Павле жил Петербургский гарнизон. Сборы на парад отнимали громадное количество времени. Совершалась процедура одевания солдат, очень тяжелая для них и требующая большого внимания и сил. На солдата надевали лосины, предварительно размочив их в воде, и оставляли сохнуть на ногах. Потом являлся кауффер (парикмахер) и начиналось причесывание. Сначала на солдатской голове создавалось нечто вроде коры путем посыпания волос мукой, разведенной в воде. Когда кора высыхала, волосы укладывались в прическу, посыпались пудрой и привязывалась косичка.

Офицер, отправляясь на парад, не знал, что с ним будет: вернется ли он домой, будет ли вызван во дворец и пожалован какой-нибудь более высокой должностью или чином или, может быть, отправится с фельдъегерем в места не столь отдаленные. Поэтому каждый брал с собой на парад на всякий случай деньги. Если офицер, которого император приказывал сослать немедленно, не запасася деньгами, то другие офицеры охотно давали ему в долг.

Любопытны мемуары Г. Д. Добрынина, который происходил из духовного сословия и сначала служил при архиерее в Севске, потом — гражданским чиновником в Белоруссии. В трех томах «Истинное повествование, или жизнь Г. Д., им самим написанная» изображается быт духовенства, разночинцев и чиновников в XVIII в. Добрынин ставил своей целью записывать о рядовых происшествиях. Его записки охватывают время с половины XVIII в. до нашествия французов на Витебск в 1812 г. Последняя часть записок написана в 1822 г. Тонкий наблюдатель, обладавший большим природным юмором, Добрынин сообщает много интересного для бытовой истории XVIII в.

Л и т е р а т у р а

- Д. Л. Фонвизин. Собр. соч. Т. 1, 2. М.— Л., 1959 (в них помещены и записки).
- Семена Порошина записки. Спб., 1844.
- Г. Р. Державин. Сочинения. Т. 6. Записки (1743—1812). Спб., 1871.
- Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников (Саблукова и др.). Спб., 1908..
- А. М. Грибовский. Записки об императрице Екатерине Великой. Изд. 2 с дополнениями. М., 1864.
- Памятные записки Храповицкого.—«Чтения ОИДР». Кн. I—II, 1862.
- Истинное повествование или жизнь Гавриила Добрынина... 1752—1823. В трех частях. Спб., 1872.
-

СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О РОССИИ XVIII в.

§ 1. СОЧИНЕНИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Дополнением к русским источникам по истории XVIII в. являются сочинения иностранцев. Впрочем, относительная ценность этого вида источников по сравнению с более ранним временем значительно уменьшается в связи с резким увеличением числа русских источников. Общая достоверность сочинений иностранцев, писавших о России в XVIII в., остается столь же неравномерной, как и раньше. Наряду с ценнейшими работами имеется громадное количество сочинений явно недостоверного характера. Степень исторической достоверности сочинения в данном случае зависит главным образом от личности автора и нередко от степени его осведомленности. Укажем лишь наиболее ценные сочинения иностранцев, чтобы дать основные вехи для знакомства с этими многочисленными и очень пестрыми по своему значению источниками.

Для начала XVIII в. наиболее важны обширные записки Корнелия де Бруина, путешественника и художника. В 1701—1708 гг. де Бруин путешествовал по России. Прибыв в Архангельск, он оттуда проехал в Москву, где пробыл почти год. В 1708 г. де Бруин начал новое большое путешествие: по Москве-реке, Оке и Волге. Он добрался до Астрахани, откуда в товариществе с тремя армянами проехал в Персию, Индию, на Цейлон и Яву. Он вернулся обратно на родину снова через Астрахань, Москву и Архангельск. В 1711 г. им было напечатано «Путешествие через Московию». Де

Бруин лично знал Петра I и писал портреты с него и царского семейства. Он ведет рассказ в порядке своего путешествия. Очень ярко описывает жизнь ненцев («самоедов»), город Архангельск и его торговлю, путь от Архангельска в Москву. Интересны главы о пребывании де Бруина в Москве и в Воронеже.

Другой иностранец, Юст Юль, написал дневник о пребывании датского посольства при русском дворе в 1709—1711 гг. Записи начинаются с апреля 1709 г. Особенный интерес они имеют для истории Прутского похода.

О последних годах правления Петра I рассказано в дневнике Фридриха-Вильгельма Беркгольца, гольштинского дворянина, поступившего на русскую службу и в должности генерал-лейтенанта причисленного к свите гольштинского герцога Карла-Фридриха. Пребывание Беркгольца в России относится к 1721—1725 гг. Позже он служил при дворе в Гольштинии, а потом жил в Германии, находясь в отставке. Беркголец на протяжении четырех лет подробно описывал жизнь в Петербурге. Записи с апреля 1721 по сентябрь 1725 г. велись изо дня в день. Находясь в непосредственном приближении к петербургскому двору, автор был хорошо осведомлен об официальных и придворных делах и лично знаком со всеми выдающимися деятелями конца царствования Петра I. Будучи человеком наблюдательным, Беркголец тщательно описывает бытовые условия петербургской жизни. По точности и подробности изложения дневник Беркгольца выгодно выделяется среди иностранных сочинений о России начала XVIII в., хотя не следует забывать официального положения автора, которое накладывало на дневник свой отпечаток. На первом месте у Беркгольца стоят описания бесконечных пиров, празднеств, подобных торжественной встрече петровского ботика, рассказывается и об ухаживаниях гольштинского герцога за цесаревной Анной. В своих записках Беркголец выступает как аккуратный, но недалекий бытописатель.

Записки другого гольштинского министра, Бассевича, важны для истории Северной войны и дипломатии России при Петре I. Бассевич сообщает ценные подробности об отношении Петра I к Меншикову, царевичу

Алексею и Екатерине II, обнаруживая большую осведомленность.

В сочинении Вебера, прожившего в России шесть лет (с 1714 по 1720 г.) в должности резидента (посланника) Брауншвейга, находим изложение и характеристику петровских реформ. Вебер дает им благоприятную оценку, останавливаясь на причинах, которыми они вызваны. Сочинение носит название «Изменившаяся или реформированная Россия». Первый том записок Вебера касается петровских реформ. Второй том охватывает 1720—1725 гг. и третий — события 1725—1730 гг. Два последних тома были составлены Вебером уже не в качестве очевидца, а по чужим запискам и сообщениям, что несколько снижает их ценность.

Своеобразный характер имеет сочинение Страленберга, шведского офицера, взятого в плен под Полтавой, сосланного в Сибирь и вернувшегося на родину только после Ништадского мира. Страленберг прожил в Сибири 13 лет. Его сочинение — «Север и восточная часть Европы и Азии» — имеет крупное значение для истории Сибири начала XVIII в., как и вообще для времени Петра I.

Весьма любопытна краткая записка «О нынешнем состоянии государственного управления в Московии», написанная в 1710 г. Оттоном Плейером, австрийским поверенным в России. Особенно интересно приложенное к донесению Плейера сообщение о важнейших русских сановниках.

К началу второй четверти XVIII в. относятся весьма достоверные записки герцога (дюка) де Лириа, который был испанским послом при дворе Петра II. Они начинаются с 1727 г., когда герцог был послан ко двору Екатерины I, скончавшейся до его прибытия. Большой интерес записки де Лириа имеют для истории царствования Петра II и воцарения Анны Ивановны. Они обрываются на октябре 1730 г. Де Лириа рисует поведение фаворита Петра II князя Ивана Долгорукого.

Несколько иной характер имеет сочинение Фоккеродта. Это скорее деловой отчет о виденном в России, чем записка. Фоккеродт написал свои записки в 1734 г. Он был секретарем прусского посольства в России.

Давая характеристику России и русских при Петре I, Фоккеродт начинает первую главу характерным заголовком: «Действительно ли прежние русские были так дики и скотоваты, как расславляют о них». Фоккеродт характеризует преобразования, проведенные Петром I в церковных делах, в образе правления, в военном деле, в торговле и промышленности, в одежде русских и т. д. Он исчисляет количество жителей в России в 13—14 миллионов человек.

Л и т е р а т у р а

- Путешествие Корнелия де Бруина через Московию.—«Чтения ОИДР». Кн. I—IV, 1872—1873.
- Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711).—«Чтения ОИДР». Кн. II—III, 1899.
- Дневник камер-юнкера Беркгольца., веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721—1725 год. Перев. И. Аммона. Ч. 1—4. М., 1857—1860.
- Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Бассевича... Перев. И. Ф. Аммона. М., 1866.
- Записки Вебера о Петре Великом и об его преобразованиях.—«Русский архив», 1772. (Первый том записок без приложений.)
- А. Бризнер, Х. Ф. Вебер (Материалы для источниковедения истории Петра Великого).—«Журнал Министерства народного просвещения». Ч. 213, январь — февраль 1881.
- Записки дюка Лирийского... 1727—1730 годов. Перев. Д. Языкова. СПб., 1845.
- Россия при Петре Великом по рукописному известию Иоанна Готтфильфа Фоккеродта и Оттона Плейера. Перев. А. Н. Шемякина.—«Чтения ОИДР». Кн. II. М., 1874.

§ 2. СОЧИНЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Вторая половина XVIII в. представлена большим количеством иностранных сочинений о России. К ним принадлежат записки и воспоминания, исторические сочинения и даже романы и повести. Обзор этих сочинений сделан в работе В. А. Бильбасова («История Екатерины Второй», т. XII). Впрочем, из этих сочинений лишь немногие имеют ценность для истории, большинство же отличается недостоверностью или чересчур явной пристрастностью оценок.

Интересное сочинение о перевороте 1762 г. написал Рюльер. Он был секретарем французского посольства

в Петербурге, где прожил 15 месяцев и имел некоторые личные знакомства в придворных кругах Петербурга, в частности хорошо знал Миниха. К сожалению, он описал «революцию 1762 г.» только спустя шесть лет, когда многое у него изгладилось из памяти. Екатерина II была крайне недовольна появлением труда Рюльера и делала попытки уничтожить его сочинение. Бильбасову представляются особенно ценными сообщения Рюльера о поведении фельдмаршала Миниха, о двух группировках при дворе Екатерины II — Орлова и Дашковой, о поведении Измайловского полка и т. д.

О том же дворцовом перевороте 1762 г. пишет ювелир Позье, непосредственно связанный с императорским двором. Впрочем, во многих случаях Позье допускает значительные ошибки при рассказе о перевороте 1762 г.

Ряд иностранных сочинений посвящен истории военных действий России в XVIII в. Особенно любопытны записки Ресми Ахмеда-эффенди, представителя Турции в Вене и позже в Берлине. Он был уполномоченным Турции при заключении Кучук-Кайнарджийского мира и с 1769 г. писал официальные записки о военных действиях. Ресми Ахмед написал свои «Существенные размышления» в 1776 г. Весь труд состоит из введения и шести глав, рассказывающих о деятельности турецкого правительства и великих визирей. Для истории России особенно интересно добавление к книге, в котором объясняются причины русских побед. Ресми указывает на то, что русские давно уже готовились к войне и не только в Крыму и на Дунае, но и на Кавказе и в Греции (Морее). Русские войска применили новые тактические приемы. Немалую помощь им оказало восстание в Египте.

Той же войне посвящен труд другого турецкого писателя Вассифа-эффенди, который в 1770 г. сопровождал турецкие войска. Он писал «почти все секретные рапорты к султану от великого визиря». Особенно интересны сведения о переговорах турецких и русских уполномоченных в Фокшанах, Бухаресте и Кучук-Кайнарджи. Вассиф правдиво описывает переговоры и замечает следующее: «Грубость характера Османа-

эффенди была главной причиной прекращения совещаний у города Фокшан... Его вызывающий тон с первого же раза восстановил русских уполномоченных, которые спрашивали друг у друга, не имеют ли дело с сумасшедшим». По поводу Кучук-Кайнарджийского мира Вассиф пишет: «Хотя условия этого мира давали все преимущества России, Порта тем не менее была счастлива получить ценою этих уступок спокойствие, в котором она нуждалась». Особенно интересны известия Вассифа о военных действиях — осаде Хотина, плохой интендантской части у турок, внезапности появления русского флота в Эгейском море («невозможно, чтобы русская эскадра могла прийти из Петербурга в Средиземное море») и т. д.

К этому же времени относятся записки барона де Тотта, французского посланника в Константинополе, который оставил труд, важный в особенности для истории Крыма.

Для истории войны со Швецией ценны мемуары графа Стединга (1746—1838 гг.) Они фактически составлены его зятем генералом Бьернштерном, который написал мемуары от имени Стединга, вставив в них письма и другие бумаги умершего. Из них наибольшую ценность имеют материалы по истории русско-шведской войны 1788—1790 гг. При всей ненависти Стединга к русским он вынужден был признать высокие качества русских войск: «Русская пехота — великолепна, никакой солдат в мире, за исключением русского солдата, не выдержал бы терпеливо столько трудов». В другом своем письме он признается, что «финские полки не расположены к войне» против России.

Для истории разделов Речи Посполитой и связанной с этим политики России особенно интересны сочинения, исходящие из лагеря, враждебного политике царизма.

Граф Михаил Огинский (1765—1833 гг.), видный польский деятель, а позже русский сенатор, составил в 1815 г. записки, основанные на более ранних заметках. Он рассказывает о заключении в Амстердаме займа для Польши, а также о встречах с Потемкиным, Зубовым и другими представителями двора Екатерины II. Рассказав о восстании в Вильне (Вильнюсе), Огинский замечает: «12 августа русские вошли в Вильну, и надо

отдать им справедливость, что они не совершили тех преступлений, в которых их обвиняют». Вообще Огинский в отличие от других польских авторов довольно благоприятно относится к русским. Бильбасов так характеризует сочинение Огинского: «Записки в высшей степени интересны и важны. В них встречаются ошибки, но по большей части мелочные; в существенном же верно передаются главнейшие события».

Записки Яна Килинского дают немало сведений о политике России в Польше и о последних годах Речи Посполитой. **Килинский** жил в Варшаве с 1780 г., имел два каменных дома и был выбран в городской магистрат. В 1794 г. он принимал участие в восстании, стоя во главе мещан и ремесленников в качестве полковника. Посланный в Познань, чтобы поднять в ней восстание, Килинский попал в плен к пруссакам, а позже был препровожден в Петербург, где некоторое время содержался в крепости. Его записки любопытны подробностями, нередко помогающими установить топографию восстания. Автор не прочь приписать себе большее влияние на ход событий, чем это было в действительности.

Особый характер имеют записки иностранцев, служивших при русском дворе во второй половине XVIII в. Блестящие по форме и интересные по содержанию записки составил граф **Сегюр**. Он находился в России в 1785—1789 гг. и путешествовал вместе с Екатериной II по Днепру, где был свидетелем «потемкинских деревень». К сожалению, Сегюр писал уже в старости, когда многое успел забыть. В записках Сегюра помещены характеристики многих вельмож при дворе Екатерины II.

Л и т е р а т у р а

- В. А. Бильбасов.* История Екатерины Второй. Т. XII. Спб., Берлин [б. г.] (обзор источников).
Ресми Ахмед-эффенди. Сок достопримечательного. Сенковский. Соч., т. IV. Спб., 1859.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Введение в источниковедение	6
§ 1. Понятие об историческом источнике	—
§ 2. Краткие археографические сведения	9
 <i>Раздел первый</i>	
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СССР С ДРЕВНЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ ДО КОНЦА XIII ВЕКА	
Глава II. Древнейшие источники	17
§ 1. Клинописные надписи Урарту, Боспорские и Парфянские надписи	—
✓ § 2. Геродот и другие греческие авторы (Гип- пократ, Арриан, Диодор)	18
✓ § 3. География Страбона и труды авторов римского времени (Тацит, Плиний, Птолемей, Дион, Кас- сий, Аммиан, Марцеллин)	21
✓ § 4. Иордан	24
✓ § 5. Прокопий и «Стратегикон»	25
§ 6. Моисей Хоренский и другие армянские исто- рики (Корюн, География Ширакуни, Себеос, Гевонд)	26
§ 7. Грузинские исторические произведения	28
§ 8. Согдийские документы и китайские хроники	29
Глава III. Русские летописи	31
§ 1. Письменность в Древней Руси	—
✓ § 2. Повесть временных лет	34
✓ § 3. Источники Повести временных лет	40
§ 4. Начальный свод 1093 г.	47
✓ § 5. Летописные своды XII—XIII вв.	49
✓ § 6. Летописи как исторический источник	54
§ 7. Изучение начальной летописи	57

Глава IV. Русская Правда и древнейшие акты	69
§ 1. Краткая Русская Правда	—
§ 2. Пространная Русская Правда	78
§ 3. Русская Правда как исторический источник	82
§ 4. Пространная Правда в Кормчих и юридических сборниках	85
§ 5. Изучение Русской Правды	87
§ 6. Договоры Руси с греками	96
§ 7. Договоры Новгорода и Смоленска с Готландом и немецкими городами	97
§ 8. Древнейшие грамоты на пергамене и бересте	99
§ 9. Княжеские и церковные уставы	102
Глава V. Литературные произведения XI—XIII вв. как исторический источник.	105
§ 1. Слово о полку Игореве	—
§ 2. Слово и Послание Даниила Заточника	112
§ 3. Поучение Владимира Мономаха	118
§ 4. Слово о гибели Русской земли и Житие Александра Невского	120
§ 5. Печерский Патерик и жития святых	122
§ 6. Церковные поучения, хождения	125
Глава VI. Источники по истории народов СССР в IX—XIII вв.	129
§ 1. Армянские исторические труды (Саркаваг, Мхитар Гош, Вартап, Киракос, Орбелян).	—
§ 2. Грузинские исторические труды (Мровели, Давитисдзе, Башили, Картлис-Цховреба, грамоты)	132
§ 3. «История Агван» (Азербайджана) Моисея Каганкатвацци	135
§ 4. Арабские географические сочинения (Ибн-Хордадбех, ал-Масуди, Ибн-Русте)	136
§ 5. Ибн-Фадлан	138
§ 6. Сочинения по истории Средней Азии и Азербайджана X—XIII вв. (Табари, Наршахи, ан-Несефи, ал-Бируни, Гардизи, Бейхаки, Казвини)	139
§ 7. Западноевропейские источники (Бертинские летописи, скандинавские саги, Титмар, Бруно, Адам Бременский)	142
§ 8. Византийские известия о Восточной Европе (Фотий, житие Георгия Амастридского, житие Стефана Сурожского, Записка готского топарха)	145
§ 9. Константин Багрянородный	146
§ 10. Лев Диакон	148
§ 11. Источники по истории Прибалтики в XII—XIII вв. (Генрих Латвийский, Рифмованная хроника)	149
§ 12. «Сокровенное сказание» о истории монголов	151
§ 13. Источники по истории татаро-монгольских завоеваний (Джувейни, Ибн-Асир, Рашид-ад-дин, Плано Карпини, Рубруквис)	152

Раздел второй
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ
XIV—XVII ВЕКОВ

Глава VII. Актовые материалы по истории России XIV—XV вв.	159
§ 1. Духовные и договорные великих и удельных князей	—
§ 2. Ханские ярлыки	162
§ 3. Договоры Новгорода и Пскова	163
§ 4. Грамоты феодального землевладения	167
§ 5. Судные грамоты (Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, Двинская уставная грамота)	170
Глава VIII. Летописи и сказания XIV—XV вв.	177
§ 1. Новгородские летописи	—
§ 2. Псковские летописи	180
§ 3. Тверские и другие летописи	183
§ 4. Московские летописные своды XV в.	184
✓ § 5. Летописи XIV—XV вв. как исторический источник	189
§ 6. Задонщина и Сказание о Мамаевом побоище	193
§ 7. Сказание о разорении Рязанской земли	196
§ 8. Жития святых XIV—XV вв. как исторический источник	198
✓ § 9. Сочинения иностранцев (Де Ланноа, Барбаро, Контарини)	201
Глава IX. Актовые материалы XVI—XVII вв.	203
§ 1. Краткие сведения об архивных документах XVI—XVII вв.	—
§ 2. Основные виды актов правительственных учреждений XVI—XVII вв.	210
§ 3. Приговорные списки земских соборов	212
§ 4. Таможенные, уставные и жалованные грамоты	215
§ 5. Статейные списки (Посольские книги)	218
§ 6. Следственные дела о восстаниях и выступлениях против царской власти	221
§ 7. Кабальные и заемные записи, поручные, рядные	226
Глава X. Писцовые, таможенные, разрядные и другие книги	229
§ 1. Писцовые и переписные книги	—
§ 2. Приходо-расходные и таможенные книги	236
§ 3. Разрядные и родословные книги	239
✓ Глава XI. Судебники, Стоглав, Соборное уложение	244
§ 1. Судебники	—
§ 2. Стоглав	247
§ 3. Соборное уложение 1649 г.	248

Глава XII. Летописи и другие исторические труды	254
§ 1. Московские летописи XVI в. (Воскресенская, Никоновская, Вологодско-Пермская, Типографская, Софийская вторая)	—
§ 2. Лицевые летописи	257
§ 3. Особенности официального летописания XVI в.	259
§ 4. Пискаревский летописец и местные летописи (Вторая Новгородская, Устюжская)	260
§ 5. История о Казанском царстве (Казанский летописец)	262
§ 6. Степенная книга	266
§ 7. Хронографы	269
§ 8. Новый летописец	271
§ 9. Сибирские летописи (Есиповская, Строгановская, Ремезовская)	274
Глава XIII. Политическая литература и другие сочинения XVI в.	276
§ 1. Сказания о Москве как о третьем Риме (Филофей, Повесть о белом клобуке, Повесть о Вавилонском царстве, Сказание о князьях Владимирских, Сказание о начале Москвы)	—
§ 2. Сочинения Иосифа Волоцкого («Просветитель», послания)	279
§ 3. Иосифлянские, или стяжательские, сочинения (Даниил, Зиновий Отенский)	282
§ 4. Нестяжательские сочинения (Нил Сорский, Вассиан Косой, Беседа валаамских чудотворцев)	283
§ 5. Максим Грек и Еразм-Ермолай	284
§ 6. Сочинения Ивана Пересветова	286
§ 7. Сочинения Андрея Курбского	290
§ 8. Сочинения Ивана Грозного	293
§ 9. Домострой	297
Глава XIV. Сочинения XVII в.	300
§ 1. Сказания о крестьянской войне и интервенции начала XVII в. (Иное сказание, Казанское сказание, Временник дьяка Ивана Тимофеева, Сказание Авраамия Палицына, повесть Хворостинина, повесть Катывева-Ростовского, псковские повести)	—
§ 2. Сочинение Григория Котошихина	307
§ 3. Сочинения Юрия Крижанича	310
§ 4. Жития святых и Четьи-Миней XVI—XVII вв.	312
§ 5. Сочинения Аввакума и других старообрядцев	314
§ 6. Сатирическая литература	316
Глава XV. Описание путешествий в Восточную Европу и в Азию («Сказания иностранцев») XIV—XVII вв.	319
§ 1. Особенности «сказаний иностранцев»	—
§ 2. Трактат Меховского и сочинение Павла Ювия	321

§ 3.	Записки о московских делах Сигизмунда Герберштейна	322
§ 4.	Английские путешественники (Ченслер, Дженкинсон, Горсей)	323
§ 5.	Сочинение Флетчера	324
§ 6.	Сочинения об опричнине (Гваньини, Шлихтинг, Таубе и Крузе, Штаден)	325
§ 7.	Сочинения о крестьянской войне и интервенции начала XVII в. (Маржерет, Буссов, Паэрле, Масса, Петрей)	327
§ 8.	Путешествие Адама Олеария	331
§ 9.	Сочинения второй половины XVII в. (Павел Алеппский, Майерберг, Стрейс, Корб, Гордон, Поммеринг) Литвы	333

Раздел третий

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ, ЛИТВЫ, ПРИБАЛТИКИ, КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ XIV—XVIII ВЕКОВ

<i>Глава XVI.</i>	Актовые материалы и статуты Литовского великого княжества	339
	Краткое введение	—
§ 1.	Литовская метрика	340
§ 2.	Привилеи (жалованные грамоты)	342
§ 3.	Дневники сеймов и сеймиков	344
§ 4.	Книги городских, земских и магистратских судов	345
§ 5.	Уставы на волоки, инвентари и писцовые книги	348
§ 6.	Литовские статуты	349
§ 7.	Источники по истории воссоединения Украины с Россией	351
<i>Глава XVII.</i>	Украинско-белорусские летописи, церковно-полемическая литература	353
§ 1.	Украинские летописи XV—XVI вв. (Густынская, Супрасльская)	—
§ 2.	Белорусско-литовские летописи (краткие, обширные)	355
§ 3.	Баркулабовская летопись	358
§ 4.	Польские исторические труды (Длугош, Стрыйковский, Бельский)	360
§ 5.	Летописи и сказания о воссоединении Украины с Россией (Летопись Самовидца, Хмельницкая летопись, Львовская летопись, Летопись Грабянко, Летопись Величко)	362
§ 6.	Церковно-полемические сочинения (Скарга, Потей, Апокрисис, Палинодия Захария Копыстенского)	365
§ 7.	Сочинения Ивана Вишенского	367
§ 8.	Сочинения иностранцев об Украине, Белоруссии и Литве (Блез де Виженер, Ляссота, Боплан)	369

§ 9. Источники по истории Прибалтики (акты, Новая Рифмованная хроника, Вартберг, Руссов, Ниенштедт)	371
---	-----

Глава XVIII. Источники по истории Закавказья и Средней Азии	374
--	------------

§ 1. Источники по истории Грузии (Хронография, Памятник эриставов, Хроника Месхийской псалтыри, Картлис-Цховреба, Чхеидзе и Орбелиани, Парсадан Горгиджанидзе, География Вахушти, грамоты, Законы Вахтанга, статейные списки)	—
§ 2. Источники по истории Армении (Аракел Даврижеци, Канакерци, акты)	377
§ 3. Источники по истории Азербайджана и Дагестана (Нахчевани, ал-Бакуви, Румлу, Мюнши, Рафи Ширвани)	378
§ 4. Источники по истории Средней Азии (Низам-ад-дин, Шереф-ад-дин, Ибн-Исхак, Мирхонд, Шильбергер, Клавихо, Ибн-Батута, Шейбони-намэ, ал-Бухори, Хондемир, Абуль-Гази, статейные списки)	380

Раздел четвертый

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVIII ВЕКА

Глава XIX. Архивные материалы	387
--	------------

§ 1. Документы Сената, Кабинета и Верховного Тайного Совета	—
§ 2. Документы Коллегий и Магистратов	390
§ 3. Документы провинциальных учреждений и частных архивов	395
§ 4. Документы Тайной канцелярии и следственные дела о восстаниях и выступлениях против царизма	397
— § 5. Документы по истории Левобережной Украины и Прибалтики	402

Глава XX. Важнейшие правительственные акты XVIII в.	405
--	------------

§ 1. Виды правительственных актов	—
§ 2. Регламенты и табели	407
§ 3. Военные и морские уставы	412
§ 4. Учреждение о губерниях	413
§ 5. Жалованные грамоты дворянству и городам	415
§ 6. Трактаты и конвенции	416

Глава XXI. Источники по социально-экономической истории	420
--	------------

§ 1. Материалы ревизий	—
§ 2. Материалы Генерального межевания	424
§ 3. Вотчинная переписка и наказы управителям	428

§ 4. Документы по истории промышленности и торговли	432
§ 5. Наказы в Комиссию по составлению нового Уложения	434
Глава XXII. Географические описания и карты	436
§ 1. Описания путешествий (Камчатская экспедиция, Великая северная экспедиция, Миллер, И. Гмелин, Ломоносов, Паллас, Лепехин, С. Гмелин, Гильденштедт, Радищев, Зуев, Челищев)	—
§ 2. Описание областей и городов	440
§ 3. Атласы и карты	442
§ 4. Печатные издания по экономике XVIII в.	444
§ 5. Печатные издания по истории XVIII в.	445
Глава XXIII. Публицистические сочинения XVIII в.	447
§ 1. Сочинения начала XVIII в. (Феофан Прокопович, Салтыков, Курбатов, Шафиров, Яворский)	—
§ 2. Посошков	451
§ 3. Сочинения Воынского и Татищева	455
§ 4. Наказ Екатерины II и сочинения кн. Щербатова	456
§ 5. Сочинения Десницкого и Поленова	458
§ 6. Радищев	461
✓ Глава XXIV. Газеты и журналы	464
§ 1. Газеты	—
§ 2. Журналы	467
§ 3. Сатирические журналы	468
✓ Глава XXV. Мемуарная литература	470
§ 1. Особенности мемуарной литературы	—
§ 2. Записки и дневники первой половины XVIII в. (Желябужский, Неплюев, Ханенко, Манштейн, Долгорукая, Миних-сын, Миних-отец, Маркович)	472
§ 3. Записки Екатерины II и кн. Дашковой	475
§ 4. Записки Болотова	477
§ 5. Записки второй половины XVIII в. (Фонвизин, Порошин, Державин, Грибовский, Храповицкий, Саблуков, Добрынин)	478
Глава XXVI. Сочинения иностранцев о России XVIII в.	482
§ 1. Сочинения первой половины XVIII в. (де Бруин, Юст Юль, Беркгольц, Бассевич, Вебер, Страденберг, Плейер, де Лириа, Фоккеродт)	—
§ 2. Сочинения второй половины XVIII в. (Рюльер, Позье, Ресми, Вассиф-эффенди, Стединг, Огинский, Килинский)	485

Тихомиров, Михаил Николаевич

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ СССР
Вып. первый. С древнейшего времени до конца
XVIII века. Учебное пособие. М., Соцэкгиз, 1962.
495 с.

901

Редактор *С. Моручков*

Младший редактор *Г. Захарова*

Оформление художника *Б. Шварца*

Художественный редактор *Н. Илларионова*

Технический редактор *Л. Уланова*

Корректоры *Г. Ефимова, О. Шарыгина,*
Ю. Старикова

Сдано в набор 5 февраля 1962 г. Подписано
в печать 4 июня 1962 г. Формат бумаги
84×108¹/₃₂. Бумажных листов 7,75. Печатных
листов 25,4. Учетно-издательских листов 24,46.

Тираж 10 000 экз. А 03285. Заказ 114

Цена 70 коп.

Издательство
социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 Мосгорсовнархоза.
Москва, Трехпрудный пер., 9.